

СПІРАНИЦЬ МИЛБУРНСЬКОГО КЛУБА, 10

The Annals of the Millburn Club, 10
Slava Brodsky (ed.)

2020

**Михаил
Малютов**

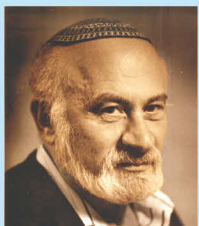
**Игорь
Ефимов**

**Александр
Басков**

**Слава
Бродский**

**Борис
Гулько**

**Святослав
Демин**

**Наталья
Зарембская**

**Дмитрий
Злотский**

**Зиновий
Кане**

**Яна
Кане**

**Мир
Каргеп**

**Илья
Липкович**

**Игорь
Мандель**

**Лазарь
Мармур**

**Зоя
Полевая**

**Юрий
Солодкин**

**Владимир
Шнейдер**

**Аркадий
Шпильский**

**Бен-
Эф**

**СТРАНИЦЫ
МИЛБУРНСКОГО
КЛУБА, 10**

*The Annals of the Millburn Club, 10 (in Russian)
Slava Brodsky (ed.)*

*Под общей редакцией
Славы Бродского*

Manhattan Academia

Страницы Миллбурнского клуба, 10
Слава Бродский, ред.
Анастасия Мандель, рисунок на титульном листе

The Annals of the Millburn Club, 10 (in Russian)
Slava Brodsky (ed.)
Stacy Mandel, drawing on the title page

Manhattan Academia, 2020
www.manhattanacademia.com
mail@manhattanacademia.com
ISBN: 978-1-936581-19-1
Copyright © 2020 by Manhattan Academia

В сборнике представлены произведения членов Миллбурнского литературного клуба. Его авторы – Александр Басков, Слава Бродский, Борис Гулько, Святослав Дёмин, Наталья Зарембская, Дмитрий Злотский, Зиновий Кане, Яна Кане, Мир Каргер, Илья Липкович, Игорь Мандель, Лазарь Мармур, Зоя Полевая, Юрий Солодкин, Владимир Шнейдер, Аркадий Шпильский и Бен-Эф.

This collection features works by members of the Millburn Literary Club: Aleksander Baskov, Slava Brodsky, Sviatoslav Dyomin, Ben-Eph, Boris Gulko, Zinovy Kane, Yana Kane-Esrig, Mir Karger, Ilya Lipkovich, Igor Mandel, Lazar Marmur, Zoya Polevaya, Vladimir Shneider, Arkady Shpilsky, Yuri Solodkin, Natalie Zaremsky, and Dmitry Zlotsky.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА.....	5
МИША МАЛЮТОВ (1941 – 2019).....	10
ИГОРЬ ЕФИМОВ: ФИЛОСОФИЯ СТРАСТЕЙ.....	13
АЛЕКСАНДР БАСКОВ	
СКОРО ОСЕНЬ. ЗА ОКНАМИ СТАРОСТЬ.....	19
СЛАВА БРОДСКИЙ	
С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА.....	44
БОРИС ГУЛЬКО	
ВОПРОС КРОВИ.....	68
СВЯТОСЛАВ ДЁМИН	
МАРК АНАТОЛЬЕВИЧ ЗАХАРОВ.....	73
НАТАЛЬЯ ЗАРЕМБСКАЯ	
ПАСТЕРНАК В 20-Е ГОДЫ. СОБЫТИЯ СТОЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ.....	89
ДМИТРИЙ ЗЛОТСКИЙ	
ПРАВДИВЫЕ ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ ЮРЫ ГЕМАТОМСКОГО. СТИХИ ТОЖЕ ЕГО.....	102
ЗИНОВИЙ КАНЕ	
СТИХОТВОРЕНИЯ.....	109
ЯНА КАНЕ	
КНИГА КНИГОЕДА.....	113
МИР КАРТЕР	
АДОНГ-АДОНГ.....	132
ИЛЬЯ ЛИПКОВИЧ	
ЗАРИСОВКИ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА.....	165
ИГОРЬ МАНДЕЛЬ	
СТАТИСТИЧЕСКАЯ НАУКА В КУЛЬТУРЕ ВИКТИМНОСТИ: ДОСТОИНСТВО И БЕСЧЕСТЬЕ.....	193
ЛАЗАРЬ МАРМУР	
ТРИПТИХ.....	219
ЗОЯ ПОЛЕВАЯ	
СТИХОТВОРЕНИЯ.....	225
ЮРИЙ СОЛОДКИН	
БИБЛЕЙСКИЕ ПОЭМЫ.....	229
ВЛАДИМИР ШНЕЙДЕР	
ВАКАНСИЯ ПОЭТА.....	261
АРКАДИЙ ШПИЛЬСКИЙ	
ГРИПП.....	287
БЕН-ЭФ	
ИЗ-ПОД МАСКИ.....	301

Предисловие редактора

После выпуска сборника 2019 года произошли два печальных события. В декабре минувшего года от тяжелой болезни скончался Миша Малютков. А совсем недавно, в августе, от нас ушел Игорь Ефимов. В этом сборнике мы публикуем два коротких воспоминания: Мира Каргера – о Мише Малюткове и Игоря Манделя – об Игоре Ефимове. И мне тоже хотелось бы сказать несколько слов об этих двух замечательных членах нашего Миллбурнского клуба.

* * *

С Мишей Малютковым мы не были очень уж близкими друзьями. Но так получилось, что наши дороги часто пересекались, иногда – причудливым образом.

Мы оба учились на мехмате Московского университета. Миша был на курс старше меня. Вскоре после окончания университета он уже считался крепким математиком. Решил многомерную краевую задачу Пуанкаре, с которой полвека не мог справиться ни один математик мира. Полагающуюся за такое достижение премию он не получил. Премии тогда давались только тем, кто был на хорошем счету у гэбэшников. А у Миши подобной репутации, как мы должны сейчас понимать, не было.

После защиты диссертации Мишу взял к себе в только что открывшуюся Межфакультетскую лабораторию статистических методов Московского университета А.Н.Колмогоров – один из крупнейших математиков XX века, основоположник теории вероятностей. В лаборатории Миша совмещал научную работу с обязанностями ученого секретаря Колмогорова. Занимался теорией планирования эксперимента. Примерно в то же самое время и я стал работать в этой области. В 64-м Миша был назначен рецензентом одной моей научной статьи. Захотел обсудить ее со мной. Позвонил. Так, в сущности, и началось наше знакомство.

С середины шестидесятых годов планирование эксперимента стараниями В.В.Налимова – заместителя Колмогорова в его лаборатории – превратилось в очень модное направление не только в области приложений, но также и для научных изысканий. И туда хлынул поток исследователей, которые не всегда обладали необходимыми математическими знаниями. Колмогоров видел в Мише человека, который мог бы навести необходимый порядок в этом деле. В какой-то момент Миша обратил внимание на одну нашу шумевшую отечественную книгу, которая пользовалась, как ему показалось, не вполне заслуженной

популярностью. Предложил мне написать на нее совместную рецензию. И вскоре такая рецензия, где были выявлены все математические огрехи книги, была опубликована.

Почти с самого начала работы у Колмогорова внимание Миши привлек широко обсуждавшийся в литературе метод случайного баланса. Он был подвергнут жесткой критике ведущими зарубежными статистиками того времени, но получил одобрение Налимова, который интуитивно видел в методе важные скрытые пружины. Миша приложил много усилий, чтобы добраться до истины и реабилитировать этот метод. Он организовал научный семинар. Позвал меня вести его совместно. И когда я пришел на открытие семинара, то с удивлением обнаружил, что одним из ведущих его участников был Аркадий Дьячков, по случайному совпадению – член моей московской команды по бриджу.

Помогать Мише с семинаром у меня не получилось. Наши направления все-таки различались, хоть и относились к одной и той же научной области. Но наши тропинки шли близко друг от друга. Я был частым гостем в Лаборатории статистических методов. Мы с Мишей были активными участниками семинара Налимова. Моя диссертация прошла апробацию на семинаре у Колмогорова. В 83-м мы с Мишей стали соавторами книги, опубликованной в Главной редакции физико-математической литературы в издательстве «Наука».

Здесь, в Америке, мы продолжали общаться. Как-то созвонились и поняли, что будем в Израиле в одно и то же время в одном и том же месте. Сговорились встретиться. Плавали на прогулочном корабле. И там Миша рассказал мне много интересных историй, так или иначе связанных с мехматом. Я просил его записать их для нашего Миллбурнского литературного сборника. И вообще пригласил участвовать в работе Миллбурнского клуба. Миша откликнулся на мое предложение. Результатом явились несколько его интереснейших докладов на заседаниях клуба и статей в нашем сборнике.

В конце десятых годов Миша вовлек меня в практические исследования по проблеме атрибуции авторства литературных произведений. Эти исследования были основаны на разработанной им методологии сжатия текстов, подсказанной колмогоровской невычисляемой условной сложностью. Мы начали работать. Появились практические результаты, которые вылились в пару заметок и выступлений. В них во всех я играл не более чем второстепенную роль. Но мне было приятно, что я смог оказать Мише какую-то техническую помощь.

Я разговаривал с Мишей по скайпу незадолго до его кончины. Мы оба знали, насколько серьезна его болезнь. Но ни я, ни, как я думаю, он не ожидали такой быстрой развязки. Миша говорил о своих последних работах и планах. О том, что закончил очень важное для него исследование. И прибавил при этом, что эти результаты могут уменьшить

значимость того, что сделал в науке я. Говорил о своей новой книге. Опять и опять рассказывал мне много мехматских забавных и печальных историй. И я, конечно же, напомнил ему про наш сборник. А он пообещал, что обязательно когда-нибудь пришлет мне свои воспоминания.

Знаю, что Миша не все успел доделать в своих последних проектах. Очень жаль. Но того, что он сделал, с лихвой хватило бы на несколько замечательных жизней.

* * *

Об Игоре Ефимове я хочу здесь говорить не как о выдающемся писателе, известном издателе и вдумчивом мыслителе, каким он безусловно был. Мне хочется сказать о том, какие картинки встают у меня перед глазами, когда я начинаю вспоминать о нем.

Мы познакомились с Игорем «заочно» в 2002-м. Я тогда пытался найти место для издания моей первой книги, поэтому и обратился к нему. Игорь задал мне несколько вопросов, в том числе спросил о тираже. И когда я ответил, что хочу напечатать несколько тысяч экземпляров, он написал мне буквально следующее: «Даже тираж 1000 экземпляров Вы не сможете распродать на Западе и за 50 лет». Этот «приговор» был довольно неожиданным для меня. Но немного подумав, я решил довериться мнению известного издателя и опубликовать свою книгу в России.

Тогда, в 2002-м, мы общались только по телефону и по электронной почте. А через 10 лет состоялось наше «очное» знакомство. Игорь Манделъ пригласил Игоря к нам в Миллбурнский клуб. Вот как ответил на это Игорь: «Рад был узнать, что очаги русской культурной жизни не иссякают в Нью-Джерси. Принять участие в заседании клуба в доме у Славы Бродского мне было бы не просто – три часа езды даются уже не так легко, как когда-то. Но во мне живет сильный пропагандистско-просветительский дух, и есть две мои книги, с идеями которых хочется ознакомить как можно больше современников: “Стыдная тайна неравенства” (1999) и “Грядущий Аттила” (2008)». С этого времени Игорь стал активно участвовать в работе клуба. Сделал несколько замечательных докладов. Публиковался в ежегодниках клуба.

В какой-то момент я понял, что в Пенсильвании мы живем не так уж далеко от Ефимовых. Стали гостить друг у друга. Игорь и Марина приезжали к нам в Поконо, мы навещали их. В 2014-м, 31 августа, они праздновали необычный юбилей: 60-летие со дня их первой встречи. Собрали у себя друзей. Многие выступали, читали свои стихи, шуточные и серьезные. Я зачитал поздравления, якобы присланные российскими поэтами. От Манделыштама было такое: "Он живет, под собою не чуж годов, / Сотворив миллион просвещения плодов. / У него, что жена, то Марина, / На столе у него – осетрина".

Мы все сидели на площадке для пикников за столами под большим

навесом. Было шумно, весело. Кажется, это было совсем недавно...

Как-то я подсмотрел, что когда Игорь пристегивал в машине ремни, он нацеплял на них маленькую прищепку, чтобы ремни не сдавливали грудь. Мне это понравилось, и с тех пор я всегда делаю то же самое. И при этом обязательно приговариваю: «Спасибо, Игорь!». Хотя даже не помню, сказал ли я когда-нибудь ему, что несколько лет благодарю его почти каждый день.

У нас с Игорем были общие увлечения. Мы оба любили играть в бридж. Я был очень удивлен, когда узнал об этом. Мне казалось, что литература и издательская деятельность полностью поглощают его внимание и время. Оба мы любили порыбачить. И когда Игорь и Марина навещали нас с Наташей в Поконо, мы всегда отводили какое-то время для рыбалки. Игорь в этом деле был таким же обстоятельным, как и во всем другом. Он привозил с собой удочки, снасти, крючки-червячки и обязательно – раскладной стульчик. Устраивался удобно на нашем небольшом полуострове и пару часов рыбачил. Улов у него всегда был превосходный.

А пару лет назад, когда я в очередной раз позвал их с Мариной приехать к нам порыбачить, он сказал со вздохом: «Нет, Слава. Не сможем. Прыть уже не та...». Помню, я очень огорчился, услышав от него такие слова. И мы поехали к ним. Это был последний раз, когда я виделся с Игорем.

После этого на заседания клуба Ефимовы уже не приезжали. Но как-то я получил от Игоря несколько ящичков книг. Это он решил сделать подарок членам клуба. Там были книги его издательства.

И вот Игоря уже нет с нами. И нам остается теперь только вспоминать его, перечитывать им написанное, переосмысливать им сказанное...

* * *

Теперь мне хотелось бы сказать несколько слов о нынешнем сборнике. В прошлом году мы отмечали пятнадцатилетие нашего клуба – одного из наиболее авторитетных русскоязычных литературных объединений Америки. А в этом году произошло еще одно знаменательное событие: выходит в свет наш десятый ежегодник. И мне очень приятно это отметить. За прошедшие 10 лет в нем приняли участие 40 авторов: Ирина Акс, Александр Басков, Надежда Брагинская, Слава Бродский, Майкл Голдшварц, Анна Голицына, Борис Гулько, Святослав Дёмин, Игорь Ефимов, Наталья Зарембская, Дмитрий Злотский, Петр Ильинский, Рудольф Иоффе, Зиновий Кане, Яна Кане, Мир Каргер, Наум Коржавин, Вячеслав Лейкин, Илья Липкович, Джулиан Лоуэнфельд, Евгений Любин, Юрий Магаршак, Анна Мазурова, Михаил Малютков, Игорь Мандель, Лазарь Мармур, Александр Матлин, Александр Милитарев, Юрий Окунев, Зоя Полевая, Элизер Рабинович, Марина Рачко, Наталья Резник, Владимир Ретах, Раиса Сильвер, Юрий Солодкин, Александр Углов,

Владимир Шнейдер, Аркадий Шпильский, Бен-Эф. Думаю, можно сказать, что уровень публикаций сборника высокий, хотя в нем принимают участие только члены нашего клуба, представляющие в основном небольшой регион штата Нью-Джерси.

Нынешний, десятый ежегодник содержит произведения 17 литераторов. В основном это авторы, знакомые читателю по предыдущим выпускам. Но есть и одно новое имя. Это Святослав Дёмин, давний член нашего клуба, который, однако, до сей поры в сборнике не публиковался.

В этом году злой вирус заставил нас изменить формат клубных встреч. Они все проводятся виртуально. Это, конечно, открывает больше возможностей для участников. Если к нам в дом приходило обычно от 50 до 70 гостей, то виртуальные заседания насчитывают до 100 человек. Однако я получаю много звонков от членов клуба, которые говорят, что очень соскучились по очным встречам и с нетерпением ожидают возвращения к прежнему формату. И я думаю, что уже в следующем году мы сможем опять, как и раньше, собираться у нас, в нашем Миллбурнском доме. Очень на это надеюсь.

В заключение хочу поблагодарить Рашель Миневич за внимательное и неформальное отношение к работе по редактированию нашего сборника.

Слава Бродский
Миллбурн, Нью-Джерси
19 октября 2020 года

Миша Малютов (1941 – 2019)

Я пишу эти строки 21 сентября 2020 года. Сегодня Мише Малютову должно было бы исполниться 79 лет.

Умер он меньше года назад. Он не убывал постепенно, как это бывает со стариками, которые как бы приучают окружающих к своим отлучкам. Он будто был прерван на полуслове звонком телефона и отлучился на минуту. Вот он вернется, и мы продолжим.

Поскольку прямой диалог с Мишей уже невозможен, а старая моя привычка общаться с ним жива, то я хочу вспомнить здесь отголоски нашего с ним прошлого и поговорить о нем с его родственниками и людьми, его знавшими.

Мы подружались в те времена, когда оба работали в Колмогоровской лаборатории в начале 1970-х годов. Подружились на почве... нет, не общих научных интересов: я – геолог, уклонившийся в математику (почему и оказался у Колмогорова), а Миша – чистый математик. Мы подружались на почве меломании и азарта до впечатлений жизни. И до конца остались дружны на этой же почве.

Вспоминаю азартное «размножение» весны 1973 года – он трижды от весны убегал: катался на лыжах в Цахкадзоре перед самым закрытием трассы, потом – то же самое в Парамоново под Москвой, потом – в Хибинах (Кольский полуостров). Я же, наоборот, ту весну трижды встретил – в Баку, в Москве и в тех же Хибинах.

Многие наши коллеги были поначалу столь же азартны. Но спустя какие-то годы они поутихли, их азарт пророс привычкой к курортам. Так и получилось, что из бывших шумных толп лишь Миша остался по-прежнему неумным в смысле познания географий и разнообразия интересов. То же произошло и в моем кругу, где также стало слишком тихо.

Интересно, что неумный Миша вырос из тихого и нелюдимого Миши-школьника. Лев Зарохович, его школьный друг, рассказывает, что в их классе, где доминировали дети из полуподвалов, Миша держался особняком и был высокомерен. Круг его общения составляли домашние (папа-генерал и еврейская мама) и многочисленные частные учителя музыки. «Через музыку» этот замкнутый, погруженный в себя круглый отличник причудливым образом попал в математику. И он раскрылся и стал настоящим Мишей Малютовым, когда поверил в себя – математика.

Не мне судить, насколько крупным математиком он был. На гигантов – А.Н. Колмогорова, В.И. Арнольда, И.М. Гельфанда – он смотрел снизу

вверх. Прочих размещал на шкале математической силы. Ю. А. Розанов, И. Г. Журбенко, Е. В. Чепурин стояли у него далеко слева, а В. Н. Вапника и М. С. Пинскера он называл гениями. Себя он ставил у правого края шкалы, среди *больших*, многие же считают его *выдающимся* математиком.

Миша говорил, что А. Н. Колмогоров приставил его к В. В. Налимову, чтобы Миша разобрался в налимовских идеях планирования эксперимента. Миша разобрался, погрузился, и это направление стало одним из его основных на всю жизнь.

Налимов был необычайно интересен и как натурфилософ, чья философия много чего напиталась из его долгого опыта ГУЛАГовских шарашек. Общение с ним и сотнями людей его круга дало Мише очень много.

Я помню его семинары. Миша выступал в доверительный манере, как бы извиняясь за банальности, которые приходится проговаривать. Запомнилась его жестикауляция кистями рук и мимика: очевидности он произносил с полуулыбкой и серьезнел, стоило затронуть менее очевидный вопрос.

Я не знаю подробностей Мишиных поисков жанра по разным странам в 90-х годах. Этот период он называл временем рабства. Для всех нас, кто тогда жил в России, наступило время краха наших наук. Одну попытку заинтересовать собой ответственных господ на верхних этажах российской медицины он смачно описал в Миллбурнском сборнике 2013 года.

Он обрел почву под ногами, лишь переехав в США и став, наконец, полным профессором. Почти на два десятилетия он стал тем, к чему стремился всю жизнь, – вольным ученым, который сам выбирает свой предмет.

Вот перечень его проектов этого периода, которые меня восхищают:

- Прогноз землетрясений по концентрациям гелия в подземных водах, перекодированным в алфавит, с помощью марковских цепей с переменной памятью.
- Прогноз крупномасштабных движений воздушных масс по метеонаблюдениям с помощью марковских моделей случайного поля.
- Продвижение проекта винтовых турбин, изобретенных проф. Горловым для малых гидроэлектростанций. (Замечу, что А. М. Горлов знаменит тем, что в 1971 г. застучал гэбистов, проникших в дачный домик Солженицына.)
- Наконец, атрибуция авторства литературных произведений с помощью сжатия текстов.

Именно в этом последнем он нашел все то, что нам «греет сердце и наполняет душу»: и хорошую науку; и свежую область, в которой копошатся не шибко грамотные люди; и романтику самой проблемы; и, наконец, художественные открытия. Он погрузился в шекспироведение и вынырнул оттуда с законченной историей истинного Шекспира, которую облек в форму сценария мюзикла и в мечтах видел его поставленным на профессиональной сцене.

Но чем бы Миша ни увлекался, на что бы ни отвлекался, он ни на минуту не переставал быть математиком. Дима, его сын, вспоминает, что отец, бывало, занимаясь детьми, вдруг уходил в себя на несколько секунд, замирал и, так сказать, терял нить. Так прорывалась наружу его непрерывная работа над его задачами.

Несколько слов о меломании. Народные массы меломанов, вроде нас, возликовали, когда благодаря Ютьюбу стала доступной любая музыка в любое время. В каждом нашем разговоре по Скайпу мелькала какая-нибудь музыкальная тема, и мы возносили Ютьюбу осанну. Его музыкальный вкус был развитее моего, и он повлиял на меня: я охладел к Дворжаку и полюбил Шёнберга. Недавно я «открыл» гениальную пианистку середины XX века Клару Хаскил и поймал себя на том, что «надо позвонить Мише».

Мы разговаривали с ним по Скайпу за неделю-полторы до его кончины. Все его мысли были о книге, которая была задумана им как концентратор его результатов последнего времени и красиво названа "*Complexity, Design, Information, and Inference*". Он продолжал писать ее в уме и был озабочен тем, как переносить написанное в компьютер, не прикасаясь к клавиатуре.

Книга пока остается не дописанной. Пишу «пока», потому что есть надежда, что Женя, великая Мишина жена, и Дима, его замечательный старший сын, доведут книгу до конца – конечно же, при поддержке и с помощью Мишиных коллег и учеников.

Что тут говорить? Ушел из жизни человек неумный, увлекающийся, жадный до жизненных впечатлений, с темпераментом бродяги-землепроходца и кропотливостью ювелира. Ушел рано, многое из того, что хотел, не сделал, многого не успел доделать.

И все же он ушел на подъеме. Ему множество раз довелось по собственной прихоти делать крутые повороты, влюбляться в задачу, впадать в азарт гончей, настаивающей дичь, и испытывать счастье найденных решений.

Он был человеком того объема личности, который принято числить за энциклопедистами. Миша был счастливый человек!

Мир Каргер

Игорь Ефимов: философия страстей

Главная заслуга Игоря Ефимова как оригинального мыслителя в том, что он пересмотрел и переименовал те силы притяжения, которые обсуждались веками (к богатству, власти, славе, женщине, расе, клану), обнаружил в них недооцененные ранее аспекты и применил к анализу самых разнообразных ситуаций. И выяснилось, что наиболее глубокие противоречия заложены не столько во внешних обстоятельствах, как очень часто представляется, сколько во внутренних свойствах человека. Это означало переход к психологии личности и массовой психологии общества, рассмотренных воедино. Тогда вдруг стало возможно находить общее в событиях, разделенных веками и происходящих в абсолютно различных культурах, чем так привлекательны книги Ефимова. Стало понятно, что одну и ту же тему можно раскрыть и как социологическое исследование, и как роман: в первом случае общее будет проиллюстрировано частным, во втором – частное непременно станет общим. Этим и объясняется, мне кажется, удивительное свойство всего написанного И.Е. – оно никогда не скучно. В его текстах всегда бушуют страсти – то явно, то подспудно, – а это не может быть скучным, если не превращается в описание их как кухонной склоки. В руках мастера никогда и не превращалось.

На виртуальных поминках в сентябре 2020 года дочь И.Ефимова Елена выступала последней. Она просто спела пару куплетов из песни Н.Матвеевой про кораблик: «...сам себя, говорят, он построил, сам себя, говорят, смастерил». Это было абсолютно в точку. Самостоятельность и внутренняя свобода И.Е. были просто поразительными, на равных только с его глубокой осведомленностью в самых разных областях истории и культуры и совершенно удивительной, не отказывающей до последних дней памятью. Простое перечисление резко отличных друг от друга тем его книг говорит о чем-то уникальном: диссидентские еще тексты 70-х об экономике Советского Союза, где многие идеи «Номенклатуры» М.Восленского появились задолго до ее публикации; об убийстве Кеннеди; о падении самолетов вследствие обледенения крыльев; об экономических и социальных проблемах Америки; о личной жизни Л.Н.Толстого; о войнах разных времен и народов; о Джефферсоне; о неравенстве в обществе и его причинах; о пяти диктаторах XX века... И это не говоря о многочисленных романах, действие которых разбросано в течение последних пары тысяч лет по пространствам от России и Средиземноморья до Америки. Он писал свои книги на разных континентах и при любых личных обстоятельствах; при этом практически никогда, как я понимаю, материальный доход не был для него главным стимулом.

Можно предположить, что создатель такого необычного наследия должен быть человеком одновременно пылко увлекающимся и глубоко сосредоточенным; способным не только на следование разнообразным интересам, но на доведение любого начатого дела до конца; что мощный внутренний импульс должен двигать автора лет так шестьдесят. И двигал.

Для описания своей картины мира И.Е. явно требовался новый язык – и он начал его создавать много лет назад. Психологизация и «остраствление» истории требовали новых терминов. Появились такие категории, как дальнорукые и близорукие; люди, занятые вещами и заняты идеями; высоковольтные и низковольтные; три главные человеческие «жажды»: самоутверждения, сплочения, бессмертия; четыре этапа в развитии общества: охота-собирательство, кочевое скотоводство, земледелие, машиностроение, не совпадающие с классификациями других исследователей. Они поневоле не могли быть абсолютно строго определены (но что вообще есть строго в социологии?) и вступали в причудливые отношения с более традиционными понятиями класса, общественной формации и другими. Но они позволяли замечательно плыть между крайностями строгих философских концепций, нащупывать срединную зону, находиться на позиции понимающего взглядывателя в происходящее и не вставать в позу морализатора. Это примерно как наблюдать спокойное море в чудную погоду и даже буколически описывать его, но все время помнить о том, что может быть буря: страсти перманентны, но являются на поверхность далеко не всегда. А когда уж это происходит – ты был подготовлен. 8-го августа, в свой последний день рождения, Игорь Маркович спокойным, хоть и несколько ослабевшим голосом объяснял мне природу американских уличных буйств: опять дальнорукые ни черта не поняли заранее, а близорукие думают, что чего-то получат. Он был готов.

А за год до этого, отвечая на мой текст относительно его книги*, продемонстрировал ту же несокрушимую уверенность в своей правоте, которая была ему свойственна всю жизнь. Это письмо настолько интересно, что я решил поместить его здесь. И хотя я имел много чего возразить (что и сделал в телефонных разговорах), – я не буду приводить свои доводы здесь. Главный факт налицо: Игорь Ефимов создал собственную стройную, убедительную, красивую теорию социальной жизни. Она во многом абсолютно верна и, безусловно, чрезвычайно гуманна. С ней можно ознакомиться как из его романов, так и из более «серьезных» книг, связанных с социологией (имеющих «ссылки на литературу»). А для тех, кто имел счастье лично знать этого удивительного человека, теория была, наверное, и не нужна – он сам был ее ярчайшим воплощением: знающий, умеющий, дальнорукый,

---

* И. Мандель (2019). «Ах война, что ж ты...». Феномен войны глазами Игоря Ефимова, <http://7i.7iskusstv.com/y2019/nomer9/mandel/>

высоковольтный, подверженный страстям и контролирующий их.

Он обожал жену, с которой прожил всю жизнь, и дочерей; он дружил с замечательными людьми и они дружили с ним; он ловил рыбу и солил маслята; готовил еду и занимался бухгалтерией; он никогда не делал того, чего не хотел, а в самые последние дни наконец-то нашел время расчистить полки и поставить рядом 50 опубликованных книг – чем не формула для счастья? Он писал о свободе всю жизнь и был полностью адекватен своему предмету. Он прожил в полном соответствии со своей волей и своим же о ней представлением, как любимый

им Шопенгауэр.

Вот он поднимает тост на нашей последней встрече в марте 2020 года. Глаза серьезные, но через несколько секунд непременно будет шутка. Свободный человек. Счастливый человек.

Письмо Игоря Ефимова Игорю Манделю

9 сентября 2019 года

Дорогой Игорь!

«На тяжелый труд Вы меня обрекли», – жалуется Вы в своей записке, предваряющей рецензию на «Феномен войны». Эта трудность кажется мне сравнимой с трудностью положения человека, которого заставили – нет, заманили! – прожить несколько дней под водой. Настоящего акваланга у него нет, дышать через тростинку не получается, когда хочется погрузиться поглубже, где проплывают самые диковинные существа и сверкают самые красивые раковины. Измотаешься тут!

Если использовать терминологию Канта, про Вас можно сказать, что Вы прожили свою жизнь горячим сторонником антитезиса. Для Вас привычно считать истинным то, что научно доказано. Все остальное легко вычеркивается приговором «ненаучно, нелогично». Ваш оппонент, отстаивающий постулаты тезиса, представляется Вам в лучшем случае заблуждающимся, в худшем – невеждой. Условия мирного договора между вечными спорщиками, предложенные Кантом, Вас не привлекают. Оказавшись под водой, Вы с изумлением оглядываете незнакомую среду, пытаетесь интерпретировать в привычных для Вас терминах и параметрах.

Именно Ваша способность отнестись с доброжелательным любопытством к новым картинам, не поддаваться соблазну отбросить как пустую ложь и невежество так привлекла меня к присланному тексту. В телефонном разговоре Вы упомянули, что пытались в богатых кладовых своей эрудиции отыскать исследователей, которых можно было бы

назвать моими единомышленниками, и не нашли ни одного. Это произошло потому, что сторонники антитезиса за последние два века завоевали абсолютную победу в сфере естественных наук. Они добились таких реальных успехов в расширении наших представлений о вселенной, что мало кто сегодня решится указывать на неполноту их методов познания. Нужна была дерзость Льва Толстого, чтобы сравнить их со штукатурками, которым было поручено заштукатурить стены храма, и они вошли в такой раж, что заштукатурили и образа, и фрески, и витражи «и радовались, что с их штукатурной точки зрения все выходит так гладко и хорошо». «Заштукатуренными» остаются три другие сферы духовной жизни человека: этика, эстетика, религия, в исследовании которых вопрос «почему? в чем причина?» теряет свое всемогущество.

Гегель, главный адепт тотального рационализма, объявлял кантианцев несчастными людьми с раздвоенным сознанием, то есть больными. Огромный успех, доставшийся на долю его учения, связан с тем облегчением, которое испытывает человек, когда в его картине мира уменьшается сфера неведомого, откуда могут грозить всякие непредсказуемые страхи и опасности. Иногда, оставшись наедине с собой, я шепотом называю сегодняшних гегельянцев «докантовской четверкой». Но на поверхности вынужден прятать свою приверженность тезису так же тщательно, как прятал антисоветские взгляды в СССР.

Главный инструмент познания у сторонника антитезиса – отыскание причинно-следственных связей между явлениями. Он скорее объявит первое попавшееся явление причиной, чем допустит проблеск свободы в мироздании. А когда ему предлагают объяснять гигантские исторические катаклизмы взрывами свободных страстей, от него требуется огромная терпимость, чтобы не швырнуть книгу в помойный бак. Каковую Вы и проявили самым замечательным образом.

При этом Вы отнюдь не отказываетесь от основных догматов антитезиса. Сила трех главных страстей, бушующая в сердце человека, не поддается измерению – а это значит, что им нет места в реальной картине мира, считаете Вы. Из личной симпатии к автору, Вы пытаетесь вписать его концепции «в общепринятый научный контекст», но не достигаете больших успехов. Автор остается безнадежным аутсайдером.

Если мы попытаемся рассматривать наши отдельные расхождения, мы тут же погрузимся в вечную войну антиномий. Может, будет плодотворнее бросить взгляд на далекое прошлое, когда в Европейской цивилизации тысячу лет доминировали догматы другой духовной сферы: религиозной. Все должно было быть интерпретировано как проявление непостижимой Божественной воли – Всеведающей, Всемогущей, Всеблагой. Сегодня все требуется переводить в координаты рационализма, тогда, наоборот, печатались десятки тысяч томов богословских сочинений, учивших объяснять зло происками сатаны. Еретики и усомнившиеся отбрасывались так же безжалостно. И так же эта интерпретация несла облегчение человеческому сердцу, и оно с

благодарностью принимало ее и держалась за нее до конца жизни.

Если у Вас найдутся силы дорабатывать статью, хотелось бы, чтобы хотя бы один-два абзаца были отданы упоминанию новой, «немарксистской», сетки координат мировой истории, предложенной Ефимовым: не рабовладение, феодализм, капитализм, социализм, а охота-собирательство, кочевое скотоводство, земледелие, машиностроение.

Для названия я бы использовал полную строчку Окуджавы: «Ах, война, что ж ты сделала, подлая». Она, мне кажется, адекватно передает пафос всей книги.

В телефонном разговоре я пытался разъяснить, почему включение двух историй про драки показалось мне вполне уместным. Ваша память извлекла их, когда начала отыскивать в Вашей личной жизни примеры столкновения со «скрытыми гроздьями гнева». Уверен, что оба раза Вас выбрали как объект для нападения, опознав в Вас дальнозоркого-высоковольтного. Но без такой интерпретации включение историй лишается оправдания и, может быть, лучше ими пожертвовать.

Все рассуждения об измерении уровня счастья в жизни народов, по моему, разбиваются о недавнее открытие: Финляндия вышла на первое место по всем принятым показателям счастья, но также и по числу самоубийств на тысячу жителей.

Когда Ваш политический жар вырывается в виде поддержки лозунгов протестных уличных демонстраций, он дискредитирует объективность ученого. Читая выражения «создатель криминального и агрессивного режима, украденные миллиарды, подавление любых инакомыслящих», поневоле вспоминаешь прокуроров Крыленко и Вышинского. Кстати, об агрессивности: если мы бросим взгляд на годы после Второй мировой войны и сравним число столиц независимых государств, на которые падали бомбы Москвы или Вашингтона, счет получится примерно 15:0 в пользу Америки.

Только тот правитель, который способен слышать глас (или мычание) близорукого большинства и откликаться на него, может прочно удержаться у власти. За это он и будет всегда ненавистен высоколобому меньшинству, которому хотелось бы, чтобы большинство следовало его наставлениям, разделяло бы его ценности. Мы имели возможность наблюдать своими глазами ненависть американских интеллектуалов к Рейгану. Одна журналистка воскликнула: «Нет! Он не мог победить! За него не голосовал никто из моих знакомых». А невысказанным вслух в сердце либерала гнездится страх: «Как же я буду отстаивать демократию и власть большинства, если большинство избирает таких лидеров?»

Вы пишете, что Ефимов «не проводит ясного различия между психологией масс и психологией лидера». Действительно, для меня такого различия не существует: и там, и там я ищу главное – бушевание страстей, которые подлежат изучению так же, как мы изучаем ураганы и извержения вулканов.

Рационалист Чемберлен верил, что и на наркомана войны Гитлера можно распространить его убеждение в том, что «никто не хочет войны». И тот охотно подыгрывал его заблуждению, выдумывал те или иные логичные причины своей агрессивности. Только там, где тираны начинают действовать явно во вред поставленным целям, мы имеем право выдвинуть гипотезу, что стремление утолить кипящую в них страсть действует сильнее обдуманных планов. Но историк-рационалист легко отбросит эту гипотезу и завалит вас дюжиной вполне логичных возможных схем его поведения.

К сожалению, за рамками нашего разговора остается тема, которая меня очень волнует и которой я посвятил подробное исследование в книге «Пять фараонов», в Комментарий № 3 «О счастье ниспровергать». Эта разновидность самоутверждения приобретает все большую распространенность в наши дни. Разогреваемые политической рекламой либерального меньшинства толпы бушуют на улицах и площадях Алжира, Англии, Армении, Венесуэлы, Гонконга, Грузии, Пакистана, Судана, Украины, Франции. Требования этих толп часто так расплывчаты или противоречивы, что они, даже добившись своего, продолжают выходить на демонстрации. Ибо главное здесь – упиться процессом смелого ниспровержения. Именно эта иррациональная страсть уже погрузила в кровавый кошмар Афганистан, Ирак, Йемен, Ливан, Ливию, Руанду, Сирию. В незрелых странах только авторитарным и монархическим режимам удастся как-то контролировать эту эпидемию. А разве можно назвать зрелой страну, в которой избранному президенту (Ельцину) западные учителя, видимо, еще не успели объяснить, что его конфликты с парламентом нельзя решать с помощью танковых пушек.

Чувствую, что меня уже заносит на опасные дорожки текущей политики. Предпочитаю закончить это послание выражением самого дружеского личного расположения.

Ваш ИЕ

Александр Басков (Бродский)

– родился в 1937 году. Окончил Ленинградский театральный институт по специальности «театроведение». Работал на телевидении в Петрозаводске и Ленинграде, в документальном и научно-популярном кино. Написал более 80 сценариев короткометражных фильмов. В Америке с 1977 года. Печатался в газетах «Новый Американец», «Новое Русское Слово» и других периодических изданиях. Книга литературных пародий «Извините за внимание» вышла более 40 лет назад. За последние годы опубликованы три книги воспоминаний, последняя – «Тридцать тысяч дней» – вышла в июне 2020 года. Сейчас на пенсии. Женат, трое детей и пять внуков.

Скоро осень. За окнами старость...

Считается, что писать мемуары могут все. Это абсолютно справедливо. Поэтому и пишут – и генералы, и водопроводчики. Ибо что бы мы ни писали, в этом наша память и наша жизнь. Это наши воспоминания, и только наши. Есть мемуары скучные, есть веселые, есть умные, случаются даже талантливые. Но это все не так важно. Есть одна, самая важная деталь: настоящий мемуарист должен быть старым, желательно – очень старым.

Человечество всегда заблуждалось, думая, что старикам можно верить. Исходя из своего преклонного возраста пишите всё как было. Не стесняйтесь. Можно даже как не было. В конце концов, вас тогда было, а их не было.

Деталь вторая: кто-то непременно скажет – зачем тебе это надо, кому это интересно, кто это будет читать. В роли критика обычно выступает жена. Потому что наши дети книжек не читают. У них есть телефон, айпед и прочие гад... – одним словом, гаджеты. Это заменяет им энциклопедию – что советскую, что британскую. О внуках и говорить не стоит. Они вообще мимо алфавита бегом пробежали. Тем не менее посвятите книгу жене и детям, чтобы впоследствии они не говорили, что вы им ничего не оставили.

А теперь самое главное в теории мемуаристики. У вас есть феноменальный подсказчик. Его зовут Интернет. Как сказала остроумнейшая Наталья Резник (кстати, замечательный поэт): «Чего б еще разумного посеять? Пойду-ка эрудицию наугулю»...

Вот идите и наугуливайте!

Если вы забыли о своем участии в Троянской войне или о походе на одесский Привоз, – не бойтесь. Вам напомнят то, что вы давно забыли. Или никогда не знали. У вас право мемуариста. И вас никогда не поймают за руку. Все, что вталкивают в Интернет, – правда. Значит, она ваша тоже – эта правда, если она там есть.

И когда над вами кто-то издевается, говоря – еще скажи, что ты Ленина видел, – лично я гордо отвечаю: «Видел и даже говорил с ним». Во время

гастролей Вахтанговского театра в Ленинграде я играл в массовке спектакля «Большой Кирилл» и обращался к Ленину (в то время Лениным был народный артист Николай Плотников): «Мы большевики, Владимир Ильич! С Урала мы!»

Спектакль прошел в Ленинграде, кажется, шесть раз. Вживаясь в роль, я творчески переосмысливал эту фразу и каждый раз переставлял слова: «С Урала мы, Владимир Ильич! Большевики!»

Зал замирал от восторга и аплодировал. Я с трудом удерживался, чтобы не похлопать самому себе.

После этого садитесь и пишите свои мемуары. Теперь вы имеете полное право! Вы же Ленина видели! Так и набралась довольно толстая моя книжечка – «40+40». А через год у разогнавшегося мемуариста вышла вторая книжечка – «Истории прошлого и нашего века, или Сорок лет спустя».

Взвейтесь кострами...

Не знаю, любила ли она меня когда-нибудь. А я ее обожал. Ее звали «легкая атлетика». Не то чтобы я успешно бегал и прыгал, – скоростью и прыгучестью не отличался. Но сама дисциплина интересовала так, что я даже нормативы по видам атлетики знал на память.

Какая была норма мастера спорта на стометровке в 1953 году? 10,4 секунды. С таким результатом сегодня на Олимпиаду не попадете! А тогда это казалось просто невозможной скоростью! Чемпион СССР бежал сто метров за десять с половиной секунд! Лет через двадцать Валерий Борзов выиграл Олимпиаду в спринте, но быстрее десяти секунд так и не пробежал.

Однажды я на замечательном питерском Зимнем стадионе за школу бегал. Выиграл забег на 60 метров у двух малолеток. И в длину, и в высоту прыгал, но не очень далеко и не очень высоко. Достал ядро и летом практиковался в толчке этого шарика. Достиг высокого результата – второго разряда. К сожалению, ядро было для женщин, и мой результат был на уровне второго юношеского разряда для девочек

Как-то меня затащили на собрание старшеклассников (я закончил девятый класс), где нам предложили поработать в пионерском лагере знаменитого Кировского завода добровольными помощниками физруков. Слово «физрук» сегодня исчезло из употребления – так называли учителей по спортивной подготовке (это были учителя физкультуры), обычно в пионерлагерях на эту работу приглашали студентов института физкультуры. Все лето спортом заниматься? Я согласен! Все равно летом ехать было некуда.

Огромный, для нескольких сотен детишек разных возрастов, этот лагерь был на станции Сиверская под Ленинградом. Вокруг – лесопарки, речки. Нас, трех парней, поселили в комнатке на третьем этаже высоченной башни, где обитали физруки, официантки, уборщицы.

Почему-то двери в комнатах нигде не запирались – ни замков, ни крючков, – ничего. Вожатые отрядов ночевали поближе к питомцам, следили, чтобы те не гуляли по ночам.

Мне поручили помогать вожатому младшего отряда, детей шести-семи лет. Утром – традиционная зарядка. Потом играли в футбол на поляне, я учил их бросать мяч в баскетбольное кольцо. Вожатый придумывал всякие смешные эстафеты. Дети меня слушались. Наверное, я, шестнадцатилетний, был для них тем же, чем для меня – старший физрук Юра Кошелев. Он с увлечением рассказывал нам, что шведы – создатели мужской классической гимнастики, и сам учил шведский язык. Мастер спорта! Небожитель!

Лагерная смена была долгой, почти месяц... К концу первой недели выхожу рано утром из «башни» и натykaюсь на свирепую (ее все боялись!) начальницу лагеря: «Иди за мной! будешь свидетелем!» Поднимаемся на наш третий этаж. Начальница ударом ноги открывает дверь в комнату физрука, и я вижу его в постели со знакомой официанткой. На столе пустая бутылка из-под водки. Одежда на полу.

– Сейчас же встать, и вон из лагеря! – на этих словах начальница повернулась и вышла. Я, разумеется, за ней. Внизу она меня спрашивает: «Будешь работать до конца смены? Зарплату оформлю». И быстро уходит, видя, что я согласен.

Теперь я уже официально физрук младшего отряда, и мой день занят с утра до вечера. Обязанностей прибавилось. Надо детишек будить, следить, чтобы умывались (насчет чистки зубов не уверен, зубы чистили ненавистным порошком, и я не помню, был ли он). Сразу после завтрака – игры, занятия, бег вокруг огромной территории. Завтрак, обед, полдник, ужин. День пролетал незаметно.

Кошелев попросил меня судить футбольный матч между командами нашего и соседнего лагеря. Я согласился. И вижу, что в составе нашей команды – почти все физруки. Это же нечестно! Правда, и с той стороны тоже великовозрастные, мужики, а не старшеклассники. Некоторые лысые! Это не пионеры против пионеров, а физруки против физруков! Судил я плохо. Терялся, меня не слушали, на мои свистки внимания не обращали. Второй тайм я судить отказался. Играли они без судьи. В конце разругались отчаянно – сами с собой разбирайтесь!

Как-то Кошелев говорит: «Завтра у нас в лагере будут снимать кино. Ты на велосипеде едешь? – а кто в те годы не ездил на велике? – Ну тогда будешь во главе колонны велосипедистов. Поэтому собери человек 10-12 ребят, постарше и покрепче, велосипеды дадим». Утром я вывел нашу группу на шоссе, и мы проехали перед камерой пару минут. Я гордо ехал впереди. Потом повторили. Потом еще раз. И нас отпустили. А мне, как главному, заплатили тридцать (!) рублей – стандартная оплата за участие в массовке. Это было еще до реформы рубля в начале шестидесятых. Кстати, режиссера фильма я встретил на студии «Леннаучфильм» лет через пятнадцать. Фамилия у него была необычная – Анци-Половский.

Фильм про наш лагерь показывали в кинотеатре «Новости дня», что на Невском. Только я себя не рассмотрел. Нас издалека снимали.

В конце смены нужно было вести группу в пеший поход. С палаткой, костром, ночевкой в лесу. «Взвейтесь кострами, синие ночи, мы пионеры, дети рабочих...» Школьником я провел два лета в пионерлагере в Павловске. Лагерь принадлежал РАБИСу, профсоюзу работников искусств. Мы не были детьми рабочих, мы были детьми актеров и музыкантов – может, поэтому костры в синие ночи мы не жгли и в походы нас не водили.

А тогда маршрут пролегал от Сиверской до станции Вырица, километров 25 по дорогам и через лесочки. Кто это придумал для переклашек, не знаю. Велели идти, и мы пошли. Энтузиасты.

И после обеда мы выступили. Считалось, что полпути надо пройти до вечера и заночевать в лесу. Начался дождь. Детишки бодро шлепали по лужам, а потом захныкали... Одного мальчишку вожатый нес на себе. Еле добрались до чахлого ельника и начали ставить палатку. А я только теоретически знаю, как ее ставить, как кольшки крепить. Вожатый Леша оказался способнее, чем я думал. Дождь все льет. А у нас вечером ужин, надо разжигать костер, варить кашу. Ребяточки окончательно раскисли, сидят как воробьи под брезентом и засыпают. Да я и сам уже устал от этого похода... Какая там каша, – съели печенье и заснули.

Утром из последних сил (и я тоже) добрались до Вырицы, там нас подобрал автобус – отвезти обратно в Сиверскую. Какое счастье...

Смена кончилась. За деньгами вожатым и физрукам велели прийти в Дом культуры Кировского завода. Он носил имя И. И. Газа. Кто такой Газа, знаете? Вы точно не знаете. А мы в те годы знали. Такой то ли революционер, то ли умный рабочий. Или тот и другой вместе. Бронепоездом командовал.

Начальница лагеря отметила наши успехи в деле физического воспитания юного поколения рабочих-кировцев и объявила: денег нет, приходите завтра. А дом этого Газа на окраине Ленинграда. На трамвае час езды. Приезжаю назавтра, и вместо 220 рублей мне дают расписаться в ведомости за 4 рубля 40 копеек. Почему?

– За питание вычли. Ты же в столовой питался четыре недели...

Вот так я проел свою первую в жизни зарплату.

На мороженое хватило? Ну и гуляй...

А также в области балета...

Смотрю телепередачу о великом балетном педагоге Агришине Яковлевне Вагановой. Интересные подробности жизни великой Вагановой, которая учила классическому танцу Уланову, Дудинскую, Шелест, Семеняку, Колшакову, давала уроки самой Плисецкой. Это лишь несколько самых ярких звезд советского балета! Я подумал, что даже знал

и лично встречал некоторых...

Ну, начнем с того, что моя невестка, жена старшего брата, Маргарита Люком, закончила хореографическое училище в классе Вагановой. Было это во время войны, в Перми. Родив сына, она расплнела и не смогла танцевать. Но изредка она встречалась со своими одноклассниками. Я вспомнил, как однажды Маргоша повела гулять нас с моим племянником Сашкой. Мы пришли к ее бывшей однокласснице Нинели. В первые послевоенные годы Нинель Петрова блистала на сцене Кировского театра. Знаменитая балерина угощала шоколадными конфетами и поила чаем. Жила она на Невском, прямо над кинотеатром «Художественный». И все. Больше в памяти ничего не осталось. А сегодня думаю: посмотрю Википедию, что за биография у Нинели Петровой. Батюшки святы, – жива Нинель Александровна! 15 марта 2020 отметила 96-й день рождения. И народная была, и список партий, что станцевала, просто гигантский.

О Елене Михайловне Люком я рассказывал раньше. Это тетка нашей Маргариты, примадонна Кировского балета, станцевавшая свой последний спектакль-прощание 23 июня 1941 года. Своих детей у нее не было, Маргоша была ее любимицей, единственной племянницей. И хотя особых эмоций она не выказывала, но приходила к нам довольно часто, пока Маргоша слевой не уехали в Биробиджан, куда брата распределили после ЛГУ. И больше я Елену Михайловну не видел. Иногда я заглядываю в книгу о Елене Люком, ее редактор – моя однокурсница Светлана Дружинина.

А вот с Натальей Дудинской случайно увиделся на студии телевидения. Главный музыкальный редактор Людмила Федоровна Вандерфлас (видимо, голландские корни) стала больше времени уделять питерскому балету – опера тогда в Мариинке была не слишком сильна. И звезды ленинградского балета стали появляться у нас в разных передачах. Однажды в такой передаче о балете выступали знаменитые Дудинская и Сергеев, оба народные артисты СССР. Константин Михайлович Сергеев был тогда главным балетмейстером Кировского балета, а Наталья Александровна, его жена, кажется, уже не танцевала, но была педагогом-репетитором. Закончилась передача, мы вышли вместе. Было уже темно. Неожиданно Дудинская предложила: «Хотите, мы вас подвезем? Вам куда? Если хотите, подвезем до Невского, мы торопимся в театр на репетицию!» Еще бы, конечно, я был согласен.

Немаловажная деталь: у Сергеева и Дудинской была уникальная машина (и даже постоянный шофер) – единственный в Ленинграде автомобиль марки ЗИМ. На такой роскоши только членов правительства возили. Это был подарок государства замечательным деятелям искусства, народным артистам, за великие балетные заслуги! Не думаю, что было когда-нибудь что-то подобное. Разве что гроссмейстеру Ботвиннику сам Сталин подарил автомобиль да юному скрипачу Бусе Гольдштейну дал квартиру в Москве.

Сергеев и Дудинская подвезли меня до угла Невского и Садовой, мы

попрощались, я сел в трамвай и через 10 минут был дома. А вы бы не запомнили такое? ЗИМ! Один на весь Ленинград!

Тогда в нашей музыкальной редакции часто бывала народная артистка Ирина Колпакова. Однажды пригласила меня и других редакторов на генеральную репетицию балета. Театр вводил новых исполнителей в постановку на музыку «Ленинградской симфонии» Шостаковича. Мы сидели довольно близко, ряду в пятом. Никогда не видел тонкости балета так близко. После спектакля подошла радостно возбужденная Колпакова и спросила мое мнение, будучи уверенной, что я в полном восторге...

– Ирина Александровна, – отвечаю, – о музыке и говорить нечего. Временем проверено. Классика! Знаменитая Седьмая симфония Шостаковича... Но что тут от классического балета? Солдатики в новеньких гимнастерках с винтовками ползут (не танцуют, а ползут) по макету в виде горки...

С каким оскорбленным видом отошла Колпакова! В нашей редакции она появлялась, но со мной больше не здоровалась... Знал бы я, что она так за театр страдает, не стал бы обижать, – все-таки народная артистка. Орденами Колпакову не обделили. Была она и Героем Социалистического труда, и депутатом Верховного Совета. В 1971-м Колпакову наградили вторым орденом Трудового Красного Знамени – «За большие успехи, достигнутые в выполнении заданий пятилетнего плана».

Кстати, Герой Социалистического Труда И. А. Колпакова двадцать лет работала педагогом в АВТ – Американском театре балета в Нью-Йорке!

Дудинская дожила до 91 года, Плисецкая – до 89, Уланова – до 87. Нинели Петровой исполнилось 96. Колпаковой 87. Выходит, звездные балерины – долгожители?!

Девушки! Занимайтесь балетом! Будете жить долго и счастливо!

Илья Герловин – советский Эйнштейн

Читаю мемуары писателя Даниила Гранина. И вдруг натыкаюсь на строчку (цитирую по памяти, книги под рукой нет): «Пришел некто Герловин, настаивающий на том, что теория Эйнштейна неверна».

Этого «некто» я не только знал, но и дружил с Ильей Львовичем Герловиным. Работал я тогда на студии «Леннаучфильм», и мне рекомендовали Герловина как крепкого сценариста по техническим проблемам. Это был интеллигентный, вежливый, исключительно доброжелательный человек, невысокий, крепко сложенный, с пышными усами и шевелюрой, чем-то похожий на Эйнштейна. Он прошел войну, был артиллеристом, командовал дивизионом «Катюш». Это я потом узнал, поскольку сам Илья Львович о войне не сказал ни слова.

Несмотря на то, что Илья был лет на двадцать старше, мы с ним быстро подружились. Когда человек изъясняется великолепным русским

языком, это не может не вызвать уважения. Мы сделали по его сценариям несколько учебных фильмов, что-то про электронные лампы, что-то о сопротивлении материалов. Помню, в последнем фильме были кадры обрушения американского Такомакского моста, которые Илья где-то видел и предложил режиссеру вставить в фильм. Мы эту пленку нашли в Госфильмофонде.

Мы подружились, даже несколько раз встретились у Герловиных дома. Я понял, почему Илья не служит, а занимается сложнейшими проблемами физики и математики, не выходя из квартиры. Его жена Галина Ивановна страдала каким-то заболеванием, и Илья боялся оставить ее дома одну. Поэтому на жизнь зарабатывал сценариями учебных фильмов. К тому же только что родился поздний первенец, сынок Александр. А самое главное, Илье не нужен был научный институт. Необходимые книги занимали целую стену в спальне. Он знал то, что ему требовалось, или знал, в каком справочнике искать! Он сам был целым институтом! Мы сидели за столом втроем, милая супруга Ильи приготовила вкуснейший ужин, который прошел под бутылочку хорошего коньяка.

Трудно найти более далекого от физики человека, чем я. Когда я спросил Илью Львовича, чем он в принципе занимается, он сказал, что создает новую теорию – вроде таблицы элементов Менделеева, только это будет таблица атомных частиц. Все! На этом объяснении я и остановлюсь, помню только сказанную Ильей Львовичем фразу: «Думаю, это потянет на Нобелевскую премию».

Мы встречались часто, я был редактором еще каких-то его сценариев, названия которых вспоминать неинтересно. А потом я ушел из студии. Контакты прервались, но долгое время мы перезванивались.

Прочтя в воспоминаниях Гранина не очень доброжелательные слова о Герловине, я решил найти что-нибудь об Илье Львовиче.

То, что я нашел, было просто шоком!

В Википедии есть статья «Теория фундаментального поля». Понятия не имею, о чем это, но основные ссылки – из работ И.Л. Герловина. Вот что о нем пишут сегодня: «Илья Львович Герловин – это забытый гений, чьи достижения по теоретическим расчетам параметров частиц вызывают восхищение. И как человек, на многие десятилетия опередивший свое время, он не только не был понят и признан, но и ошельмован».

Оказывается, в 1990 году Герловин издал свою книгу «Теория фундаментального поля», в которой поднимал вопросы конфликта Человека и Природы, включая законы развития и возможного упадка цивилизации в будущем. И все это было подкреплено математическими расчетами.

В этой книге множество формул и теорем, которые мне недоступны. Поэтому доказательствами гениальности Ильи Львовича должны заняться

настоящие ученые... Статья, которую я цитирую, была опубликована в Лос-Анджелесе физиком Иосифом Бененсоном, хорошо знакомым с теорией Герловина:

«В 1991 году в ряде газет и журналов почти одновременно появились статьи об Илье Львовиче Герловине. Первая из них, попавшаяся мне на глаза, называлась "Новый Эйнштейн"».

Книгу Герловина «Основы единой теории всех взаимодействий в веществе» рекомендовали аспирантам физических факультетов и старшекурсникам, то есть подготовленным физикам, но даже после рассылки пятисот экземпляров никто о Герловине не написал. Хотя о нем рассказывали по Центральному телевидению.

В книге, как написал сам Илья Львович, было больше двухсот опечаток в формулах! Поэтому никто его теорию не понял. Да еще и типография отказалась вносить исправления, вклеили лишь страницу со списком ста опечаток!

И оказалось, спорить с герловинской теорией никто не решился. А потом, в самом начале перестройки, в девяносто третьем году, Илья умер. Все забылось. Хотя его теории только предстоит найти своих последователей.

И если сегодня вы спросите российских физиков и математиков, что они знают о теории Ильи Герловина, они, очевидно, разведут руками...

Вот уж воистину – нет пророка в своем отечестве...

Мексиканское серебро

Мексиканское серебро когда-то было недорогим. Во время футбольного чемпионата в Мексике туристы покупали безделушки женам и детям. И я, как все, не избежал соблазна. Бывший одессит Жорик увидел эти цацки и огорчился: «Будь другом, сведи меня на этот базар, мне тоже надо привезти подарок жене».

Приехали поутру на серебряный рынок. Там десятки магазинчиков, лавочек, киосков, лотков. И просто столики. Серебро кругом – глаза слепит. Иду туда, где сам покупал детям недорогие колечки. Продавец узнал: «О, сеньор, буэнос диас, грасиас!»

Жора говорит: «Скажи мужику, мне нужен браслет для жены. И не просто браслет, а самый большой. И какого ни у кого нет...» Стало ясно, что столько английских слов Жора не знает. А я тогда знал немного испанский. Пришлось переводить на смеси испанского и английского. Объясняю задачу хозяину. Тот достает из-под прилавка огромный браслет. Серебра с полкило примерно.

– Во-во, – радуется Жора, – то, что доктор прописал... – Кванто? Продавец рисует пальцем на стеклянной витрине цифру 400 и знак доллара.

Жора вздрагивает всем телом и отшатывается, как от привидения.

- Он, что, - кричит Жора, - мозгом трехнулся? Тут не Мейсис, а такой себе Крыжополь... - Жора поворачивается к проходящим мимо лавки и громко обращается по-русски: «Приветствую, граждане славного города Крыжополя!» Граждане смотрят с удивлением, но улыбаются, кое-кто даже машет веером в ответ. Жарко сегодня.

- Так и быть, скажи - даю полтинник. Только за то, что я уже тут...

Теперь отшатнулся продавец:

- Знает ли сеньор, это серебро самой чистой пробы? 920, - повторяет он дважды, - 920!

Жорино возмущение быстро сменяется иронической улыбкой:

- Ха, и еще ха, нох амол (еще раз - на идиш)! Скажи этому барахольщику, что я дам ему за этот кусочек... так и быть - 60 долларов. Американских, если он не понял... - И рисует на стекле пальцем - 60.

Продавец взмок, вынимает платок с небольшую простыню:

- Если сеньор хочет купить этот необыкновенный браслет чистой пробы, я отдам его за 375.

- Вот так, - улыбается Жора, - чувак затрепыхался. Я дам ему аж 70. Дальше идут только цифры... Я не перевожу. Оба прекрасно понимают: 370... - 80... - 360... - 90... - 350... - 100.

- Ну, хорошо, - вроде бы сдается Жора. И выкладывает на стол сотню. И аккуратно ее разглаживает. Вроде любит красивую купшорой.

- Но, но, но, - в ужасе кричит продавец и вытирает пот со лба... Жора берет банкноту и медленно поворачивается к выходу. И при этом помахивает в воздухе своей сотней. У продавца на лице отчаяние, похоже, у него начинается сердечная атака...

- Я не могу, скажи сеньору, я теряю деньги на этой транзакции. Пусть будет 250... Это же мне в убыток... Чем я буду кормить жену и деток. «Если не продам...», - написано на его мокром лице. Жора вытаскивает свой туго набитый кошелек и молча пересчитывает ассигнации, не вынимая их. Считает внутри, и я вижу, что идет пересчет... Кажется, Жорик сдался. Как бы не так...

- ОК, - говорит он. - Какое будет последнее слово, сеньор-помидор?

Продавец падает под прилавок, вынимает оттуда браслет поменьше:

- Вот этот будет всего за двести... Меньше не могу...

Жора хлопает по прилавку. Я в ужасе - сейчас он разобьет стекло! Полиция придет... Иди доказывай, что ты не мексиканец...

- Уговорил, - соглашается Жора. - Беру оба. Вот тебе 140, это ЮЭС доллар, компренде? И мы разошлись, как в море корабли.

Это я переводить не стал... Продавец не слушал, он схватился за голову

и рухнул на стул. Я устал и смеяться не могу. Битва продолжалась еще полчаса... Наконец Жора выложил на прилавок 250 долларов со словами:

– Приговор окончательный и обжалованию не принадлежит...

Это не я придумал. Это он так сказал – принадлежит! И мы пошли на выход, завернув два массивных серебряных браслета в мятую мексиканскую газетку. Позади рыдал потрясенный и бледный мексиканский купец...

– Нехорошо, Жорик, – говорю я. – У него лавочка, ему рент платить. Он сам это серебро покупал у кого-то... Ты его обломал, облапошил...

Жора даже остановился: «Ты когда-то в Одессе был? А на Привозе? Так вот, ему надо там поучиться, как дела делать... А он – этот... шмак с трамвайной подножки!»

Мне все-таки было неловко. Хотелось извиниться за наглое соотечественника. Я обернулся в дверях и увидел, что продавец приветливо машет мне рукой. И показывает большой палец. Дескать, спасибо, приходи еще...

Через год друзья повезли нас из Сан Диего в Тихуану, погулять в Мексике. Галя тоже решила купить что-то серебряное. Выбрала славные сережки. Немолодая мексиканка показывает наклейку: 99 US долларов.

Я в жизни нигде и никогда не торговался. Не умею, не могу... Но тут вспомнил урок Жорика: «Приговор окончательный...»

Отдали сережки за 40 баксов. Галя поверить не могла...

Я был так горд собой!

Как Звезда нашла Героя

Посмотрел я передачу «Следствие ведут...» – о том, как вор и жулик «Ванька Хитрый» украл Звезду Героя Советского Союза и носил ее, выдавая себя за героя. И вспомнилась одна история. Рассказал мне ее мой добрый приятель, журналист Борис Александрович Толчинский. Мы работали с ним на ЛенТВ и сдружились на коллекционерской стезе, хотя он был старше лет на двадцать пять. Он собирал зажигалки, я – значки. Во время войны Борис служил в штабе авиадивизии, которой командовал сынок вождя Василий Сталин. По доносу своего командира майор Толчинский в апреле 45-го без суда и следствия оказался в Воркуте. Реабилитировали его только через 10 лет. Историю его жизни я описал в книжке «40+40», повторять здесь не буду.

У Бориса была прекрасная коллекция зажигалок (ему привозили зажигалки из зарубежных поездок его многочисленные друзья и знакомые, писатели и музыканты, о которых он делал репортажи в отделе новостей). Я попросил разрешения посмотреть его коллекцию подаренных книг. Одна из них – знаменитая «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого с дарственной надписью автора. Текст был

примерно такой: «Борису Толчинскому, подарившему мне этот сюжет, которым он мог воспользоваться сам...» История военных лет, которую знал каждый советский школьник: о том, как сбитый летчик Маресьев восемнадцать дней полз по лесным чащобам, выжил, потерял отмороженные ноги, но вернулся пилотом в действующую авиацию. Был создан и кинофильм – с Кадочниковым в главной роли.

– Да это что, – сказал Борис. – Я тебе другую историю расскажу. У нас в дивизии служил летчик, тоже истребитель. Звали его ... Николай, фамилию я не скажу. Старший лейтенант, получил звание Героя Советского Союза за дюжину сбитых немецких самолетов. Он тоже потерял ногу после боевого ранения, вернулся в полк через три или четыре месяца. Ходил он на протезе, никто ничего и не замечал, если не знал. Но ставить его в боевые вылеты начальство не решалось. Не дай бог, собьют Героя, а нам отвечать... Дали ему должность в разведотделе, где обязанности его были минимальны. А тут как раз перерыв между боями, ждем пополнения машин. Полк не летает. Зима. Сугробы кругом. И Коля повадился ходить в ближайшую деревню, где одинокие бабоньки очень его любили и обстоятельно привечали. Еще бы! Приходит герой, красавец, офицер, еду приносит, американский шоколад, и всегда у него есть пол-литра спирта. А то, что парень на протезе, так кого это волнует. Он в главном мужском качестве в полном порядке! И поздно вечером Коля из расположения полка исчезал. Об уходах он только мне говорил – знал, что не заложу.

Рано утром будит меня ординарец и шепчет: «Товарищ майор, старший лейтенант вернулся. Спит. Только он звездочку потерял. Одна колодка на кителе, а самой золотой звезды нет. Что делать будем?» Я сказал: сейчас поднимаем взвод аэродромной obsługi и отправляем по дороге, по которой старлей ходит. И чтоб каждый метр проверили! А это полтора километра сугробов!

Всю ночь солдатики шарят по дистанции и к утру эту звездочку находят! Просто чудо – нашли иголку в стоге сена! Я велю выдать солдатам премию в виде все того же спирта и иду будить героя. А тот спит беспробудным сном. Еле растолкал.

– Ну, что, – говорю. – Где твоя звезда геройская, Коля?

А тот после ночи подвигов в деревне вроде и не очень соображает, что от него хотят. Наконец сообразил:

– А, ты про это? Да наплевать...

И спит дальше. Тормошу его:

– Проснись! Ты же звезду свою потерял!

На это наш герой говорит:

– Посмотри у меня под койкой...

И я вытаскиваю жестяную коробку из-под леденцов монпансье. А там два десятка этих геройских звездочек.

– Видишь, зря ты шум наводил... Чего это я буду настоящую Звезду носить. У меня батя классный токарь. Он мне копии звездочек и выточил. Настоящая-то у него дома хранится...

И Коля завалился досыпать.

Гагарин в Сочи

Сегодня 12 апреля, в России День космонавтики. День этот не может пройти без новых воспоминаний о Гагарине. А я вспомнил историю, которую рассказала мне в Нью-Йорке Тоня К., коллега по студии «Леннаучфильм», где мы с ней служили.

Тоня была директором картины-короткометражки «Сочи». Снимал картину режиссер Миллер, он же автор сценария. Была такая кормушка для режиссерской братии, очень хлебная кормушка. За сценарий – авторские, за режиссуру – постановочные, а потом, после печати, и потиражные – все тому же автору. Доставалось такое только самым преданным друзьям нашего директора студии. О том, сколько из этой кормушки отдавали начальству, – говорить не будем. А уж в Сочи фильм снимать – чистая синекура.

Словом, приезжает съемочная группа в Сочи. Наслаждается покоем, загорает на пляже, попивает по вечерам вино. Не командировка, а незапланированный отпуск. Но план есть план, и режиссер начинает нервничать. Никто в Сочи работать не торопится – когда еще такая малина выпадет! Оператору тучи не нравятся, ему чистое небо подавай! Ассистентки новые купальники купили – зря, что ли? Да и местный таксопарк не торопится договор выполнять: надо отдать съемочной группе две машины, а таксисты свое упускать не хотят, и никто целый день (без чаевых!) работать не желает.

Все заботы валяются на бедного директора картины Тоню, и обеспечить съемки транспортом – тоже ее забота.

Неожиданно в гостинице, где съемочная группа вольготно проводит время, останавливается первый космонавт Юрий Гагарин. С ним, разумеется, сопровождающие, два полковника известного ведомства, которые майора Гагарина опекают и охраняют. Поселяются они в этом же отеле. Правда, номера у Гагарина и его полковников на последнем этаже, два люкса. Наши-то втроем-вчетвером в номерах обитают.

У Тони созревает идея. Она видела Гагарина в холле и поздоровалась с ним. Он тоже с ней приветливо поздоровался. Тоня – девушка видная, а космонавт №1 имеет глаза не только чтобы звезды в космосе разглядывать. И Тоня поднимается напрямик в гагаринский номер. Тут ее полковники тормозят, спрашивают, по какому делу. На что Тоня гордо отвечает:

– По личному. Меня Юрий Алексеевич пригласил.

Полковники дрогнули и пропустили Тоню. Гагарин был в форме, при орденах, собирался на встречу с общественностью. Тоня свою просьбу

изложила так:

- Юрий Алексеевич! Мы - ваши соседи, киногруппа из Ленинграда. Нам не дают закончить съемки, потому что нет машины. Таксопарк отказывается, и у нас в съемках простой, за который мне лично очень попадет...

Гагарин несколько удивился, но сказал: «Ну что ж, буду рад помочь. Возьмите завтра мою машину с шофером и снимайте что требуется. Сколько надо времени? Сутки? Нет проблем, мне другую пришлют!»

И наутро черная «Волга» Гагарина ждала съемочную группу. Все съемки были закончены в тот день, и солнце светило, и девушки уже успели к тому времени на пляже обгореть. Немногие сочинские достопримечательности были отсняты, как положено по сценарию.

А вечером Гагарин пришел к киношникам в номер. С шампанским. Они сидели весь вечер. О чем они говорили, Тоня не рассказала. Просто весело болтали, космонавт спрашивал ребят о работе, сказал, что любит бывать в Ленинграде, где у него есть друзья. Какие-то слова Гагарина Тоня запомнила почти дословно:

- Эх, ребята, знали бы вы, какая у меня непростая жизнь... я, можно сказать, себе не принадлежу... Ну и не надо вам об этом знать... А если машина будет нужна - скажите этим. - Он имел в виду сопровождающих.

Когда прощались, пожелал успеха и каждому пожал руку. Тоне тоже. Потом подумал и руку ей поцеловал.

Наутро группа улетела в Ленинград. Съемки закончились.

Скрипка Штайнера

Позвонил я старому приятелю Михаилу Кацу в Канаду. Хотел узнать у него, бывшего выпускника училища им. Мухиной, помнит ли он Роберта Карловича Таурита, которого я знал лично и о котором хотел написать. Роберт Таурит и Вера Исаева были авторами скульптуры «Родина-мать» на знаменитом мемориальном Пискаревском кладбище. Ведь Кац (который на самом деле Эммануил, но почему-то для простоты все зовут его Миша) учился на отделении скульптуры. Как ни странно, с профессором Тауритом Миша не пересекался, хотя с Верой Васильевной Исаевой встречался по делам Союза художников.

Неожиданно Миша рассказал историю, не имеющую никакого отношения к скульптуре, но ее просто необходимо сохранить.

У них в семье долгие годы хранилась старинная скрипка - с личной подписью автора, австрийского мастера Якоба Штайнера, жившего в семнадцатом веке. Мастер не забытый, делал скрипки в Кремоне, где царствовала семья знаменитых скрипичных мастеров Амати, у которых Штайнер, судя по всему, и учился. Делал он не только скрипки, но и виолы, и альты, и виолончели, сохранилось их не так много, были они качественно хороши, а главное - не так дороги, как Страдивари или

Амати. Зато разошлись по миру, были в руках европейских исполнителей, среди которых упоминаются даже Моцарт и Бах.

Считалось, что в России есть только две скрипки работы Якоба Штайнера. Инструмент, который подарила Мишиному отцу тяжело больная, совершенно одинокая приятельница, сразу вызвал вопрос: был ли это один из тех двух российских экземпляров штайнеровской работы, или это был третий, совершенно неучтенный или неизвестный инструмент? Наум Кац, парикмахер в маленьком городке на Орловщине, музыкантом не был, скрипка хранилась в семье долгие годы и перешла по наследству Мише. Когда настала пора уезжать из Ленинграда в эмиграцию, скрипку надо было оценить и продать.

В музее музыкальных инструментов скрипку попросили оставить на время: «Раз в месяц к нам приезжает знаменитый скрипач Коган, он оценивает инструмент и дает заверение, подлинная ли это скрипка».

Через месяц в музее сказали – скрипка подлинная, сертификат внутри штайнеровский. Причем смычок – от другой штайнеровской работы, виолы, инструмента той поры. Вообще, суперчудо, и по мнению Когана, стоит еще дороже, чем сама скрипка. И как вещь уникальная, вывозу из России не подлежит.

Миша позвонил в Таллинн единственному специалисту, знающему цены на музыкальные редкости, и тот сказал с эстонским акцентом – «много тышатшей, много тышатшей!» А это начало девяностых, когда денег у народа просто не было. Не было и нужных связей, чтобы скрипку продать. Пришлось дать объявление. Пришла скромно одетая женщина и купила скрипку за смехотворную цену – несколько сот рублей. Запомнили имя покупательницы – Гета Двойрина. Больше ничего.

История была интересная. Я стал искать информацию о самом Штайнере. Оказалось, одна из российских скрипок имеет уголовную историю. Некто Сергей Дьяченко, довольно известный скрипач и педагог, названный в прессе музыкальным контрабандистом, пытался вывезти скрипку за рубеж через знакомого американца, которого на таможне повязали. Инструмент имел фальшивый сертификат, будто скрипка недавно сделана в Европе, а подлинный паспорт авторства (так называемый этикет) был у иностранца в кармане. Дьяченко, который уже был уличен в многочисленных аферах с музыкальными инструментами, получил семь лет тюрьмы, а его поделщик-американец – три года с лишним. Об этой истории даже писали иностранные газеты. Как было сказано в приговоре суда: «Скрипки снабжались поддельными этикетками, наклеенными поверх оригинальных, и вывозились за границу под видом более дешевых инструментов. В Москву же перевозились скрипки с поддельными этикетками более дорогих инструментов». Вот такая музыкальная контрабанда.

Инструмент передали в музей, а как и когда отсидевший Дьяченко оказался в Италии, – непонятно. Середина девяностых, уголовный мир заселил места заключения, и отсидка скрипача-контрабандиста, по всей

видимости, была укорочена. В Риме Дьяченко давал уроки скрипичной игры, продавал за большие деньги скрипки коллекционерам и даже своим студентам. И опять был уличен в подделке скрипок и их сертификатов. Теперь ему угрожал большой тюремный срок в Италии. В одно совсем не прекрасное утро жена нашла его повесившимся.

Инструмент Штайнера тихо существовал в музее, но в мае 1996 года его опять украли – другие антикварные воры, Я. Григорьев и И. Шандуров. Их нашли и повязали. О чем опять же есть в Википедии. И тут вот какое продолжение...

Через много лет Миша Кац прочитал газетные новости Санкт-Петербурга. Среди прочих событий сообщалось, что в городе произошло убийство одинокой женщины. Украдена редкая скрипка работы знаменитого австрийского мастера Якоба Штайнера...

И где же она, вторая скрипка... Погодите! А может быть, это была третья, никому не известная скрипка Штайнера? Ведь женщина, подарившая скрипку семье Каца, говорила, что случайно привезла скрипку со своим скарбом в 1919 году, спасаясь из захваченной бандитами Одессы. И где теперь эта скрипка, неизвестно. Возможно, ее все-таки переправили контрабандой за рубеж?

20 июня 2020 года я увидел на Интернете объявление: «Скрипка Штайнера с сертификатом подлинности продается за 28600 долларов». Не та ли самая? Пытаюсь найти, кто продавец. На следующий день объявление исчезло... И еще новость: украинская таможня задержала женщину, которая пыталась вывезти за границу две скрипки австрийского мастера... Как это они то появляются, то исчезают, эти скрипки Якоба Штайнера?.. Криминал бесконечный...

Чтоб сказку сделать... пылью

Эту историю рассказал знаменитый Сева Новгородцев, диджей и обозреватель английского Би-би-си, которого много лет с наслаждением слушали любители современной музыки в СССР. Однажды его спросили в киноотделе, какую музыку лучше всего подложить под кинокадры советских самолетов. Новгородцев, естественно, предложил «Все выше, и выше, и выше стремим мы полет наших птиц...», официальный гимн советской авиации. Популярная песня-марш.

А британские музыковеды ему говорят: «Да вы в своем уме? Это же нацистский марш гитлеровских летчиков, та самая мелодия!»

Оказалось, действительно, – та самая. Музыка Юлия Хайта, песня на слова Павла Германа, года 1920-го или около того. Выясняется, что текст советской песни перевели и подправили немецкие коммунисты. Очень им браваурный марш нравился. Текст почти тот же, только по-немецки.

А нацисты, придя к власти, беззастенчиво присвоили музыку и переписали текст довольно близко к советскому. Только она у них называлась «Марш летчиков-бомбардировщиков».

То, что нацисты крали все что хотели, – этим сегодня никого не удивишь. Но чтоб даже музыку?..

И неожиданно я вспомнил совсем другую историю, связанную с этой советской песней. Просто по ассоциации.

В шестидесятых годах в питерском Доме актера устраивали ежегодные капустники. В них принимали участие актеры Театра Комедии, а ставил режиссер А. А. Белинский – я потом с ним работал в эстрадной редакции на ТВ. На один из вечеров меня позвал Лев Милиндер, с которым я был дружен (между прочим, известный телеведущий Иван Ургант – его внук).

И я вспомнил пародию в этом капустнике. Пародия высмеивала нравы в Союзе советских писателей. На сцену выходили шесть или семь актеров, они строились в шеренгу, ведущий представлял их как членов Союза писателей и просил их по порядку номеров рассчитаться. И они отвечали: «первый», «первый», «первый» и так далее. Последней стояла маленькая дама, и она упрямым тоном говорила: «Это я первая!»

Почему так, спрашивал ведущий. А потому, отвечала дама, что мы все здесь первые. И они запевали песню – пародию на мотив известного марша летчиков:

Мы рождены, чтоб сказку сделать пылью,
Сегодня здесь, и завтра будем тут...
Нам разум дал стальные ручки-перья,
А вместо сердца верный «Ундервуд»...
Все пишем, и пишем, и пишем,
Своих не скрываем мы лиц!
И в каждом читателе пышет
Спокойствие наших страниц!

И под этот марш они уходили. Это было очень смешно! Текст почти дословный. Но, наверное, кроме меня это никто и не вспомнит...

Подвиг разведчика

В сороковых-пятидесятых годах не было в Советском Союзе актера популярнее, чем Павел Петрович Кадочников. «Подвиг разведчика», «Повесть о настоящем человеке». Сколько он получил Сталинских премий за свои роли в кино? Кажется, три... Даже за какую-то давно забытую инсценировку романа Василия Ажаева «Далеко от Москвы».

Для нас, мальчишек тех лет, образцовым героем нашего времени был разведчик Федотов. Мужественный, смекалистый, наш человек в логове зверя, в тылу врага, переодетый в немецкую форму, поднимает тост «За победу! За нашу победу!» На этом месте в зале всегда вспыхивали аплодисменты! Я этот фильм в детстве видел раз шесть и гарантирую: так и было.

Случилось мне попасть в Кадочникову домой уже в начале шестидесятых. Работал я тогда на Ленинградском телевидении, и моя начальница Нина Титова придумала передачу – «Актерские семьи». А я учился с Костей Кадочниковым в Театральном и хорошо его знал. Он был

на три года старше, учился на четвертом актерском курсе, а я был еще на первом театроведческом. И никакой дружбы быть не могло, разве что здоровались на подходе к институту. Костя Кадочников был очень красивым, скромным, сдержанным, и папа не проталкивал его в институт – сам поступил, под фамилией матери.

Впоследствии я заметил некую закономерность. В нашем институте всего было около четырех сотен студентов. Все знали друг друга. Будущие актеры составляли чуть больше половины. Были ребята шумные и были очень тихие, даже незаметные. И те, кто в институте был громогласным, кто создавал вокруг себя какой-то шум, кто вылезал на общественных должностях, – так и не стали известными актерами и режиссерами.

Может, вы вспомните Константина Кадочникова в легендарном советском фильме «Летят журавли», там он приятель главного героя (А.Баталова) и играет на губной гармошке. Костя был очень хорошим актером, почему его так мало снимали? Может, боялись, что зрители с отцом перепутают?

Словом, я позвонил Павлу Петровичу и пришел к нему. А жил он в доме на углу Кронверкского и Кировского проспектов. Режиссер А.А.Белинский говорил мне потом, что Сталин лично велел дать своему любимому актеру квартиру в том доме. По слухам, когда-то это была квартира Горького. Могу определенно засвидетельствовать: огромная была квартира, там даже камин был. Поэтому мы хотели провести в гостиную Кадочникова эту передачу об актерских семьях и театральных традициях.

Поразительно, насколько был вежлив и выдержан Павел Петрович. Разговаривал тепло, доброжелательно, никакого зазнайства. Смысл решения провести передачу в его квартире он принял сразу: раз надо, значит – милости просим. Пару раз я там был, уже провели репетиции с телекамерами. А тут еще пришел старый знакомый Геннадий Нилов, с ним я учился в театральном. Помните его в роли Сундукова в комедии «Три плюс два»? Гена был племянником Кадочникова и тоже закончил актерский факультет. Мы с Геной играли в волейбол в одной команде. Побить нас в институте никто не мог, потому что Нилов играл блестяще, у него были первые разряды по разным видам спорта. Кстати, меня он учил фехтовать на рапирах. Фехтование всегда было обязательным предметом для будущих актеров.

После двух репетиций тихая и спокойная Розалия Ивановна, жена Павла Петровича, неожиданно воспротивилась: затоптали квартиру, кабели протянули, пробки в доме не выдерживают, соседи ругаются... Так что квартиру Кадочникова как место телепередачи пришлось отменить, Павел Петрович и Костя вели эту передачу о других актерских семьях в телестудии. Это было как-то обыденно, по дежурному стандарту и потому не запомнилось.

Когда я читаю о судьбе сыновей Павла Петровича, просто душа болит. Константин играл в питерском Театре имени Комиссаржевской. Он умер

во время гастролей, от инфаркта. А Петр спрыгнул с дерева и налетел на острые сучья... Косте было пятьдесят, Пете – сорок один. Как пережили Кадочниковы эти потери, я даже представить не могу...

Хотя... могу представить. Знаю, как перенесли родители гибель моего старшего брата.

Клетка для канарейки

Заглянул к нам домой Валерий Молот, наш сосед и старый приятель. Известный адвокат – половина русскоязычного Нью-Йорка много лет обращается к нему по юридическим делам.

Но мало кто знает: Молот – великолепный поэт и переводчик как минимум с пяти языков: с английского, немецкого, польского, итальянского, испанского... В его переводах вышло уже два десятка книг. Валерий подарил мне несколько своих изданных не так давно книжек. И я прочитал сборник отличных рассказов европейских и латиноамериканских писателей в его переводах. Честно – очень здорово! О большинстве этих литераторов даже никогда не слышал. Ну, Брехта мы читали и спектакли по его пьесам видели, о Мрожеке я только слышал, но имена Кортасар, Лафорет и Рестрепо советую запомнить.

Главный конек Валерия – Сэмюэл Беккет, ирландско-английский писатель, драматург и философ. Пьесы его шли по всему миру, проза тоже была популярна. Слава Беккета началась с его первой пьесы «В ожидании Годо», которую приняли «на ура» эстетствующие театралы. Пьеса представляла так называемый театр абсурда начала шестидесятых годов, но потом это течение как-то завяло. Я нашел пьесу на Интернетe и перечитал. На мой взгляд, ужасная тоска. Два не совсем нормальных человека на протяжении трех актов рассказывают себе и зрителям, что вот-вот придет некий Годо... Говорят, следующие пьесы Беккета гораздо интереснее, но нет охоты разыскивать их в интернетском море и читать.

О Беккете можно рассказать много, но его имя сегодня известно в основном специалистам, хотя в свое время ему присудили Нобелевскую премию по литературе.

В общем, я сказал Валерию, что драматургию Беккета не знаю, понять его трудно, к тому же, по моему мнению, театр абсурда сегодня неинтересен. На что Молот после долгого вступления (это его манера разговаривать) сказал:

– Вот я тебе сейчас дам пример настоящего абсурдистского театра...

В конце восьмидесятых приходит ко мне в офис немолодая дама. Говорит по-английски, ей посоветовали обратиться ко мне за помощью.

Называет себя: Лана Питерс. Я слегка вздрогнул, но сказал: «Я знаю, кто вы. Давайте говорить по-русски, нам так легче».

Это была Светлана Аллилуева, дочь Сталина. У нее возникли разногласия с одним нью-йоркским издательством по оплате ее книги.

Светлана Иосифовна пришла просить адвокатской защиты и совета.

Просидела она у меня с часу до конца дня, сводил ее на ланч, да и следующий полный день провела в моем офисе. Разумеется, оплаты я с нее не взял, не хотел почему-то, было как-то неловко... Но я сижу и пытаюсь самому себе объяснить, что происходит...

В Америке, в Нью-Йорке, в моем офисе на 42-й улице, в центре «Города желтого дьявола», по выражению Горького, сидит напротив меня дочь самого Сталина – того самого, понимаешь, который для меня, вчерашнего эмигранта, оставался почти полубогом. И интересуется, как получить *food stamps* (купоны на бесплатную еду), *SSI* (помощь неимущим, не достигшим пенсионного возраста) и так называемую «восьмую программу» (помощь города на оплату жилья).

Попросила меня называть ее просто Лана, было как-то неудобно, некомфортно, что ли. И я невольно сказал:

– Но этого просто не может быть. Мне как-то поверить трудно...

На что она мило улыбнулась и сказала:

– А помните, у Бориса Балтера в его повести «До свидания, мальчики» есть такая фраза: «Поживешь – до всего доживешь...»

Никакой театр абсурда не нужен. Абсурд в реальной жизни...

Стуценка

– Почему бы нам не взять к чаю чего-то сладенького? Давно хочется...

– Что ж вы молчали?.. Сейчас закажем.

Принесли что-то изумительно вкусное. Пирожок с начинкой, обложен мороженым и фруктами. Внутри оказалась вареная стуценка... Боже, как это было неожиданно, давно забытый вкус! Капли растеклись по тарелочке длинными вытянутыми полосками, напоминающими недавно виденное полотно Миро. Я помню этот вкус... Со времен войны...

...Сонька выскребала жестянку моей ложкой. У них, у староверов Зауралья, никому посуду и ложки давать не полагалось. Даже «подселенцам», беженцам, «вакуированным» во время войны, жившим в этом доме и ставшим за четыре года почти своими. Так же, как ставни запирали на ночь – что летом, что зимой... Отец привез американскую посылку. И там была стуценка. Мы ели, задыхаясь и передавая ложку друг другу и захватывая побольше. Но мы с Сонькой друзья, все честно, все поровну... И доскребывали уже пустую, звенящую, очищенную до блеска внутри банку...

И был еще один раз. После первого курса нас загнали собирать картошку в какой-то замшелый колхоз в Ленинградской области. Кормились мы на свои деньги, на мизерную стипендию, немного добавляли из выданных родителями рублей на вино, которое по пятницам завозили в сельпо. Обычно на полках лежали буханки черного хлеба,

рыбные консервы в томате и почему-то грушевый лимонад. В тот день стояла очередь, ящики с вином опустошили за несколько минут. А когда местные мужики ушли, мы увидели на полке две банки сгущенного молока.

И мы с ребятами их купили.

Готовить «варенку» предложили девушки, но мы не знали точно, как это делать. Вызвался Анвар Насыров. Он приехал из Башкирии учиться на театроведа, но в основном упирал на еду и приехал в колхоз со своими кастрюлей и сковородкой, которые никому не доверял. Просто повар по призванию!

В тот день утром он громко кричал: «Кто взял мой кастрюль?» Тогда он еще не был в тесных отношениях с русским языком. Кастрюля Анвара годилась для варки, он шумно переживал, но чувство коллективизма пересилило, и он поделился своим посудным богатством. Хозяйка дома, куда нас поселили, рассказала, как варить сгущенку.

Мы кипятили эти банки три часа, а потом резали черный, побелевший от старости хлеб, мазали бурую сгущенку на ломти и запивали кислым вином.

В тот день мы по-настоящему подружились. Потому что делили хлеб на всех поровну.

Неделю назад я зашел в «русский» продуктовый магазин, хозяйева которого – эмигранты из СССР. Вы понимаете, что в нашем нью-йоркском сельпо есть все. И вдруг я увидел банку сгущенного молока. Ту самую, любимую, что выскребали до последней капли!

Я постоял, подумал... И купил малосольные огурчики.

С диабетом не пошутишь...

Мой друг Анатолий Соснин

Ленинградский писатель Анатолий Семенович Соскин печатался под псевдонимом Анатолий Соснин. Семейная фамилия для литератора звучала несерьезно, и он изобрел псевдоним, меняя всего одну букву. Он был членом Союза советских писателей, издал две книги прозы, его пьесу поставили театр им. Моссовета и ленинградское телевидение, по его киносценариям сняты две картины – на Ленфильме и на Мосфильме.

Он пришел работать редактором в Леннаучфильм, когда я служил там уже года три. В нашу тесную комнатку впихнули третий стол, и Толя Соснин стал моим коллегой. Хотя он был на 12 лет старше, мы легко подружились. Судя по датам, он закончил ЛГУ в один год с нашим главным редактором Суловым и на следующий год после моего старшего брата.

Редактуру в научно-популярном кино Соснин освоил быстро. Журналиста-профессионала учить было нечему. Формальные законы кинодраматургии начинаешь понимать быстро, если знаешь основы

литературы. Толя был человеком славным, добрым, никогда и ни на кого не поднимал голос. Помню его мягкую улыбку и руки, осторожно протирающие очки.

В 1943 году его, едва достигшего призывного возраста, отправили в пехотный полк, в зону боевых действий под Смоленском. Он никогда не рассказывал о войне, как и все прошедшие это кровавое месиво, кого я знал или мог знать. Никогда. Помню только одну историю.

Их дивизия вошла на территорию Германии, и Толю отправили осматривать брошенные немцами дома. Его поразили запасы съестного в каждом доме, в каждой квартире. Обычно между двойными дверями и между оконными рамами было огромное количество банок с консервами, маринадами, вареньями, колбасами, и постоянно недоедавшие голодные солдаты не могли наесться... После разоренной и сожженной советской земли это было невозможно объяснить. Наступление часто прерывалось, и они ели и ели, если на несколько часов задерживались в городке...

После университета Толя сам попросил распределение в Смоленскую область, его отправили в районную газету города Вязьма. А в провинциальной газете надо уметь писать все и обо всем. Приходилось строчить очерки, фельетоны, обзоры на любые темы. Потом – центральная областная «Смоленская правда». Толя был первым журналистом, посетившим в Гжатске дом родителей Юрия Гагарина, где вырос наш герой-космонавт и где не было ни одной книжки! Чтобы делать портреты Гагариных – старших, пришлось вместе с фотографом увезти их в соседний дом, где на заднем плане висела полка с книгами.

Так получилось, что Толя был редактором фильма по моему сценарию – об олимпийском чемпионе штангисте Борисе Селицком. Неожиданно начальство потребовало срочно закончить картину, потому что другой фильм не смогли отснять в срок. План на киностудии – как на заводе: столько-то фильмов надо отснять к концу полугодия. А я в отпуске – между прочим, в Чернобыле, на Украине. Тогда Толя написал за меня дикторский текст. И придумал совершенно замечательный эпизод. В фильме был такой момент. Селицкий на чемпионате Союза, уже выступавший в ранге чемпиона, явно проигрывал, не мог взять нужный вес. Это была его последняя попытка. И вот Толя придумал: Селицкий идет к штанге, а за кадром слышен голос диктора с перечислением его заслуг: «олимпийский чемпион, рекордсмен мира в своей весовой категории... чемпион Союза... Европы...» Селицкий вес не взял. Для него это была большая неудача, и я думаю, что зрители это поняли. А диктор продолжал перечислять титулы... и потому весь эпизод получился довольно драматичным... Может быть впервые в советском документальном, обычно хвалебном, кино чемпион проиграл. Потому что чемпион – тоже человек.

Когда я показал Борису Селицкому нашу картину, он не обиделся. Он все правильно понял. За что я еще больше его зауважал. И я был благодарен Анатолию, который так улучшил наш киноматериал

дикторским текстом.

А потом уже я был редактором сценария, написанного Толей Сосниным. Фильм должен был рассказать об известном рейде советских войск в апреле 45-го, когда наши танки через труднопроходимые Судетские горы вышли на Прагу. Толя сам был участником этого рейда, и мы стали искать материалы и кинокадры. Оказалось, что их не существует.

Мы с Анатолием позвонили (каким образом нашли номер телефона?) маршалу Коневу, который в то время командовал, кажется, Вторым Украинским фронтом. Просили его быть консультантом, он согласился. А на вопрос, были ли фронтовые операторы в его армии и был ли снят знаменитый рейд на Прагу через горы, Конев раздраженно закричал:

– Это у Жукова холоуи снимали каждый его шаг! А я воевал, мне некогда было ерундой заниматься!

Помню, тогда студийные художники от безвыходности соорудили в павильоне макеты гор, через которые шли макеты танков! И это было снято оператором в дыму, получилось правдиво! А то, что это постановка, а не документальные кадры, не заметили в Министерстве обороны, когда принимали нашу картину!

Потом моя работа в кино закончилась, я уехал в Америку. Неожиданно в конце восьмидесятых – звонок на работу. Это Толя Соснин, он в Нью-Йорке, один из первых приехал посмотреть, что такое Америка. У него проблема, его обокрали в Манхэттене. А я работал поблизости, мы встретились, я сводил его в полицию как переводчик, чтобы составить рапорт об утере документов. Толя сам смеялся, рассказывая, как его обдурили жулики. Стали показывать что-то на спине и помогли снять пальто. Тут паспорт и исчез.

Потом обедали у нас дома. Почему-то я запомнил его робкую реплику: «Ребята, а вы суп без хлеба едите?..» А мы уже действительно от хлеба за обедом отвыкли. Сами даже не поняли, что хлеб у нас теперь не главная еда... Как у американцев.

Возможно, вы видели фильмы по сценариям Анатолия Соснина – «Грибной дождь» или «От зарплаты до зарплаты». А он сидел у нас дома и ничего не рассказал. Хвастаться успехами было не в его характере. На мой вопрос, что он пишет, сказал негромко:

– Пытаюсь кое-что...

Тогда советские фильмы негде было посмотреть. Фильм «Грибной дождь» я все-таки недавно нашел на Ютьюбе. История о равнодушных людях, черствости, невнимательности. Сюжет незатейлив. Коллектив типографии нанял автобус, люди поехали собирать грибы. И забыли в лесу пожилую женщину... Хватились только утром. Тогда-то люди поняли, как плохо они знают друг друга, как невнимательны к ближним. Этот сценарий мог написать только добрый и отзывчивый человек, такой как Толя Соснин.

Я нашел об Анатолии Семеновиче Соснине (Соскине) статью в Википедии. Годы жизни: 1925-2002. Статью написали бывшие коллеги по работе в Смоленске. Написали о нем искренне и с любовью. Оказывается, в Ленинграде времен разрухи, в девяностых, он был одним из организаторов Общества по защите и спасению бездомных животных и стал его председателем. Добрый и отзывчивый, – иначе и быть не могло. Кого же еще выбрать на эту общественно-нужную должность. Без оплаты. На добровольной основе.

Много в те годы перебивало у нас родных и друзей, которых неожиданно стали выпускать за пределы России. Из всех гостей, побывавших у нас, откликнулся впоследствии только один. Вернувшись домой, Толя Соснин прислал письмо, в котором благодарил нас «за помощь и теплый прием». Единственное письмо с благодарностью. Вот так...

Тридцать тысяч дней

В апреле мне стукнет восемьдесят три. Эти дни надеюсь протянуть без особых проблем. Почему вдруг пришла странная идея – пересчитать жизнь в днях? Чистая арифметика: 83 умножим на 365 дней, прибавим 20 дней из високосных лет. Получается 30315. Ошибка – один-два дня... Поражает неожиданно громадное число – трудно поверить, столько прожито и пережито дней одной жизни...

Пересчитать бы главные события тех лет... Угроздило родиться в середине сталинской чистки 1937-го. Чудом остался незамеченным отец, он уехал учиться во МХАТ. Потом Советско-финская война, захваченный Выборг. Отец – директор и главный режиссер нового театра. Десять месяцев до июня 41-го. Потом Вторая мировая перешла через границы на нашу землю. Отечественная война. Эвакуация. Четыре года на окраине Нижнего Тагила, на Урале. Вернулись в свою разоренную квартиру в Басковом переулке, дом 12.

Смерть диктатора. Маленькие, локальные войны на глобусе, о которых современная история стыдливо умалчивает. Короткая оттепель. Зато долгий застой.

Эмиграция. Новая жизнь, Америка, родина выросших здесь внуков. А где-то там – перестройка. Распад бывшей нашей, а ныне чужой страны. Вместо нерушимого Советского Союза – полтора десятка стран. Были братьями, близкими, стали враждебными...

«Вихри враждебные веют над нами...»

Дни шли медленно, десятилетия пролетали как секунды. Никогда не думал увидеть конец XX века, такого долгого и такого зловещего.

Иногда кажется – все описал в своих трех книжках. Но каждый день возникает что-то на тусклом черно-белом экране, а память неумолимо напоминает еще и еще... Удивительно, сколько имен и событий живет в этой странной, иногда доброй, иногда нежеланной памяти.

В конце сороковых - «Ленинградское дело», прошедшее для подростка незамеченным. Отец:

- Когда-нибудь ты узнаешь, сколько миллионов жизней ОН унес.

- Как ты можешь так, папа? О Сталине?!

И отец замолчал. Только стал сжигать изданные в начале двадцатых книги. Ушли в печку «Десять дней, которые потрясли мир» Джона Рида. Первое издание 1919 года, без упоминания Сталина.

Впоследствии отец скажет:

- Ты журналист. Значит, ты должен вступить в партию...

- В эту партию, пап? Да ты что?..

И он, бывший в партии большевиков не помню с каких ранних двадцатых, исправно плативший три процента членских взносов от своей инвалидной пенсии, опять замолчит и не захочет продолжать.

...Наша квартира на четвертом этаже. Пятьдесят семь ступеней, первый пролет тяжелый - семнадцать особенно крутых. Вид из окон - каменная стена, до пятого этажа кирпичная кладка дома напротив. Три тополя, еще дореволюционные переростки, за чугунной оградой, поставленной с незапамятных времен. В тесном дворе мы играли в футбол. Братья Камалетдиновы, их было трое, Костю потом посадили, старшего - имя не помню - убили в драке. Шпана Дзержинского района. Оттуда и пошли все эти ОПГ. Которые сейчас там, на самом верху. Из грязи в кремлевские князи...

Дрова в полузатопленном подвале. Мостки из кирпичей. По доскам носили поленья. Дворник Мартьянов, убежденный антисемит, пилил дрова. Брал втридорога. В дворницком подвале стояла мебель красного дерева. Его сын Юрка сказал: «Мы в блокаду не голодали».

Этажи обходили голодные пацаны. На фуражках «РУ» - ремесленное училище. Спрашивали - может, что надо сделать... Один - деревенский, лет четырнадцати, - пилил со мной дрова. Ел на кухне суп, зажмурившись от сытости: «А можно еще хлеба?» Взял почитать «Королеву Марго». Принес обратно: «Не... не могу... непонятно...»

Завуч нашей 182-й школы: «Ты почему ходишь в тренировочных штанах?» - «Других нет...» Мать поднатужилась, купили в комиссионке на улице Восстания сукно, старый портной Беспрозванный из десятой квартиры сшил брюки. Мы жили в седьмой. В девятой над нами - Путины, безликие, неприметные. Витька Фрумкин жил в восьмой. Под ним в шестой - Алик Калинейко. Все трое из одного класса. В пятой квартире жила Ира Колшикова с мужем. Стала кожным доктором, срезала мне нарост на подбородке. Муж взял ее фамилию - он был прежде Фридрихс. Неудобная фамилия для тех лет. Остальных на лестнице - пять этажей - не знал никого.

Послевоенные очереди за мукой, за сахаром. За углом керосиновая лавка, ходил с бидончиком, керогаз - изобретение начала века.

Зато какое тогда было мороженое в стаканчиках!

Кинотеатр «Луч», крохотный. Там смотрел «Балладу о солдате», «Летят журавли». Татьяна Самойлова – наша богиня! Через семь лет она была на моем «Голубом огоньке», я – редактор, сидели рядом, сказать хоть слово она отказалась наотрез, да и говорить с ней некогда было – передача вот-вот пойдет в эфир...

Спортивные секции. Шахматный кружок, районный Дом пионеров, мастер Батуев. Футбол на «Динамо», потом стадион им. Кирова. Публичная библиотека на Фонтанке: только там есть «Вратарь республики» Льва Кассиля. Кумир моего детства – вратарь «Зенита» Леонид Иванов. Впоследствии брал у Леонида Григорьевича интервью для телевидения. Много он рассказал – но не для эфира.

Потом провели газ. Убрали чугунную плиту. На кухне стояла ванна. Ее закрывали крышкой из досок. Паровое отопление в пятидесятых. Жить стало легче, не надо таскать поленья на четвертый этаж.

Улица не интересовала. Читал с четырех лет. В доме было много книг. Полки сожгла няня в первый зимний год блокады. Книги сохранились. Шкафы попроще сделал знакомый столяр после войны. Любимая книга – МСЭ, «Малая Советская Энциклопедия», десяти томник. Мать – гостям с гордостью: «Он у нас “Избранные биографии” Плутарха читает...» Подписка на тридцать томов Горького и пятьдесят БСЭ – «Большой Советской Энциклопедии». Вышел том на букву «Б». Письмо по почте: вырезать статью «Берия» и вклеить «Берингово море».

Первый телевизор КВН-49. Его расшифровали: «Купил. Включил. Не видно». Брат простоял за ним в очереди всю ночь.

Девочки – Вера, Инна, Нора, Минна... Наш класс дружил с классом девичьей школы в Басковом. Обучение раздельное до 1954 года.

Была большая и славная семья. Родственники, близкие и не очень. Друзья. Самые старые – школьные. Самые верные – студенческие. Сколько их уже ушло! Они не виноваты, что уходили: уходило их время – никто не вечен. Остались лица. Отчетливо – только родители и брат. Первая любовь – смутно.

Нас осталось немного, но мы держимся. И наивно верим, общаясь по телефону, по интернету, редко в письмах, – что удастся протянуть еще немного, еще чуть-чуть, желаем крепкого здоровья чаще, чем говорим о судьбах страны, о внуках, о будущем планеты. Кто вообще может предсказать, каким будет это невнятное будущее?

Ничего не поделать. Это твоя судьба. Твои тридцать тысяч дней... Вот только неизвестно, что будет дальше.

И тут пришел коронавирус... Не ждали...

Слава Бродский – выпускник Московского университета (математического отделения мехмата). Автор многочисленных работ в области прикладной математической статистики. С 1991 года живет в Соединенных Штатах. Свою трудовую деятельность в Америке начал в небольшой компьютерной фирме штата Нью-Джерси, выполняющей заказы компаний Уолл-стрита. Через два года перешел в *Chase Manhattan Bank*. С тех пор работал в крупнейших финансовых компаниях Манхэттена. В 2004 году была опубликована его первая повесть «Бредовый суп». Затем вышли и другие его книги. Он работает также в различных стилевых

направлениях изобразительного искусства. Значительная часть таких работ относится к керамике, над которой он трудится в керамической мастерской своего дома в Миллбурне (Нью-Джерси). Его вебсайт – www.slavabrodsky.com.

Продолжаю публикацию отрывков из моей книги коротких рассказов «С первого взгляда» (Manhattan Academia, 2019). В сборник этого года я включил рассказы ее второй части.

С первого взгляда

Бусы на день рождения

В тот год в конце июля стояла страшная жара. Асфальт на тротуарах плавился. Во всех домах окна были открыты, и люди спасались тем, что устраивали сквозняки в своих квартирах. Кое-где в окнах стояли вентиляторы, они гнали теплый воздух внутрь.

Это был день ее рождения. Он ушел с работы раньше обычного. Они договорились, что она приготовит что-то и они отметят этот день дома. А потом поедут покупать ей бусы, которые она присмотрела уже давно и которые ей очень нравились.

Но все получилось иначе.

Они о чем-то заспорили. Он не сдержался, нагрубил ей. Она сразу сникла. Сидела молча. А потом сказала, что говорила недавно с его мамой и та дала ей понять, что их напряженные отношения в последнее время могут быть из-за Вероники.

– Это так? – спросила она.

– Да, – ответил он неожиданно для самого себя.

Ее плечи упали.

Они долго молчали. Никто из них не мог вымолвить ни слова. Она пыталась осмыслить то, что случилось, и никак не могла этого сделать. А он с ужасом думал о том, на какой шаг он только что решился.

– Вот ты уже и не мой стоишь, – сказала она.

Он подошел к ней. Обнял ее. Она обняла его. Они долго стояли так, обнявшись, и плакали.

- Пойдем куда-нибудь, - сказал он, - мы же хотели купить тебе бусы.

Они долго бродили по улицам. Он все время что-то говорил, потому что понимал, что в паузах они будут думать об одном и том же. А он не мог этого вынести. Она тоже говорила что-то и тоже не терпела молчания. А когда у них все-таки повисали секундные паузы, ей становилось страшно.

Они заходили в магазины. В одном из них он купил ей те самые бусы, которые она присмотрела уже давно. И вроде бы получалось так, что ничего не случилось. Но они оба все-таки знали, что это не так.

Они расстались. Она осталась жить там, где они до этого жили вместе с ее мамой, а потом - одни, когда мама от них уехала. А он переехал к Веронике. Но вскоре все с удивлением узнали, что он снял для себя маленькую квартиру недалеко от работы. И все стали гадать, что же это могло означать и что теперь будет.

Когда-то они купили небольшую картину, которая вроде бы принадлежала кисти Константина Коровина. Деньги за нее просили совсем небольшие. Но для них и такие деньги представляли проблему. Кроме того, картина эта ей не нравилась. На ней был изображен какой-то маленький домик. Она говорила, что картина мрачная, темная. Стала называть ее «Ночной сарай». Но он все-таки уломал ее купить эту картину. Был уверен, что когда-нибудь она будет стоить в двадцать раз дороже. Когда они разъехались, она уговорила его забрать «Ночной сарай» с собой. Говорила в шутку друзьям, что теперь это ее единственное утешение. Наконец-то эта темная противная картина больше не раздражает ее.

Для друзей их разрыв не выглядел однозначно. Все знали, что они звонили друг другу чуть ли не каждый день. Он мог зайти к ней домой после работы. Они часто бывали вместе у их общих друзей. При этом могли даже прийти вдвоем. Там они могли развалиться на диване, и он обнимал ее по-дружески. А когда она смотрела на него, ее глаза блестели. Когда они уходили, друзья начинали гадать, что же это все может означать. Надеялись, что со временем они опять будут вместе.

Они оставались очень близкими друзьями. Но когда были одни, вели себя несколько сдержаннее. Он не обнимал ее по-дружески, и глаза ее не блестели уже так ярко.

Однажды он пришел к ней и вывалил на стол огромную кучу денег.

- Что это? – спросила она.

- Я продал «Ночной сарай».

- Как? Он же тебе так нравился. Неужели его кто-то купил?

- Представь себе.

- Но не в двадцать раз дороже.

Тут он сказал ей, что продал «Ночной сарай» в сорок раз дороже. И вот принес ее долю и долю ее мамы. А она стала ему говорить, что всегда знала, что от него можно ожидать что-то необычное, но на сей раз он удивил ее сверх всякой меры. Он ей ответил на это, что у него есть еще кое-что неожиданное.

- Что же? – спросила она.

- Я хочу выдать тебя замуж.

- За кого же ты хочешь выдать меня? – спросила она.

Он назвал своего самого близкого друга.

Она засмеялась:

- Ты ничего не понимаешь. Я не могу даже представить себя с другим мужчиной. И, ты знаешь, я никогда не смогу увидеть тебя с другой женщиной. Никогда!

Их друзья продолжали надеяться, что у них что-то может срастись. Особенно после того, как он расстался с Вероникой. Но этого не произошло. Через два года он женился вновь, а она вышла замуж за его самого близкого друга. Еще через год у нее родился мальчик, а потом, еще через год, – девочка. Он ездил к ним на все их дни рождения. И все были счастливы. Но он всегда приезжал один. Она так и не смогла пересилить себя, и когда звала его, извинялась и просила приехать одного.

- Прости, пока еще не могу, – говорила она. – Может быть, в следующий раз.

Аня Соколовская

Это был вечер встречи нашего класса. Его устроители хотели, чтобы пришли все. Поэтому выбрали ресторан невысокого разряда. И меню было скромное. Заказали немного вина. А водку, конечно, принесли с собой.

Вечер проходил довольно вяло. Ко мне за столик подсаживались одноклассники и долго что-то говорили о своей послешкольной жизни. Спрашивали о чем-то и меня, но потом перебивали и продолжали рассказывать о себе. Кто-то стал известным тренером по боксу. Кто-то занимался секретными атомными делами и даже успел получить небольшое почетное облучение. Кто-то добился расположения одной нашей одноклассницы, которая считалась у нас первой красавицей. Двое

защитили кандидатские диссертации. А один из наших, Игорь Харитонов, который учился, пожалуй, хуже всех, но отличался завидной мускулатурой, по секрету рассказывал всем, что после армии его взяли в КГБ. И что он там занимает сейчас ответственное положение. Ну и все были очень рады за Игоря. Ведь в школе считалось, что дела его совсем никудышные.

Особенно был рад за Игоря я. Он меня когда-то здорово выручил. Мы были тогда в девятом классе. И ко мне стали задирается какие-то шпанистые ребята. Им не нравилась моя еврейская физиономия. И вот при очередной стычке с ними, когда двое из них стали ко мне назойливо приставать, рядом оказался Игорь. Не раздумывая долго, он пришел мне на помощь, и мы побили этих двоих. А когда к ним присоединился третий, мы отгнетили всю эту компанию. Больше никто из них ко мне уже никогда не задирался.

На вечере я подошел к Игорю, и он мне тоже стал рассказывать о своей службе в КГБ. Он не говорил прямо, где работает. Но к тому моменту, как я подошел к нему, все уже знали об этом. И он знал, что все это знают. А я с изумлением обнаружил, что не испытываю к нему никаких неприязненных чувств из-за его связи с организацией, которая была мне так ненавистна. Более того, только после разговора с Игорем я смог немного расслабиться и перестал чувствовать себя неуютно. А вообще, мне было там довольно грустно.

Я все хотел подойти к Ане Соколовской. Ведь я и пришел-то на этот вечер во многом ради того, чтобы повидаться с ней.

Она училась в нашем классе только два полных года. А в начале третьего шумно подралась прямо в школе с одной из наших девиц. Та была дочкой какой-то большой шишки в Министерстве образования. И Аню перевели в параллельный класс. А потом все семейство большой шишки переехало куда-то. Их дочь ушла из нашей школы. Вскоре после этого и Анина семья переехала в другой район, и я уже больше ничего не слышал о ней.

Когда готовился наш вечер, я все спрашивал про Аню. И узнал, что она отказалась пойти на вечер встречи параллельного класса и собиралась к нам. Пока она еще не появилась, я, конечно, все время поглядывал по сторонам, ожидая ее.

И вот она, наконец, пришла. Но подседа за столик совсем в другом конце нашего небольшого зала. Меня она вроде бы даже и не заметила. А я все время бросал взгляды в сторону ее столика. В какой-то момент я решил подойти к ней. Пригласил танцевать. Она как будто ждала этого и с готовностью пошла со мной.

Мы направились к танцевальной площадке. Там было всего три музыканта. Но они производили достаточно много шума.

Во мне еще жил детский страх перед Аней, и мы танцевали, почти не касаясь друг друга.

Не помню, о чем мы говорили в первые минуты. А потом она спросила:

– Ну, кем ты стал?

К тому времени я был уже довольно известным хирургом. И мне казалось, что все об этом знают. Но она, видимо, не знала. Я переспросил ее:

– Кем я стал?

– Ну, чего ты достиг?

И тут, может быть потому, что я уже устал слушать от других наших об их успехах в жизни, а может быть потому, что этот ее вопрос оказался для меня неожиданным, я сказал ей, что ничего особенного не достиг.

– Надо же! – удивилась она. – А ведь все ожидали от тебя так многого. Ведь ты же был гением. Моя мама всегда ставила мне тебя в пример.

Какое-то время мы танцевали молча.

– А знаешь, ведь я был в тебя влюблен в школе.

– Правда?

– Да, очень сильно.

– Как? Почему же ты мне раньше не сказал об этом? Тебе надо было мне это сказать.

Она стала говорить что-то еще. Но было очень шумно, я не слышал и переспросил.

– Тебе надо было сказать мне об этом, – повторила она.

Музыканты устроили себе перерыв. Их позвали поесть. Потом они вернулись. А когда начали играть, я опять подошел к Аниному столику.

Мы пошли танцевать. После первого танца мы не ушли с площадки. А когда начался второй, я почти сразу предложил Ане уйти с вечера. Она тут же согласилась.

Днем было очень жарко, а когда мы вышли из ресторана, шел дождь, который почти тут же кончился. Жара спала. И мне было чертовски приятно наконец-то побыть с Аней вдвоем, бродить по весенним улицам, никуда не торопиться и не думать, как раньше, о том, что вот сейчас она может куда-то уйти.

Она стала мне рассказывать, что с мужем уже давно развелась и что с тех пор у нее, в общем-то, никого не было. Что сын у нее непутевый. И она почему-то часто сравнивала его со мной, с тем, давнишним мной. И от этого сравнения всегда очень огорчалась. А я слушал ее и почти ничего не говорил о себе.

Я проводил ее до дома. Она предложила зайти к ней. Предложила не очень уверенно, так что мне легко было отказаться. Мы поцеловались. Вернее, расцеловались. Я записал ее телефон и обещал позвонить, чтобы

повидаться опять.

Следующие несколько дней я вспоминал о нашей встрече. Разглядывал бумажку с номером Аниного телефона. Но звонить ей не стал.

С Аней Соколовской мы больше никогда не виделись. Но время от времени я узнавал о ней от общих знакомых.

Когда нам всем было уже много-много лет, мы перезванивались и рассказывали друг другу, кто что делает и у кого какие проблемы. Но со временем звонки стали все реже и реже. А потом разговаривать было уже почти и не с кем. И я не знал, живет ли еще на этом свете Аня Соколовская.

* * *

Когда мы еще учились с Аней в одном классе, все мы любили писать друг другу всякие записочки. И мой самый близкий школьный товарищ, с которым мы всегда сидели за одной партой, показал мне, о чем они переписывались с Аней. Он написал ей, что она слишком часто поглядывает на его друга. А она ответила ему, что у нее есть кое-кто и получше, чем его друг. И эта записочка расстроила меня невероятно.

Наверное, через полгода, когда мы были уже в разных классах, моя мама вернулась откуда-то домой и сказала, что встретила на улице Аню Соколовскую с мамой и что они спрашивали обо мне. Это сообщение ужасно меня взволновало. А мама посмотрела на меня и спросила, почему я покраснел. Я почувствовал, что от маминого вопроса я стал краснеть еще больше. И сказал, что вспомнил, что сделал ошибку в школьном сочинении, и вот теперь не знаю, заметит ли ее наша учительница или нет.

Когда мама отошла от меня, я достал фотографию нашего класса, которую нам всем раздали в конце прошлого учебного года, и стал ее разглядывать. Аня была высокой и поэтому стояла в последнем ряду. Рядом со мной. Фотография была не очень хорошего качества. Все лица были маленькими и плохо пропечатанными.

Я пытался взглянуть в Анино лицо, и в моей грудной клетке что-то сильно-сильно сжималось.

Покер Маяковского

Кирилл и Данила были неразлучны еще со студенческих времен. И хотя их имена вроде бы не были очень уж похожи, многие почему-то их путали. Объединяло их то, что оба очень любили играть в покер. И пока они учились в институте, играли почти каждый день.

Когда учеба закончилась, их дороги разошлись. Но они продолжали играть в покер. Теперь уже только раз в неделю, по четвергам.

Кирилл все время хотел уехать из страны и на свою научную карьеру не обращал никакого внимания. Последние годы был в отказе. С работы

его выгнали, и жизнь у него была нелегкой.

А Данила быстро защитил кандидатскую диссертацию, а потом, уже не так быстро, смог защитить и докторскую. Когда-то после защиты полагалось устраивать банкет в ресторане. На него звались все друзья и родственники новоиспеченного доктора наук. Кроме того, туда приглашались все, кто имел прямое и даже не очень прямое отношение к защите: оппоненты по диссертации, ученый секретарь и ведущие члены Ученого совета, коллеги. Но к тому моменту, когда защитился Данила, все изменилось. Диссертационные банкеты были запрещены. А за нарушение этого запрета власти грозились отменять результаты защиты.

Данила разрешил эту проблему очень просто. Так получилось, что защита состоялась за неделю до дня его рождения. Ну он и позвал всех через неделю праздновать день рождения. Пригласил всех, кого надо было, включая оппонентов и членов Ученого совета. И Кирилла, естественно, тоже.

В ресторане он посадил Кирилла за стол рядом с их общей однокурсницей. Когда-то она оказывала Кириллу определенные знаки внимания. Да и он тоже вроде был слегка влюблен в нее. Но потом что-то проскочило между ними. Что-то такое, что Кириллу тогда не очень понравилось. Но пока он раздумывал над этим, и в его, и в ее жизни произошли перемены.

Они долго не виделись. Потом он встречался с ней пару раз у Данилы. Она приходила со своим мужем и маленькой дочкой. И вот теперь Кирилл сидел рядом с ней на банкете.

Празднование проходило скучно и bestолково. Все это чувствовали. Пытались внести какое-то оживление своими выступлениями. Но то, что казалось удачным для выступающего, наводило еще большую скуку на всех остальных.

– А что же ты молчишь? – вдруг обратилась она к Кириллу, когда вечер уже перевалил за половину, – скажи тоже что-нибудь.

– Изволь, – ответил он. – Однажды играли...

– ... в карты?

– Да, у конногвардейца Нарумова. А как ты догадалась?

– А о чем еще ты можешь говорить? Я про тебя все знаю.

Они помолчали. А потом она сказала:

– Я знаю про все твои проблемы. Все время тебе сочувствовала. Но никогда не решалась позвонить.

– Спасибо, – сказал Кирилл.

Они опять какое-то время помолчали.

– А я тоже про тебя все знаю. Вот только не знаю, сочувствую я тебе или нет.

– Что же ты про меня знаешь?

- Ты разошлась с мужем по политическим соображениям.

- Ах, если бы! В том-то и дело, что не было никаких, как ты говоришь, политических соображений.

- Вот как?

И она начала рассказывать Кириллу о себе.

Ее муж был неплохим растущим математиком. Он работал на мехмате Московского университета, и там для него сложилась очень неприятная ситуация. Она рассказывала Кириллу в общем-то известные для него вещи. Стала говорить о том, как некто Садовничий, который в свое время был комсомольским вожаком мехмата, и его сподручные расправлялись на вступительных экзаменах с еврейскими абитуриентами. Загоняли их в отдельные аудитории, которые в народе называли газовыми камерами, и заваливали с помощью садистских приемов: давали задачи, которые и сами едва ли смогли бы самостоятельно решить. А ее муж был частью этого процесса.

Она была наполовину еврейка. И она спрашивала мужа, а что же он скажет, когда их дочь подрастет, будет поступать к ним, и ее тоже определят в газовую камеру. Он отвечал, что такое вряд ли случится, поскольку у них про жен мало кто знает. А раз она еврейка по матери и носит фамилию своего русского отца, то об этом точно никто не узнает. А если даже кто-то и раскопает это, то он не сомневается, что ему пойдут навстречу и дадут возможность их дочери сдавать экзамены на общих основаниях. Вот недавно он узнал, что один известный математик, который пользовался у всех большим уважением, добился того, чтобы его сын в подобной ситуации сдавал экзамены на общих основаниях.

Он говорил ей, что ему самому противно участвовать во всем этом. Но у него безвыходное положение. Надо подождать, пока он защитит докторскую. Вот тогда он будет чувствовать себя независимым от всей этой банды и откажется работать в приемной комиссии.

Еще он говорил ей – смотри, мол, ты ведь идешь голосовать за них на выборах. И не потому, что они тебе нравятся. Просто ты не хочешь портить себе жизнь.

- Ну так, может быть, действительно надо было подождать, пока он защитит докторскую, – сказал Кирилл, – подгадать защиту ко дню рождения, потом отпраздновать это дело, и все было бы как у всех. Получается, значит, что разногласий у вас, собственно, и не было...

- Да нет! Дело уже было совсем не в этом.

Она помолчала немного и добавила:

- А может быть, и в этом тоже.

Кириллу ужасно хотелось побыть с ней вдвоем после банкета. Он уже настроился проводить ее до метро и спросил:

– Можно, я как-нибудь позвоню тебе?

Она ничего не ответила, и он не понял, то ли она раздумывала, что ответить, то ли не расслышала, о чем он спросил. Там было ужасно шумно. Но Кирилл решил, что повторять свой вопрос не будет.

Народ начал расходиться. Они тоже стали прощаться. Она сказала, что спешит, поскольку ей надо забирать дочку у подруги. Кириллу это ее замечание понравилось, он принял его как некоторое извинение за то, что она не может больше оставаться с ним. Они обнялись на прощанье. Она дотронулась до пуговицы на его пиджаке и сказала:

– Ты простишь меня за то, что я не ответила тебе? Там было так шумно... Конечно же, я хочу, чтобы ты мне позвонил.

Через пару недель Кирилл в очередной четверг пришел к Даниле домой. Они играли в покер допоздна. Играли, как всегда, по мелким ставкам. Так что никто никогда не оставался в крупном проигрыше. Время от времени выпивали по стопарику самогонки и закусывали маленькими кубиками посыпанного солью и высушенного в духовке бородинского хлеба.

Они играли в покер Маяковского – колодой из 52 карт без джокеров. На самом деле никто из них не знал точно, играл ли Маяковский в такой покер или нет. Но кто-то им сказал, что он любил так играть, и все они в это верили.

В самом конце вечера произошла совершенно невероятная история. У Кирилла на втором кругу оказались на руках валет, десятка, девятка, восьмерка и семерка пик. Это была одна из сильнейших комбинаций. Ставка в пять фишек у них была максимально возможной. И он бросил на кон все пять. Все тут же побросали карты, а Данила ответил пятью фишками и добавил еще пять. Кирилл поставил пять и пять. Данила сделал то же самое.

Комбинация у Кирилла в игре без джокеров была очень сильной. Но он не мог быть уверен в выигрыше до самого конца. Тем не менее он продолжал ставить пять и пять фишек. В какой-то момент, со словами – ладно уж, пожалею тебя – Данила закрыл игру и стал неторопливо выкладывать свои карты на стол. У него была невероятно сильная комбинация: четыре дамы. Когда он положил на стол первую из них – пиковую даму, – Кирилл понял, что победил. Но он все-таки дождался, пока Данила выложит на стол все свои карты. Никто уже не сомневался, что Данила выиграл этот кон, но всем было интересно, что же собрал Кирилл.

Он стал выкладывать на стол свой стрит-флэш. И когда выложил последнюю карту, сказал Даниле:

– Ваши дамы биты.

Все повскакали со своих мест. Кто-то одобрительно хлопал Кирилла

по плечу. Кто-то говорил какие-то слова утешения Даниле. А тот вроде бы совсем не был расстроен. Со всеми вместе удивлялся такой абсолютно невероятной встрече двух сильнейших комбинаций и со всеми вместе поздравлял Кирилла.

Потом, когда уже все ушли, Данила сказал Кириллу, что звонила их общая знакомая и жаловалась на него.

- В чем дело? - спросил Кирилл.

- Говорила, что ты куда-то пропал. Не звонишь.

- Да я один раз ей позвонил, но у нее дочка была больна, - сказал Кирилл. - Понимаешь, я принял это как знак свыше. Ну и решил больше ей не звонить.

- Да ерунда какая-то. Какой еще знак свыше? Это тебе не покер. Здесь думать много не надо.

Тут Кирилл сказал ему, что дело не только в этом. А еще в том, что она взяла его за пуговицу. Там, у выхода из ресторана. И что в тот момент он вспомнил, как много лет тому назад она тоже взяла его за пуговицу пиджака. И, когда говорила с ним - и тогда, давно, и недавно, у ресторана, - все крутила и крутила эту пуговицу в руке.

- Понимаешь, я тогда, давно, все думал: что это может означать? И пока я думал... Ну, в общем... тогда, давно, все у нас и расстроилось.

- А, так дело в пуговице? - спросил Данила.

Кирилл ничего не ответил, и они немного помолчали.

- Ну, пуговица - это другое дело. Может, ты и прав. Тут я - пас.

Они помолчали еще.

- Пуговица - это совсем другое дело, - опять сказал Данила.

Мыши

Денег у меня не было совсем, и я плохо понимал, что я мог бы с этим сделать. Я работал уже более пяти лет в «Скорой помощи». И надежд на то, чтобы поступить в медицинский, становилось с каждым годом все меньше и меньше. Время от времени я решал, что должен что-то круто изменить в своей жизни. Но что именно должно было в ней измениться, я, к сожалению, не знал.

К тому моменту я уже разошелся с женой. Почти все, что я зарабатывал, отдавал ей. Как я умудрялся существовать на мою мизерную зарплату - трудно было понять. А мне надо было снять квартиру. И я совершенно не представлял себе, где, как и на какие деньги я ее сниму.

Одно время я надеялся уехать из страны. Но после развода это означало бы полностью потерять своих детей, и мне пришлось с этой идеей распрощаться.

И вот в тот момент, когда я гадал, что же мне теперь делать, выяснилось, что друзья моих друзей уехали на два года в Париж. Свою квартиру они сдавать не захотели. Попросили там жить и присматривать за ней учителя, который преподавал французский их детям. А у него была комната в коммуналке. И вот эту комнату он готов был мне сдать за какую-то совсем небольшую плату.

Комната оказалась маленькой. Там жили мыши. И я несколько дней потратил только на борьбу с ними. Когда я привел там все в порядок, она стала приходить ко мне. Приходила ненадолго, на полдня. Потом уходила. И опять приходила.

Когда она уходила, я мог бы поехать к детям. Я очень скучал без них. Моя бывшая жена не возражала даже, если бы я остался у них ночевать. Но я боялся, что это может быть воспринято ею как-то не так. А мне этого очень не хотелось. Поэтому я оставался в своей комнатке. И по ночам слушал, как шуршат мыши.

А днем она продолжала ко мне приходить.

Куда она потом делась? Почему мы расстались? Как это все закончилось? Уже не помню.

Красновидово

Закончилась зимняя университетская сессия. Мы с друзьями решили поехать на каникулы в студенческий дом отдыха. Это заведение принадлежало Московскому университету. Расположено оно было на берегу Можайского водохранилища, в 120 километрах от Москвы, в деревне Красновидово. Те, кто уже побывал там, говорили, что воздух в тех краях такой чистый, что голова начинает кружиться.

С нами в одной комнате поселили симпатичного парнишку. Он тоже, как и мы, учился на мехмате, но был на два года моложе нас. Мы быстро подружились. Я стал ему рассказывать, кто такие все наши преподаватели, какие на мехмате традиции, и вообще поведал много разных баек про университетскую жизнь. Огорчил слегка, сказав, что больше такой счастливой сессии, как самая первая, где были только математические предметы, у него никогда не будет.

По поводу «счастливой сессии» он заметил мне, что очень многие его однокурсники не смогли справиться с математикой и сейчас либо находятся в подвешенном состоянии, либо уже отчислены из университета.

Мы поехали в Красновидово чисто мужской компанией. Наш новый знакомый тоже был один, без своей девушки. Она собиралась было поехать с ним. Но в последний момент у них что-то стряслось, и она осталась в Москве.

Днем мы катались на лыжах. Перед ужином играли в преферанс. Выпивали при этом «Российского полусладкого». Бутылку на всю нашу

компанию. «Российское» мы привезли с собой. Знали, что оно может запросто подкиснуть. Поэтому держали в прохладном месте – между оконными рамами.

Вечером мы спускались в танцевальный зал. Проигравшие в преферанс должны были пригласить на танец кого-то по выбору выигравших. Тариф придумал я: за каждые проигранные 100 вистов – один танец.

Все время, что мы там были, наш молодой друг не принимал участия в преферансных играх. И только за день до того, как надо было покидать Красновидово, решил подключиться к нам. Мы держали наше соглашение о танцах в строгом секрете. Но он знал о нем. Конечно, он понимал, что играет очень слабо и что обязательно проиграет. Поэтому решил сыграть с нами, предварительно взяв с меня слово, что мы будем выбирать для него только привлекательных девушек.

Вечером, когда мы спустились в танцевальный зал, я указал ему на, пожалуй, самую симпатичную девушку. Выглядела она очень мило. К тому же на ней было облегающее платьице, которое эффектно подчеркивало ее замечательную фигуру.

Он был рад моему выбору и даже пожал мне руку в знак благодарности. Когда танец закончился, он подошел ко мне и спросил, каков же будет мой следующий выбор. Я опять указал ему на ту же самую девушку. Он снова пригласил ее.

Потом, когда я предлагал ему пригласить ее еще и еще раз, он уже не пожимал мне руку. Наоборот, просил изменить мой выбор. Но я настаивал на своем.

А она уже не скрывала от него, что он ей ужасно понравился, и, конечно же, думала, что и она ему тоже очень нравится. И только все время спрашивала, почему же он не открывался ей до последнего дня, почему никогда до этого не приглашал ее танцевать.

Он немного рассердился на меня. Но потом, видно, решил, что хотя я и надул его слегка, но все, в общем-то, было более-менее в рамках справедливости.

Он сказал, что обменялся с девушкой телефонами. И хотя определенно знал, что звонить ей не будет, пообещал, что в Москве они обязательно встретятся.

- А что я мог еще ей сказать? – спросил он меня.

В Москве она звонила ему несколько раз. Но он с разными отговорками уклонялся от встречи.

Как-то в большой аудитории на биологическом факультете артисты московских театров давали концерт. Она знала, что он туда пойдет. Достала билетик и, ничего не сказав ему заранее, тоже пришла туда. Он вовремя заметил ее и смог убедить с вечера так, что она даже не успела

увидеть его. На следующий день он рассказывал мне об этом и выглядел он довольно растерянно.

В другой раз он столкнулся с ней в коридоре мехмата. Она, по-видимому, придумала что-то правдоподобное для объяснения, почему она там оказалась. Он не пошел на второй час лекции и присидел с ней в какой-то пустой аудитории. Как потом он признался мне, ему с ней было очень хорошо. И он даже не возражал бы, если бы это их нечаянное свидание продолжалось долго-долго.

По окончании второго часа они вместе подошли ко мне, и он сказал, что готов ехать на встречу. Ни на какую встречу мы ехать не собирались. Но я, конечно, подыграл ему и ответил, что нас там ждут и нам надо поторапливаться.

В какой-то момент она позвала его на свой день рождения. Видимо, уже подозревая что-то неладное, сказала, что будет очень ждать, и если он не придет, она уже больше никогда ему не позвонит. Он пообещал прийти, хотя точно знал, что не поедет к ней.

В один из дней он позвонил мне и сказал, что вот именно сегодня вечером, прямо сейчас, у нее собираются гости на ее день рождения. И что он ужасно мучается. Представляет себе, как она долго готовилась к этому вечеру. И как сейчас вздрагивает при каждом звонке или стуке в дверь, как выбегает навстречу входящему и как все больше и больше расстраивается.

Мягкий вагон

У Кирилла образовалась неожиданная срочная поездка в Волгоград. Ни плацкартных, ни купейных билетов в кассе вокзала уже не осталось, и он купил билет в мягкий вагон. Мягкие сиденья там выглядели не очень-то опрятно. Зато никаких верхних полок в купе не было. По этой причине у него был только один попутчик.

Он долго выяснял, чем Кирилл занимается, и вообще, кто он такой. Кирилл не торопясь отвечал на его вопросы. А тот внимательно слушал. В какой-то момент Кириллу показалось, что он может рассказать своему случайному знакомому несколько больше того, о чем рассказывают в поездах. И когда он сообщил своему попутчику, что он в отказе уже седьмой год, тот тут же на это отреагировал и сказал, что они – товарищи по несчастью.

– Вы тоже в отказе? – спросил Кирилл.

– Нет. Но я тоже, как и вы, имел несчастье родиться в этой стране.

Кирилл ожидал, что его новый знакомый тоже что-то расскажет о себе. Но он надолго замолчал. Все смотрел в вагонное окно. А потом вдруг сказал:

– А я в Америку лечу через две недели. Насовсем лечу.

- Куда же вы тогда едете? Вам надо к отъезду готовиться.

- В Борисоглебск еду. К матери. Попрощаться хочу. А к отъезду я уже давно приготовился. Более двадцати лет тому назад приготовился.

- Как так? - спросил Кирилл.

И он стал рассказывать свою историю.

У него была невеста. Они уже планировали свадьбу. Но когда он увидел Кэтрин, он просто потерял голову.

Она прилетела в Москву из Франции. Работала на третьих ролях во французском посольстве. Ей было двадцать лет, и она была ослепительно красива. Мечтала стать актрисой. Предложила свои услуги молодежному театру-студии. Там не очень ясно представляли себе, как она сможет вписаться в их коллектив. Но решили попробовать. Запросили разрешение у гэбэшников. К удивлению, быстро получили положительный ответ. По-видимому, гэбэшники имели на нее свои виды, но все повернулось неожиданной для них стороной.

Ему было двадцать семь, но он уже был доцентом физического факультета Московского университета. Ему прочили головокружительную научную карьеру. Но сам он думал только о том, как можно было бы убежать из Союза.

Он был вхож в студию, куда взяли Кэтрин. Там они и познакомились. Их роман развивался довольно быстро. А когда Кэтрин сказала ему, что у них будет ребенок, они решили пожениться. Запрет на брак с иностранцами был давно отменен. Более того, худшие времена после отмены указа тоже уже прошли. И все-таки вся эта процедура была связана с большой нервотрепкой.

Сразу после регистрации брака он решил, что пришла пора действовать. Он стал убеждать ее, что рожать она должна обязательно во Франции. И что они будут просить разрешения поехать в Париж якобы для того, чтобы познакомить его с ее родителями.

Он сказал ей, что если она хочет покинуть эту страну вместе с ним, они должны быть крайне осторожны. Все их планы она должна скрывать даже от своих самых близких друзей.

- Могу ли я сказать об этом маме? - спросила она.

И он ответил, что она скажет обо всем маме, когда они будут в Париже.

Они стали оформлять документы на поездку в Париж. А он на работе развил бурную деятельность, желая убедить гэбэшников, которые, как он не сомневался, следили за ним, что все его научные интересы связаны в первую очередь с Московским университетом. Активно участвовал во всех делах своей кафедры. Стал вести переговоры с издательством «Наука» о публикации научной монографии.

Гэбэшники, по всей видимости, понимали, что если он не вернется,

это будет иметь большой и очень нежелательный для них резонанс. Он становился все более заметной фигурой в Московском университете. Поэтому они все время засылали к нему своих осведомителей. Кто-то предлагал купить его машину. Это, как он понял, было явной провокацией. Кто-то просил его передать в Париже небольшую посылочку. Кто-то просил зайти в гости к знакомому и передать ему живой привет. Но он всем вежливо отказывал. Говорил, что в Париж едет только на неделю, и у него совсем не будет свободного времени.

Кэтрин по его подсказке везде и всюду говорила, что ей очень нравится в Москве и что она твердо намерена остаться в Союзе навсегда.

Как-то он понял, что в его квартире побывали непрошенные гости. С тех пор они даже дома говорили между собой так, как будто их прослушивали. Ему нужно было потратить много усилий, чтобы убедить Кэтрин, что он не сошел с ума и что все его опасения не напрасны.

За три недели до их отлета участковый врач, наблюдавший за его женой, сделал анализы крови и проявил беспокойство. Сказал, что ей неплохо бы на денек лечь в больницу на обследование. В больнице им сказали, что за день они не смогут завершить обследование и ей надо задержаться там еще на один день.

Он уехал в университет. А вечером вернулся в больницу проведать ее. Когда он вошел в палату, около ее постели сидел человек в белом халате, который вводил ей какой-то препарат в вену. Он спросил у него, что он вводит. Тот пробормотал что-то и ушел.

Сразу после этого Кэтрин почувствовала себя плохо. С каждой минутой ей становилось все хуже и хуже. У нее начались преждевременные роды, и ее увезли из общей палаты.

Он пытался узнать, что происходит. Но ему отвечали, что скоро к нему выйдет врач и все расскажет. Врача долго не было. Потом он вышел и сказал, что ни ее, ни ребенка не удалось спасти. Все это врач говорил ему торопливо, смотря при этом себе под ноги, и быстро удалился.

Он был подавлен случившимся. Требовал расследования. Добился свидания с главным врачом. Тот был очень вежлив и заверил его, что ему выдадут всю документацию по лечению жены. Назначил время, когда ему должны были все это принести и дать устные пояснения, если ему что-то будет неясно.

В назначенный час его ждал какой-то человек. Уже не в халате, а в штатской одежде. Он был тоже вежлив с ним. Но, как выяснилось, никаких документов ему показывать не собирался и даже не пытался дать никаких пояснений насчет того, что же все-таки произошло с его женой. А когда он стал настаивать, то человек в штатском сказал, что его вопросы кажутся оскорбительными для медицинского персонала, который боролся за здоровье и жизнь его жены. И потом очень витиевато намекнул, что если он будет упорствовать, то и сам может оказаться там же, где его жена.

- В этот момент мне хотелось броситься на него и перегрызть ему горло, - сказал он Кириллу, - но я сдержался. Они запросто могли и со мной расправиться. Поэтому я помалкивал все эти годы. Но вот сейчас, думаю, уже можно об этом рассказать... случайному попутчику, которого я больше никогда в жизни не увижу.

Он закончил свой рассказ, и они долго молча смотрели в вагонное окно. Поезд остановился на переезде. А они все молчали. Потом поезд тронулся, и Кирилл спросил:

- Летите в Америку один, с семьей?

- У меня нет семьи. А женат я был только один раз.

- Значит, с тех пор вы живете один?

- Почему «один»? На свете много прекрасных женщин! Они меня «одного» не оставляют. - На его лице появилась недобрая ухмылка. - Но вы правы, в каком-то смысле я живу один и не женюсь уже, наверное, больше никогда...

Вагон качнуло. Поезд остановился. Дверь купе отошла в сторону. Появилась проводница.

- Мужчины! Кто тут до Борисоглебска?

- Борисоглебск! Боже! Это я! Выхожу, выхожу...

Филадельфия

Мой друг женился на женщине с моей новой работы. Так получилось, что я и познакомил их однажды, когда мы встретились совершенно случайно на каком-то музыкальном концерте.

Ее мать никогда не работала, воспитывала трех своих дочерей. А отец был заместителем начальника Управления главного энергетика в одном из министерств. Должность эта была не такой уж высокой, но все-таки и не маленькой. Отец ее не слишком кичился своим положением. Так мне показалось в тот единственный раз, когда я видел его. Говорил он мало. Но в словах его чувствовалась все-таки какая-то многозначительность. И мне все время казалось, что и молчал он тоже довольно многозначительно, как будто знал обо всем больше других, но не хотел об этом говорить.

Мой друг считал, что ее родители славные люди. А однажды сказал, что они могли бы быть совсем славными, если бы жили в каком-то другом месте.

Как-то он зазвал меня к ним распить бутылку «Цинандали». Когда я пришел, у них была ее мать. Присоединиться к нам она отказалась. Сказала, что вина вообще не пьет и не голодна, недавно поела.

Разговор наш все время крутился вокруг одной и той же темы. Мы говорили о том, как трудно с нашими беспартийными еврейскими физиономиями рассчитывать на какой-то успех где бы то ни было. И каких феноменальных успехов добились наши друзья, уехавшие в Америку.

Ее мать подтаскивала нам из кухни легкую закуску и в разговоре не участвовала. Но обрывки нашей беседы до нее долетали. Когда я ушел, она сказала моему другу:

– Не нравится мне, о чем вы тут говорили. Как же так? Мы вам дали столько возможностей. А вы все чем-то недовольны. Нехорошо это.

Когда ее мать ушла, она кинулась к мужу со слезами на глазах:

– Боже! Ты, наверное, обиделся на маму. Мне так стыдно! Прости ее.

Но он успокоил ее, сказав, что она может выбросить все это из головы.

Через год я улетал в Америку. Знал, что буду жить в Филадельфии. Мой друг и его жена были на моих проводах. И я сказал ему, что это их вторые провода и что, по известной примете, они тоже скоро покинут Союз навсегда. Он криво улыбнулся и бросил короткий взгляд на свою жену.

Он долго уговаривал ее уехать. Но она была под сильным влиянием родителей. И в конце концов он понял, что его уговоры ни к чему не приведут.

Расходились они не мирно. В процессе развода она сделала несколько обидных для него движений. И он улетел в Америку, даже не попрощавшись с ней.

* * *

Поначалу он попал в Бостон. Через несколько месяцев устроился там на работу. А через пару лет я помог ему найти очень приличную работу в Филадельфии, в финансовой компании, хотя сам работал в другой сфере. А он, когда там довольно сильно продвинулся, перетащил меня к себе.

Наши дома были рядом, и мы часто ходили друг к другу в гости. Его многие знали у нас в Филадельфии. Он любил принимать гостей. Любил шумные застолья. Народ к нему приходил разный, не только близкие друзья. И в какой-то момент он повесил у себя в столовой табличку, на которой было написано: «У нас не принято показывать видео с *YouTube*'а, рассказывать анекдоты и поднимать тосты за Америку, хозяев и присутствующих дам». Об этой его табличке в нашем кругу, среди русских, было много разговоров.

Когда он уже переехал в мой штат, его бывшая жена решила прилететь на месяц в Америку. Сначала в Нью-Йорк, а оттуда в Филадельфию.

Друзья отговаривали ее. Убеждали, что это выглядит смешно. Но она настаивала, что хочет поехать именно в Филадельфию. Что давно мечтала побывать в музее Родена и в фонде Барнса. А встречаться с ним она не собирается.

В первый же день в Филадельфии она позвонила ему. Сказала, что привезла посылочку от их общих знакомых. Он пытался сначала отказаться от встречи, говорил, что он не в Филадельфии. Она никак не могла в это поверить.

– Как же так? – недоумевала она. – Ведь я же звоню тебе на домашний телефон.

Сначала он пытался объяснить ей, что это ничего не значит. Но, в конце концов, представив, какой путь ей пришлось проделать, согласился встретиться с ней через несколько дней в музее Родена.

В музее она без умолку рассказывала ему о Нью-Йорке. Говорила, в какую ужасную передрыгу она там попала. Она поехала куда-то в сабвее. Нужную ей станцию, к ее удивлению, поезд проскочил без остановки. Она вышла из вагона, решила поехать обратно и села в поезд на противоположной платформе. Стала читать названия станций и поняла, что едет совсем не туда, куда надо. Опять вышла из вагона. Стала спрашивать у народа, как ей найти нужный поезд. Знаками ей вроде бы показывали, что она должна идти по переходу над линиями. А когда она пошла по переходу, то неожиданно оказалась на улице. Там она поняла, что ей опять надо покупать билет, чтобы пройти к поездам, и что она абсолютно не представляет себе, в какой поезд она должна сесть и в какую сторону ехать. И тут она заплакала. К ней подошел полицейский. Она стала объяснять ему, куда она ехала. Но они никак не могли понять друг друга. Тогда она решила, что должна вернуться обратно, и попыталась объяснить это полицейскому. Наконец, он, судя по всему, понял ее. Прошел с ней по улице к другой станции. Провел к поездам. На платформе они стали ждать поезда. А он ей все время что-то говорил. Потом написал на бумажке название ее станции, и она очень этому обрадовалась. Затем стал говорить ей про что-то такое, чего она не должна была делать ни в коем случае. Как она поняла – ни в коем случае и никогда. И настаивал на этом, пока она не согласилась, что этого она делать не будет.

Поезд, в который ее посадил полицейский, довез ее обратно до дома. Но после этого случая она решила, что в сабвее одна никуда больше не поедет.

Все это она рассказывала ему с большим возбуждением. А ему ее рассказ не казался интересным. Он не мог отделаться от мысли, что зря, наверное, встретился с ней.

Она стала спрашивать его о жизни. Спросила, интересная ли у него работа. Он ответил, что сначала его взяли на очень маленькие деньги. И

ничего другого он и не ожидал. Но со временем работать стало все интереснее и интереснее.

Она спрашивала его еще о чем-то. Он отвечал односложно. И в какой-то момент она сказала:

– Вижу, что тебе несладко тут живется.

Через пару месяцев ему позвонил один из его московских приятелей:

– Твоя бывшая жаловалась, что ты стал совсем другим человеком. Что у тебя потухший взгляд. Глаза не светятся. Разговор не поддерживаешь.

И он ответил приятелю:

– А о чем я должен был с ней говорить? О том, какая у меня замечательная работа? Или мне надо было показать ей фотографию моей жены и сына? Рассказать, куда мы летали отдыхать в этом году?

* * *

Как-то, еще в Москве, когда они только что проснулись утром, лежали, обнявшись, и все не хотели вставать, она сказала ему:

– Я знаю, когда-нибудь ты бросишь меня и уедешь в Америку.

– Может быть, – отвечал он. – Может быть.

Оба они думали, что шутят. И были тогда еще вполне счастливы друг с другом.

Мальчик

Скоропостижно скончалась жена приятеля.

У них было двое детей – мальчик четырнадцати лет и девочка десяти лет. Девочка на кладбище рассматривала какие-то цветочки и вообще вела себя так, как будто ничего не случилось. А мальчик выглядел совершенно подавленным. Приятель сказал мне, что у мальчика была невероятной силы тихая истерика и он даже боялся, что тот может повредиться рассудком. Еще он сказал, что когда мальчику было всего шесть лет, на детской площадке он по неосторожности получил удар качелями по голове. С тех пор голова у него часто болела, и они с женой все время переживали по этому поводу.

Через год с небольшим приятель женился вторично. На женщине с восьмилетним ребенком. Ее сын оказался довольно болезненным. И так уж получилось, что основное внимание семьи было обращено на него.

Со временем дети моего приятеля оказались как бы заброшенными. Я часто приходил к ним. Девочка не обращала на меня никакого внимания. А мальчик всегда был рад мне.

Мы подолгу разговаривали с ним обо всем на свете. Когда я уходил, он

всегда шел провожать меня до дверей. И я чувствовал, что он ждет, чтобы я сказал ему, когда приду опять. У меня складывалось печальное ощущение, что дома он ни с кем особенно и не общается.

В школе он стал проявлять интерес к физике. Бывал ужасно рад, когда я давал ему какие-то остроумные задачки. Любил всякие задачи-шутки. От физики мы иногда переходили к математике. Он просто обожал задачки, которые трудно было решить самостоятельно, но которые имели очень короткое решение.

Как-то, когда я пришел к ним в очередной раз, он бросился ко мне еще в прихожей и начал рассказывать, что у них случилось в школе. Оказалось, что учитель физики предложил всем задачу, похожую на одну из тех, которые мы с ним решали. Задача была трудная, но он с ней быстро справился. А когда начал рассказывать решение у доски, никто из ребят не мог ничего понять. И тогда учителю пришлось самому объяснять всем его решение.

Когда я уходил от них, приятель рассказал мне, что был в школе и разговаривал там с математичкой. И она сказала, что его сын по ее предмету еле-еле вытягивает на четверки. Но на школьной олимпиаде он смог решить пару сложных задач, с которыми не справились даже самые продвинутые ее ребята.

И я сказал приятелю, что мне это все понятно. Я и сам заметил, что голова у мальчика работает прееотлично. Но с рутинными вещами, где нужно просто суметь сосредоточиться и проявить больше усидчивости, дела обстоят значительно хуже.

В один из моих визитов к ним приятель мой стал жаловаться, что мальчик часто среди дня ложится на кровать и подолгу лежит так, просто смотря в стену.

- И еще он мне говорил что-то про тебя.

- Что же? - спросил я.

- Хотел узнать у меня, знаком ли ты с его учителями. Говорил, что ты - человек не простой и можешь легко повелевать другими людьми.

Я пытался выяснить у приятеля, что все это могло бы значить. Но он и сам толком не знал, что имел в виду его сын.

Когда в тот день я опять разговаривал с мальчиком, я не заметил, чтобы он как-то ко мне переменялся. Все было между нами по-прежнему. На этот раз мы просидели с ним даже дольше обычного.

А под конец он рассказал мне что-то, что его очень развеселило. На днях, выбегая из дома, он увидел на лавочке возле подъезда старушку. Она сказала ему: «Всё бегишь, бегишь. Ты не замучииси?»

Он смеялся, когда рассказывал мне это, и все повторял: «Ты не замучииси?»

Однажды, когда я как-то опять пришел к ним, мальчик сказал мне, что думает, что его мама жива. Но только она скрывается от всех. И от него – тоже. Я пытался убедить его в том, что этого не может быть. Даже стал говорить ему, что это, в общем-то, не очень хорошо – подозревать в таком деле его мать, которую он без памяти любил. И мальчик вроде бы со мной согласился.

Через месяц я узнал, что его больше нет. Он выпал из окна четвертого этажа и разбился. Был ли это несчастный случай или нет – его отец избегал говорить со мной на эту тему.

Дура

Она никак не могла понять, почему и как это все могло произойти. Наверное, она потратила много сил и энергии на проведение их короткого двухдневного похода. Она очень хотела, чтобы ее ребята запомнили его надолго, и, видно, расслабилась, когда он уже подходил к концу.

Это был ее самый любимый класс. Она преподавала этим семнадцатилетним мальчикам и девочкам английский. Обожала их всех, хотя на ее уроках они совсем не блистали. Кроме, может быть, Светы, ее любимицы. И когда у кого-то из них возникла идея пойти всем классом в небольшой поход и тем самым отметить окончание школы, она эту идею горячо поддержала.

После того как решение о походе было всеми одобрено, они со Светой стали разрабатывать маршрут. Несколько дней расписывали вместе, кто и что должен сделать и кто и что должен взять с собой.

Они уехали в пятницу вечером. Провели два волшебных дня в лесу на берегу маленькой речки. Мальчишки играли в футбол. Все вместе сражались в бадминтон, отгородив веревками площадку и повесив сетку между двумя деревьями. У них оказались две надувные лодки. Они плавали на них, ловили с них рыбу. А в один из дней устроили шуточный «морской бой». Вечером сидели у костра, пели песни. В горячей золе пекли картошку.

Было, конечно, много разговоров о том, что они все собираются делать после окончания школы. Она была всего на восемь лет старше всех их. Ребята воспринимали ее почти как свою, такую же, как они. И все-таки когда начинала говорить она, все замолкали и ловили каждое ее слово.

Она знала все или почти все обо всех. Могла дать совет и наставление каждому из них. Ведь все они готовились к вступительным экзаменам.

У костра она рассказала несколько поучительных историй. Одна ее подруга поступала на физический факультет университета. Получила пятерки по физике и математике. Когда уже считала, что все трудности позади и что она прошла по конкурсу, сдавала английский. На экзамене

перевела фразу «палка длиной два фута» как «палка длиной в две ноги». Получила двойку. Это было, конечно, очень обидно. Потом они спорили, правильно ли за такую оплошность ставить двойку или нет. И решили сообща, что двойка была незаслуженной. Но все-таки поняли, что любая мелочь может быть причиной больших неприятностей и поэтому надо быть все время начеку.

И еще много было всяких разговоров у вечернего костра. А она была просто счастлива, как чудесно они провели там время.

И вот теперь она сидела в коридоре больницы. Ожидала, пока выйдет врач и объявит, будет ли Света жить или нет.

Вышел врач. Сказал, что они сделали все, что могли. И, наверное, теперь можно сказать, что ее жизнь вне опасности. Хотя не исключено, что понадобится еще одна операция. Но она никогда не сможет иметь ребенка.

Основное напряжение несколько ослабло. Но она все еще сидела на скамейке больницы и не могла встать. Вспоминала, шаг за шагом, все, что произошло.

Когда эти замечательные два дня подошли к концу, они загрузили свои рюкзаки и пошли лесом к станции. Видно, они все рассчитали правильно и вышли из леса прямо к мостику над одной-единственной платформой. Когда они приехали туда два дня назад, никто не захотел идти по этому мостику. Все просто спрыгнули с платформы на рельсы, когда поезд уже отошел. Она была против этого. Но когда спрыгнул один, за ним последовали и все остальные. Тогда это казалось достаточно безопасным, и она не стала ничего выговаривать ребятам.

Проделать все это в обратном порядке было труднее, поскольку надо было не спрыгивать с платформы, а взбираться на нее. Поэтому она на всякий случай заранее решила, что пойдет впереди и увлечет всех на мостик. И когда она пошла туда, все потянулись за ней.

Когда все уже подходило к концу мостика, показалась электричка. В этот момент она обернулась и увидела, что почти все ее ребята дружно шли за ней. И только Света сильно отстала. Она еще даже не начала подниматься на мостик.

Света тоже увидела электричку. Поняла, что она может к ней не успеть. Бросилась напрямик, через рельсы, к платформе. Сняла с себя рюкзак, забросила его наверх, на платформу, и стала подтягиваться на руках.

Электричка быстро приближалась, и ситуация с каждой секундой становилась все опаснее и опаснее. Она пробовала остановить Свету, что-то кричала ей. На секунду Света застыла в нерешительности. Она, видно, раздумывала, не спрыгнуть ли ей обратно на рельсы. Но потом, наверное, решила, что это может оказаться еще опаснее. Она сделала отчаянный

рывок и уже почти готова была к последнему, спасительному, движению. Но ей не хватило какого-то мгновения. И электричка, отчаянно гудя и скрежеща тормозами, надвинулась на нее, оставив слишком маленький зазор между вагонами и платформой.

Сейчас, в коридоре больницы, она благодарила Бога за то, что Света осталась жива. Но была в отчаянии при мысли о том, сколько еще придется испытать этой маленькой девочке. И ей трудно было отделаться от мысли, что все это произошло по ее вине. Она была старшей в этом походе и должна была исключить всякий риск и всякую возможность непредвиденных неприятностей.

Следующие несколько недель были очень нервными и напряженными. Первые несколько дней она вместе с матерью Светы дежурила у ее постели ночами. А когда самый острый период прошел, она проводила все свободное время в больнице.

Там они сблизились еще больше. Света делилась с ней своими самыми сокровенными мыслями. Однажды она сказала, что ей давно и очень сильно нравится Кирилл, мальчик из параллельного класса. И что ей когда-то казалось, что и он посматривает на нее. Но сейчас она поняла, что он к ней абсолютно равнодушен. А теперь тем более все ее надежды рухнули. Теперь, после того как стало известно, что у нее никогда не будет детей.

Она пыталась успокоить Свету. Говорила ей какие-то слова надежды. А сама думала, почему же она не знала и даже не догадывалась раньше, что Света влюблена в Кирилла. Еще она думала о том, что та сложная ситуация, в которой она оказалась, становится теперь еще более тяжелой и нестерпимой.

На следующий день после уроков, перед тем как пойти к Свете в больницу, она заскочила домой. У нее образовалось несколько свободных минут, чтобы побыть одной и собраться с мыслями. Она сидела за кухонным столом, обхватив голову руками, и думала:

– Господи! За что же это все этой бедной девочке? За что же это все мне? Почему у меня все происходит нелепо?

Тут она решила, что все в жизни делает неправильно. И что больше так продолжаться не может. Она должна что-то поменять. Может быть, уйти с работы? Нет, после того как класс Кирилла закончил школу, в этом будет мало смысла. Может, она должна пожить одна? Да! Она должна уйти из дома и пожить одна. Она уедет к маме.

При мысли об этом она расплакалась. Потом подумала, что ее муж не заслуживает всего этого. Совершенно всего этого не заслуживает. Но все равно, ей, наверное, надо переехать к маме. У нее нет другого выхода.

И, самое главное, самое главное, – завтра она скажет Кириллу, что очень-очень его любит, но они не должны больше встречаться.

Она зашла в ванную. Посмотрела на себя в зеркало. Увидела, что тушь с ресниц потекла и размазалась по лицу. И она все смотрела на себя и говорила сама себе вполголоса:

- Боже мой! Какая же я дура! Какая же я все-таки дура!

Она вытерла тушь с лица. Опять посмотрела на себя в зеркало. Представила, что будет с этим милым и глупым ребенком, когда она скажет ему, что они не должны больше встречаться. Слезы хлынули у нее из глаз. Она вошла в комнату, и уже не сдерживая больше рыданий, завалилась на кровать и только повторяла все время:

- Какая же я дура... Какая же я несчастная дура...

Борис Гулько - по профессии психолог, шахматный гроссмейстер. Чемпион СССР 1977 года, чемпион США 1994 и 1999 годов. В 1979-м вместе с женой Анной (тоже чемпионкой СССР и США по шахматам) решил покинуть Советский Союз. После этого семь лет числился в «отказниках». Возможность эмигрировать из СССР завоевал после трех голодовок и месяца ежедневных демонстраций с ежедневными арестами. Его рассказ об этих событиях входит в сборник «КГБ играет в шахматы», опубликованный в России, а также (в переводах) в Германии, США, Эстонии. Гулько - автор многочисленных эссе на темы

современной политики, культуры, религии, истории, еврейской философии.

Вопрос крови

По представлениям древних греков, первым населением Земли были титаны, от которых после серии перипетий произошли люди. До этого титаны произвели богов. От богов тоже появились люди, но другие. Такие, как Пифагор, который вел свое происхождение от Аполлона, Платон, род которого начался Посейдоном, Аристотель - от бога врачей Асклепия, а реальным отцом Александра Македонского его мать Олимпия называла самого Зевса. Диоген Лаэртский, живший во II-III веках н.э., утверждал, будто Платон был зачат непорочно, что после Евангельских историй уже не вызывало изумления.

Интересной в этой мистерии является идея о существовании двух типов людей - обычных и элиты, по своей природе созданной руководить. Еврейская традиция тоже разделяет евреев по рождению. Потомки Аарона призваны быть священнослужителями, правители же должны происходить из колена Иуды, что потом сузилось до потомков царя Давида. Для тех и других даны особые наборы моральных законов. Цари могут казнить и миловать; оскорбивший царя подлежит смерти.

Для некоторых народов «суровость» правителя первостепенна. В народной памяти русских главенствуют цари-душегубы Иван Грозный, Петр I, Сталин, а из несостоявшихся претендентов - разбойники Пугачев, Разин.

В жестокой истории России случился один милосердный правитель: император Дмитрий (историки зовут его Лжедмитрием I), правивший страной с 30 июля 1605-го по 17 мая 1606 года. Происхождение его темно: то ли он был беглый монах, то ли внебрачный сын польского короля Стефана Батория, то ли еврей (как без того), то ли реально спасшийся сын Ивана Грозного, то ли еще кто. Сохранилось кредо императора: «Есть два способа царствовать, милосердием и щедростью или суровостью и казнями; я избрал первый способ; я дал Богу обет не проливать крови

подданных и исполню его». Дмитрий правил мудро, предельно ослабил крепостное право, провел успешные экономические реформы, заметно улучшившие жизнь населения. Историк Костомаров сообщает оценку бывших в ту пору в Москве англичан, что такой свободы, как при Дмитрии, к тому времени не знало ни одно европейское государство.

Через свою гуманность Дмитрий и погиб. Он быстро вернул из ссылки организовавшего против него заговор видного боярина Василия Шуйского. Второй заговор Шуйского оказался успешным. Москвичи долго и со смаком глумились над телом незадачливого императора. Свержение Дмитрия стало вступлением к национальной катастрофе, ввергнув страну в «смутное время» с его безвластием, бунтами, казнями и голодом.

Русская литература посвятила много страниц крутым правителям, даже разбойникам. Пугачева благосклонно описали в прозе Пушкин и в поэме Есенин. Омерзительную историю, как Разин ни про что утопил персидскую княжну, воспели лучшие поэтессы и поэты России, популярнейшая народная песня. В «Борисе Годунове» Пушкин представил версию пути Дмитрия к власти. Но ни одной строчки, насколько я знаю, в русской литературе, внимательной к истории своей страны, не посвящено правлению единственного в истории России ее реально либерального правителя.

Похоже, качество жизни, определяемое в большой степени качеством правления, – народную память не затрагивает. Дмитрий забыт, зато самым популярным историческим лицом россиян в проекте 2008 года «Имя Россия» оказывался, пока организаторы опроса чуток не поджулили, Сталин, превративший жизнь своих подданных в ад. Существенны военные победы, как выпавшая на время правления Сталина, независимо от цены, за победу плаченной. Меня всегда коробил посыл песни Окуджавы:

... нам нужна одна победа,
Одна на всех – мы за ценой не постоим.

Но писана песня человеком воевавшим и, видно по культуре Сталина, она отражает народное чувство – не стоять за ценой.

Так что же определяет народную память о властителе, восприятие его подданными? Почему русских волновало: происходил ли в действительности Дмитрий от душегуба Ивана Грозного?

Важна родословная правителя. Идет она от библейской идеи помазанничества: царь – помазанник Божий. Пророк Самуил помазал на царство первым Шауля, потом – Давида. На Руси ее первый царь Иван Грозный был Рюриковичем, происходил от родоначальника княжеской, ставшей в его лице царской, династии варяга Рюрика. Каким-то образом род Рюриковичей приобрел на Руси сакральную легатизацию. И в этом смысле реальное происхождение императора Дмитрия было для русских действительно важным.

«Смутные времена» на Руси закончились, когда Земский собор 1613 года, избирая царя для изможденной страны и выбирая между иностранными правителями – польским, шведским или Яковом I Английским (того предпочитали бояре и дворяне), – рассматривая претендентом даже малолетнего сына императрицы Марины Мнишек, остановил свой выбор на юном Михаиле Романове, двоюродном племяннике последнего русского царя из московской ветви династии Рюриковичей Федора Иоанновича. Хоть каплей голубой крови новый царь обладал. Правил за него, правда, его отец, патриарх Филарет. 300 лет правления Романовых на Руси протекли относительно благополучно.

Идея царя – наместника Божия на земле – близка народному сознанию. Народы, хранящие свои царские династии хотя бы в форме символов, такие как англичане, шведы, норвежцы, датчане, голландцы, миновали бури XX века более благополучно, чем избавившиеся от каких-либо знаков своих монархических династий. Об имманентности монархии для страны – вполне монархическая книга национального писателя самого немонархического народа Западного мира Марка Твена «Принц и нищий». Принц, по недоразумению утративший свою позицию, в итоге, как хеппи-энд, все же становится королем. А «нищий», едва не занявший неподобающее ему место, назначается в свиту короля.

Марк Твен не мог знать, что повторил в своем романе фабулу каббалистической сказки одного из столпов хасидизма бреславского ребе Нахмана «О сыне царя и сыне служанки», опубликованной одновременно на иврите и идише за 66 лет до «Принца и нищего». Как и у Марка Твена, принц в конце сказки занимает царский трон, а сын служанки, которым при рождении повитуха подменила принца, тоже становится частью свиты.

Выдающийся современный раввин Адин Штанзальц объясняет в комментариях к сказке, что царский сын в каббале символизирует Божественную душу человека, а подкинутый – животную душу. Финал сказки символизирует состояние гармонии человека, у которого Божественная душа доминирует над животной. А правление царя символизирует управление нашим миром Всевышним.

Есть континент, после овладения им европейцами не знавший царской власти и практически не имеющий аристократии. Это Латинская Америка. Правят там обычно диктаторы, время от времени свергаемые и заменяемые другими. А если диктатор не свергнут, то он может удерживать власть даже долго после своей смерти, как изобразил это Гарсия Маркес в романе «Осень патриарха».

Иногда на континенте происходят выборы, но они, как правило, коррумпированы. Если элита не хочет упускать власть после смены или смерти избранного президента, его может заменить жена или вдова, как было дважды в Аргентине, когда Изабель Перон, бывшая танцовщица в ночном клубе, заменила усопшего мужа Хуана, а Кристина Киршнер сменила мужа Нестора.

В целом Латинская Америка играет роль задворок христианского мира, и демократия, когда она прорезается на континенте, носит достаточно невразумительный характер. Наиболее позитивным явлением в истории континента стал военный переворот в Чили в 1973 году, когда армия под командованием генерала Пиночета спасла страну от сползания ее, вполне демократически, в социализм кубинского образца.

Традицию демократической сменяемости власти принято отсчитывать от провозглашения независимости США в 1776 году. Может быть, правильнее будет дата 1796 год, когда Джордж Вашингтон отказался баллотироваться в третий раз, положив обычай сменяемости лидера не реже чем раз в 8 лет. Нарушил ее ФДР своими четырьмя сроками, после чего лимит двух сроков ввели в закон.

Но тоска американцев по элементам монархии иногда прорезается. Они предлагали королевский титул Вашингтону, избирали президентами сыновей после отцов: Адамсов, оба Джоны; Бушей, оба Джорджи; родственников Рузвельтов. В последние годы появилась тяга к южноамериканскому варианту заменять мужа женой: едва не стала президентом Хиллари Клинтон, а сейчас, по мнению экспертов, выставься на выборах этого года Мишель Обама, победа была бы за ней. Не захотела Мишель менять праздную жизнь на суету Белого Дома.

Стремление к династическому руководству заметно и у демократичного, с сильными социалистическими пережитками, Израиля, очень внимательного к родословной лидеров. Во втором поколении своей политической элиты израильтяне продвигали во власть детей членов первого. Однако на руководящих позициях дети основателей страны – Ольмерта, Ливни, Бурга, Бегина, Меридора – оказались все как один в разных аспектах несостоятельны.

Зато качества выдающегося лидера продемонстрировал принц из лагеря, противного социалистам-основателям, – Беньямин (Биби) Нетаньяху. Его королевские кресты: сын секретаря Зеева Жаботинского, альтернативного социалистам вождя сионизма, и брат национального героя страны – руководителя невероятной операции по спасению евреев в Энтеббе, единственного погибшего в ней. Биби представляет редчайший тип руководителя страны – высококвалифицированного. Таких в последнее столетие в мире были единицы, а в Израиле вообще не было. Недаром после уникального обращения Биби к обеим палатам Конгресса США через голову президента Обамы 3 марта 2015 года правые американские обозреватели стали называть его новым Черчиллем.

Биби руководит Израилем четверть века, с перерывами на короткие провальные премьерства Барака, Шарона и Ольмерта. Естественно, его стали называть «королем». В наши дни утратившая власть обанкротившаяся левая элита подготовила судебский путч по свержению «короля», не задумываясь, что такие свержения в последнее столетие в России, Германии и Австрии ничего хорошего их народам не принесли.

В еврейской традиции возрожденный Израиль должен быть монархией, управляемый потомком царя Давида, царем-Машиахом. Требуемые от Машиаха качества не совсем ясны. Рамбам писал: «Да не подумаешь ты, что Машиах должен творить чудеса, отменять законы природы и воскрешать мертвых, как утверждают глушцы... Если он преуспел... и победил все окрестные народы, и построил Храм на прежнем месте, и собрал народ Израиля из изгнания, этот человек – наверняка Машиах. Если же ему не удалось совершить все это или если он погиб, то этот человек – несомненно не тот, о ком говорила Тора, он просто один из достойных и благочестивых царей из дома Давида».

Происхождение от царя Давида не ограничивает, по-моему, претендентов на роль Машиаха – за три тысячелетия смешивания кровь его потомков течет во всех евреях. Биби значительно продвинул Израиль на пути выполнения условий Рамбама, но если ему не удастся выполнить все критерии Рамбама, он останется в истории как «просто один из достойных царей».

А пока нам стоит присмотреться к старшему сыну Биби, Яиру.

Святослав Дёмин – родился в Москве в 1941 году. Специальности по образованию: актер, инженер-мостовик, экономист-международник. Около 20 лет проработал в системе ООН (*United Nations Development Programme*). 12 лет жил и работал в Африке, 9 лет – в Нью-Йорке. Побывал в 70 странах, включая 30 африканских – главным образом, по служебным делам. После выхода на пенсию живет в Париже. Книги: «В кривых коридорах ООН», «Феликс», «Калитниковское», «Осенний блюз». Мастер спорта по бриджу в федерациях США, Франции, России (вице-чемпион России, обладатель кубка Парижа).

Марк Анатольевич Захаров

(Из личных встреч за рамками «Википедии»)

Знакомство. Студенческий театр МГУ

В середине прошлого столетия Театр Московского университета – старейший театр в Москве* – возродился из тоски и пепла и был переименован в Студенческий театр МГУ. Произошло это в 1958 году, когда коллективом руководил актер Московского ТЮЗа Ролан Быков. Ролан Антонович поставил в СТ МГУ всего один спектакль – «Такая любовь» Павла Когоута, но этого оказалось достаточно, чтобы о театре и его режиссере заговорили.

Резонанс был таким, что тридцатилетнего Быкова, несмотря на отсутствие званий, пригласили главным режиссером в Ленинградский театр им. Ленинского комсомола. Было это так. СТ МГУ привез в Ленинград «Такую любовь». Ее посмотрел Георгий Товстоногов, недавно перешедший из Театра Ленинского комсомола в БДТ и еще не освободившийся от чувства вины, что оставил свой коллектив без достойного руководителя. Ему так понравился спектакль СТ, что он порекомендовал Быкова себе на замену и уговорил его согласиться. К сожалению, ничего хорошего из этого не получилось, и вскоре Быков ушел в кино.

А исполнительница главной роли Ия Саввина (выпускница журфака, не имеющая никакого театрального образования) уже в 1960 году сыграла у Иосифа Хейфица в фильме «Дама с собачкой» главную женскую роль, получила в Каннах специальный приз и стала актрисой Театра им. Моссовета.

Я видел «Такую любовь» и могу без преувеличения сказать, что вышел

-----

* Первый спектакль был сыгран 26 января 1756 года.

из зала потрясенным. И нечего кивать на юношескую восторженность – несмотря на малый жизненный опыт, я уже был искушенным театралом. В ту пору в Москве при желании и настойчивости можно было попасть в любой театр на любой спектакль, даже будучи бедным студентом. Только Гамлетов я успел посмотреть трех – всех у Охлопкова в Театре им. Маяковского: сначала сорокапятилетнего «старика» Евгения Самойлова, а потом и двух молоденьких – Михаила Козакова и Эдуарда Марцевича. Ну, это к слову.

На смену Ролану Быкову худруком СТ МГУ неожиданно пришел маститый Сергей Иосифович Юткевич. Зачем народному артисту РСФСР понадобилась такая работа, остается для меня загадкой до сих пор. Он быстро поставил неплохой молодежный спектакль «Сердце у меня одно» по пьесе студента МОПИ Георгия Полонского, который был в СТ МГУ заведующим литературной частью. (Гоша Полонский, юное дарование, выдвигенец Ролана Быкова, стал потом известным киносценаристом, заслуженным деятелем искусств Российской Федерации, в тридцать один год – лауреатом Государственной премии СССР. «Доживем до понедельника» – его дипломная работа во ВГИКе.)

Далее Сергей Иосифович задумал взяться за «Доброго человека из Сезуана» Брехта, но работа затянулась и за год так и не вышла из фазы застольных репетиций.

В распоряжении худрука был еще один режиссер – заслуженный артист РСФСР Иван Иванович Соловьев из Театра им. Ермоловой (в будущем народный артист СССР). Поставленный им «Дневник Анны Франк» тоже имел своего зрителя, но этим спектаклям трудно было заполнить брешь, образовавшуюся с окончанием сценической жизни «Такой любви». Нет, его никто не запрещал, просто разошлись основные исполнители, а вводы и замены было некому осуществить. Соловьев тоже репетировал новый молодежный спектакль, но и у него дело не ладилось.

Озабоченный холостыми оборотами, которые давал постановочный процесс, совет театра (в который входил и я) принял смелое решение: влить свежую кровь в режиссерские артерии коллектива. Поиски «свежей крови» завершились судьбоносным во многих отношениях результатом: мы представили Юткевичу никому не известного молодого актера Московского театра миниатюр Марка Захарова.

Разыскали мы его через театральный коллектив Станкина, где он поставил «Чертову мельницу» Исидора Штока. Спектакль был восторженно принят студенческой публикой, молва о нем докатилась и до нас. Мы сходили на этот спектакль, и выбор был сделан.

Сергей Иосифович был должным образом подготовлен и встретил Марка Анатольевича доброжелательно и даже, как потом выяснилось, с облегчением. Однако уже первая беседа оказалась непростой.

– Что бы вы хотели у нас поставить? – спросил мэтр.

– Я давно мечтаю о «Драконе» Шварца, – сознался Захаров.

- Вы с ума сошли! - вскинулся Юткевич. - Эта пьеса запрещена во всем мире! Нам ее не разрешат ни в коем случае.

- Мне казалось, что в самодеятельных коллективах нет такого жесткого контроля, - защищался новобранец.

Юткевичу не хотелось выглядеть ретроградом с самого начала сотрудничества, и он нашел компромисс. Было решено, что Захаров будет работать самостоятельно, но худрук оставляет за собой право последнего слова на всех этапах постановки. Более того, согласие на «Дракона» он даст (или нет), посмотрев первый акт на сцене в выгородке. Был оговорен и срок просмотра.

Первые впечатления от встречи с Марком Анатольевичем были самые приятные. Элегантность, чуть ли не грациозность движений. Безупречная вежливость и сдержанность в общении при заинтересованном внимании к собеседнику. Никакого панибратства, ни малейших попыток стать своим. Но и никакого дистанцирования. Аристократизм в самом хорошем смысле этого слова. И пусть вас не смущают слова «первые впечатления», в них нет никакого подвоха - они такими и остались. Мне очень нравилось, как он улыбается. Ничего общего с американской «открытой улыбкой». Улыбался Марк Анатольевич либо иронично, либо саркастически, при этом тонкая скобка рта с опущенными краями практически не менялась, а улыбка нарисовывалась бровями и нижней губой.

Идея «Дракона» возникла у Захарова не спонтанно: он вынашивал ее давно и, по слухам, собирался ставить его в Станкине. Конечно, СТ МГУ предлагал режиссеру гораздо больше возможностей для осуществления своей мечты: довольно сильную для самодеятельного коллектива труппу, внимание театральной общественности, оркестр, костюмерную, широчайшие связи директора ДК гуманитарных факультетов МГУ Савелия Михайловича Дворина и, естественно, поддержку Юткевича.

Назначение артистов на роли Марк Анатольевич производил демократично - по заявкам желающих. Это никого не удивило - он не был знаком с коллективом, если не считать группу ведущих актеров ДК Станкина, которых он привел с собой. Кандидатам предлагалось прочитать прямо с листа кусочки текста. Прослушав меня, Марк Анатольевич сказал, что я утвержден на роль Ланцелота и смотреть других кандидатов он не будет. Так я стал третьим в СССР Ланцелотом после Бориса Смирнова* (1944) и Геннадия Воропаева (1962) из Ленинградского театра комедии.

А вот подобрать исполнительницу на роль Эльзы оказалось сложнее, хотя кандидаток в Студенческом театре, мечтающих об этой роли, было предостаточно. Марк Анатольевич прослушал их всех, никак не выражая ни радости, ни разочарования. Список был исчерпан, а режиссер не

-----

* Да-да, того самого, который не раз снимался в кино в роли Ленина.

спешил огласить свое решение. На несколько дней в театре повисла тревожная пауза. В конце концов выбор был сделан, и счастливая Сонечка Митрохина начала репетировать. Однако было видно, что режиссер не удовлетворен. От репетиции к репетиции это становилось все очевиднее. Бедная Сонечка приходила в отчаяние и рыдала после репетиций. Захаров мрачнел.

Прошло много лет, но я бережно храню в душе ощущение праздника от работы с Марком Анатольевичем. У него была манера сосредоточиться на одном исполнителе, добиваясь от него полного понимания того, почему, что и как он должен делать, а все остальные участники сцены приглашались в помощники. У них создавалось впечатление, что с ними все уже в порядке, что теперь надо просто помочь товарищу выйти на их уровень. И все радовались, если у того получалось все лучше и лучше и что режиссер был доволен результатом. А потом подходила и их очередь.

Я не могу вспомнить, чтобы он когда-то повышал тон или с раздражением высказывал недовольство.

А как он умел вовлекать! Он обладал удивительной способностью внушить каждому из нас ощущение своей нужности, значимости в общем деле. Это касалось не только актеров, но и осветителей, звукооператоров, рабочих сцены. Никто из нас не был профессионалом. Чтобы спектакль «катился», приходилось добиваться автоматизма. Если у кого-то из осветителей что-то не ладилось, Марк Анатольевич просил всех повторять сцену снова и снова, пока не добивался желаемого результата.

Мы поверили в него, подчинились его ритму. В оговоренные сроки мы «выполнили пятилетку в четыре года»: вместо первого акта Юткевичу было показано два.

Худрук был поражен увиденным. Он театрально поднял руки: «Сдаюсь». Благословив молодого режиссера на работу, он поставил условие: заменить двух исполнителей, в том числе Соню Митрохину (Эльзу).

Пришла пора сказать, что Марку Анатольевичу всю жизнь везло на актеров. Повезло и тут. Сергей Иосифович помнил, как блистательно играла Ия Саввина в «Такой любви». Он знал, что в Театре им. Моссовета она имела массу свободного времени, так как работала там по договору, исполняя лишь одну, хоть и главную, роль в «Норе» (в очередь с Любовью Орловой). Он порекомендовал Захарову поговорить с ней: «Вот кто вам нужен». На просьбу любимого Студенческого театра сыграть Эльзу в «Драконе» Саввина великодушно согласилась «выручить молодого режиссера».

Но Соню Митрохину Захаров оставил второй исполнительницей (кто их знает, этих капризных примадонн). И один раз она сыграла Эльзу, когда нас пригласили показать «Дракона» в Курчатовском центре (приглашение было неожиданным, выехать к атомщикам надо было до очередной официальной сдачи, а Ия Саввина не смогла освободиться).

По рекомендации Юткевича художником спектакля пригласили Юрия Могилевского, уже прославившегося черно-белым портретом Маяковского, который стал эмблемой одноименного театра, музыку написал композитор и дирижер, руководитель оркестра Дома культуры МГУ Анатолий Кремер*, а записана она была (тоже по совету Юткевича) первым в СССР ансамблем электромзыкальных инструментов Вячеслава Мещерина.

К этому ансамблю, как и ко всему новому в сфере искусств, в министерстве культуры относились с осторожностью. Но киношники уже поняли, как интересно можно использовать электронную музыку, и коллектив Мещерина не сидел без работы. Было вовсе не очевидно, что Мещерин согласится сотрудничать с каким-то самодеятельным театром. Однако тут помогло вмешательство Юткевича. Вооружившись его письмом, мы с Марком Анатольевичем поехали знакомиться с Мещериным (я олицетворял совет театра). Тот принял нас довольно равнодушно, я бы даже сказал, неприветливо, но не смог противостоять энтузиазму Захарова и увлеченности, с которой он рассказывал о будущем спектакле. Письмо Юткевича тоже не осталось без внимания.

Вообще музыкальному оформлению «Дракона» Марк Анатольевич уделял особое внимание. Сначала он думал обойтись подбором существующей музыки и часами просиживал в музыкальном фонде с Сашей Дабкинским, нашим завмузом. Режиссер говорил Саше, какую музыку он видел в той или иной сцене, Саша просматривал ноты, отбирал то, что считал подходящим, а потом наигрывал это Марку Анатольевичу. Из этой работы Захаров вынес интересное наблюдение, которым потом поделился со мной: как-то раз Саша читал ноты и вдруг рассмеялся, Марк Анатольевич удивленно посмотрел на него, тот смутился и сказал: «Смешная музыка».

Спектакль удался на славу, и... начались его и наши мучения.

Мы сыграли его при полном зале семнадцать раз, но так и не добились официального утверждения. Это были либо генеральные репетиции со зрителем, либо просмотры «для своих», либо показы тем или иным комиссиям и комитетам, либо официальные сдачи. После очередного показа Захаров выполнял все пожелания комиссий: то приклеивали гитлеровские усики исполнителю Дракона Вадиму Зобину, то надевали на рукав повязку со свастикой Бургомистру (Юрию Горину) – «это не про нас, а про них».

Если бы не Сергей Иосифович Юткевич, получивший к этому времени звание «Народный артист СССР», то никаких мук рождения не было бы: запретили бы после первого показа и дело с концом. Но с ним

---

* В будущем заведующий музыкальной частью и главный дирижер Московского театра сатиры.

считались, он подключал все свои немалые связи, было мобилизовано довольно много защитников с громкими именами. Их приглашали на просмотр, они принимали участие в обсуждении, даже если оно шло за закрытыми дверями. Юткевичу удалось даже организовать просмотр с обсуждением для представителей «театральной общественности». Я был поражен количеством знаменитостей, которых мне в тот день довелось увидеть вместе.

Я был допущен на обсуждение. Едва успев разгримироваться, я прибежал в репетиционную, все же опоздав к началу. Председательствовал Юткевич. Он как раз заканчивал свое приветствие, говорил, что коллектив с большим пониманием воспринял озабоченность Управления культуры и сделал все, чтобы поточнее расставить акценты, для чего даже ввел нацистскую символику. Каждое выступление было перлом ораторского искусства. Сидя в уголке, я тихо шалел от такой компании и мастерства выступающих. Почему-то запомнилось выступление Назыма Хикмета, которого я (да не я один) никак не ожидал здесь увидеть. Я вообще сначала принял его за Бориса Слуцкого – тот же тип лица. Помнится, я подумал: «А Слуцкий-то что здесь делает – ведь он, пожалуй, опальный?»

Хикмет спокойно рассуждал как бы сам с собой: «Это сказка, а в любой сказке есть и намеки, и аллегории, и чем их больше, тем сказка богаче, интереснее. Конечно, нацистская символика помогает зрителю понять, что именно имели в виду авторы спектакля, освобождает зрителя от догадок. Это, к сожалению, снижает художественную ценность произведения, но зато у руководства культурой теперь не останется никаких сомнений, что спектакль можно выпускать на зрителя».

Обсуждение было серьезным и закончилось единодушной поддержкой спектакля. Мы преисполнились надеждой. Тем более что на нашу сторону встал начальник Управления театров министерства культуры, полюбивший не только «Дракона», но и коллектив СТ. Он восторженно хвалил актерский уровень исполнителей, заверял Юткевича, что спектакль пойдет на зрителя, а про Захарова сказал так: «Этого парня надо трудоустроить».

Однако идеологическое начальство колебалось – уж больно точно ложилась сказка на действительность в СССР 1963 года. Был назначен последний, решающий показ спектакля еще более высокой комиссии. Но он так и не состоялся – его отменили в последний момент, вынеся спектаклю смертный приговор и сразу же приведя его в исполнение. Сделано это было поспешно, даже не всех исполнителей успели предупредить. Я помню это солнечное утро начала мая: нерабочий день, пустая Манежная площадь, вхожу радостный в театр и недоуменно оглядываюсь, пораженный неожиданной пустотой и тишиной...

В этом же году запретили «Дракона» и в Ленинградском театре Комедии («У Акимова», как его называли театралы). Это была вторая попытка Николая Акимова включить в свой репертуар замечательную сказку Евгения Шварца. Первый спектакль так и не встретился со

зрителем – он был запрещен после открытого показа еще в 1944 году, но вторая попытка оказалась более успешной: новый спектакль, созданный в 1962 году, шел несколько месяцев.

По самым приблизительным подсчетам, «Дракона» в СТ МГУ сумели посмотреть около восьми тысяч зрителей. В московских театральных кругах прозвучало имя Марка Захарова.

Юткевич предложил ему совместную работу, для которой выбрал пьесу Брехта «Карьера Артуро Уи». Сергей Иосифович честно отработывал свое соавторство, особенно заметен был его вклад в художественное оформление «Карьеры», но основная режиссерская работа была проделана Захаровым.

Мне досталась роль Эрнесто Рома. Судьба «Карьеры» сложилась гораздо благополучнее «Дракона». Спектакль прошел более 170 раз, и потом еще много лет его играли раз в год, 6 мая – в день рождения театра. Театр вывозил его на гастроли в Ленинград и Вильнюс. Везде был аншлаг, местная пресса радовала восторженными отзывами. В 1965 году спектакль «Карьера Артуро Уи» занял третье место на международном конкурсе студенческих театров в Югославии.

Не будет преувеличением сказать, что именно в Студенческом театре МГУ начался режиссерский путь Марка Анатольевича Захарова. Именно после «Дракона» и «Карьеры Артуро Уи» его стали приглашать в профессиональные театры Москвы.

Это были незабываемые два года моей жизни, наполненные работой и общением с молодым режиссером как раз в то время, когда он заставил заговорить о себе.

Захаров-актер

Сколько раз я написал слово «режиссер», говоря о Захарове. А ведь в ту пору он работал актером Московского театра миниатюр (более известного как театр Полякова). Много ли найдется сейчас театралов, которые могут сказать, что они видели Захарова-актера на сцене? Я имею в виду не тех, кто сейчас сумеет раскопать в памяти, что он в начале шестидесятых бывал в театре Полякова и поэтому не исключено, что мог видеть на сцене Захарова, ибо он *вроде бы что-то там играл*. Я не о них. Я о тех, кто видел его там и запомнил. Или о тех, кто, как я, специально пошел в этот театр, чтобы посмотреть на актера Марка Захарова (да еще по оставленной им для меня контрамарке). Ну, это уж вовсе маловероятно. А вот я обладаю этими уникальными воспоминаниями.

Нет, я не запомнил, кого он играл или как назывался спектакль, но я и сейчас отчетливо вижу его особую манеру двигаться по сцене и держать голову.

Существует мнение, что как актер Захаров ничего собой не представлял. Другими словами, был так себе. Не совру, если скажу, что мне понравилась актерская работа Марка Анатольевича.

Зрительские встречи с режиссером

Не скрою, что на спектакли Захарова я ходил с неким чувством сопричастности и гордости: это сделал наш, мой режиссер. Помогало этому ощущению и то, что я никогда не покупал билеты, я просто звонил Марку Анатольевичу – и пропуск на два лица ждал меня у администратора.

Первым его спектаклем, который я увидел в профессиональном театре, было «Доходное место» в Сатире. Театр уже переехал на Маяковку, огромный по сравнению с прежним зрительный зал был набит до отказа. Если не считать режиссерские работы Захарова в Студенческом театре и один спектакль у себя, в театре Полякова, это был его режиссерский дебют в академическом театральном обществе. И это был успех. И какой! Жаль, что спектакль был убит Фурцевой после непродолжительной жизни. Но если помножить 40 состоявшихся спектаклей на 1250 мест в зале, то 50 тысяч успевших посмотреть эту работу Марка Анатольевича – не так уж мало. Во всяком случае, достаточно, чтобы он стал известным или, как минимум, перспективным московским режиссером.

Одна интересная деталь. Если вы сейчас откроете любую статью об этом спектакле, то непременно прочтаете о том, как восхитил зрителей Андрей Миронов в новом для него амплу положительного героя. А на меня Миронов не произвел какого-то особого впечатления, зато мне запомнилась замечательная работа Александра Пороховщикова, которого я видел на сцене впервые, в роли Белогубова. Удивительно, но в современных статьях его либо совсем не упоминают, либо порядка ради называют в числе прочих.

После запрещения «Доходного места» Марк Анатольевич принял приглашение главрежа Театра им. Маяковского Андрея Гончарова и создал замечательный спектакль «Разгром» (по Фадееву). Но и его очень быстро запретили. Зная о немилости Фурцевой, театральные чиновники и кураторы культуры, в том числе и в ЦК КПСС, особо пристально следили за работой молодого режиссера, а найти к чему придраться им не составляло труда.

На защиту спектакля встала вдова Фадеева, знаменитая актриса МХАТа Ангелина Степанова. Она просто позвонила Суслову и попросила посмотреть спектакль. Серому кардиналу «Разгром» понравился, он назвал его большим идейно-политическим успехом театра и отдал должное «зрелой режиссуре М. Захарова», о чем на следующий же день поведала публике газета «Правда». Спектакль шел долгие годы и по праву считался одним из лучших в репертуаре театра.

Я его посмотрел еще на премьерной стадии, и он мне запомнился мощным внутренним нервом.

Потом были два спектакля в Сатире: «Проснись и пой» с великолепной работой Георгия Менглета и «Темп 1929», в котором блистала поверившая в Захарова Татьяна Пельцер, поначалу его

категорически не принимавшая.

Это были очень разные спектакли. Режиссер в них не повторялся, как бы заявляя, что он обладает широкой палитрой. И все они громко прозвучали в театральной Москве. Марк Анатольевич не забывал и СТ МГУ, где в те же годы поставил «Хочу быть честным» по повести Войновича с Всеволодом Шестаковым (мужем Ии Саввиной) в главной роли.

Общепризнанного успеха этих работ оказалось достаточно, чтобы Захаров стал не только известным, но уже знаменитым режиссером. И его назначение на пост главного режиссера в Московский государственный театр имени Ленинского комсомола никого не удивило.

Встречи в «Ленкоме»

Восемнадцатилетним первокурсником МАДИ занесло меня в придуманную Михаилом Шатровым студию при Театре им. Ленинского комсомола. Молодой драматург, урожайно окучивающий революционно-ленинскую тематику, мечтал о своем молодежном театре, где ставились бы если не исключительно, то преимущественно его пьесы. Шатрова, который только-только вышел из комсомольского возраста, поддержали в ЦК ВЛКСМ, поэтому выбор театра, к которому студию приписали, был не случаен. У студии не было своего помещения, занимались где попало, даже долгое время в Доме актера на углу улицы Горького и Пушкинской площади, а дипломный спектакль репетировали и показывали в скрипучем фойе театра.

Это были далеко не лучшие годы в жизни театра. После снятия Анатолия Эфроса, сумевшего за непродолжительное время своей работы худруком поднять репутацию и популярность театра, все было быстро растеряно. Менялись главрежи, репертуар не привлекал зрителя, билеты продавали в нагрузку. Заметной фигурой был только директор театра, легендарная и противоречивая личность – Анатолий Колеватов*.

Я до сих пор храню красивые корочки служебного удостоверения театра, где в графе «работает в должности» вписано «ученик студии» и красуется подпись Колеватова.

Мы очень дорожили нашими удостоверениями. Не знаю, как сейчас, но в те времена студентов театральных вузов пропускали без билетов в любой театр и на любой спектакль. Разве что места не гарантировали, в контрамарке просто указывалось: «на свободные места». Нас, «работающих в должности учеников студии», причисляли к этой

---

* После «Ленкома» заслуженный деятель искусств РСФСР Анатолий Колеватов много лет работал директором Московского цирка, но был осужден на 13 лет тюрьмы по сфабрикованному, как считают, обвинению во взяточничестве и превышении власти.

категории. Щедрость этого правила была фантастической: оно распространялось на все города страны. Кроме Москвы, я успел воспользоваться этой привилегией в театрах Киева и Ленинграда.

Студию я вспоминаю с теплотой и благодарностью. Общение с Михаилом Шатровым, Владимиром Андреевым, который ставил у нас дипломный спектакль (естественно, по пьесе Шатрова «Глеб Космачев»), Александром Ширвиндтом, преподававшим нам сцендвижение и фехтование, с однокашниками-студийцами, большинство которых стали профессиональными актерами и режиссерами, в том числе народными и заслуженными*, было необычайно интересным и здорово помогло мне укрепить веру в себя. С театром же, в отличие от студии, у меня не было никакой ностальгической связи.

Так было до 1973 года, когда Захарова назначили главным режиссером этого театра. Я удивился не назначению, а совпадению. Я вспомнил учебу в студии, с окончания которой прошло уже двенадцать лет, и театр стал моим. С удовольствием ходил туда на спектакли Марка Анатольевича, искренно поздравлял его с очередным успехом. Он спокойно принимал комплименты и отдаривался традиционным: «Спасибо, что не забываете». Я уходил, исполненный благодарности.

Сорок шесть лет – почти полвека отдал Марк Анатольевич «Ленкому». Очень быстро он вернул театру зрителя, разбежавшегося после ухода Анатолия Эфроса. А потом театр стал одним из самых, а в какой-то момент – самым популярным в Москве.

Я поражался жанровому и тематическому разнообразию спектаклей. Ему были нужны разные и новые актеры, и он собрал потрясающий коллектив верных и верящих ему людей. Он привлекал их своими аристократизмом, интеллигентностью, а еще одухотворенностью, идущей об руку с прагматизмом, уверенностью в том, что он знает, что и как надо делать.

Встречи в Нью-Йорке

На очередную сессию Генеральной Ассамблеи ООН Горбачев приехал не только с вездесущей Раисой Максимовной, но и со свитой, размером которой позавидовал бы любой венценосец. По примеру царей и по наущению своей супруги первый и последний президент СССР включил в свиту «всякой твари по паре»: деятелей науки, культуры и искусства (а почему нет – возили же с собой цари шутов). От театра эта честь выпала Марку Захарову и Ролану Быкову. Им самим от такой чести было неуютно: понимали – не дураки же – двусмысленность положения. И дела дома

---

* Народная артистка СССР Алла Демидова, народная артистка РСФСР Ирина Мирошниченко, заслуженная артистка РСФСР Елена Козелькова, заслуженный артист РСФСР Борис Щедрин, заслуженный артист РФ Владимир Носачев.

стоят, а тут сиди вечерами, развлекай умной беседой первую чету государства. Но не откажешься – не тот случай.

Может, зря я переживаю за Захарова и Быкова, может быть, им было сладко купаться в лучах исторической славы погубителя державы, но, во всяком случае, физиономии у обоих были кислые. Я увидел их в ложе для гостей Генеральной Ассамблеи, где выступал Горбачев. Я подсел к Марку Анатольевичу, порадовались встрече, поговорили о «Ленкоме». Он рассказал об удачной операции Евгения Леонова, но разговор не клеился. Он так и не вышел из минора. Мне показалось, тяготился барской любовью.

Вторая оказия была более приятной: гастроли «Ленкома» с «Юноной и Авось». Я о гастролях ничего не слышал и был несказанно удивлен, встретив на Третей авеню Манхэттена Марка Анатольевича во главе своей семьи. Атмосфера встречи сильно отличалась от предыдущей. Захаров был в отличном настроении, представил меня дочери (с Ниной мы были давно знакомы и в представлениях не нуждались):

- Сашенька, это Слава Дёмин. Ланцелот.
- Похож, – улыбнулась будущая народная артистка.

Так она мне и запомнилась, так я к ней и обращаюсь при редких встречах в «Ленкоме». А она мне приветливо улыбается в ответ, делая вид, что узнает.

Встретились мы около магазина готовой одежды *Alexanders*, куда семья направлялась по понятным интересам. Я ознакомил их с планом магазина, но не стал смущать сопровождением по этажам. Марк Анатольевич пригласил меня на спектакль, который мы с женой уже видели в Москве.

На спектакль я пошел с сыном, гостившим у нас (я в ту пору работал в Нью-Йорке в системе ООН). Рок-оперу давали в довольно большом зале в центре Манхэттена. Зал был заполнен едва наполовину. Это меня удивило: я считал, что спектакль «Юнона и Авось» должен быть хорошо принят в Нью-Йорке и гастроли пройдут на аншлаге. Я с трудом досидел до конца. Звук был такой силы, что трещало в ушах, это было невыносимо. Зрители почему-то не возражали. Мне было обидно за театр, за Марка Анатольевича, я сожалел, что сыну приходится знакомиться с этим шедевром в таких условиях. Почему не вмешаются ленкомовцы? Почему не поправят звук? Может быть, так грохотало для тех, кто сидел в четвертом ряду? Нет, вряд ли. По окончании этой пытки я безуспешно попытался разыскать Марка Анатольевича – поблагодарить, выяснить, что произошло, договориться о встрече. Увы, режиссера в театре не оказалось.

Потрясение

Долгие годы я наблюдал Марка Анатольевича издали – из зрительного зала и через СМИ. Что происходило в его голове, в его душе? За кого он был: «за большевиков или за коммунистов»? Похоже, мы не одинаково расценивали происходящие в стране изменения. Меня это не

сильно тревожило: большому художнику не должны мешать политические взгляды, в его руках искусство в любом случае объективно. Или это не художник, а прислужник или пособник.

Его сближение, чуть ли не дружба, с мэром Лужковым была неприятна, но легко оправдывалась необходимостью выжить в трудные времена. «Это ради спасения театра», – успокаивал я себя. Тем же я пытался объяснить себе и его приятельство со Швядким, которого обоснованно считаю врагом России: разве может руководитель театра избегать дружеских объятий министра культуры. Многое приходилось оправдывать в поведении Захарова в те непростые времена. Но один эпизод ни простить, ни оправдать, ни даже понять я не смог.

Я редко смотрю телевизор. И когда на экране появился Марк Анатольевич, я обрадовался и увеличил звук. Удивительно, как мало меняется внешне Марк Анатольевич. Все та же маска: опущенные в намечающейся улыбке углы рта, чуть выдвинутая от этого вперед нижняя губа, грустно-улыбчивые, внимательные глаза, смотрящие на собеседника как бы сверху вниз из-за постоянно вздернутого подбородка. Только седины больше и волос меньше. Ну, это у всех. Только в этот раз никакого намека на улыбку. Что он говорит? Что делает? Что вообще происходит?

Выдающийся – от бога – режиссер показывал миллионам телезрителей постыдный спектакль: сожжение своего партбилета уже после того, как КПСС самоуничтожилась. Я тоже вступал в КПСС не потому, что верил в коммунизм. Наверное, Захарову не дали бы театр, не будь у него в кармане партбилета. Это не требовало ни объяснения, ни оправдания – таковы были правила игры. Сожги он публично свой партбилет при живой КПСС – согласен с ним, не согласен – это был бы поступок высокого гражданского звучания, вызывающий уважение хотя бы за смелость. Но зачем же плясать на свежей могиле? Зачем это запоздалое театрализованное отречение от уже не существующей партии, по спискам которой он к тому же стал депутатом Верховного Совета СССР?

Ох, как бы мне хотелось когда-нибудь услышать от Марка Анатольевича, кто и как подвинул его на это стыдобище, что могло заставить его согласиться на публичное унижение. У меня была возможность задать ему эти вопросы, они висели на кончике языка. Но я так и не решился их произнести. Почему? Что я боялся услышать? Ладно, если «мне не хотелось бы об этом говорить» или «время было такое – сейчас я бы не решился». А вдруг скажет: «Я горжусь моим поступком»? И как мне потом с этим жить?

Вседозволенность

«Гласность и перестройка» и последовавшая за ними бесцензурность сыграли, против всех ожиданий, негативную роль в жизни театра и его главного режиссера. Это была общая тенденция в театральной жизни Москвы – творческим людям нужно было время, чтобы пресытиться и переболеть вседозволенностью. И понять, что творчество без риска

лишается заряда адреналина, который привлекает зрителей, воспитывая их. Смелость опасной игры на грани фола с властями предержажными заменялась похабщиной и обнаженкой. Модным стало уродовать тексты и даже самую суть классических произведений. «Ленком», увы, не стал исключением. Коммерческий зритель обожает эпатаж. Наступила полоса неудач. Но зал все равно оставался полон – верные театру зрители верили в Захарова и надеялись на скорое выздоровление, а случайные слетались на «клоковку».

Я перестал ходить в «Ленком». Но однажды Юрий Петрович Горин (да-да, тот самый, что играл Бургомистра в «Драконе» и Гири в «Карьере Артуро Уи» в СТ МГУ, теперь режиссер и актер театра и кино) уговорил меня посмотреть «Вишневый сад». Я увидел интересное прочтение Чехова без модных вывертов, отличные актерские работы. Запомнил необычное решение заключительной реплики Фирса (Броневой): свое «забыли» он произнес со злостью, даже ненавистью. Спектакль мне понравился, я был рад, что театр возродился, пройдя через опасные болота смутного времени.

Встречи перед экраном

Марк Анатольевич – театральный режиссер. И фильмы он снимал неплохие. Даже хорошие. И даже очень хорошие. Зрителю они нравятся, их часто повторяют на телеканалах. Я сам с удовольствием пересматриваю «Такого Мюнхгаузена» и «Обыкновенное чудо». Но все они – как бы экранизация театральных произведений. Я говорю об этом без негатива, не как о недостатке. Для меня каждый его фильм – подтверждение того, что его снял замечательный театральный режиссер.

На мой взгляд, у Захарова была лишь одна кинематографическая неудача – «Убить Дракона». Этот фильм – возвращение режиссера к своим задумкам начала шестидесятых. Приступая к работе над спектаклем в СТ МГУ, Марк Анатольевич уже тогда говорил нам, что сила Ланцелота не в мускулах, не в умении размахивать мечом, а в интеллекте, в понимании сути проблемы города: убить Дракона необходимо, но не это главное; главное – убить Дракона в себе. В ту пору не могло быть и речи, чтобы поставить спектакль про это. Да его все равно не разрешили. А вот в фильме заняться этим режиссеру никто не мешал – началась перестройка. Ссылки критиков на трудности с утверждением преувеличены – надо же было чем-то оправдать и затянувшуюся работу, и неудачный результат.

Я улыбался, глядя на худого, неспортивного Ланцелота, застенчивого очкарика и зайку, типичного «ботаника»: ну вот, осуществляются мечты. Но фильм не получился, несмотря на звездный состав исполнителей. Олег Янковский (Дракон), по единодушному мнению критиков, превзошел себя, сыграв свою лучшую роль. Не помогли и трюки, даже смертельно опасные (Абдулов, висящий вниз головой на 45-метровой высоте). Что-то не срослось. Вроде бы все есть, но фильм не «катит» и не «цепляет».

Мне кажется, и Марк Анатольевич остался недоволен результатом. Не потому ли он больше не возвращался в кинематограф, поставив крест на себе как кинорежиссере в возрасте 55 лет? Ему оставалось еще 30 лет творческой жизни, но... ни разу больше...

Последняя встреча

В программке к спектаклю «День опричника» Марк Анатольевич написал:

«Владимир Сорокин – выдающийся русский писатель, и что особенно приятно – наш современник. Я считаю его продолжателем гоголевской традиции.»

Сегодня Владимир Георгиевич Сорокин вызывает неоднозначное к себе отношение, но это, как правило, свойство большого писателя, который открывает нам тайны человеческого естества, не страшась самых темных его сторон.

В романах “День опричника” и “Теллурия” сконцентрированы фантазмагорические видения, которые могут материализоваться в нашем Отечестве, если мы разучимся отличать болезненный садизм от светлых сторон русской души; если мы будем воспевать тиранов и ставить им памятники.

Злая, временами эпатажная сатира обладает у Сорокина целебными свойствами, и самое для меня важное – он новый и замечательный комедиограф. Его проза остроумна и непредсказуема.»

В «Википедии» на страничке писателя читаем:

«Владимир Сорокин – один из наиболее ярких представителей концептуализма и соц-арта в русской литературе». (Знать бы еще, что это такое. Он-то знает – поди, сам и сочинил эти строки.)

Но позвольте и мне высказаться.

Владимир Сорокин – холостой выстрел мощным зарядом стилистического таланта в могучем лесу русской литературы. Шуму много, фантазия фонтанирует, владение языком вызывает здоровую зависть, но в конце концов остается чувство омерзения и горькой досады, что такой талант израсходован на всякую гадость.

У него нет ни одной книги, которая не была бы безнадежно испорчена извращенческими физиологическими вывертами больного воображения, прочтя которые хочется бежать в ванну, а лучше в баню – отмыться.

Теперь вы можете себе представить, с какими чувствами я шел на премьеру «Дня опричника». Я молился, чтобы Марку Анатольевичу хватило такта выкинуть мерзопакостные сцены.

Мои молитвы были услышаны. Спектакль получился пристойным. И очень неплохим. С несколькими ненормативными репликами пришлось смириться.

И все же в памяти сохранился эпизод, который вызвал у меня

оставшийся безответным вопрос «зачем?». Это когда едва живой Леонид Броневой (для которого специально написали роль князя Собакина, воеводы в отставке), будто мечтающий о том, чтобы уйти в мир иной прямо со сцены, с нескрываемым омерзением отчеканил никому не нужную фразу: «На верхней полке, где сношаются волки». Слово «сношаются» он произнес с нажимом, чуть ли не по слогам, и с вызовом. Сидя на местах из брони худрука, я мог различить мельчайшие оттенки мимики народного артиста СССР, долгожителя сцены. Мне показалось, что вызов предназначался не публике (вот я какой лихой – могу и матерную поговорку со сцены!), а режиссеру, который заставлял его произнести известную фразу «на верхней полке, где еб**ся волки». Не осмелившись выкинуть эту мерзость целиком, Броневой возвысился до протеста и, как умел, заменил матерное слово. Низкий ему поклон.

Я могу, конечно, ошибаться, но это маловероятно. Выражение лица Броневого и сейчас у меня перед глазами, хотя с того дня прошло почти три года.

Почему меня это так взволновало? Наверное, в каждом академическом театре в последние годы я слышу ненормативную лексику, вставленную в новый или классический текст. Эти новомодные режиссерские «находки» стали так популярны, что вынудили бороться с ними законодательными ограничениями или даже запретами. Но ничто не помогает... Да бог с ними, пусть их тешатся. По правде говоря, если это не классическое произведение, а современный материал и если это редкие органичные вкрапления, характерные для среды и типажа, то и меня не тянет нудить с ханжескими замечаниями. Время такое. Пусть. Пусть где угодно, но не у «моего» Марка Анатольевича, аристократический образ которого я с благодарностью и любовью несу в своем сердце всю жизнь.

По традиции «Ленкома» после премьеры в большом кабинете накрыт а-ля фуршет для приглашенных худруком. Я заглянул поблагодарить за приглашение и поздравить с новым успехом. Марк Анатольевич встречал гостей на ногах, хотя ходить ему трудно.

Мы знакомы более полувека. Точнее – 57 лет. Он говорит: «Мы с вами столько всего видели, что нас надо просто расстрелять как неудобных свидетелей». И потом, когда я отсмеялся: «А бежевое пальто живо?» Вот память! Вот режиссерская наблюдательность и внимание к мелочам! В конце 50-х прошлого века у меня было единственное в своем роде пальто, пошитое в ателье из материала, выбранного мной в магазине «Ткани» по принципу «чтобы не было ни у кого другого». Пальто было модного покроя с цигейковым воротником шалью. Другого такого в Москве не было. Я с гордостью проносил его все свои студенческие годы.

Подтянулись успешные разгримироваться актеры из ближнего круга, пришли главные приглашенные – Швядкой и Ярмольник, сразу взявшие тон близких друзей. Развалившись на диване рядом с Ярмольником, Швядкой одобрительно высказывался о спектакле, говорил о его мощном энергетическом заряде, о фаллическом напряжении, из чего он делал

вывод, что это свидетельствует о большой, даже чисто физиологической, потенции самого режиссера. Ему, очевидно, нравилась своя ораторская находка – он довольно подхихикивал. Но всем было видно, что Марку Анатольевичу шутка неприятна: он не улыбался и никак не реагировал. Швыдкой понял, поутих, передав инициативу Ярмольнику. Мне стало грустно. Я откланялся и ушел. Больше мы не виделись.

Спустя два года я в последний раз пришел в «Ленком»*, чтобы проститься с человеком, который в далекие, мои совсем молодые годы, что-то перенастроил во мне, помог стать сильнее, увереннее, устойчивее.

Спасибо вам, Марк Анатольевич. Я никогда не говорил вам этого при жизни. Пришло время.

---

* 21 ноября 2019 года театр переименовали в Московский государственный театр «Ленком Марка Захарова».

Наталья Зарембская – родилась в Ленинграде. Работала в Искусствоведческой секции Государственного Экскурсионного Бюро. Интерес к искусству и литературе определил ее жизнь в Новом Свете – сначала в Бостоне, где она работала в Музее Изабеллы Гарднер, затем – в Нью-Йорке, где ее деятельность связана с Музеем современного искусства (*The Museum of Modern Art*). В сборниках Миллбурнского клуба был опубликован ряд ее литературоведческих статей.

Этот текст – расширенный вариант выступления, посвященного 130-летию со дня рождения Бориса Пастернака, на заседании Миллбурнского клуба в мае 2020 года. Необходимые фактологические комментарии помещены прямо в тексте, в квадратных скобках.

Пастернак в 20-е годы. События столетней давности

Двадцатые годы, переходные и переломные, были такими же и для Пастернака. Изолироваться от происходящего было невозможно. «Башни» разного рода были разрушены. Время вторгалось и формировало все аспекты жизни, включая литературный процесс. Поток информации поработал сознание, почти как в наши дни.

Что можно было прочесть в «Правде» или «Известиях» в те годы? Голод 1921 года, приведший к гибели пяти миллионов человек, Кронштадтский и Тамбовский мятежи 1921 года, кратковременный период НЭПа (1921-1925). Рождение новой, советской религии, для которой важным моментом стала смерть Ленина (1924). Новая власть демонстрировала свою силу каждодневно. Мятежи были потоплены в крови. В 1923-м победоносно закончилась гражданская война. НЭП начали сворачивать и окончательно задушили к концу 20-х.

По части литературных смертей это десятилетие было урожайным. В августе 1921-го расстрелян Гумилев. В 1922-м умер Хлебников. В декабре 1925-го повесился Есенин. Точку в апреле 1930-го поставил Маяковский. Никто из них не дожил до своего 40-летия. Ушли столпы символизма: в 21-м – Блок, в 24-м – Брюсов, только что с официальной пышностью отметивший свое 50-летие¹. Не случайно мысли о смерти посещали в эти годы и Пастернака.

В 1920-м Пастернаку исполнилось ровно 30 лет. Для него последующее десятилетие, обычно самое плодотворное в жизни человека, было временем духовного кризиса.

Самые первые годы этого десятилетия были особенно холодными и

отчаянно голодными. В 1920 году Пастернак пишет Дмитрию Петровскому, поэту-футуристу, приятелю тех лет:

«А ужасная зима была здесь в Москве, Вы слышали, наверное. <...> Очень, очень рано, неожиданно рано выпал снег, в начале октября зима установилась полная. Я словно переродился и пошел дрова воровать у Ч.К. по соседству. Так постепенно сажень натаскал. И еще кое-что в том же духе. – Видите, вот и я – советский стал. Я к таким ужасам готовился, что год мне, против ожиданий, показался сносным и даже счастливым – он протек "еще на земле", вот в чем счастье».²

Но ситуация менялась быстро, и в некоторых отношениях – к лучшему. После почти четырехлетнего перерыва начали выходить книги. В 1922 году в издательстве Зиновия Гржебина в Москве вышла книга ранних стихов Пастернака «Сестра моя – жизнь», третья его книга стихов и первая – без «еров» и «ятей» (новая орфография была введена в октябре 1918 года):

Сестра моя – жизнь и сегодня в разливе
Расшиблась весенним дождем обо всех,
Но люди в брелоках высоко брюзгливы
И вежливо жалят, как змеи в овсе.

У старших на это свои есть резоны.
Бесспорно, бесспорно смешон твой резон,
Что в грозу лиловые глаза и газоны
И пахнет сырой резедой горизонт.

(1917)

Одиннадцать «з» в первых двух строфах, а если добавить и близко звучащее «ж», то будет все пятнадцать. Вариант хлебниковского звукописья – в форме, доступной для всех нас, простых смертных.

Но пастернаковский ритм уникален и узнаваем.

Так или иначе, книга ждала своего часа пять лет. Большинство стихов в ней (около 70) были написаны летом и осенью 1917 года, когда Пастернак был увлечен кузиной своего приятеля Александра Штиха – Еленой Виноград. Книга имела подзаголовок «Лето 1917 года» и была посвящена – несколько неожиданно – Лермонтову.

Позднее Пастернак взял за обыкновение критически отзываться о своих ранних стихах: «Слух у меня был испорчен выкрутасами и ломкою всего привычного, царившими вокруг. Все нормально сказанное отскакивало от меня».

Мандельштам смотрел на эти стихи совсем по-другому. Он утверждал, что «Сестра моя – жизнь» имела такое же значение для современности, как перевод Библии для мирян в эпоху Реформации. Поэзию Пастернака Мандельштам называл единственной наследницей классической русской традиции Батюшкова, Языкова и Фета, связанной с усовершенствованием и гармонизацией языка, которая ведет его по единственно возможному, «среднему удобному пути» сближения с разговорной речью.³

Так или иначе, эта великолепная книга (так же, как и последовавшие за ней «Темы и вариации») подводила итог периоду, оставшемуся в прошлом. В 1922 году давление времени было настолько велико, что ощущался конец пути, тупик, по крайней мере для лирической поэзии.

Пастернак пишет сестре Жозефине и ее мужу в апреле 1924 года:

«Веку не до того, что называется литературой. Ах не сберегло меня ничто, и все, что я отдал, уже не вернется ко мне. Нет музыки и не будет».⁴

А вот его ответ на анкету «Ленинградской Правды» в 1926 году (в газете этот текст так и не появился):

«Вы говорите, стихов писать не перестали, хотя их не печатают, изданных же не читают. Ценное наблюдение, хотя не оно меня убеждает в упадке поэзии – мы пишем крупные вещи, тянемся в эпос, а это определенно жанр второй руки. Стихи не заражают больше воздуха, каковы бы ни были их достоинства. Разносящей средой звучания была личность. Старая личность разрушилась, новая не сформировалась. Без резонанса лирика немислима».⁵

[Схожий сентимент выразил Блок еще в 1920 году. Незадолго до смерти он объяснял своему другу Корнею Чуковскому, почему не может больше писать стихи: «Все звуки прекратились. Разве ты не слышишь, что нет больше никаких звуков». ⁶]

В 1926 году эти слова звучали оправданием шага, который уже был сделан. В 1923 году Пастернак обратился к «жанру второй руки» – эпосу – и начал с поэмы «Высокая болезнь». Первый вариант был напечатан в журнале Маяковского «ЛЕФ» в январе 1924-го. Сам Пастернак, получив поэму из типографии, заметил: «По скуке и тупоумию это произведение вполне совершенное». Это заявление не кажется вполне искренним. Пастернак мог быть не очень доволен результатом. Но не похоже, чтобы он писал поэму с отвращением, «наступая на горло собственной песне». Поэма среднего размера, около 300 строк, была реквиемом ушедшему времени:

А сзади, в зареве легенд,
Идеалист-интеллигент
Печатал и писал плакаты
Про радость своего заката.

...

Мы были музыкой во льду.
Я говорю про всю среду,
С которой я имел в виду
Сойти со сцены, и сойду.

(1923)

Печальный итог. «Кто виноват?» – спрашивать было бессмысленно. Более конструктивным был вопрос: «Что делать?»

На этот вопрос ответ был дан только во втором варианте поэмы, напечатанной в антиподе «ЛЕФа», журнале «Новый Мир», у Вячеслава

Полонского, в 1928 году. Это был уже другой, трансформированный Пастернак. Много событий произошло в его жизни между 23-м и 28-м годами, о чем я еще скажу.

Каков же ответ? «Проснись, поэт, и суй свой пропуск» – это из той же поэмы. Основой добавленного финала послужило воспоминание о том, как Пастернак получил пропуск на заседание Девятого съезда Советов, который проходил в Москве в декабре 1921 года и на котором выступал Ленин. Пропуск был получен через отца. Леонид Осипович Пастернак с 1919 года имел пропуск на все заседания, так как входил в группу художников, которые должны были запечатлеть происходившие события.

Финал «Высокой болезни» – одно из немногих талантливых произведений нового жанра – ленинианы:

Чем мне закончить мой отрывок?
Я помню, говорок его
Пронзил мне искрами заговор,
Как шорох молнии шаровой.
Все встали с мест, глазами втуне
Обшаривая крайний стол,
Как вдруг он вырос на трибуне
И вырос раньше, чем вошел.
Он проскользнул неуследимо
Сквозь строй препятствий и подмог,
Как этот, в комнату без дыма
Грозы влетающий комок.

...
Он был как выпад на рапире.
Гонясь за высказанным вслед,
Он гнул свое, пиджак топыря
И пяля передки штиблет.
Слова могли быть о мазуте,
Но корпуса его изгиб
Дышал полетом голой сути,
Прорвавшей глупый слой лужги.
И эта голая картавость
Отчитывалась вслух во всем,
Что кровью былей начерталось:
Он был их звуковым лицом.
Столетий завистью завистлив,
Ревнив их ревностью одной,
Он управлял теченьем мыслей
И только потому страной.

Тогда его увидев въяве,
Я думал, думал без конца
Об авторстве его и праве
Дерзать от первого лица.
Из ряда многих поколений
Выходит кто-нибудь вперед.
Предвестьем льгот приходит гений
И гнетом мстит за свой уход.

(1928)

Годом позже выхода первого варианта «Высокой болезни» Пастернак, как и Мандельштам, стоит в очереди перед Колонным залом Дома союзов. [Маяковский выстоял в этой очереди три раза.] Похороны Ленина в подсознании многих были всероссийской заупокойной службой по жертвам и страданиям ужасающих послереволюционных лет. Во многих местах служили молебны о поминовении новопреставленного раба Божьего Владимира, и Бухарин отмечал в частном письме: «...мы вместо икон повесили вождя и постараемся для низов открыть мощи Ильича под коммунистическим соусом».

Сам Бухарин был против этой идеи. Есть точка зрения, что идея принадлежала наркому внешней торговли Леониду Красину, который верил в возможность воскрешения в будущем «правильно забальзамированного» вождя. [Объявление о принятом решении сделал «Всероссийский староста» Михаил Калинин.]

К серьезному отношению к жизни подталкивали Пастернака и перемены на личном фронте. В январе 1922 года он женился на студентке Вхутемаса Евгении Владимировне Лурье.

[Московский ВХУТЕМАС – Высшие художественно-технические мастерские – был образован в 1920 году путем объединения Строгановского художественно-промышленного училища и Московского училища живописи, ваяния и зодчества.]

Обручальные кольца были сделаны из Бориной золотой медали. На внутренней поверхности Пастернак нацарапал: «Женя, Боря».

Был он тогда по документам по-прежнему Борис Исаакович Пастернак. С отчеством была какая-то абракадабра. Его отец по документам был Авром Ицхок-Лейб бен Йойсеф Постернак – Абрам Ицхак сын Иосифа. Позднее он стал Исааком Иосифовичем, а еще позднее – известным русским художником Леонидом Осиповичем Пастернаком. Почему для Бориса было выбрано отчество Иосифович – загадка времени.

Конец 22-го и зиму 23-го молодые провели в Берлине, «второй русской столице», у родителей Пастернака, которые покинули Россию в 1921 году. Однако дорогая сердцу Пастернака Германия не показалась ему привлекательной на этот раз.

Позднее он писал в «Охранной грамоте» о возвращении в город своей юности Марбург после проигранной войны: «Германия голодала и холодала, ничем не обманываясь и никого не обманывая, с протянутой временам, как за подающим, рукой (жест для нее не свойственный) и вся поголовно на костылях».

Евгения была не прочь остаться, но Пастернака тянуло в Москву. Они вернулись и поселились на Волхонке, в комнате уплотненной квартиры, когда-то принадлежавшей родителям Пастернака. Уплотнена она была своими людьми. Одним из них был младший брат Александр с женой, две другие семьи были также из знакомых, но от этого было только хуже.

Вскоре родился сын Евгений, названный именем жены.

Стремление к семейной жизни было воспитано у Пастернака его детством, устойчивым бытом родительской семьи. Но быт его собственного дома, вплоть до готовки, достался ему самому. Довольно быстро «любовная лодка» стала давать трещины. В письме Цветаевой в апреле 1926 года он пишет, имея в виду своего сына: «Ты как-то спросила, отчего я о нем не пишу. Оттого что он на руках у дома, уплотненного 4-мя семьями; оттого что у него не такая няня, какой бы я желал и какие бывали у нас; оттого что уплотненья и няня (белоруска) коверкают ему язык; оттого что мать целые дни во Вхутемасе, с утра до вечера, и в придачу к лишениям, к которым ведет ее постоянное отсутствие, теряет здоровье; оттого что я ничего ей не могу сказать, потому что знаю, что и я бы ходил во Вхутемас и семья бы меня не остановила..., оттого что это безвыходный круг».⁷

Необходимость зарабатывать на жизнь заставила его поступить на службу в библиотеку Народного Комиссариата Просвещения.

Вот знаменитые строки из поэмы «Спекторский»:

Привыкши выковыривать изюм
Певучестей из жизни сладкой сайки,
Я раз оставить должен был стезю
Объевшегося рифмами всезнайки.

Я бедствовал. У нас родился сын.
Ребячества пришлось на время бросить.
Свой возраст взглядом смеривши косым,
Я первую на нем заметил проседь.

Но я не засиделся на мели.
Нашелся друг отзывчивый и рьяный.
Меня без отлагательств привлекли
К подбору иностранной лениньяны.

Задача состояла в ловле фраз
О Ленине. Вниманье не дремало.
Вылавливая их, как водолаз,
Я по журналам понырял немало.

Не правда ли, это эпическое начало звучит прямо как «Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог...» Замечу, что остальные стихи «Спекторского» лишены пушкинской простоты.

Сидение в библиотеке с 10 утра до 8 вечера было большим облегчением по сравнению с домом, где жили 20 человек при одной кухне и туалете. На службе в перерывах он мог читать Пруста, Конрада и раннего Хемингуэя и вообще быть в курсе того, что происходило в европейской литературе.

[Хемингуэй начал работать иностранным корреспондентом в Париже в 1921 г.]

Друга «отзывчивого и рьяного» звали Яковом Черняком. Черняк, Яков

Захарович, беспартийный политработник, можно сказать, курировал его – в вегетарианском, бухаринском стиле.

«Партия... должна всячески бороться против легкомысленного и пренебрежительного отношения к старому культурному наследию, а равно и к специалистам художественного слова» – это из постановления Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 года. Составителями его были Бухарин, Луначарский, Варейкис, Раскольников, Лелевич. Все они (за исключением Луначарского, умершего вовремя) плохо кончили.

Характерна судьба Лелевича, он же Лабори Гилелевич Калмансон. Имя Лабори он получил в честь Фернана Лабори (1860–1917), адвоката на процессе Дрейфуса. Он был по совместительству литературным критиком, членом ВАППа, МАППа и левого РАППа и непримиримым отвергателем Пастернака. Он был также и поэт. Популярна была его «Коммунэра о чекисте Семенове»:

Всю ночь огни горели в губчека.
Коллегия за полночь заседала.
Семенова усталая рука
Пятнадцать приговоров подписала.

Чернеет яма... Черен голый лес...
И в тишине, тревогой напоенной,
Так четок выстрелов короткий треск,
Так тихи замирающие стоны.

И вот земель засыпаны тела...
Семенов сел в хрипящую машину,
И лишь на лбу высоком залегла
Еще одна глубокая морщина.

Расстрел Лелевича в 1937 году повлек за собой расстрел его сына и отца, тоже поэта, писавшего под псевдонимом Перекати-Поле.

В 1925 году Пастернак осознал, что приближается 10-летие революции. Надо было действовать. Лениниана давала рублей 100 в месяц, что составляло примерно две трети необходимого. Детская литература приносила хорошие гонорары, но его попытки в этом жанре («Карусель», «Зверинец») лежали в редакциях без движения. Вот его «Зверинец», написанный в 1924 году:

Зверинец расположен в парке.
Протягиваем контрамарки.
Входную арку окружа,
Стоят у кассы сторожа.

...
В лоханке с толстыми боками
Гниет рассольник с потрохами.
Нам говорят, что это – ил,
А в иле – нильский крокодил.

Не будь он совершенной крошкой,
Он был бы пострашней немножко.
Такой судьбе и сам не рад
Несовершеннолетний гад.

И тому подобное – на хорошего размера книжку с картинками. В конце 20-х годов обе книги были изданы – одна в Москве, другая в Ленинграде – с иллюстрациями замечательных графиков Дмитрия Митрохина и Николая Купреянова. Но для того, чтобы это произошло, пришлось поработать.

Черняк помогал Боре, как он выражался, «муштровать его гений», подталкивая его к крупным поэмам на темы революционного эпоса, снабжал его книгами для поэм «Девятьсот пятый год» и «Лейтенант Шмидт». ⁸

Поэт и сам понимал, что деваться, в общем, некуда. В 1925-м Пастернак засел за «Девятьсот пятый год».

Пастернак без конца извинялся перед родственниками по поводу принятого решения: «А в этом году придется писать решительную дрянь. Только она и приносит заработок... Ах какая тоска, тоска», – пишет он сестре Жозефине в Мюнхен.

Откровенен он и с Черняком, до цинизма: «Мне хочется отбить все будки и сторожки откупных тем <...> хочу начать с 905 года». ⁹

Марине Цветаевой он пишет: «Ты меня обижаешь, серьезно обсуждая 1905 г. <...> Но уверяю тебя, по силам, сложившим 1905, это находится посредине между службой и писательством. Координаты по отношению к поэзии не берусь даже определить». ¹⁰

Но халтурщиком Пастернак быть не мог, он предпринял честную попытку в выбранном направлении. Решил, правда, писать короткими строками – платили построчно.

Первая строфа ему удалась:

В нашу прозу с ее безобразьем
С октября забредает зима.
Небеса опускаются наземь,
Точно занавеса бахрома.

Остальную тысячу строк поэмы читать большей частью тяжело, кроме строф, посвященных годам отрочества. Именно здесь эти известные строки:

Мне четырнадцать лет.
ВХУТЕМАС –
Еще школа ваянья.
В том крыле, где рабфак,
Наверху –
Мастерская отца.
В расстоянье версты,
Где столетняя пыль на Диане
И холсты,
Наша дверь.

Пол из плит
 И на плитках грязца.
 Это дебри зимы.
 С декабря воцаряются лампы.
 Порт-Артур уже сдан,
 Но идут в океан крейсера,
 Шлют войска,
 Ждут эскадр,
 И на старое здание почтамта
 Смотрят сумерки,
 Краски,
 Палитры
 И профессора.

Как-то раз,
 Когда шум за стеной,
 Как прибой, неослаблен,
 Омут комнат недвижим
 И улица газом жива, -
 Раздается звонок,
 Голоса приближаются:
 Скрябин.
 О, куда мне бежать
 От шагов моего божества!

Это «божество», с которым отец Бориса познакомился случайно на даче, было причиной нескольких лет, отнятых у поэзии, когда Пастернак всерьез думал о музыкальной карьере.

Так или иначе, поэма была напечатана. Отзывы за рубежом можно легко представить, особенно если речь идет о Вячеславе Ходасевиче и его круге. «Творчество Пастернака – это словесное фиглярство, содержание его поэзии бедное и безликое, – писал критик Владимир Вейдле в журнале “Современные записки”. – В поэмах проявилась неспособность Пастернака выстроить сюжет, связать воедино разорванные части большого эпического целого».

Не правда ли, заставляет вспомнить центральный мотив критики романа «Доктор Живаго»?

Акмеист Николай Оцуп, относившийся к Пастернаку, в общем, положительно, писал: «Две последние поэмы Пастернака доказали, что лучше уж ему не пытаться отделаться от своих недостатков, вместе с которыми он рискует утратить все свои достоинства».

В те годы Пастернак мог читать зарубежных критиков, и вряд ли его радовали их отзывы. Домашние же критики, вроде Перцова и Лелевича, в лучшем случае писали, что Пастернаку, может быть, еще можно помочь на пути к правильной поэзии. Виктор Перцов и в 1958 году оценивал поэзию Пастернака как «восемьдесят тысяч верст вокруг собственного пупа».

[Исчерпывающий анализ критики творчества Пастернака 20-х годов в советских и зарубежных публикациях представлен в диссертации А. Ю. Сергеевой-Клятиц.¹¹]

В этой обстановке совершенно необходимой поддержкой было общение с поэтами, дарование которых представлялось Пастернаку неоспоримым. С одним из них, Маяковским, Пастернак был знаком с лета 1914 года. Встретив, вспомнил его по 5-й Московской классической гимназии, где тот учился двумя годами раньше, вместе с Александром, младшим братом Бориса.

Но так уж получилось, что с Мандельштамом, Ахматовой и Цветаевой он всерьез познакомился только в 1922 году.

С Цветаевой на самом деле они сталкивались и раньше, на поэтических вечерах, но эти первые встречи не оставили у Пастернака заметного следа. В 1922 году Цветаева и Пастернак были в Берлине, жили в разных гостиницах, и он написал ей первое письмо, которое стало началом многолетней переписки. В этом письме он пишет, что наконец «открыл» для себя Цветаеву, и подписывается: «Потрясенный Вами Б.Пастернак».

В ответном письме Цветаева перечисляет все их мимолетные встречи, начиная с весны 1918-го, которые она, в отличие от Пастернака, помнила во всех подробностях. Хотя в нем же, не без яда, замечает: «Стихи Ваши я знаю мало: раз слышала Вас с эстрады, Вы тогда сплошь забывали, книги Вашей не видела». Говоря о его поэтических чтениях, она сравнивала его с медведем, который гудит что-то под нос, разобрать невозможно.

Тон их переписки был крайне выпрепленным и часто выходил за пределы платонического восхищения равным по дарованию поэтом. Тем не менее именно с Цветаевой Пастернак обсуждал следующую свою поэму, «Лейтенант Шмидт», и многократно переделывал ее, следуя ее критическим замечаниям.

Именно Цветаева произнесла, едва ли не первой, что сложность поэзии Пастернака не в форме, а в содержании. Именно сложность и глубина содержания его стихов диктуют поиски сложной, новой, необычной формы.

«Лейтенант Шмидт» – самая большая поэма этого периода, почти в полтора раза длиннее, чем «Девятьсот пятый год» (1400 строк). Написана она на злобу дня. В 1923 году состоялось торжественное перенесение останков лейтенанта Петра Шмидта и трех матросов, расстрелянных вместе с ним, из Покровского собора в Севастополе на городское кладбище Коммунаров. В том же году был расстрелян капитан Михаил Ставраки, сокурсник Шмидта, которого обвиняли в проведении расстрела в 1906 году.

Шмидта легко было воспринимать как романтического идеалиста, который к тому же не успел запятнать свое имя террором: восстание на «Очакове» было подавлено в течение одного дня. Фабулу поэмы Пастернак сформулировал так: «Превращение человека в героя в деле, в которое он не верит, надлом и гибель».

Не случаен и интерес Цветаевой к поэме. В конце концов, подлинный

сын лейтенанта Шмидта, Евгений Петрович Шмидт-Очаковский, был участником «Лебединого стана», или, говоря проще, – белогвардейцем.

Пастернак ввел в поэме еще один, сквозной, романтический мотив – конфидентки Шмидта, с которой он переписывался и в которую был влюблен. В поэме ее имя не называется. В реальной жизни ее звали Зинаида Ризберг. Этот мотив прямо проецировался на продолжающуюся переписку Цветаевой и Пастернака.

Поэма «Лейтенант Шмидт» была опубликована в пяти номерах «Нового мира» в 1926-1927 годах. Она начиналась довольно длинным посвящением:

Мельканье рук и ног, и вслед ему:
«Ату его сквозь тьму времен! Резвей,
Ревя рога! Ату! А то возьму
И брошу гон и ринусь в сон ветвей».
Но рог крушит сырую красоту
Естественных, как листья леса, лет.

И еще девять строк, подобных этим.

Это акrostих. Если прочесть его до конца, получится: МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ. С «И-кратким» Пастернак не справился, так что последняя строка начиналась с «И»:

И ветром и травой, мне и ей.

Месяца через два это было замечено. Начался скандал. Пастернак извинялся в письме редактору «Нового Мира» Полонскому, потом извинялся в письме от 3 февраля 1927 года и Цветаевой и, в частности, писал:

«...ни Маяковский, ни Коля (Асеев) не могут себе позволить многого из того, что спускается мне. Они воспринимаются в обрамленьи ответственности, популярности и пр. Я же на положении безответственном, т. е. сущие дети, поголовные дети и подчас дурные, воображают, что я – ребенок. Зато и живу я несоизмеримо лучше (морально) и хуже (матерьяльно) многих...»¹²

В последующих изданиях посвящение было убрано.

Что же касается поэтики «Лейтенанта Шмидта», то усилия двух крупных поэтов не сделали поэму шедевром. Опять-таки лучше всего – начало:

Поля и даль распластывались эллипсом.
Шелка зонтов дышали жаждой грома.
Палящий день бездонным небом целился
В трибуны скакового ипподрома.

Народ потел, как хлебный квас на леднике,
Привороженный таяньем дистанций.
Крутясь в смерче копыт и наголенников,
Как масло били лошади пространство.

А позади размерно-бьющим веяньем
 Какого-то подземного начала
 Военный год взвивался за жокеями
 И лошадьми, и спицами качалок.

...
 Все кончилось. Настала ночь. По Киеву
 Пронесся мрак, швыряя ставень в ставень.
 И хлынул дождь. И как во дни Батыевы,
 Ушедший день стал странно стародавен.

[В Киеве, на ипподроме, в июле 1905-го Петр Петрович Шмидт познакомился с Зинаидой Ризберг.]

Можно удивляться, как точно следовал Пастернак историческим деталям Севастопольского восстания:

Вдруг взоры отвлеклись к затону.
 Предвидя, чем грозит испуг,
 Как вены, вскрыв свои кингстоны,
 Шел кó дну минный транспорт «Буг».

Он знал, что от его припадка
 Сместился бы чертеж долин:
 Всю левую его лопатку
 Пропитывал пироксилин.

Действительно, Шмидт, поднявший флаг на крейсере «Очаков» в Севастопольской бухте, защитил его борт от береговых батарей минным транспортом «Буг», который был под завязку нагружен взрывчаткой. Взрыв такой силы снес бы с земли всю прибрежную часть города («Сместился бы чертеж долин»). Однако команда «Буга» затопила свой корабль, открыв «Очаков» для обстрела.

Многоголосие поэмы делало ее хорошим материалом для радиопостановок. Уже в наши дни ее читали на голоса Игорь Кваша, Геннадий Бортников, Алла Демидова и другие.

Солженицын с сочувствием цитировал речь Шмидта на суде:

Я тридцать лет вынашивал
 Любовь к родному краю,
 И снисхожденья вашего
 Не жду и не желаю.

Не встать со всею родиной
 Мне было б тяжелее,
 И о дороге пройденной
 Теперь не сожалею.

Любимой шуткой нашего учителя математики в школе было: «Эта теорема, деточка, не применяется в сельском хозяйстве». Перефразируя, можно сказать, что эта поэма Пастернака нашла свое применение «в сельском хозяйстве»: она не забыта критикой и кормила несколько поколений литературоведов.

Мучительный опыт работы над революционными поэмами не прошел даром. Он в большой мере излечил Пастернака от цинизма,

укрепил его в понимании, что идти дальше по этой дороге – не для него. Словно подводя итоги 20-х, весть о смерти Маяковского прозвучала как притча о том, к чему приводит талантливую поэту поклонение ложным богам.

В последние годы десятилетия Пастернак пишет для души «Охранную грамоту», а чтобы не пропала техника, наработанная при написании двух тысяч революционных строк, доканчивает «Спекторского».

Эти два произведения – отдельные большие темы, которых я не буду касаться.

---

¹ Объявление о создании Юбилейного Комитета для празднования 50-летия В. Я. Брюсова. 1923 г. /ГА РФ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 372. Л. 97.

² Чудо поэтического воплощения (Письма Бориса Пастернака). Публикация и комментарий Е. Б. Пастернака. Вопросы литературы. 1972. № 9. с. 161.

³ Сергеева-Клятис, А. Ю. (2013). О. Э. Мандельштам – критик Б. Л. Пастернака. Известия иркутской государственной экономической академии, № 6.

⁴ Пастернак, Е. Б. (1997). Борис Пастернак. Биография. М., Цитадель, 728 с.

⁵ Павловец, М. Г. (2017). Советская поэзия в 1926 году в зеркале анкетирования писателей и читателей. Acta Universitatis Lodzianis. Folia Literaria Rossica, 10.

⁶ Чуковский, К. И. (2001). Собрание сочинений в 15 томах. Т. 5. Современники: Портреты и этюды, М., Terra-Книжный клуб. 2001.

⁷ Эфрон, А. С. (2016). Моя мать Марина Цветаева. Изд. ТД Алгоритм.

⁸ Черняк, Я. З. (1990). Записи 20-х годов. Вопросы литературы, № 2.

⁹ Сергеева-Клятис, А. Ю. (2012). Свой среди чужих, чужой среди своих. Революционные поэмы Пастернака в литературной критике. Вопросы литературы, №9-10.

¹⁰ Рильке, Райнер Мария, Пастернак Борис, Цветаева Марина (1990). Письма 1926 года. М., Книга, с. 179. (Письмо от 30 июля 1926 года).

¹¹ Сергеева-Клятис, А. Ю. (2014). Поэзия Бориса Пастернака 1920-х годов в советской журналистике и критике русского зарубежья. Докторская диссертация. Москва.

¹² Цветаева, Марина; Пастернак, Борис (2016). Чрез лихолетие эпохи... Письма 1922-1936 годов. Сост. И. Д. Шевеленко, Е. Б. Коркина. Изд-во АСТ.

Дмитрий Злотский - родился в 1960-м в Москве. В Америку приехал в 1989 году. Пишет по-русски и по-английски, прозу и стихи. В печати вышли роман "Monster. Oil on Canvas", сказка «Приключения Марковки» и другие книги. Увлекается и занимается изобретением головоломок. В 54 года пробежал свой первый марафон.

Правдивые истории из жизни Юры Гематомского. Стихи тоже его

Вначале было с...

Гематомский прочитал и задумался, держа ладонь на теплом переплете.

– Вот так, – сообщил он в пространство. – И с тех пор все время без...

(Продолжение следует)

Зазеркалье

Как кролик Алисин, пропавший в норе,
лечу от рождения к черной дыре,
где стану дырявым скитальцем
в компании с мартовским зайцем.

Но, может, дыра эта только во мне,
и нет никакого изъяна вовне,
а сказка резонна и даже
гуманны ее персонажи?

Но если взбредет королеве червей,
чтоб розовый куст был покрашен черней,
чем магия пиковой дамы,
мне шляпником сданной,

то так и случится в протертой дыре;
и самое сильное в мире тире,
стоящее тут же на страже,
две даты повяжет.

И больше со мной не столкнется никто,
как с сумчатым волком и птицей додо,
и станет вчерашним капризом
несчастный прообраз Алисы.

Озноб пробирает, кричи не кричи,
чем прыгче скачу я до черной свечи,
и тьма, сколько света ни клянчу,
становится ярче.

* * *

Поднявшись на обрыв, Гематомский наслаждался открывшимся видом на рощу под скалой, луг в разгуле цветения и дымку, стирающую грань тверди.

- Интересно, какие мы будем через тысячу лет? - спросила Татьяна тысячу лет назад.

Тогда, опьяненный ароматом ее кожи, он пробормотал нечто сбивчивое, а теперь... теперь смысл грамматики затуманился, словно черта горизонта. Он оторвал взгляд от долины, прострекотал нечто философское и пополз дальше, споро перебирая лапками.

В глубине сознания теплилось понимание того, что он - Гематомский, но сформулировать, что это, собственно, такое, не представлялось важным.

(Продолжение следует)

Родной язык

Я бы выучил русский язык лишь за то,
что на нем разговаривал некто Пихто,
и служивый в кожанке, и кони в пальто,
и писала детишкам Агнешка Барто,

и что в прорубь сигают с ним в нижнем белье,
и не нужен троим балабол сомелье.
С ним коня остановит, и избу спалит,
и спасет Лимпопо коновал Айболит.

И шепчу я: Живаго, куранты, Балчуг...
ведь не Ваньку валял краснощекий барчук
языком вдохновенным на свежем жнивье,
и кухмистер о том сочинил оливье.

И я выучил... но самый важный почин
изо всех перечисленных выше причин -
потому, как бы это помягче сказать,
что отец говорил на нем, *б твою мать.

* * *

Лучи солнца позолотили верхушки минаретов.

- А дальше, дальше что было, - настаивал султан.

- Завтра дорасскажу, - пообещал Гематомский и нащупал ногами тапочки.

(Продолжение следует)

На встрече с Дм. Быковым

Недавно на ночь позвонил приятель.
Пойдем, сказал он, тут в одном доме...
приехал знаменитый... все приятней,
чем рифмами терзаться одному.

Червонец с носа, – он добавил быстро,
поскольку помнил, как я бережлив.
«Про что?» «Игра литературной мысли.»
Я скомкал лист тетрадный, и пошли.

Заезжий лектор был хозяйкой кормлен
заранее. Остался бутерброд
с яйцом, надкусанный и формой
напоминавший серп. Широкий рот,

как будто с умыслом, природою был даден
для вящей проходимости словес.
«Прошу в гостиную!» (куда доклада ради
снесли все стулья в доме – интерес

к литературе дополнялся скукой
февральских вечеров). Он пожевал усы
и начал издали: вначале были буквы,
потом... потом его прервал хозяйский сын,

скатившийся по лестнице в пижаме
из темной спальни на культурный свет,
как мотылек – ему хотелось к маме,
а той хотелось с гостем. «Миша, нет!» –

сквозь зубы прошипела, виноватый
на гостя бросив взгляд, произнесла
«Прошу прощения» и акселерата
подмышкою наверх уволокла.

Рассказ возобновился. Понапрасну
души не тратя на мещанский быт,
вернулись к книгам. Лектор на прекрасном
собаку съел, но не был ею сыт.

Когда всплыла (не скрипнуть бы ступенькой)
хозяйка, на галерке ейный муж
уже дремал, поскольку делал деньги
весь день и ухайдакался. К тому ж

ему назавтра снова предстояло
вставать к зубодробильному станку;
но светская супруга не пускала
спать – коли нету места мужику

в кровати, пусть не будет и мужлану.
Сиди, внимай культуре, будь добер.
И он внимал как мог, мало-помалу
посапывая. А докладчик пер

крутой гуманитарною тропую –
не выбился в юристы и врачи,
и вот дробил породу, как в забое
шахтер, чтобы отбить свои харчи.

Он сеял вечное, не думая, поможет
ли знание развеять мне печаль.
С таким же видом нищему прохожий
кидает медь и подает на чай

гроши прислуге недалекий барин,
копейку путая с величием души...
И час молот Емеля как в угаре
цитаты с послевкусием лапши.

Но это от лукавого. Набухли
виски в преддверии мигрени, мол, вот-вот
рванет. Я тихо выскользнул на кухню,
доел надкусанный светилом бутерброд

и, бросив друга, сгинул. Почему-то
хотелось выть на звезды. Видно, так
устроен мир – от всполохов салюта
становится чернее чернота

и правит миром заповедь господня
«Не сотвори!» в такие вечера.
Я брел во тьме пока еще сегодня,
но, вздуматься, то, в сущности, вчера.

* * *

Верблюдица оказалась неласковой. Гематомский поправил чалму, увернулся от копыта и зажал вымя пятерней. Струя задорно долбанула в цинковую стенку. Шершавые ладони мастера вошли в ритм. Ведро быстро наполнялось.

– Учись, Тутанхамойше, – наставительно сказал он внуку. – Ремесло, оно прокормит. А иначе будешь по пустыням бедуинствовать.

(Продолжение следует)

* * *

Каждое утро в некоем смысле
я совершаю самоумыйство.
Нет ни души в душевой комнатухе,
кроме меня. Остывает подушка.
В пухе и прахе ее пропечатан
мыслей моих полуночный зачаток,
чей отпечаток в кровати бесплотен,
ибо я в ванной, печален как Понтий.
Добрые люди добро наживают
и про себя мне добра не желают.
Спинку им мылят служивые лица,
в спину бросая мне «Самоумыйца!»
В клубах сигарят, а мне неповадно
в клубах сигарных чадить самосадам.

Так и шагаю оставленным свитой
самопоэтом и самопропитым,
и не припомнить грядущим засранцам
самозабвенного самопозванца.

* * *

Весь день палило солнце. Распухший язык наждаком тер небо. Гематомский помнил, как... а может, мерещилось. Мир превратился в какую-то черно-белую несусветицу, в стиле Роб-Грийе или Джармуша. Во всем виновата жажда. Даже истощное «Не-е-ет!» оказалось бессильно против животного порыва. Он прильнул к отражению облаков и глотал, глотал. Голову повело.

На четвереньках было устойчиво, но унизительно, а выпрямиться не получалось.

В мозгу колотило: что потом, что потом, что потом?

– Аленушка, – позвал Гематомский, но из горла вырвалось только жалобное блеяние.

(Продолжение следует)

* * *

Дождь пошел. Я вышел на веранду,
шлепая по доскам босиком.
В животе вчерашняя баланда
говорила русским языком,

пока я, опершись на перила,
наблюдал, как в луже пузыри
лопались. Умеренно мутило,
оставаясь временно внутри.

Где-то наверху меня просила
ласковыми жестами жена
сквозь двойные рамы мезонина
отойти подальше от окна.

Жизнь моя – полет звезды погасшей;
вся вина, что без обиняков
из другому поднесенной чаши
сделал пару медленных глотков.

И теперь я сдерживаю слово,
горло сжав в трясущейся горсти.
Каждому дана своя Голгофа,
чтобы крест с веранды унести.

* * *

– Ни Скарлатти, ни Куинджи? – охнула Эсмеральда Искандеровна. – Это ведь... это ведь так... – она попыталась ухватить эпитет руками, но безуспешно.

– Видите ли, Эся, – Гематомский оттер кetchup с блейзера и подтянул

мизинцем фуа-гру, – это сейчас мне все доступно, а в детстве родители могли позволить себе только подтягивание и отжимание...

(Продолжение следует)

* * *

Когда бы не распяли в тридцать три,
женился бы на дочери торговца,
поднаторел в каракуле и овцах
и маялся припадками хандры,

грозя до лета отойти от дел,
продав палатку на подходе к храму,
и перед сном, лосьон втирая в шрамы,
брюзжал, что ужин снова подгорел.

Когда б не на дуэли в тридцать семь,
писал бы о финансовой реформе,
о том, что горный воздух благотворно
влияет на желудок, и совсем

забросил лирику, до коей стал далек;
страшась порезов, отказался бриться
и сетовал на боли в пояснице
любому, кто зайдет на огонек.

Вы спросите, откуда это мне
известно, я отвечу просто,
что тоже мерял тогу не по росту,
и уцелел лишь потому, что не...

* * *

Втайне Гематомский разделял взгляды Робеспьера.

(Продолжение следует)

* * *

Оставшись один, император на троне
сидит, опираясь на локоть, и кроме
него в обезлюдевшей к вечеру зале
лишь одуревшая муха. Азалий
сохнет букет, что проситель ретивый
украсил рубином. Его мотивы
остались тайной – в часах песочных
кончилось время, и, оттого что
некому их опрокинуть, смерчем
смерть подменяя, ничуть не легче.

Устал император – сидеть неподвижно
с рукою на скипетре и над ближним
чинить справедливость не то что скучно,
но безрезультатно, и, может, лучше
было бы бросить империю к черту,
схиму принять и исчезнуть, в потертом
наряде тихо проследовав мимо
стражи на площадь, где анонимно

смешаться с толпой. Но минутная слабость
проходит. В империи хаос,
и надо надежду внушать прислуге,
не выдавая, что сам в испуге.

* * *

- Я бы все отдал, чтобы у меня что-нибудь было! - воскликнул
Гематомский.

- Подпишите здесь, - сказал дьявол.

- Но у меня ничего нет!

- Гематомский, вы меня убиваете, - простонал искуситель.

С тех пор Гематомский прославился как Победитель Тьмы.

(Продолжение следует)

Родной язык в Миллбурнском клубе

Мы собираемся нечасто,
 Нам всем уже немало лет,
 Ко многому мы безучастны.
 Но в нас живет один секрет:

Язык страны, теперь далекой,
 Где мы, случилось, не нужны,
 Страны без смысла и без прока.
 Там были мы обречены.

На нем подшиты приговоры,
 Все так же воют о жидях,
 Три буквы, ясные без споров,
 На лестницах и во дворах.

Он все и вся в себя вмещает:
 И чистый стих, и грязный мат,
 И тускло мир им освещает
 Теперь никчемный диамат.

Родной язык мы сохраняем,
 Хоть за иной он речью скрыт.
 На нем друг друга поздравляем
 В другой стране до сей поры.

На нем мы жарко, громко спорим
 О том, что за душу берет.
 В веселье с нами он и в горе.
 Он в нас без родины живет.

Чайник Славы Бродского

Я – чайник. Без забросов. Не с приветом.
 Я от искусств. Я в них живу. Я апробирован.
 Горжусь своим я видом. И при этом
 Прекрасен я, хоть и заметно деформирован.

Не страшно мне: я вышел из огня,
 Я сделан добрыми, умельцами руками.
 И жизнь будет скучной без меня.
 Я создан, чтобы быть в соседстве с вами.

Не для плиты я. На стене живу.
 Мне нужен солнца луч и яркий свет.
 Я – мир иной, вопрос, сон наяву,
 И на меня похожих вовсе нет.

Я создан, чтоб ваш взгляд остановить.
 Я – ваш. Я – в памяти. Меня вам не забыть...

Суть победы

*Другу М.М., проехавшему
на ручной коляске три тысячи миль.*

Так в чем же суть ее – победы?
Кому дано ее изведать?

Кто в бой летит в руке с мечом,
Кто бьет врага в краю чужом,
Кто на щите, кто под щитом,
Кто в ринге крепким кулаком
Себе победу добывает,
А кто-то в шахматы играет –
Противников своих умом
Забьет за шахматным столом.

Но есть одна из всех побед,
В душе она врезает след.
Добытая в борьбе с судьбой,
Победа эта – над собой!

* * *

В набат гудящей тишины
Вползут бессмысленные сны,
И слов поток, нестройный рой,
Взнесут до неба смысл свой.

Куда душе бессонной деться?
Как сердцу хочется согреться
В надеждах на былое счастье,
Когда темно, когда ненастье.

Что жизнь?

1.

В терзающих, потусторонних снах,
В несбыточных, отрывочных мечтах,
В заоблачных, зазвездных небесах,
На пыльных, не проложенных дорогах,
Ведущих безрассудно в никуда,
Бесцельно в не начатые года,
Сливаясь в бесконечные минуты,
Реальности теряя атрибуты,
Жизнь отрезает предназначенную меру
И переходит в неземную сферу.
В несбыточных, отрывочных мечтах,
В запутанных, потусторонних снах –
Там, растворяясь, исчезает страх...

2.

Приметы времени приходят к нам случайно:
 Как будто невзначай, откроешь тайну,
 Заметишь вдруг глубокую морщину,
 Иль слово нужное забудешь без причины,
 Иль давний друг покажется неверным,
 Ему ответишь взглядом беспокойным, нервным,
 Простая истина вдруг станет несусветной,
 Смех вызывая неуместно беспредметный,
 Волной накатятся усталость, раздраженье
 От времени бегущего течения,
 Смывающего знаки, строки жития
 В песок зыбучий. В Стикс. В провалы бытия.

Две души

В заоблачных высотах две души
 Своими крыльями нечаянно коснулись.
 Им было не к чему и некуда спешить.

Безмолвные, безвестные они,
 Бесплотные. И пустота кругом да звезды
 Гирляндами развесили огни.

Без памяти, без прошлого, без снов,
 Они едва заметно улыбнулись,
 Сказав друг другу всё без слов.

* * *

В глуби земли руда лежит
 И набирает мощь и силы,
 Алмаз закрыл глаза и спит,
 Скрывает блеск. Напрягши жилы,
 Корней сплетения впивают
 Живые соки из земли,
 В леса и травы превращают,
 В цветы, где пчелы и шмели.
 Я в глубь сойду, мой час придет,
 И распадусь на элементы,
 Забуду воздуха полет,
 Но своего дождусь момента,
 Ручьем из глуби убегу,
 Журча, смеясь, в жгуты свиваясь,
 В микронах память сберегу,
 Как жить в полях, не уставая...

Яна Кане – родилась и выросла в Ленинграде. Несколько лет училась в ЛИТО под руководством Вячеслава Абрамовича Лейкина. Эмигрировала в США в 1979 году. Закончила школу в Нью-Йорке, получила степень бакалавра по информатике в Принстонском университете, затем степень доктора философии в области статистики в Корнеллском университете. Живет в США с мужем и дочкой. Работает в должности *Senior Principal Engineer* в фирме *Comcast*. Русскоязычные стихи и проза вошли в сборники «Общая тетрадь», «Неразведенные мосты», «Страницы Миллбурнского клуба», «Двадцать три», «День зарубежной русской поэзии» и публикуются в журналах: «Семь искусств», «*Elegant New York*», «45-я параллель», «Мосты». Англоязычные стихи публикуются в журнале «*Chronogram*». Вышли две двуязычные книги: «Равноденствие» («Образ», Москва, 2019) и «Зимородок *Kingfisher*» («Геликон», Петербург, 2020).

Книга Книгоеда

Когда моя дочка только-только научилась читать и начала входить во вкус этого занятия, я сочинила для нее сказку “The Book of Bookworm”. Впоследствии я перевела ее на русский язык и назвала «Книга Книгоеда».

В сборники Миллбурнского клуба за 2016 – 2019 годы вошли первые четырнадцать глав «Книги Книгоеда». В этом выпуске сборника я заканчиваю повествование. Полный текст «Книги Книгоеда» можно прочесть на моей странице на портале stihi.ru: <https://stihi.ru/avtor/yanastihiru>.

Глава 15. Семейный визит

Три дня спустя путешественники карабкались вверх по оленьей тропке, петлявшей по склону горы. Там и тут виднелись следы старых битв: ржавое лезвие секиры, торчащее из ствола дуба, конский череп с бронзовыми удилами в зубах, продавленный шлем, обгорелое седло.

«В прежние времена этот дракон немало сражался, – заметил Книгоед, – но я не вижу следов свежих битв. Все же дальше тебе идти не стоит. Вот тут, у ручья, хорошее место для стоянки. Я подготовлюсь к встрече с драконом».

Магда устроила стоянку. Дракон между тем отобрал несколько самых увесистых кошель с золотом, взвешивая их в лапе. Наконец он удовлетворенно кивнул:

«Этого должно быть достаточно для первой встречи. Магда, теперь слушай меня внимательно. Если ты увидишь большие сполохи пламени или заметишь незнакомого дракона в небе, то спрячься там, – он указал на яму под вывороченными корнями большого поваленного дерева, – и дождись вечера. Потом возвращайся тем же путем, каким мы добрались сюда. Путешествуй только в сумерки. Доберись до нашей старой стоянки. Если я не встречу тебя там, не жди меня. Езжай на восток. Все оставшееся золото возьми себе. Как только доберешься до первого большого города за

пределами этого проклятого герцогства, найми провожатых, которые помогут тебе добраться до Семи Холмов».

Магда побледнела. Ей очень хотелось упротить Книгоеда не ходить к драконьему логову, оставить всю эту затею с Соленым Источником. Но теперь, когда они подошли так близко к цели, нельзя было падать духом. Она прикусила язык и приказала себе молчать. Собрав кошель, Книгоед пустился в путь.

Через несколько минут прокатился громкий рокот, после короткой паузы опять раздалось громоподобное рокотание. Звуки эти Магда воспринимала не столько ушами, сколько всем телом, как вибрации при землетрясении. Она с тревогой посмотрела на небо, но лишь белые кудрявые облачка проплывали над головой. После еще нескольких раскатов Магда сообразила, что это, должно быть, звуки драконьих голосов, разговаривающих на своем языке. Она принялась нервно шагать взад-вперед по полянке, мимо перепуганных лошадей, которые собрались кучкой и косили глазами, прижимая уши, словно вокруг бушевала гроза. Магда не знала драконьего языка, но рокотание двух голосов было, пожалуй, похоже на беседу, а не на стычку. Один голос говорил громко и много, реплики второго звучали тише и короче. Пока не было никаких звуков сражения и крылатые силуэты не появлялись над головой. Но время от времени в небо поднимались клубы черного дыма. Такой дым был, по опыту Магды, признаком крайней раздраженности дракона. Каждый раз, когда поднималось очередное черное облачко, у Магды сводило живот от страха.

Но вот все стихло. Вскоре на горизонте появился стремительно летящий Книгоед. Он рухнул на траву и с громким «ФФУУХ!» выдохнул облако искр и золы. Магда кинулась к нему: «Книгоед! Ты ранен?»

Книгоед отрицательно потряс головой, потом прохрипел: «Ты помнишь какие-нибудь стихи Анакреона? Что-нибудь, восхваляющее вино?»

Магда кивнула.

«Тогда напиши для меня парочку, ладно? Мне нужно глотнуть чего-нибудь, да покрепче».

Магда с сомнением взглянула на дракона. Со времени происшествия у Птичьего Источника она, подбирая книги, тщательно избегала тех, что были связаны с вином. Но сейчас морда Книгоеда имела такое странное выражение, что она решила не спорить с ним. Она достала пергамент, перья, чернильницу и принялась за работу. Магда бегло читала на древнегреческом, но писала менее свободно. С некоторым трудом и не без ошибок ей все же удалось написать по памяти три стиха Анакреона о вине и пирах. Как только она закончила, дракон проглотил стихи, не обращая внимания ни на их искристую легкость, ни на погрешности в записи. Потом вздохнул и тяжело сел.

Видя, что он немного пришел в себя, Магда решилась спросить: «Ну

как прошла твоя встреча с тем драконом? Он принял золото? Он пропустит нас? А туннель ты видел?»

- Она, - устало ответил Книгоед.

- Она?

- Это не дракон, а дракониха. Более того, это моя собственная мать.

- Твоя мать?! - переспросила Магда в полном изумлении. - Книгоед, это замечательно... М-м, ну так как же все прошло?

- Золото ей понравилось. Туннель там. Она пропустит нас.

Магда догадывалась, что Книгоеду есть еще что рассказать об этой встрече. Но она решила дождаться того момента, когда он сам захочет описать ей все в деталях.

Так и получилось. Книгоед вскоре излил ей душу.

Сначала все шло гладко. Он приблизился к логову со своими дарами и, остановившись на почтительном расстоянии, обратился к живущему в гроте дракону, учтиво приглашая его к переговорам. Конечно же, Книгоед представился по-драконьему, как Палижар. Из грота медленно выползла дракониха гигантских размеров.

- Палижар? Каким это образом ты здесь очутился?

Ее голос оказался неожиданно знакомым. Книгоеду пришлось переворошить память и добраться до самого глубинного слоя.

- Матушка? - спросил он в полном изумлении.

- Да, конечно. Ну-ка, ну-ка, дай-ка мне поглядеть на тебя. Твой нос, конечно, сильно вырос с тех пор, как я видела его проклонувшимся из скорлупы. Гм-м, а что это у тебя здесь, в кошельках? Ага, чую золото местной чеканки.

- Это для тебя.

- А вот это разумно. - Она одобритительно кивнула и сгребла подарок. - Разумно. Вижу, ты унаследовал мой здравый смысл, не то что твоя сестрица. - Тут Рвилапа разразилась длинной и гневной тирадой о своей дочери, Огнебуре.

Книгоед не сразу разобрался в путаных рассказах, перемежаемых возмущенными возгласами и клубами едкого черного дыма. Но постепенно картина прояснилась. Оказалось, что Рвилапа недавно узнала, что Огнебура выбрала для себя необычный и, с точки зрения Рвилапы, совершенно неподобающий способ добывать пропитание. Молодая дракониха обнаружила каким-то непостижимым для Рвилапы образом, что музыка тоже имеет свою, особую власть. Поначалу Огнебура обеспечивала себя музыкой наиболее очевидным для дракона способом. Она брала в плен бродячих музыкантов, трубадуров и менестрелей и держала их в неволе в своей пещере год-другой, пока ей не надоедал их репертуар. Потом она отпускала их на свободу и отправляла новых. Со временем она стала настоящим знатоком и тонким ценителем музыки,

требовательной слушательницей, получившей большую известность в музыкальных кругах. Теперь любой серьезный музыкант считал большой честью попасть к ней в пещеру и провести год-другой в услужении ей, оттачивая свое мастерство под ее руководством. Музыкант, получивший такое образование, всегда мог рассчитывать на хорошо оплачиваемую должность при королевском дворе.

– За кого она себя принимает? Дракон она или дрозд?! – негодовала Рвилапа, молотя хвостом по своей перине из золота и драгоценностей. – И из чего, интересно знать, она построит гнездо, когда настанет время отложить яйцо? Из мандолин и бубнов? Позорище! Просто позорище! А я-то ведь старалась, таскала и золото, и отличную рубиновую корону, и три дюжины жемчужных ожерелий, – и все для того, чтобы построить гнездо, в котором вылупилась эта неблагодарная тварь!

Книгоед слушал гневную речь матери с самым постным выражением. Но про себя он молил судьбу, чтобы мать не узнала, что теперь его имя – Книгоед, и не прослышала о его недавнем ночном концерте вблизи Птичьего Источника. Излив раздражение по поводу своей чудаковатой дочки, Рвилапа снова обратила внимание на сына, который сидел перед ней, стараясь незаметно оттереть сажу, бисером проступавшую на его чешуйчатом лбу.

– Ну а ты, – спросила дракониха, внимательно осматривая своего отпрыска, – ты-то хоть копишь золото?

– Да, я добываю золото, когда мне нужно, – уклончиво ответил Книгоед.

Рвилапа бросила взгляд на туго набитые золотом кошель и одобрительно кивнула:

– Молодец. Запомни мой совет: ни на что другое и времени тратить не стоит. Золото, да с примесью жемчуга и самоцветов, – это самая подходящая и здоровая пища для дракона. Только не забывай каждый месяц устраивать охоту на скот или вступать в сражение с рыцарем, чтобы держать хорошую бойцовскую форму. Ты ведь охотишься иногда, не правда ли?

– Э-м-м-м... Нет, не очень. Мясо я не люблю.

– А как насчет схваток с рыцарями?

– Э-м-м-м... Да, иногда случается, – ответил Книгоед, надеясь, что она не потребует от него подробностей.

Ему не раз приходилось управляться со странствующими рыцарями, мечтавшими украсить свой пиршественный зал драконьей головой. У него это неплохо получалось. Однако он подозревал, что матушка не одобрит его нетрадиционный подход к таким сражениям. Вместо классической атаки, состоящей из устрашающего рева, за которым следует огнедышащий налет, он предпочитал более утонченные стратегические и тактические ходы, усвоенные им из классических трактатов о военных

действиях. Его любимым приемом было – тихонько подлететь к противнику сзади, накинуть на него лассо из прочной веревки и сдернуть с коня. Обремененный доспехами рыцарь становился беспомощным, как черепаха, перевернутая на спину. Книгоед не стремился к тому, чтобы убить противника. Как правило, рыцарю надоедало валяться на земле, и он в конце концов соглашался признать поражение и просить примирения. Тогда дракон усаживал побежденного воина на коня, и тот уезжал восвояси.

К счастью, Рвилапа не стала требовать от него подробных отчетов о битвах. Она сочла само собой разумеющимся, что если дракон жив, то сразившийся с ним рыцарь мертв. Однако она не была полностью удовлетворена ответами Книгоеда.

– Чтобы держать хорошую бойцовскую форму, – строго заметила она, – ты должен регулярно охотиться, а также убивать рыцарей. Я сама тоже мясом не питаюсь, но в твоём возрасте я каждый месяц охотилась на домашний скот, особенно когда рыцари были не по сезону. Теперь, когда я дожила до почтенного возраста, покой мне на пользу. Но такому, как ты, молодому, растущему дракону необходимы тренировки. Три-четыре раза в месяц – по рыцарю. К тому же ты должен держать окрестное население в надлежащем страхе, чтобы они не вздумали тебе противиться. И раз уж мы заговорили о твоём возрасте, то объясни-ка, что ты делаешь здесь, так далеко от своей территории? Тебе не полагается оставлять свою территорию без присмотра до тех пор, пока ты впервые не полетишь к Пеклову Котловану.

До этого момента Книгоед как-то изворачивался, прибегая к полуправде. Однако ему было очевидно, что если мать учует хоть какую-то долю истины о причинах, по которым он оказался здесь, и о цели его странствований, то это понравится ей не больше, чем поведение Огнебури. Она не только не даст ему пройти к Соленому Источнику, но, пожалуй, может впасть в такую ярость, что испепелит и его, и Магду, и весь лес на двадцать миль вокруг своего логова. Да, пришло время отбросить увертки и врать напраполю. Он снова утер лоб:

– Я... Я красных девиц краду... Но только... Но только девицы в Семи Холмах очень скучные. У них всего и разговоров, что о цене на треску и о штопке носков. Я слышал, что в этих краях хорошая охота на девиц, вот я и добрался сюда, чтобы поймать несколько штук, для разнообразия. Одну я уже отловил.

Рвилапа хмыкнула. Да, конечно, брать в плен красных девиц – вполне традиционное занятие для дракона. Но все же, считала она, это рискованный образ жизни. А быть привередливым и похищать слишком заметных девиц – самых красивых, добродетельных и знаменитых какими-то особыми талантами – и вовсе безрассудно. Ведь у таких находилось особенно много защитников.

– Одно дело – выходить на бой с дуралеями, которые рыскают по горам, по долам, размахивая знаменем и мечтая о славе. Даже и теперь,

когда они напяливают на себя эти железные кадки, которые они называют доспехами, все же преимущество за драконом. Но другое дело – когда крадешь девицу. Тут жди беды: и девицы попадаютс невероятнo хитрые, и родители бывают донельзя самоотверженные, и братья храбрые, и слуги преданные, и женихи одержимые. Рано или поздно на тебя ополчится толпа лучников, вооруженных стрелами, для обмакивания которых мамаша и сестры твоей девицы нарыдали полную кадущку слез. Вот послушай-ка, что произошло с твоим дедом Смертокльком и с твоим дядей Краснополохом. Девицы, девицы, девицы – и ничего иного не было на уме ни у того, ни у другого. И что же? Каждый погиб во цвете лет, не дотянув даже до пятисотого года.

Рвилапа еще долго распространялась в том же духе. Книгоед много узнал о своих родственниках и по материнской, и по отцовской линии. По мнению Рвилапы, среди них было мало образцов для подражания, подобных ей самой.

Но наконец дракониха закончила свои излияния.

– Так-так, – сказала она после недолгого молчания, – но что же привело тебя к моему логову? Уж ясно, что не за девицами ты сюда явился, – ты ведь знал, что здесь живет дракон, собирающий золото.

Пока Рвилапа перемывала кости своей родне, Книгоед успел продумать, как ответит на подобный вопрос.

– Я ищу вход в туннель, который ведет к волшебному источнику. Он вроде бы должен быть или в твоем гроте, или недалеко от него. Мне нужно найти этот источник – у меня под мышками появился чешуйный лишай, а я слышал, что вода источника помогает от этого.

– Чешуйный лишай? В твоем возрасте?! – взревела Рвилапа. – Да мне уже шестьсот десять стукнуло, и все чешуйки как новенькие. А почему? Да потому, что я живу так, как положено дракону: у меня здоровая диета, я в меру двигаюсь и не забиваю себе голову всяким вздором. Неправильное питание и недостаток движения – вот тебе и чешуйный лишай.

И она пустилась в новые разглагольствования о безрассудности молодого поколения. Закончив, дракониха перешла к материнским советам:

– Тебе нужно увеличить количество минералов в диете, особенно напирай на рубины и агат. Если ты будешь копить золотой клад, то среди драгоценностей будет достаточно всяких предметов, украшенных самоцветами, и у тебя никогда не будет недостатка в минералах. И не забывай про стьчки с рыцарями.

– Спасибо, матушка. Я буду все делать так, как ты советуешь, – соврал Книгоед. – Но все-таки позволь мне, пожалуйста, поискать вход в туннель.

Оказалось, что в поисках не было нужды. Рвилапа прекрасно знала, где находился вход в туннель, – он был в дальнем конце ее грота. Когда-то, когда она впервые поселилась здесь, она сама обследовала туннель. Она

даже знала, что туннель вел к источнику. Поначалу она думала оборудовать туннель как запасной выход из грота, но потом отказалась от этого плана. Во-первых, туннель был очень длинный – на то, чтобы пройти его весь, нужно было несколько дней. Во-вторых, длина его непредсказуемо менялась. Особенно странно было то, что хотя туннель неизменно выходил на поверхность у источника, каждый раз этот источник оказывался в какой-то другой местности. В конце концов Рвилапа просто завалила валунами вход в этот подозрительный туннель и больше не обращала на него внимания.

По мнению Рвилапы, утверждение Книгоеда, что какая-то там водица может излечить чешуйный лишай, было «дурацкой идеей, которая может прийти в голову только ящерице или сегодняшней безмозглой драконьей молодежи». Однако она согласилась пропустить в туннель и его, и пойманную им девушку. Она заявила, что хочет дать ему возможность самому убедиться, что никакие ложно-волшебные средства не смогут заменить правильную диету и здоровый образ жизни.

К тому времени, когда Книгоед закончил рассказ о встрече со своей матушкой, над деревьями засияли звезды. Магда принесла котелок, в котором она размачивала сушеный горох, и дракон сварил гороховую кашу. Магда между тем подкормила лошадей овсом и отвела их к ручью на водопой. Все это она проделала молча, обдумывая рассказ своего спутника. То, что он рассказал, казалось ей столь странным, что ей просто трудно было усвоить услышанное. Она знала, что дракон обитал в Семи Холмах на протяжении жизней нескольких поколений людей. То, что он еще и до совершеннолетия не дожил, просто не укладывалось в голове. Еще более дикой была идея, что среди своих сородичей он – чужак и подозрительная личность, потому что не крадет девушек и не запугивает местное население. Магде пришлось признать в глубине души, что хотя Людвиг Лучник был неправ в своем мнении о Книгоеде, его недоверие по отношению к драконам вообще было оправданно.

Магда уселась подле дракона, который читал небольшой томик, тревожно поглядывая в сторону материнского логова. Девушка решилась задать вопрос, который не давал ей покоя.

– Книгоед, когда-то ты сказал мне, что драконы не навещают своих родственников.

– Да, так и есть. И теперь я убедился, что так лучше, – проворчал дракон.

– Откуда же Рвилапа знала, как живет твоя сестра или что произошло со всеми твоими родственниками, со Смертозубом и всеми остальными?

– Смертокльком, – поправил ее Книгоед. – Что касается моей сестры, думаю, что она достигла совершеннолетия и теперь бывает на сборищах у Пеклова Котлована. Моя матушка, должно быть, там с ней увиделась, и Огнебуря сдуру ляпнула ей что-то про этих своих музыкантов. Ну, я-то уж теперь предупрежден и буду пасть держать на замке.

– А что это за Пеклов Котлован?

– Это остров, где мы, драконы, спариваемся. Все совершеннолетние драконы, то есть те, кому за двести десять лет, прилетают туда весной каждого седьмого года. Те, у кого еще нет пары, сражаются – драконы с драконами, а драконихи с драконихами. Ну, вроде как у вас, людей, рыцари сражаются на турнирах. Дракон-победитель спаривается с драконихой-победительницей; дракон, занявший второе место, – с драконихой, получившей второе место, и так далее. Потом устраивается всеобщая огненная пляска, а после этого все разлетаются по своим логовам. На поединки уходит много времени. Пока молодежь сражается, драконы постарше разговаривают: хвастаются, сплетничают и обмениваются новостями. О гибели Смертоклыка и Красносполоха Рвилапа, должно быть, услышала от их драконих.

– Откуда ты все это знаешь? – изумилась Магда. – Тебе это твоя мать сейчас рассказала?

– Нет, я просто знаю. Когда дракониха-мать вдыхает искру своего огня новорожденному дракончику, она передает ему и всякие знания о том, как быть драконом. Наверное, когда Рвилапа передавала огонь мне и Огнебуре, она его как-то не так выдохнула, вот мы и получились у нее такие... – угрюмо закончил он.

Девушка долго все это обдумывала. В то время, когда они еще только готовились к путешествию, Книгоед упомянул о своей матери и сделал кое-какие замечания об обычаях драконов. Однако Магда никогда по-настоящему раньше не задумывалась о нравах его соплеменников или об отношениях между ними.

– Книгоед! – вдруг прошептала она. Дракон уже отходил ко сну, но встрепенулся в ответ на ее тревожный шепот.

– Что? Что такое?

– А тебе тоже придется явиться туда, в Пеклов Котлован? И сражаться там? Это опасно?

– До этого осталось еще десять лет. А там уж – да, я должен буду лететь туда. Я полагаю, что сила дракона зависит в основном от того, насколько сильна власть, которой он питается, и насколько она ему подходит. Моя мать права, драконы-златокопители часто оказываются сильнее других. Я не думаю, что до меня были драконы-книгоеды, так что я не знаю, каково влияние книг по сравнению с другими видами драконьей пищи. Но пока книги мне хорошо служили, они мне подходят. Может быть, вода из Соленого Источника даст мне способность создавать книги, – голос его стал мечтательным. – Создавать стихи – это, наверное, великое могущество, может быть, величайшее на свете.

Наступило молчание. Через несколько минут снова послышался тревожный шепот:

– Книгоед, а у тебя и правда чешуйный лишай? Это опасно?

- Да не было у меня этого никогда. Мне вполне хватает минералов в красках, которыми расписаны книги.

Следующее утро Магда и Книгоед провели в подготовке к путешествию по туннелю. Они решили, что будет безопаснее оставить лошадей в травянистой лощине у ручья. Судя по ее словам, Рвилапа не охотилась на домашних животных. А обычные лесные хищники не решатся рыскать в округе драконьего логова.

Полагаясь на описание Рвилапы, они подготовились к многодневному походу: наполнили мехи водой и напекли лепешек для Магды, а для Книгоеда набили две сумки книгами. Потом увязали все это в тюки, которые дракон взвалил на спину. Он посоветовал Магде оставить на стоянке браслет с золотым драконом, читающим книгу: у Рвилапы острый нюх на золото, и лучше ее не искушать.

- Да, и вот еще что, - добавил он, явно смущенный, - ты веди себя так, будто ты меня боишься. Ну знаешь, как будто ты - пленная девица.

Магда кивнула, и они отправились к логову.

Еще до того, как они увидели вход в грот, до них донеслось ровное клочотание драконьего храпа. Книгоед шепнул, что спящего дракона лучше не беспокоить. Они уселись и стали ждать. Через час храп стал менее гулким и наконец прекратился. Вислощекая морда старой драконихи высунулась из логова и уставилась на посетителей глазницами цвета начищенной меди. Зрачки ее сузились, и она что-то пророкотала. Магда, конечно, ни слова не поняла, но ей показалось, что матушка Книгоеда сделала очередное критическое замечание. Так оно и было. В переводе на человеческий язык, Рвилапа сказала:

- Палижар, у тебя в голове ни капли здравого смысла. Ты отправился за тридцать земель только ради каких-то там особых девиц. И что же ты получишь после всех этих странствий? Да ведь эта вот - точь-в-точь, как девицы в том самом городе, который я для тебя и выбрала!

Старая дракониха была права. Магда, с ее невысокой, крепко сбитой фигурой, русыми волосами и кареглазым веснушчатым лицом, действительно, была весьма типичной представительницей Семи Холмов. Книгоед что-то пробормотал в ответ примирительным тоном. Рвилапа презрительно фыркнула и опустила голову на лапы. Дракон и девушка бочком-бочком проскользнули мимо нее в грот.

Когда они входили в жаркую полутьму грота, Магде вовсе не нужно было прилагать усилия, чтобы изобразить страх. Рвилапа и вправду имела устрашающий вид. Старая дракониха, возлежащая на груди драгоценностей, была исполинских размеров. Она была чуть ли не вдвое длиннее своего сына, а в объёме превосходила его еще больше. Как и Книгоед, она была покрыта черной чешуей, и так же, как у сына, у нее вдоль хребта от макушки до самого конца хвоста шли золотые зубцы. Красноватое освещение грота придавало драконихе зловещий кровавый оттенок. Она, должно быть, не раз побывала в жестоких схватках - на

многих золотых зубцах были зарубки и выемки, а два или три и вовсе были выбиты. На боках ее виднелись длинные шрамы, на задней лапе не хватало двух пальцев. Но не только огромные размеры и боевые шрамы старой драконихи вызывали страх Магды, – ее пугало и неприязненное выражение чешуйчатой морды.

Теперь-то Магде стало понятно, почему Рвилапа считала Книгоеда зеленым, не доросшим до зрелости. По сравнению со своей мамашей он и правда выглядел новеньким, неиспытанным, даже хрупким.

Путники осторожно пробрались мимо тяжелого хвоста в дальний конец грота. Там, стараясь не наделать шума, Книгоед откатил три тяжелых валуна, которыми был завален вход в туннель. Он вошел в черный проем, и Магда последовала за ним.

Глава 16. Море слов

Полумрак драконьего логова остался позади, и путешественники оказались в непроглядной тьме туннеля. Путь им освещал лишь тусклый красный свет, исходящий из ноздрей Книгоеда. Время от времени он выдыхал небольшой сполох пламени, чтобы осветить путь на несколько шагов вперед.

Трудно было представить, кто или что создало туннель. Может быть, это была просто естественная расщелина в скалах. Проход был достаточно широким, так что Книгоед свободно продвигался по нему практически всюду, хотя Рвилапа теперь, наверное, не смогла бы протиснуться сквозь самые узкие участки. Пол и стены были неровными, неотесанными, а потолок так высок, что его не было видно, даже когда Книгоед выпускал сполох пламени. В основном туннель шел в одном направлении и в то же время постепенно уходил глубже вниз. Иногда он резко заворачивал, но потом снова возвращался к основному направлению. По крайней мере, так описал ситуацию Книгоед. Магда утратила всякое ощущение направления во мраке.

Вначале Магду пугали мысли о подземных монстрах, она напряженно ожидала, что вот-вот из темноты заблестят глаза, возникнет ужасающий призрак или раздастся леденящий душу вой. Однако ничего подобного не происходило. Они все шли и шли, и ничто не угрожало им на пути. Но постепенно непроглядный, безжизненный мрак, не нарушаемый движением и звуком, сам стал казаться стерегущим хищником, зловецким спутником. Пощелкивание драконьих когтей по камням, шаги Магды, мягкий звук «паф» выдыхаемого пламени – все это не нарушало вечную тишину, но мгновенно впитывалось в нее, как капли воды, упавшие в сухой песок. Огненное дыхание Книгоеда не пронзало тьму, но лишь чуть отодвигало ее, а потом она вновь смыкалась вокруг них, как нечто материальное, тягучее и тяжелое. Магда все больше ощущала нависший над ними вес скал. Они были похоронены заживо и пробирались все глубже в недра земли, все дальше от света и свободного воздуха. Волна паники поднялась в животе Магды, хлынула в горло. Она споткнулась раз,

другой, и вдруг рухнула на колени, тщетно пытаясь издать какой-нибудь звук. Книгоед услышал, как она упала. Он остановился и осторожно попятился назад, к ней, поскольку туннель в этом месте был слишком узким и не позволял развернуться.

– Магда, что случилось? Что с тобой?

Звук его голоса немного успокоил ее, так что она смогла наконец заговорить.

– Мне страшно – мы так глубоко... так глубоко под землей, глубже, чем в могиле. Я не могу идти дальше. Я не могу дышать, – прошептала она.

– Пошли назад, – ответил Книгоед без малейшей заминки.

– Но Соленый Источник – мы ведь не сможем его найти, если не пойдем по туннелю. А Рвилапа...

– Значит, обойдусь без источника. Магда, это очень простая штука. Мы не можем рисковать тобой. Надо идти назад. Я могу пятиться до того места, где туннель был пошире, мы прошли его где-то четверть мили назад. А там я развернусь.

– Нет, подожди. – Магда некоторое время молчала, стараясь совладать с собой, собраться с мыслями. – Я не хочу возвращаться. Мы так долго пробирались сюда. Я хочу, чтобы ты смог добраться до Соленого Источника. Я хочу идти вперед. – Голос ее звучал теперь тверже. – Мне не так страшно, когда я слышу твой голос. Я не хочу возвращаться. Ты только говори со мной, пока мы идем. Расскажи мне что-нибудь или почитай стихи.

И Книгоед начал читать наизусть «Илиаду». Мрак и жуткая неподвижность воздуха продолжали окутывать их, но безмолвие теперь не так давило на Магду. Рокочущий голос Книгоеда то нарастал, то затихал, повинаясь ритму древних строк, и уносил Магду к неохватному простору моря, к его накатывающимся и убегающим волнам. Дракон и девушка снова пустились в путь, продвигаясь глубже и глубже в земные недра.

Они шли, и шли, и шли. Время от времени устраивали короткий привал, чтобы подкрепиться и дать отдых ногам. Но Магда не могла допустить и мысли о том, чтобы прилечь и поспать здесь, в этой черной расщелине, глубоко под землей. Она соглашалась лишь дать ногам самый короткий отдых, необходимый, чтобы идти дальше.

Постепенно ей отказало чувство времени, однако она знала, что они были в пути уже много часов, потому что Книгоед закончил «Илиаду» и уже наполовину прочитал «Одиссею». Девушка настолько устала, что уже не различала отдельных фраз и слов. Она лишь знала, что голос все звучал, то набегая, то отступая, и не позволяя тяжести безмолвия раздавить ее. Ноги почти не слушались ее, она брела, вцепившись в веревку, привязанную к дракону. Веревка не давала ей упасть и тянула вперед, а Магда передвигала чужунные ноги только для того, чтобы не свалиться.

– Магда! Магда!

Девушка остановилась и с усилием подняла голову. «Паф!» – оранжевое пламя просверлило тьму. Магда увидела груды камней, преградившую им путь. Она тупо уставилась на препятствие и села на пол пещеры.

«Завал. Все кончено. Назад нам не дойти». Мысли в ее голове вращались тяжело и бесцветно. Она не чувствовала ни паники, ни отчаяния, только усталость.

Но дракон не собирался сдаваться. Он отнес Магду подальше от завала, а сам начал разгребать каменную груды. Магда закрыла глаза и отдалась потоку смутных кошмаров... Но вот она услышала, как кто-то зовет ее, как бы из дальней дали, потом ее подняли, легонько встряхнули и понесли куда-то. И вдруг она ощутила нечто восхитительное – прохладный, пахнущий хвоей ветерок коснулся ее лица. Она приподняла тяжелые веки. Звезды! Не глухая тьма каменной расщелины, а живое, дышащее ночное небо, мерцающее мириадами звезд. Она услышала, как где-то неподалеку журчит вода, как ветерок шелестит в еловых лапах. Дракон опустил ее на упругий ковер опавшей хвои, и она некоторое время лежала не двигаясь, ошеломленная и переполненная небом, свободным воздухом, запахом деревьев. Но вот веки ее сомкнулись, и Магда погрузилась в глубокий, целительный сон.

Магда проснулась на рассвете – небо еще только начинало наливать красками. Она выбралась из мешковины, в которую Книгоед заботливо закутал ее, пока она спала. Ноги все еще ныли от усталости, но она чувствовала себя на удивление бодрой. К тому же она зверски проголодалась. Сумка с провизией лежала неподалеку, и Магда просто-таки накинулась на еду и питье. Она, захлебываясь, пила воду и так набил рот лепешками и сушеными фруктами, что чуть не подавилась. Наконец она оторвалась от фляги и еды.

Первые лучи солнца освещали полянку, вокруг поднимался густой еловый лес. Неподалеку, уткнув нос в лапы, крепко спал Книгоед. Магда встала и осмотрелась. Они с Книгоедом, видимо, прошли немало миль под землей – здешние места сильно отличались от широколиственных лесов, простиравшихся вокруг логова Рвилапы. Даже камни здесь были совсем не похожи на гранитные валуны, из которых был сложен грот, откуда началось их подземное путешествие. Из-под опавшей хвои и жесткой лесной травы тут и там проглядывали пласты голубовато-серого сланца. Среди ельника темнело жерло туннеля, из которого, очевидно, Книгоед вынес ее ночью. Вокруг расщелины лежали груды камней – следы раскопанного драконом завала.

Где-то рядом мерно капала вода. Магда пошла на звук и оказалась у пирамидки, сложенной из плоских кусков сланца. Кладка была старая, замшелая. Приглядевшись, девушка рассмотрела высеченные на верхних камнях символы: диск солнца, лунный серп, созвездия, очертания людей, зверей, рыб. В самом центре было углубление в виде сложенных чашей человеческих ладоней. Вода, медленно пульсируя, поднималась из каких-

то таинственных глубин, наполняла эти каменные руки, заливала плоскую верхушку пирамиды и капала здесь и там по камням, наполняя воздух влажным шепотом. Опустившись на колени, Магда протянула ладонь, и вода, неожиданно теплая, капля по капле, наполнила ее. Магда выпила солоноватую воду, и ей показалось, что это была не родниковая влага, а ее собственные слезы и кровь. Она вскочила на ноги, по жилам ее побежали боль и ликование. Как замороженная, она упала на колени и, снова и снова протягивая ладонь к замшелым камням, наполняла ее и пила.

Магда встала. Ее качало. Могильный ужас слепой подземной тьмы, восторг возвращения на вольный воздух, к звездам и деревьям, – все это вихрем кружилось в ее душе, требуя вырваться, превратиться в слова.

И вот слова нахлынули, повинуясь неукротимому ритму, как волны, движимые мощным сердцебиением моря. И Магда стала кормчим корабля, несущегося по морю слов, подгоняемого вихрем ее собственных чувств. Порою и слова, и чувства неслись в одном направлении, и тогда все ее существо переполнялось восторгом. Чаше они сталкивались, боролись друг с другом, и тогда управление этим кораблем стоило Магде всех ее сил. Она даже не замечала, что металась по поляне, спотыкаясь, размахивая руками, бормоча себе под нос.

Внезапно она остановилась, почти столкнувшись на полном ходу с Книгоедом. Дракон не спал, а сидел, наблюдая за ней. Она глубоко вздохнула, словно пробуждаясь от долгого сна.

– Книгоед! – лицо Магды осветилось улыбкой. – Мы отыскали его, Соленый Источник! Вон он, прямо там. Он такой маленький, а волшебная сила в нем – огромная. Я выпила этой воды! Знаешь, у меня такое ощущение, что если я не найду слов для всего, что мне нужно сказать, меня просто разорвет на куски. Я... – Она запнулась, заметив, как неподвижно сидит дракон, как смотрит на нее с не свойственным ему выражением мягкой и печальной задумчивости.

– В чем же дело, Книгоед? Ты не рад, что мы нашли твой источник? Ты не будешь пить из него?

– Магда, я рад, что мы наконец нашли источник. Но он вовсе не мой. И пить из него я не могу.

– Как это – не можешь?

– А вот посмотри.

Дракон взял котелок, в котором Магда варила кашу, и подставил его под каплющую воду. Когда котелок заполнился до половины, он опрокинул его в свою пасть. Вода зашипела, закипела и испарилась над его огненной пастью, прежде чем хоть капля попала ему на язык. Магда с изумлением наблюдала за происходящим.

– Но ты просто набрал недостаточно воды! – заспорила она. – Давай наполним одну из фляг, в нее войдет вдвое больше, чем в котелок.

Книгоед только помотал головой:

– Я уже много чего перепробовал за последние два дня.

– Два дня?

– Да, ты два дня проспала. А я пытался найти способ испить из источника, но результат все тот же.

– Но почему же? – воскликнула Магда, вконец расстроенная. – Ты ведь пил из Птичьего Источника, и тебя это вдохновляло на пение, ты и из Ледяного Источника пил, а потом изобретал. Почему же ты не можешь пить из этого источника и сочинять стихи, как тебе этого хочется?

– Я долго ломал голову над этим, и, кажется, понял, в чем дело, – задумчиво ответил Книгоед. – Я – дракон, а природа дракона – это огонь. У огня есть своя песня, и с помощью огня можно изготавливать предметы, но огонь не может создавать что-либо из слов, он может лишь освещать или пожирать слова.

– Так значит, все наши странствия оказались бесполезными? – прошептала Магда.

– Нет, не бесполезными! – отозвался дракон. – Я хотел написать книгу стихов, потому что когда поэт творит, его питает источник магической силы. Правда, этот вид волшебства оказался мне недоступен. Но наши странствия дали мне понять, что меня питает еще более могущественный источник.

Магда уставилась на Книгоеда, словно пытаясь проверить, не выросла ли у него вторая пара крыльев или не появился ли какой-то иной признак этого нового могущества.

– Правда? Так какой же это источник?

– Дружба, верность, сопричастность. Раньше я смотрел на Семь Холмов как на город, принадлежащий мне, на тебя – как на «драконью деву», приставленную ко мне. Но теперь я знаю, что я – дракон, принадлежащий Семи Холмам, той земле, где я вылупился из яйца. Я – твой друг, я сопричастен к твоей судьбе так же, как и ты к моей. И в этом – могущество, превосходящее и золото, и книжную премудрость, и даже вдохновение.

Слезы хлынули из глаз Магды, она прижала мокрое лицо к горячему чешуйчатому боку. Но вдруг девушка подняла голову и с тревогой уставилась на дракона:

– И тебе этого достаточно? Твой огонь не погаснет, когда мы вернемся домой?

– Нет, не погаснет. Я обещаю, – ответил он серьезно и твердо.

Глава 17. На стороне дракона

К огромному облегчению Магды, Книгоед заявил, что им необязательно возвращаться через подземный туннель. Он несколько раз

вылетал на разведку и сумел наметить курс полета, который позволит им перевалить через горный хребет. Хотя Магда без удовольствия вспоминала свой первый полет с драконом, все же болтанка в воздухе страшила ее куда меньше, чем подземный мрак.

И правда, возвращение к стоянке прошло без всяких происшествий. Вернувшись, они нашли своих лошадей в целости и сохранности. Было решено, что на следующее утро они отправятся, в обратный путь, домой, к Семи Холмам.

На рассвете их разбудил боевой конь герцога. Жеребец нетерпеливо фыркал, бил копытом и рвался с привязи. Через мгновение и девушка, и дракон услышали звук, приведший коня в такое возбуждение. Где-то далеко внизу, чуть слышно, но ясно раздался зов трубы. Магда подумала было, что это какие-то охотники забрели удивительно близко к драконьей территории, но Книгоед решил проверить, в чем дело. Он взвился в воздух и поплыл кругами, осматривая разбуженный лес.

- Там, в овраге, похоже, целая армия на привале, - доложил он, вернувшись, - не пойму, что им здесь понадобилось.

- А вдруг они нас ищут? - испуганно спросила Магда. - Давай уберемся отсюда, пока они до нас не добрались.

Книгоед вдруг хлопнул себя по лбу и пророкотал что-то на драконьем языке. Потом торопливо пояснил, в ответ на недоумение Магды:

- Рвилапа! Они снарядились в поход против моей матери - они, наверное, решили, что она и есть тот дракон, который перехитрил их герцога. Я должен их остановить. Жди меня здесь! Не вздумай за мной следовать! - приказал он, заметив, что Магда схватила седло, и взвился в воздух.

- Ждите меня здесь! - приказала Магда Чайке и коню герцога, седлая Ласточку. В следующий миг она галопом неслась вслед за драконом.

Запахи и звуки битвы ворвались в нос и уши Магды. Крики людей, конское ржание, лязг оружия прорезали дымный воздух. Время от времени раздавались мощные удары, сопровождаемые воплями и грохотом металла, - это Книгоед орудовал, как палицей, своим тяжелым, покрытым шипами хвостом.

Магда сдержала Ласточку и, скрываясь за кустами, заглянула в овраг. Там кипел бой. Магда не могла понять, сколько воинов принимали в нем участие, но было ясно, что Книгоеду не удастся справиться с таким войском. Несколько конных рыцарей, закованных в броню, атаковали его тяжелыми копьями с обоих флангов. Лучники осыпали его стрелами. Камень, запущенный катапультой, просвистел в воздухе и ударил Книгоеда в шею, так что он пошатнулся и чуть не упал.

Магда руками зажала рот, чтобы не закричать. Она услышала ненавистный голос герцога - он был одним из нападавших рыцарей и выкрикивал какие-то приказы. Еще один камень со свистом понесся к

Книгоеду, который успел вовремя пригнуться и избежал удара на этот раз.

Магда закусила губу, сжала ногами бока Ласточки: «Скорей!»

Они помчались галопом, обогнули поле боя и начали взбираться по склону оврага. Наконец, продравшись через чащобу, Магда осадила лошадь у входа в логово Рвилапы. К ее облегчению, старая дракониха была на месте и, как обычно, нежилась на своей золотой перине. Разбуженная конским топотом, она подняла голову и недоуменно уставилась на непрошенных гостей.

«Скорей! На помощь! Книгоед, то есть Палижар, в опасности! Ему нужна помощь!» – закричала Магда, едва завидев черно-золотую голову, высунувшуюся из грота.

Старая дракониха, изумленно моргая, уставилась на Магду. Она, конечно, ни слова не поняла из того, что сказала Магда. Сначала она даже и не признала в кричащей, исцарапанной, взлохмаченной девушке ту тихоню, которая прошмыгнула вслед за Палижаром в туннель пару недель назад. К счастью, у Рвилапы, как и у всех драконов, было отличное обоняние и безупречная память, так что она смогла распознать, что перед ней действительно девица, плененная Палижаром. Однако где же он сам? Может быть, девица сбежала от него? Но тогда зачем она явилась в логово другого дракона? Может быть, это какой-то подвох?

Рвилапа подумала было, что проще всего будет обуглить непрошеную гостью, а потом уже разбираться, в чем тут дело. Магда между тем продолжала что-то кричать, тыча пальцем в направлении, откуда только что примчалась на своей взмыленной лошади. Она всхлипывала от бессильной досады. Внезапно она сорвала с запястья браслет и показала Рвилапе маленького золотого дракона. Она изобразила пантомиму битвы: лучника, натягивающего тетиву, рыцаря с копьем наперевес. Глаза старой драконихи вспыхнули пониманием. Она ринулась из пещеры, распахивая на ходу крылья.

– За мной! – крикнула Магда и поскакала к полю боя.

Вскоре она была уже у оврага, и перед ней развернулась сцена битвы. Камыши и влажные бревна на дне оврага тлели и дымили, и было трудно с первого взгляда разобраться в происходящем. Рвилапа, пока еще не замеченная, беззвучно зависла над головой Магды, тоже стараясь оценить обстановку. Наконец Магда увидела Книгоеда. Он медленно, пошатываясь, отступал под натиском полудюжины рыцарей.

Внезапно раздался гул копыт – всадник вырвался из кустов и понесся к Магде. Он кричал что-то хриплым от ярости голосом. Это был герцог Рудольф! Ласточка, рванув в сторону, уберегла Магду от первого удара и помчалась к лесу. Но из-за деревьев показался второй рыцарь и кинулся наперерез, а следом и еще один. Герцог поднял меч, и лезвие его сверкнуло молнией. Это был конец. Магда невольно закрыла глаза. Вместо удара она почувствовала сильнейший порыв ветра, затем раздался грохот. Магда открыла глаза и увидела, что герцог во всей своей броне недвижно лежит

на земле, как груды металла. Конь его, храпя, умчался в лес. Крылья Рвилапы снова обдали Магду горячим ветром, дракониха развернулась в воздухе и понеслась к двум оставшимся рыцарям, намереваясь опалить их коней. Те ринулись назад, в лес. Рвилапа приземлилась и, схватив герцога своими мощными челюстями, со всей силы ударила его о землю. Однако в этом не было необходимости – он был уже мертв.

Два копья со свистом полетели к драконихе. Но та оказалась опытным, даже грациозным бойцом. Гибким движением она поднырнула под одно копьё и лапой поймала второе. Потом с силой швырнула копьё в лес. Послышался грохот, вопль, и все стихло.

Рвилапа, все еще сжимая в челюстях безжизненное тело герцога, рванулась в дым, клубившийся над оврагом. К тому времени, когда Магда спустилась к ручью, бой закончился. Огромный дракон, ворвавшись откуда ни возьмись в битву, да еще и с телом их командира в своей огнедышащей пасти, поверг армию герцога в панику, и она поспешно ретировалась. Ни Книгоед, ни Рвилапа не стали их преследовать. Книгоеду было не до погони, а Рвилапа сразу занялась делом.

Книгоед тяжело опустился на землю. Кровь лилась из его многочисленных ран и капала из его пасти. Левый глаз заплыл. Магда бросилась по тлеющему дерну к раненому дракону и, содрав с себя куртку, попыталась унять кровь, льющуюся из глубокой раны у самого крыла. Но куртка тут же загорелась. Рвилапа что-то ворчливо пророкотала и отстранила девушку когтистой лапой. Она неодобрительно покачала головой, взлетела и направилась к своему логову. Книгоед, совсем изможденный, закрыл глаза, а Магде пришлось оставить его и кинуться к ручью, чтобы потушить загоревшийся подол юбки.

Рвилапа вернулась через несколько минут. В ее лапе был зажат кошель, один из тех, которые принесли ей в дар Магда и Книгоед. В другой лапе сверкали усыпанные самоцветами ножны от меча. Старая дракониха затоптала тлеющий дерн вокруг Книгоеда, высыпала из кошелька золото и, зачерпнув пригоршню золотых монет, стала дышать на них огнем и разминать в лапах. Размягчив золото, она принялась делать из него пластыри и залеплять раны Книгоеда. Время от времени Рвилапа выдирала рубин или изумруд из ножен и вдавливала самоцвет в золотой пластырь. Заметив, что из пасти Книгоеда тоже капает кровь, она приказала ему разжать челюсти. У него оказалась рана прямо посередине языка. Рвилапа снова неодобрительно покачала головой. Потом выдрала жемчужины, которыми была украшена перевязь ножен, и скормила их, как пилюли, своему пациенту. Закончив осматривать Книгоеда, удовлетворенная результатами своих трудов, она стала затаптывать огонь (ведь даже огнедышащий дракон предпочитает зеленый лес, а не пожарище в своей округе).

Материнская забота явно пошла во благо Книгоеду: хотя он и выглядел теперь так, будто у него по всему телу пошла золотая сыпь, но кровотечение прекратилось. К тому времени, когда дракониха закончила

свои противопожарные меры, он смог приподняться и сесть.

– Спасибо, Матушка, – прошепелявил он раненым языком.

В ответ Рвилапа выдохнула клубы черного дыма:

– Палижар, в твоём возрасте нужно драконий ум-разум копить, а не заниматься всякими глупостями. Ты чем меня слушал, ушами или хвостом, когда я тебе говорила, как тренироваться? Я ведь ясно сказала: три-четыре раза в месяц – стычка с рыцарем. А ты что устроил – целую армию на бой вызвал... Должна признать, – добавила она после паузы, – ты не трус, у тебя есть огонь в брюхе. И девицу ты себе нашел – что надо. Первый раз вижу такую, что встала на сторону дракона. Пожалуй, стоило за такой пускаться в путешествие. Однако больше в подобные передраги не ввязывайся, молод еще. Учти, что ты уже вышел из яичной скорлупы, так что не жди, что матушка опять прибежит хвост твой из ловушки вызволять. Следи за питанием, чтобы чешуя блестела, и тренируйся, но в разумных пределах – не нарывайся на схватки с целыми отрядами. Понял?

Выпустив еще одно облако черного дыма, старая дракониха распахнула крылья и взвилась в небо. «Да будут крылья твои сильными, когти твои острыми, и да будет твое пламя жарким долгие века!» – донеслось до Книгоеда ее рокотание.

– Да, я понял, матушка, спасибо. Да будут крылья твои сильными, когти твои острыми, и да будет твое пламя жарким долгие века! – повторил Книгоед учтивое драконье прощанье вслед удаляющемуся крылатому силуэту.

Глава 18. Книга Книгоеда

Магда и Книгоед еще несколько дней оставались на стоянке невдалеке от логова Рвилапы. Но как только дракон достаточно оправился после битвы, они пустились в обратный путь.

Теперь, когда опасность миновала и Книгоед пошел на поправку, Магду снова захлестнуло море слов. Она то боролась, то играла с ритмом и звучанием слов, с тем, что они означают и о чем умалчивают, повелевая ими и покоряясь им. Магда ехала, погруженная в сочинение поэмы, не замечая окружающего мира. Книгоед понимал, что с ней происходит. Он сидел рядом с ней на привалах в дружелюбном молчании и охранял ее с особой заботой, когда они были в пути.

Путешественники продвигались теперь намного быстрее, ведь им не надо было ни заниматься картами, ни разыскивать волшебные источники. И вот, наконец, навстречу им повеял знакомый запах моря. С высоты последнего холма перед ними распахнулся самый прекрасный вид – стены, башни, крыши родного города. А вскоре до них донесся радостный перезвон колоколов: город приветствовал возвращение Книгоеда и Драконьей Девы.

Несколько месяцев спустя Магда сидела в пещере Книгоеда, слушая,

как тот дочитывает ее поэму. Она назвала ее «Книга Книгоеда». Дракон с наслаждением вчитывался в каждую страницу, по много раз повторяя вслух полюбившиеся строки. Он то разражался хохотом, то охлестывал себя хвостом, и зрачки его сужались до узеньких щелок, полыхающих незабытой яростью. Наконец, глубоко вздохнув, дракон закрыл рукопись и повернулся к Магде.

- Ради этого стоило пускаться во все наши странствия! - воскликнул он.

И он был прав. Многое уместилось в строфы «Книги Книгоеда»: верная дружба спутников в долгих и дальних странствиях, тоска по дому и по родным, оставшимся далеко-далеко; ярость и ужас битвы, изумленное восхищение перед красотой невиданных прежде земель; изнуряющие тяготы и тревоги дорожной жизни. Ритм строк менялся: то он тащился медленно и тяжело, как повозка по размытой дороге, то мчался тревожным галопом, то шел размеренно и неторопливо, как лошадь, приспособившаяся к долгому пути, то взмывал и пикировал, как летящий дракон. От слов этой книги веяло ароматом морозной хвои и свежего снега, острым запахом конского пота, смрадом переполненных трактиров и заманчивыми запахами экзотической снеди дальних стран. На страницах ее теснились люди, говорившие на разных языках, и звенели трели птиц чужеземных лесов.

«Книга Книгоеда» полюбились жителям Семи Холмов. Многие поколения слушали и читали ее. Поэму эту переписывали и профессиональные писцы на лучшем пергаменте, и полуграмотные школяры на дешевой бумаге. И для каждой копии этой книги, независимо от того, кем и как она была сделана, Книгоед собственной лапой рисовал карту всего путешествия.

Но не пытайтесь найти копию «Книги Книгоеда» – этой книги теперь нет ни в одной библиотеке, ни в одной букинистической лавке. Когда мир волшебства откололся от мира, в котором мы живем, то все, созданное благодаря волшебству, осталось там, на дальнем от нас берегу. Лишь отрывки из этой поэмы сохранились как песни, которые до сей поры поют в Семи Холмах.

А если вы внимательно вслушаетесь в сказания, которые передаются из уст в уста и в Семи Холмах, и в тех краях, где Книгоеду и Магде довелось странствовать, то вы уловите нити повествования о приключениях дракона, который питался книгами, и его верной спутницы.

Я много раз слушала эти песни и сказания. Из этих-то нитей я и сплела для вас узор рассказа о «Книге Книгоеда».

Мир Каргер – работал в Колмогоровской статистической лаборатории МГУ, в различных отраслевых институтах и в АН СССР (РАН). В постсоветское время – организатор больших геолого-геофизических горнорудных и нефтегазовых проектов. Автор многих научных статей, книг и нескольких прозаических текстов. Публиковался в «Знамени».

Адонг-Адонг

Заметки по истории Королевства Матуту

1. Забалуев

Король островного Соединенного Королевства Мату́ту заподозрил своих парламентариев в нелояльности. Не то чтобы для подозрений были основания, оснований как раз не было; если бы были, то и говорить не о чем. Оснований не было, но все же. И приказал эти подозрения ему подтвердить или развеять.

Королевство стало *соединенным* в незапамятные времена, когда один из тихоокеанских архипелагов был завоеван островом Мату́ту. Это страна с конституцией, с избираемым королем, но цивилизация здесь пока что пародирует сама себя. Я в Мату́ту бывал в 2010-х годах. Эти заметки я составил из моих дневниковых записей (слегка беллетризованных) и местных рассказов. Имена героев я изменил, некоторые русифицировал. Но королевский титул оставил как есть – Адонг-Адонг (то есть «избранный король») VII.

Итак, Адонг-Адонг VII распорядился прояснить вопрос относительно благонадежности парламентариев. Случилось это на десятом году его правления.

Его Величество сам лично позвонил генералу из ближнего круга и своим хриплым тенором приказал:

– Обшамань все и сделай чисто (т. е. «раскрой вопрос и реши его скрытно»; король питал слабость к блатной лексике, я передаю ее русской *феней*).

– Есть, Ваше Величество! – рявкнул генерал в микрофон и отдал микрофону честь.

Настоящее имя этого генерала в переводе означает «баловник-из-за-пролива». По созвучью я буду называть его Забалуевым.

Забалуев был крупный, с одутловатым, слегка монголоидным лицом

господин, хоть и без блеска, но способный находить решения замысловатых задач Его Величества. Но первую в жизни Забалуева серьезную задачу поставил не Его Величество, а сама его натура, и он ее худо-бедно решил.

В молодости будущий генерал раза два-три в год просыпался утром от раскалывающей головной боли, с черными кругами под глазами, рвотой и головокружением. С диагнозом «сотрясение мозга» он попал в больницу. Врачам он бормотал что-то про нечаянно словленный нокаут. И каждый раз старый спортивный врач говорил ему одно и то же: «Хроническое сотрясение мозга. Бокс – не ваш спорт. Займитесь чем-нибудь, где по голове не бьют».

Забалуев стыдился признаться, что всему виной храп. Во сне он тяжело храпел на низких частотах. Временами он звучал, как подземный гул, предвестник землетрясения, от которого панически спасается все живое. Именно так поступила его жена с детьми. Изредка акустический портрет его храпа походил на рев фронтового бомбардировщика на взлете с полной бомбовой загрузкой. Начинается разбег, рев растет, переходит экологически допустимый порог, затем болевой порог, порог контузии, и наконец – порог витальности, за которым мозг взрывается.

Многие его родственники так и кончили – со взорванным мозгом. С вечера он – пышущий здоровьем весельчак, а поутру – уже холодный труп, в черепе которого мозг *плещется*.

И матушка его была великая храпунья. Рожая сына, она всхрапывала инфразвуком так, что травмировала акушерку. Новорожденный тоже пострадал: глуховатым, бесцветным тугодумом явился он на свет. Впоследствии, когда в его тугую голову случалось проникнуть какой-либо мысли, то, потыкавшись влепую туда-сюда, мысль забивалась в дальний угол и тихо угасала.

Как ни странно, именно эти плачевные свойства способствовали его главному жизненному успеху: он попал на службу как раз туда, где требовались люди: *а* – тугоухие, *б* – бесцветные, *в* – простые и ясные в помыслах и поступках. Такие требования предъявлялись к кандидатам в охрану Адонг-Адонга VII. Его приняли, назначили капралом, и потянулась цепь невероятных удач.

Первая удача: нашлось простое решение проблемы храпа. Один умник подсказал ему спать попросту сидя. При этом сослался на японских гейш, которые таким способом оберегают свои сложные прически. Забалуев попробовал, и... храп исчез. Нечего и говорить, что он тотчас известил об этом беглянку-жену, и та прилетела на крыльях любви, полная надежд.

Он взял за правило спать в парадной форме – дабы страх память ее удерживал его тело в вертикальном положении. Однажды ночью Адонг-Адонг, инспектируя казармы, увидел спящего в позе Будды капрала без штанов, но в кивере и в кителе со шнурами. Его Величество разгневался и

чуть было не приказал отдать капрала под суд за неуважение к мундиру. Но узнав, что форма помогает капралу Забалуеву держать себя в готовности, был растроган:

– Молоток! Не фуфырься! («Молодец, не тушуйся») – и ущипнул капрала за щеку.

Забалуевская теща прокомментировала этот эпизод в своей грубоватой манере:

– Дурак, дурак, а начальству подмахивает. Далеко пойдет.

Теща была права. В самый момент королевского щипка кривая жизни Забалуева с треском переломилась и взметнулась круто вверх. Впереди Забалуева ждал взлет на ослепительную высоту.

2. Глубокая прослушка

Решение задачи прослушки поразило воображение даже самых опытных специалистов, которые давно перестали удивляться чему-либо.

Идея пришла в голову некоему Хубилаю, умнику из забалуевского ведомства. Он сам мне рассказал, что его предок, то ли еврей, то ли армянин, в начале XX века бежал из России на восток, в отличие от большинства его соплеменников. После многих приключений он добрался до Кажгара (северо-запад Китая), где объявил себя потомком хана Хубилая, четвертого внука Чингисхана. Этим именем, как бульдозером, он проложил себе и своим потомкам путь по восточной Азии, вплоть до Матуту.

Нынешний Хубилай – вылитый китаец с северо-запада. Но если приглядеться, то замечаешь в нем не китайскую волосатость, носатость и ушастость. Это, говорил он, сквозь меня мой кажгарский прапра-прадед простушает.

Молодым человеком Хубилай пришел в полицейское ведомство и сразу принялся доказывать, что информацию нельзя выбивать из подследственных силой. Мол, страх генерирует ложные ответы, то есть шум, на фильтрацию которого тратится... и т.д., и т.п. У начальника полиции Х. он поддержки не нашел и был задвинут в место, которое мы бы назвали шарашкой. Там он и сгинул бы, если бы не Забалуев, который спас его в благодарность за подсказку проводить ночи в позе Будды.

Хубилай – уникален во многих отношениях.

В том, что он хлипкого телосложения. «Соплей перешибешь», – сказала о нем забалуевская теща. Далее: он кладезь острого ума. Когда свежая мысль приходит нам в голову, в некоей горней сфере раздается «дзын-н-нь». Хубилаева горняя сфера звенела непрерывно, окружающим сферам в посрамление. Наконец, он басовит. Теща Забалуева, как однажды обмерла, услышав его густой баритон-бас, так с тех пор называла ему по пустякам, будто школьница, – из потребности хоть пару раз в месяц обмереть до потери пульса.

Не знаю, где он учился. Если мерить российскими мерками, то где-то на уровне Физтеха – настолько глубоко и универсально он был образован.

Но вернемся к прослушке. Хубилаева красивая идея *Глубокой* прослушки состояла в том, чтобы прослушивать депутатов непосредственно в парламентских креслах с помощью звукоъемной матрицы, расстеленной по всей рабочей поверхности кресла.

...Как только прослушка заработала, рабочая тишина в зале Нижней палаты Парламента вдруг заговорила.

Один депутат то и дело бормотал вполголоса «отвнюдь! отвнюдь!». Другой материл ораторов: «Разве?! А пошел ты в ...». Минимум треть депутатов сосали спиртное через трубочки из своих портфелей, геофоны усиливали их причмокивания и глотания, так что операторы теряли самообладание.

Отличилась женщина-депутат, дама в возрасте, инициатор множества законопроектов, в прошлом чемпионка по каким-то прыжкам. В ходе заседаний она то и дело задремывала с храпом. Она и обмочилась дважды. Ладно бы, если бы она пролила, скажем, коньяк, а тут моча, сиречь электролит, который замкнул геофоны.

Годы спустя участники проекта вспоминали эти истории со смехом. Но тогда им было не до смеха. Дело в том, что из геофонов, помимо слов и чмоканий, лился поток звуков, не поддающихся расшифровке.

Специалисты знают, сколь сложно разбирать неречевые звуки, неконтролируемо издаваемые человеческой особью, особенно ее нижней половиной. «*Terra incognita* акустики» назвал ее один сталинский академик, объясняя тов. Сталину хруст в коленных суставах великого вождя.

Прослушка обнаружила, что парламентарии на парламентских заседаниях перестукиваются морзянкой. Из геофонов доносились точки-тире, перемешанные и неразборчивые. Лишь однажды прорвались два членораздельных слова: «он» и «пуф».

– Кто этот «он»? Что за «пуф» такой? – вихрем пронеслась паника по всем этажам власти.

Его Величество поднял балльность паники до истерики и объявил: «Никто не покинет контору, пока не разберетесь».

Лишь на второй день из Интернета извлекли, что «пуф» – это по-немецки...

– Ваше Величество, «пуф» – это же по-немецки бордель!

– Вот оно что! Мы, значит, имеем шифр! «Он» именуется нас с вами борделем. Приказываю: найти и обезвредить предателя!

...Решение нашлось, когда удалось синхронизировать звук с телевизионным изображением депутатов. Операторы подметили, что при отправке шифросообщения многие депутаты приподнимались над

креслом, и глаза их при этом как бы стекленели.

– Эврика! – воскликнули операторы. – Они пускают ветры! Они просто попукивают!

– Эврика! – крикнул Хубилай в трубку спецсвязи. – Господин генерал, это же они попукивают, просто пердят!

Забалуев ахнул:

– А почему так членораздельно?!

– Они просто куражатся, дурака валяют.

3. Автоклав Его Величества

Дергаясь от нетерпения, с воем сирен и мигалками Забалуев несся по спящему городу. Хубилай тем временем строчил доклад и пересылал ему фразу за фразой по мере готовности. Через час Забалуев стоял в проходной, шепотом повторяя вводную фразу доклада: «Ваше Величество! Вот подарок вам! От всего сердца».

Ему пришлось долго ждать, пока его чистили и брали анализы. Помывка-обдувка, стрижка ногтей, эпиляция и клизма. Волнующее ожидание того, что ты предстанешь перед Его Величеством, блестя наружной и внутренней чистотой.

Командовала очисткой совсем юная алина II ранга, миловидная, как все алины. И, как любая алина, она поставила клизму, ничуть не смущаясь. Здесь нужно пояснить, что алина (со строчной буквы) того или иного ранга – это дворцовая должность. Алиной когда-то в прошлом звали... впрочем, об этом позже.

Когда Забалуев, наконец, ступил в коридор, снаружи уже рассвело. А здесь царили полумрак, тишина и стерильность с запахом озона. Полы, стены, потолок без швов и свет без теней настраивали на тревожный лад. Одетый по дворцовой форме, он следовал за давно ему знакомой алиной I ранга в Автоклав Его Величества.

Надо сказать, Забалуев данную алину воцелел, ни разу ее не коснувшись, то есть платонически. Ее портрет он бережно хранил в потайном углу своей души. Она носила гордое имя Имельда – в честь Имельды Маркос – и была так же красива. Но в настоящий момент шагала впереди широким мужским шагом, чтобы он сосредоточился.

В Автоклаве было светло и гулко. Как всегда, вкусно пахло куриным бульоном. На волнах Автоклава в пятнышках жира отражались, покачиваясь, светильники потолка. Его Величество держался у дальнего края.

Забалуев отдал честь, щелкнул каблуками и, позабыв вводную фразу, рывкнул, как на плацу:

– Ваше Величество, волнениям конец! Они просто пускают ветры! Они пердят! Пер-дя-а-ат!

- Дят... ат... ат... – раскатилось эхо.

Заинтересованный, Его Величество подплыл и вылез на бортик.

Громыкнуло, погас свет, что-то сдвинулось и наехало – это безупречно сработал поворотный круг, как в театре, – любимое детище Его Величества.

И вот Он в пушистом халате, полно-розовый, сидит в кресле и уже подписывает Забалуеву авторский экземпляр недавно вышедшей Его книги «Вопросы обрезки садового кустарника». Драгоценное издание: сафьяновый переплет, сапфировое тиснение, золотой обрез. На столике их целая стопка. Многие отдали бы полжизни за экземпляр из этой стопки.

Сегодня Он в безмятежном настроении, как часто бывало после процедур:

- Ну-ка, ну-ка? Ну-ка разжуй, дай раскладку.

Забалуев принялся зачитывать доклад. Как все тугоухие, читал он громко, без интонаций.

...Беззвучно открылась боковая дверь и вошла Имельда. Она уже переделалась, на ней теперь был длинный до пят халат и тюрбан на голове. Без косметики, но брови выщипаны и дорисованы. У Забалуева перехватило дыхание.

Не приближаясь к мужчинам, она встряхнула рукой, как будто закрыла веер, и произнесла низким грудным голосом:

- Что же вы не предложите гостю сесть, Ваше Величество?

Адонг-Адонг улыбнулся и ласково повел рукой на соседнее кресло.

...Забалуев покидал дворец в праздничном настроении, но с раздвоенной душой. В передней половине души шло празднование, играл оркестр, искрилось шампанское. В задней же ее половине царило уныние. Там говорили шепотом, ходили на цыпочках, отворачиваясь от портрета Имельды, на котором шариковой ручкой были ей пририсованы усы и проколоты глаза.

Праздник он нес в портфеле, где лежали три рескрипта. Первым рескриптом Его Величество распорядился образовать новую парламентскую фракцию из депутатов, страдающих метеоризмом. Вторым рескриптом автор пресловутого «сообщения “он-пф”» был «реабилитирован и восстановлен в правах (посмертно)». Третьим рескриптом учреждался новый Департамент У.

Был в портфеле и четвертый документ – секретный указ о награждении Забалуева Орденом Королевства. Когда, придя домой, он возник в дверях, дородный красавец-генерал с сияющим орденом на груди, жена и теща в один голос воскликнули:

- Ну? А что я вам говорила!

В этот момент по телевизору шла читка вслух выдержек из только что подаренной ему книги. На экране листались страница за страницей, чтец

выпевал текст высоким тенором – подобно *кари* в мечетях. Дети неотрывно смотрели на экран и шепотом подпевали.

...В ту ночь Забалуеву снилась Имельда, ласкающаяся к Адонг-Адонгу. Душа его ныла и двоилась. Будь он музыкален, в страдающей половине его души звучал бы «Конец любви» из «Гристана и Изольды» Рихарда Вагнера. Но Забалуев был тут на ухо, поэтому Рихард Вагнер, если бы удалось его в душу Забалуева заманить, рыдал бы там немзыкально, бесновался бы и крушил мебель.

4. Утробная социология

Благодаря прослушке высочайшее внимание обратилось к биологическим отправлениям человека. Из высочайшего внимания выкристаллизовался Департамент U, то есть *uterus*, «Утроба», с заданием небывалой сложности: обратить биологические отправления человека на благо национальной безопасности.

Руководителем ведомства стал Хубилай. Только ему было под силу сделать испражнения ключевым инструментом тайной полиции.

На Совете Департамента он зачитал послание Его Величества:

«Я уверен, что человек должен налагать отпечаток своей личности на свои биологические отправления. Разве любая биологическая субстанция, пройдя сквозь человека, не становится биолого-интеллектуальным продуктом? Ведь, в отличие от животного, человек сам регулирует, когда, где и в какой форме ему опрашивается. Посредством разума и воли человек концентрирует в естественных своих отправлениях свое вещество мысли и знаний. Ваша задача – выделить означенное вещество и разобраться с ним».

Гениально! Члены Совета зашлись в интеллектуальном восторге, сиречь испытали редкий в ученом мире катарсис.

Начались эксперименты. Главная их идея состояла в том, чтобы, спровоцировав подопытного тем или иным текстом на про- или антипатриотическую реакцию, оценить эту реакцию путем биохимических анализов известных субстанций.

Для стимулирования крамольных мыслей был отобран ироничный текст, который напомнил мне одну из дневниковых записей Венедикта Ерофеева: «Человек, идущий за малой нуждой, все-таки ценнее машины, летящей для доклада в СЭВ».

Для контрольной группы эксперты взяли стих о любви к королю, в порыве которой поэт трепетно выводит имя короля на пергаменте. Нечто похожее сочинял Сергей Михалков:

Чистый лист бумаги снова
На столе передо мной.
Я пишу на нем три слова:
Слава партии родной.

Следует подчеркнуть, что в ходе экспериментов варьировались все

возможные переменные факторы, а дефекация и уринация проводились в разных сочетаниях волевого и самопроизвольного режимов. Я упоминаю эти неаппетитные подробности единственно с целью подчеркнуть, что У-ученые свое дело знали. И не их вина, что результат получился пустым. «На выходе имеем пшик!» – воскликнул Хубилай с досадой.

В итоге проект У оказался в тупике, и дело запахло ликвидацией У-ведомства. Если бы так случилось, то идею Его Величества постигла бы печальная участь большинства гениальных идей. Она продержалась бы в воздухе Департамента некоторое время, но после второго или третьего проветривания улетучилась бы навсегда.

Но – обошлось! Хубилая осенило, что контрольная группа не должна быть замутнена ходульным патриотизмом. А подопытная группа ... впрочем, довольно. Не будем отвлекаться от главного: новый широкий эксперимент Хубилай поставил над участниками корпоративного праздника забалуевского ведомства.

В ходе этого эксперимента произошел счастливый сбой, благодаря которому умирающий У-проект развернулся к сияющим вершинам успеха. В У-департаменте сочинили по этому поводу корявый, но искренний стишок, заканчивающийся словами: «По недосмотру выросший кристалл / Стал украшением короны короля».

Вскоре на всех очистных сооружениях, от сельских до столичных, были созданы Центры утробной социологии, или У-центры. Их задача – регулярно давать оценку градуса общественных настроений. Так возникла национальная «Система утробной социологии», или У-система.

Как ни прятали У-систему, уберечь ее от чужого глаза не удалось, заграница о ней прослышала. Узнал о ней и Кремль. В адрес Адонг-Адонга поступила настоятельная, даже категорическая просьба российского правительства, и пришлось У-систему продать в Россию.

Как только оттуда сообщили, что систему запустили в работу, Хубилай прилетел в Москву. В аэропорту «Шереметьево» его встретила начальница У-системы Московского региона по имени Лиза Дрищ, молодая женщина, худая и длинная, в строгом костюме и простых туфлях на шнуровке.

Из Шереметьева она сразу повезла его в У-лабораторию – куда-то в Замоскворечье. Они вошли сбоку в четырехэтажное П-образное здание постройки 1930-х годов, спустились по лестнице в полуподвал и распахнули железную дверь с почти стертой надписью «Столовая».

Им открылся обшарпанный, тускло освещенный зал со слабым запахом какой-то древней советской еды, заставленный крытыми дерматином столами, в три ряда по четыре, на которых громоздились архаичные осциллографы, компьютеры, тестеры, и т.д. За столами сидели одинаково стриженные молодые люди в белых халатах. Одинаковыми движениями они жали на кнопки, щелкали тумблерами и напряженно вглядывались в экраны. В дальнем углу перед компьютером неподвижно

сидела девушка с колбой в руке.

По словам Хубилая, он будто попал в анимированный музей лабораторного хлама 30-летней давности.

– Это не лаборатория, – сказал Хубилай. – Это *sham*, туфта.

Вечером за ужином г-жа Дриц решительно опрокинула барьеры:

– Ладно, давай начистоту! Во-первых, ты прав: тебе показали туфту. Это было специальное подразделение для втирания очков болванам-генералам. Приношу извинения.

Хубилай принял извинения, пожал протянутую руку.

– И, во-вторых, твою систему мы ставить не собираемся. Нам нужна только U-этикетка, лейбл, который мы прицепим на нашу социологию. А какую социологию писать в отчетах, мне указывают те, кому положено.

Хубилай ахнул:

– Да ведь это жульничество!

– Ну, жульничество. Но мы привыкли и иначе уже не умеем! – сказала она весело. И процитировала Мартина Лютера: «На том стою и не могу иначе. Аминь».

Отсылка к Мартину Лютеру пронеслась мимо Хубилая, но смысл ее он понял правильно: статус жулика на государственной службе является у них предметом гордости.

Под конец, порядком распалившись водкой, Лиза Дриц рассказала анекдот (якобы любимый анекдот президента):

– Загадка: кто родится, если силовики и пропаганда возьмут да и поженятся? Ответ: это зависит от того, кто кого е*ет. Если пропаганда е*ет силовиков, то родится девочка Туфта, а если наоборот, то – мальчик Бред-собачий.

Она проговорила анекдот, как рапорт, картонным голосом, глядя прямо в глаза собеседнику. Тем временем длинные ее ноги под столом дотянулись до собеседника и выделявали там черт знает что.

От подстольной игры он решительно уклонился и поспешил покинуть сей *sham reserve* (заповедник туфты). Но не успел в Шереметьево самолет оторваться от земли, как он усомнился: может быть, Лиза была искренна? Не обидел ли он ее?

В эту самую минуту Лиза Дриц заканчивала диктовать отчет о результатах операции «Хубилай»:

– Таким образом, идейно-политический и сексуальный факторы объект не стимулируют. Рекомендую вербовку с применением стимулов материального и/или карьерного свойства.

5. Маленький праздник, большой праздник

В доме Забалуева в день пуска «Глубокой прослушки» состоялось

семейное торжество с приглашением узкого круга гостей. Вино лилось рекой, речи тоже текли безудержно, но в дозволенных рамках. Обсуждали муссоны, сезон которых вот-вот наступит, подводную охоту на рифах, сезон которой только что закончился, и восхитительную кухню забалуевской тещи.

Коронными у тещи считались блюда, главным ингредиентом которых были летучие мыши. Люди Запада, когда-то давно напуганные «Дракулой» Брема Стокера, страшатся летучих мышей. И зря, ибо есть мыши – и мыши. Кормящиеся фруктами летучие мыши заслуживают уважения со стороны европейских гурманов.

Опалить шкурку, отсечь лишнее, порубить некрупно, подмариновать в вине со специями и – на огонь. Пальчики оближете! Забалуевская теща пекла из них замечательные слоеные пирожки «кури-кури».

К настоящему событию она приготовила кое-что специально для русского гостя, Советника Бляблина: русские блины с паштетом из летучих мышей и пельмени с начинкой из потрошков летучих мышей. Блины были поданы с соевым суфле, пельмени – под креветочным соусом. Г-н Бляблин ел и приговаривал: «За уши не оттащите, пока все не съем».

Специально для Хубилая она приготовила корейское блюдо «хе» из карликовых свинок – строганина с острыми специями под рисовым уксусом. Он вкусно ел и пил, но в разговорах не участвовал, так как опасался нервической реакции забалуевской тещи на его голос.

Вскоре по тому же поводу состоялся большой корпоративный праздник целого забалуевского ведомства.

Как всегда, на шею гостей вешали гирлянды цветов, к столу каждого гостя провожала миловидная девушка. Произносились речи. Увитые гирляндами девушки покачивались в танце и пении на гавайский манер. Потом юноши танцевали на манер новогвинейских людоедов.

Все корпоративы похожи друг на друга. Данный корпоратив отличался от других тем, что гости располагались не в гладких, а в мягких многослойных креслах, специально сконструированных для прослушки. А также тем, что гостей обслуживал Департамент У.

Гвоздем У-эксперимента служили два анекдота – один изящный: «Однажды Адонг-Адонг принимал парад без памперса» (уже смешно), другой – грубый: «Встретился Адонг-Адонг с самкой-орангутангом и говорит ей: давай поженимся...». Анекдоты были процарапаны на стенах туалетов, и всякого, кто, прочтя их, ухмылялся, брали на карандаш.

Там и сям сновали У-сотрудники. Переодетые техничками, они толкались около туалетов, под видом садовников таились в саду, дабы не упустить справляющих малую нужду в кустах. Не обошлось без курьезов, когда они, не опознав своих, гонялись друг за другом со своими баночками и колбочками.

Главный курьез произошел из-за неразберихи, без которой не обходится ни одно новое дело: U-пробы были перепутаны. Мало того, баночки-колбочки частично разбились и их содержимое перемешалось.

Но умельцы в U-ведомстве смогли выполнить анализ смеси и вдохнули жизнь в сухие средние цифры – создали сводный портрет политической благонадежности работника забалуевского ведомства.

Этот результат потряс воображение Его Величества. Это был прорыв! Более всего Адонг-Адонга обрадовало то, что можно активно взаимодействовать с U-центрами. Например, чтобы ответить на вопрос, какова фигу в кармане жителей Запретного города, U-центр подбросил жителям один гадкий стишок про Адонг-Адонга, и через сутки ответ был готов: 31%.

– Итак, Ваше Величество, мы констатируем, что фигу в кармане держит каждый третий житель данного населенного пункта.

6. Адонг-Адонг VII

После изгнания японцев в 1945 году в Матуту появилась конституция, согласно которой каждые десять лет монарх подвергается перекоронации. Великая Девятка, князя девяти самых крупных островов, чьи родословные восходят к богам-прародителям, избирают нового Адонг-Адонга или переизбирают старого. Раскоронованный монарх удаляется на покой без права участвовать в политической жизни.

Случалось, что низложенный монарх отказывался уходить, и перекоронация принимала болезненные формы. Так повел себя, в частности, предшественник нашего героя, Адонг-Адонг VI, за 10 лет до выше описанных эпизодов. Репортаж, приведенный ниже, сделал один журналист – якобы свидетель тех событий. Подробностей он не знал и по-журналистски затуманил свою неосведомленность расплывчатыми метафорами:

«Когда подул ветер перемен, Запретный город, резиденцию здешних монархов, на две недели затянуло туманом. Сквозь туман пробивались бледные световые пятна, слышались выстрелы, крики. Со стен города спрыгивали какие-то фигуры и уносились прочь. Из ворот то и дело выезжали траурные процессии, ключья тумана цеплялись за раструбы геликонов. Когда туман рассеялся, старый Адонг-Адонг VI был уже забыт. Народу явлен Адонг-Адонг VII, недавний глава Профсоюза привратников и газонокосильщиков. Он, как водится, избран Великой Девяткой и воцарен на суше, на море и в воздухе».

В действительности же ветер перемен подул тогда, когда Девятка объявила перекоронацию, а старый Адонг-Адонг закапризничал. Первый порыв ветра принял вид председателя Девятки, князя по имени Хохепа. От имени Девятки Хохепа предложил привратнику резиденции совершить предательство – тайно впустить их ночью в дом.

Привратник не колеблясь согласился и прибавил к этому предательству еще три *от себя*. Впустив Девятку в дом, он всех их запер по

отдельности, отдельно запер старого Адонг-Адонга. Каждой из сторон объявил, что не позволит совершиться государственному перевороту. С Девяткой он быстро сторговался, а старика в ту же ночь придушили.

На другой день объявили траур по безвременно почившему Адонг-Адонгу. По окончании траура нация была извещена о солидарном решении Девятки. А еще через неделю новый правитель, Адонг-Адонг VII, произнес тронную речь.

Как видим, не было ни стрельбы, ни криков, ни тумана, ни траурных процессов. Ничего такого, о чем писал журналист. Просто несколько рядовых разнонаправленных событий на вершине власти сплелись между собой кружевом из предательств.

О детстве Адонг-Адонга VII официальная «Биография» сообщает мало, и почти ничего – о родителях. Его одноклассники уверяют, что родители, точно, были. «По понедельникам Гугуй приходил в гимназию выглаженный и поротый. Кто же его одевал и порол, как не мать и не отец?» Гугуй – это его имя, данное ему при крещении в честь св. Гугуя.

Говорят, в гимназии он звезд с неба не хватал, но и круглым дураком не был. Он уверенно оперировал числами – складывал, умножал, вычитал, делил, но математика «с иксами» ему не давалась. И в ситуациях сложного выбора он терялся. Сложные импликации типа «если *A*, то *B*, но если *A* при условии *C*, то *D*» повергали его в панику.

В первом издании «Биографии» сказано, что «в этом мальчике учителя и друзья угадывали нечто титаническое, что рано или поздно должно было удивить мир». Прочтя это, Адонг-Адонг VII рассердился: «Если вы угадали титана, что ж вы его на второй год оставили?»

Во втором издании формула про титана была перелицована: «Никому из его учителей, никому из друзей не могло прийти в их не слишком светлые головы, что в обычном мальчишке, который <...>, созревает нечто крупное, что рано или поздно удивит...» и т.д.

Составители посмертной «Биографии» попросили его одноклассников рассказать о нем «что-нибудь симпатичное». На удивление, все они отозвались о нем неприязненно, называли «крысенок».

«Глаза стянуты к носу, говорит фальцетом, суетливый, злобный, зубы торчат, вылитый пасюк» – так описал его один из них. Другой, точнее другая, бывшая одноклассница, сказала, как припечатала: «Вуайерист поганый». А третий вспомнил, что когда одноклассники пригрозили ему избить за доноительство, Гугуй прокричал: «Ну и что? Зато когда я умру, меня похоронят не в общей могиле».

На настойчивые просьбы составителей все же припомнить «хоть один его успех» одноклассники отметили одно замечательное его свойство: на уроках Гугуй сидел, как загнипнотизированный, не отрывая глаз от учителя, что очень нравилось учителям.

Надо еще заметить, что под «крысенком» они, кроме прочего, подразумевали и дефект его зрения – дихроматизм, свойственный крысам, при котором различимы оттенки голубого и зеленого, а другие цвета воспринимаются как оттенки серого.

Одним словом, мальчик был обиженным на всех паскудником. Нелюбовь в семье, издевательства сверстников, пренебрежение девочек – с ним случилось что-нибудь одно из этого ряда или все вместе. Плюс к тому сексуальные девиации, то ли выросшие на этой почве, то ли генетически унаследованные.

После школы Гугуй работал «садовым редактором» – так он сам назвал свою специальность. Дело его жизни, говорил он, – кошение газонов и обрезка кустов, а привратник – это так, для заработка.

Из нагрудного кармана этого привратника всегда торчал секатор, а рядом стояла кадка с кипарисом, обрезкой которого он занимался каждую свободную минуту. Бывало, к концу дежурства от кипариса оставался ствол почти без веток.

Как «садовый редактор» он был на высоте. Он гневался при виде кустов, скажем, кизильника или кипариса, оформленных в зеленые скульптуры. «Меня просто тошнит от этих извращений» – говорил он. Если же живую изгородь подрезали неровно или, того хуже, вершину изгороди делали шире основания, то он впадал в ярость.

Цветоводов он презирал как «извращенцев», которые «умничают». Сегодня мы знаем, что он не мог любить цветы просто потому, что не видел их.

В первом своем интервью Адонг-Адонг VII был искретен. На вопрос корреспондента: «Как вы провели вашу юность и молодость? Чему посвящали свои помыслы, мечты?» он ответил:

«Ну уж никак не погоне за юбками. Полный идей, я боялся их расплескать. Мечтал о наступлении эры чистоты и порядка. Чтобы люди соблюдали все правила, ходили прямыми дорогами, а не извилистыми тропами. Чтобы они не нуждались в уборной и помойке, не производили дерьмо и мусор».

Свою тронную речь Адонг-Адонг VII, босой, в шортах и гавайской рубашке, произнес под влюбленный рев толпы. В тронной речи он объявил о своей решимости отредактировать страну в духе простоты и ясности. Вот две ключевые выдержки из той речи:

«...В нашем Отечестве еще много ошибок против правильного государственного устройства. Отечество наше еще малограмотное, нуждается в редактировании. Редактирование начнется прямо сейчас! В эту самую минуту я провозглашаю наступление Эры Простоты и Ясности» (крики «ура», бурные аплодисменты).

«...Вы, злонамеренные усложнители, исказители истины, вам задаю я вопрос: где прячется истина? Молчите?! Я отвечаю: истина там, где простота!»

Жизнь штука простая! Нёхера усложнять! Усложнителей в жопу! Вон отсюда! Убирайтесь на свалку!» (восторженный рев).

После тронной речи усталый Адонг-Адонг сидел в кресле за кулисами, отрешенно бродил взглядом по лицам поздравителей. Он кивал, улыбался, принимал подарки, вяло пожимал руки. Вдруг из очереди поздравителей выпорхнула светловолосая девушка в простом школьном платье и протянула ему букетик полевых трав со словами «Это от детей».

- Как твоё имя, дёвица? – спросил он машинально.

- Алина, – был ответ шепотом.

- Кто ты? Откуда ты?

- Сирота я, Ваше Величество, с потерей памяти. Живу в приюте для сирот с потерей памяти.

Дважды произнесенное слово «сирота» взволновало его и заставило сфокусировать взгляд. Перед ним робела сама юность в белых носочках, лиловом платьице, с бантами в волосах.

Он спросил негромко, прерывающимся голосом:

- Готова ли ты, Алина, предоставить себя в мое распоряжение?

Опустив глаза, она ответила еле слышно, ответ скорее угадался, чем услышался:

- Да, Ваше Величество, как вы пожелаете.

Окружающие наблюдали, как наряженная школьницей крашеная блондинка о чем-то пошептала с новым Адонг-Адонгом и удалилась с ним рука об руку за портьеры. Так в Его жизнь вошла Алина, в тот же день ставшая его Первой помощницей.

7. Делай все на «раз-два-три»

В первый после переворота день он задумался о природе власти.

В тот день они с князьями чаевничали утром в дворцовой галерее. На крыше дворца хохотал кукабарра, рядом за столом князья трещали без умолку, а он искал ответы на два жизненных вопроса: «*Я отмечен свыше?*» и «*Ради чего мне дана эта власть?*».

Ответ на первый вопрос он нашел быстро, оглядывая князей и вспоминая вчерашние события: «*Да, я отмечен свыше*».

Второй вопрос разрешился, как только он понял, что такие вопросы Всевышнему не задают: «*Всевышний поставил меня у власти, и точка. От меня Он требует цепко за нее держаться*».

Спустя пару недель на той же галерее сошлись трое: молодой Адонг-Адонг, князь Хохепа и глава Матутской полиции. Собственно говоря, эти трое и были настоящими деятелями недавнего переворота.

На этот раз и дворец, и сад были погружены в туман, вместо

кукабарры вопили павлины в саду. Трое обсуждали случившиеся недавно народное волнения. Толстяк Хохепа завтракал. Молодой Адонг-Адонг пил воду и хмуро молчал. Докладывал третий участник сходки.

Этот третий – старший двоюродный брат Гугуя, носящий феерическое, не поддающееся русификации имя *Ароматная Жаба*. Я буду называть его *Печником* – так его между собой именуют коллеги по работе. Печник изображен на портрете, который висит во всех матутских полицейских кабинетах. С портрета на вас пристально смотрит лысоватый крепыш в клеенчатом фартуке, моющий в тазу руки после допроса подследственного.

Печник – он тот самый Х., с которым схлестнулся Хубилай, за что поплатился шарашкой. Он тот самый, кто пристроил Гугуя в резиденцию привратником и нацелил на него Хохепу со товарищи, он же лично и задушил Адонг-Адонга VI в спальне. Потом он долго мыл руки в тазике, а князя один за другим заходили поглазеть на только что задушенного короля.

Однако вернемся к сходке.

Печник докладывал стальным командирским голосом:

– Недели не прошло после твоей речи, как улицы уже обклеены лозунгами «Жизнь простая штука», «Где простота, там истина», самый популярный «Нёхера усложнять!». Над Академией Наук на воздушном шаре болтается лозунг «Слава Оккаму!». На фронтоне Парламента теперь новый девиз «*Simpliciter Vero*» (правда в простоте).

Они уже и внедряют эти лозунги в жизнь. При том они не мародеры, а идейные вандалы. Они не грабят, но просто жгут магазины электроники, интернет-клубы и крушат электросети и сотовую связь. Крушат, впрочем, аккуратно – в том смысле, что только лишь рубят кабели электропитания.

– Да, ты попал в нерв нашим простецам, Ваше Величество! – рассмеялся Хохепа. – Разбудил наших луддитов. Ну, теперь держись!

– Не знаю, кто такие луддиты, – нахмурился Печник, – но знаю, что мне придется их укоротить.

– Да, без укорота никак. И ваших косарей тоже надо построить.

– Что ж, и косарей построим. Подрежем ими наших простецов.

– Вооружить косарей? Это разумно. Но помни: их тоже придется укорачивать рано или поздно. Братцы, будьте аккуратней. Главное, не переплачивайте им, на всех все равно не хватит.

Хохепа со свистом втянул глоток кофе.

– Ну, что скажешь, Ваше Величество? – обратился он к Гугую.

Размытое до этой минуты лицо Гугуя вдруг затвердело. Он нашел, наконец, довод, которым прихлопнул, как комаров, все зудевшие в нем сомнения:

– Ничего-ничего. Не боги горшки обжигают! – произнес он мрачно и

с расстановкой, как клятву.

Наступило тяжелое молчание.

Из тумана вышел павлин-альбинос с драным хвостом.

– Кто это тебя так обесхвостил, парень? – рассмеялся Хохепа.

Павлин неторопливо поклевал в траве и опять ушел в туман.

Посерьезнев, Хохепа обернулся к братьям:

– Правильно говорить так: не боги горшки обжигают, а мастера. А вы, господа, еще не мастера. Вы новые люди у нас наверху. Постарайтесь не наделать глупостей. Иначе наверху вам станет очень неудобно.

За полгода они оседлали стихию, следуя советам какого-то марксиста-ленинца, то есть по хорошо известным читателю русским лекалам. Поэтому я укажу лишь, что к финишу политического процесса пришли *Лига простецов* и *Союз косарей*. Первые – это, грубо говоря, пещерные комсомольцы, вторые – дружинники-штурмовики.

Простецы на своем съезде приняли в качестве партийного документа цитатник высказываний Адонг-Адонга VII. Это маленькая книжица, в которой исповедуется *простой* человек, отторгающий все, что выходит за пределы его понимания. Вот выдержки из нее.

«Мне невыносим хаос, заросшая чащоба. Я углубляюсь в нее и прилагаю все свое умение до тех пор, пока не отредактирую чащобу до прозрачного, гулкового, наполненного светом порядка. Я ушел в чащобу с ненавистью, но выхожу с любовью, ибо создал парк, порядок из хаоса... Я творю порядок, торможу рост энтропии. Я вершу акт творения!..»

«Я – человек из народа, спокойный и невозмутимый, как вы все. Но я не настолько скромен и невозмутим, чтобы не различать добро и зло. Уверяю вас, я отличаю правду от лжи. Утро от сумерек. Искренность от лицемерия. Простоту и ясность – от извращенной злонамеренной усложненности!»

«Вот вам мои главные принципы, мои правила Трех шагов: 1. Достойная цель достигается за один, два, максимум три шага. 2. Если для достижения цели требуется больше трех шагов, то это цель ложная. Или, в сжатой форме, вот вам лозунг на каждый день: "Делай все на раз-два-три!"»

Расширенный и дополненный, этот цитатник превратился вскоре в книгу «Вопросы обрезки садового кустарника», выпущенную миллионными тиражами.

К счастью, простецы были вытеснены из тех сфер жизни, где производятся и потребляются товары и услуги. И были загнаны в сферы гуманитарные. Но уж в этой резервации они развернулись с дикарским размахом. Русские большевики 1920-х годов позавидовали бы их достижениям.

Был принят Закон «Усложнителей в жопу!» (кратко «Закон Ужо»), которым, в частности, правило трех шагов внесено в прокурорский

инструментарий. Этот закон был тотчас применен к составителям невыносимо сложных программ школьного обучения и к авторам заумных школьных учебников. И тех и других приговорили к лесным работам на Укатои.

«Законом Ужо» были запрещены заумные стихотворные размеры – дактиль, амфибрахий, анапест и спондей. Запрещены составные музыкальные интервалы – нона, децима и пр. Объявлено превосходство документальности над художественностью, цирка над театрами, очерка над повестями и романами, фотографии над живописью, начальных школ над средними школами. Наконец, нормативной была признана орфография электронных чатов.

Серьезные перемены постигли и государственное управление, в это дело Адонг-Адонг вложил, можно сказать, весь свой интеллект. А интеллект его властно диктовал, что армейская система управления является наилучшей из всех систем на свете.

Самой собой разумеется, экономика обрушилась. Гражданские сферы, затронутые этой системой, впали в ступор, потом в хаос. Спустя несколько лет, а именно в «бильярдном» году (об этом ниже), ситуация слегка улучшилась. Но бедлам продолжался, просто перестал бросаться в глаза.

8. Советник Бляблин

Своего русского советника Его Величество именовал *Пиля-блин*. Фонетика его языка решительно не допускала иную артикуляцию. Советник это понимал и не обижался.

Бляблин – единственный, с кем у меня в России нашлись общие знакомые. На мои запросы некоторые из них откликнулись письмами. Ниже я цитирую три письма, которые проливают свет на раннего Бляблина.

Письмо первое – от бывшего химика-технолога, г. Томск.

«...Я тогда работал в Кызылкумах на одном средмашевском предприятии. 25-летний Бляблин был у нас начальником I отдела. Совсем пацан, а уже пахан стукачей. Самый борзой режимчик из всех, кого я знал. Он обложил нас стукачами, как дичь. Крутилась среди нас девушка Зина, шустрая такая, всехняя подруга, блондиночка-давалочка. Всегда рядом, трещит как сорока, хохочет над анекдотами. Она и была стукачка №1. Когда СССР пи**ой накрылся, он сбежал первым, вместе с Зинкой. А сейфы свои секретные оставил открытыми. Точь-в-точь как в Москве 16 октября 41 года: сейфы нараспашку, ветер гуляет, бумаги носит. Папки стукаческие в ряд стоят. Уж тут мы хором почитали Зинкины романы оперу...»

Письмо второе – от профессионального змеелова, Израиль.

«...ущелье Кельт¹ с притоками – мое самое любимое место. Кругом пустыня, а тут вода бежит круглый год, буйная зелень, живность всякая. А уж намолено это место! Пророк Илия, Иисус... Даже стыдно вспоминать Бляблина на этом фоне.

Он был здесь около 2002 г., в пещере припл. в 2 км ниже скита св. Харитона. Это – он, не сомневайся. Наколка, как ты описал: «и-г-о-р-ь» на пальцах обеих рук. Пещеру он устроил по-русски: столик из ящичков, раскладушка брезентовая, иконка на гвоздике. Ну, познакомились мы с ним, попили чай из моего термоса. Он рассказал, что бывал в Ср. Азии и на Д. Востоке, сюда приехал якобы покаяться в грехах. Что ж, не он первый. Но первый, у кого в келье я видел запасы шоколада и консервов, причем консервы всё рыбные, скоропортящиеся.

Месяц спустя та пещера стояла необитаемая, но со следами Содомы и Гоморры. После я спросил о нем монаха Харитона. Того аж передернуло, как будто я ему жареную змею предложил. Оказывается, по соседству с Игорем «схимничала» его сожительница. С которой они всю дорогу пьянствовали, по ночам голыми плюхались в купель, орали непотребства. Он то и дело кричал: Зинка-резинка б*дь...»

Письмо третье – от чиновника Министерства природных ресурсов, г. Москва.

«Игорь Бляблин недолго побыл у нас замом начальника по науке. В 2004-м к нашему берегу прибило целый косяк таких проныр. Но этот был проныра особый. Он – тот самый болван, который вычеркнул из госбюджета гравиразведку² – на том основании, что, мол, «...проблем с гравием у нас в стране не было и нет!». Чтобы до этих неучей дошло, какой он болван, я объяснил им на их языке, что между гравиразведкой и гравием столько же общего, сколько между городом Пиза и известным женским органом. И наконец, Игоря турнули. Пригрозил его Балабко, затейник знаменитой аферы «Вода и жизнь». На нее залипли все невежды нашего олимпа. И сам сиятельный скарабей лично катил этот навозный шар, облепленный генералами, сенаторами и народными артистами...»

Стало быть, начинал Бляблин режимщиком с перспективой карьерного взлета. И неизбежно взлетел бы, если бы в начале 1990-х тысячи режимщиков и особистов не осиротели и не забегали по стране в поисках, куда бы прислониться.

Однако выбор был очень ограничен. Профессиональный подглядыватель-подслушиватель решительно не способен стать кем-либо иным. В лучшем случае – начальником отдела кадров. Но где ж взять столько вакансий?

Дело дошло до того, что в одной московской рекламной газете стали появляться безответственные объявления типа: «Ищу работу. Подгляжу,

---

¹ Ущелье берет начало около Иерусалима, впадает в р. Иордан рядом с г. Иерихон. Длина около 28 км, перепад высот более 1 км.

² Гравиразведка исследует земные недра путем измерения силы гравитации на поверхности Земли.

подслушаю, выслежу. 20-летний стаж. Тайну гарантирую».

Большие начальники на Лубянке встревожились и создали в своем ведомстве *Сиротский отдел* и при нем – подмосковный «Дом сирот», который предоставлял *сиротам* услуги по повышению квалификации и трудоустройству.

К этому моменту Бляблин не преуспел во всех своих затеях. Он провалился в приграничной торговле в Хабаровске. Торговал он в духе Павла Ивановича Ч. и *потерпел по службе* в том же духе. Оттуда он с трудом унес ноги в Святую Землю. Провалился он и в двух московских авантюрах. И быть Бляблину сутенером средней руки, если бы не «Дом сирот».

В многоэтажном корпусе «Дома сирот» он провел полгода. Здесь он освежил прежние свои навыки, приобрел новые и, главное, ему объяснили, в какого рода делах он способен достичь наивысшей компетенции. Оказалось, что его потолок – теневые комбинации, не более чем на три шага, предпочтительно во второстепенных странах.

Впоследствии он вспоминал две достопримечательности «Дома сирот»: огромную стаю ворон и Доску почета. Вороны вечно гадили и каркали, как на кладбище, а Доска почета наводила страх. На ней заслуженные личности были изображены в виде черных силуэтов с инициалами вместо имен. Проходя мимо, Бляблин каждый раз крестится и повторял: «свят-свят».

Едва ли не самое главное, что Бляблин вынес отсюда, – это две «цацки для дикарей». Первая цацка – «голубая кровь», стародавний советский кровезаменитель «перфторан». Вторая – препарат стволовых клеток, которым когда-то поддерживали жизнь в членах кремлевского Политбюро. С этим он и приехал в Матуту на должность помощника торгового атташе.

На роль жены Бляблину прислали некую Марию Ивановну, девушку кустодиевского типа. Роль дипломатической дамы пришлась Марии Ивановне по душе. «Да, госпожа советница, нет, госпожа советница», – кланялись ей окружающие, расступаясь. И она величаво несла сквозь них свое роскошное тело.

А вне службы она была не прочь пошалить.

– Ну что, госпожа моя советница Марьянна? – бывало, спрашивал ее Бляблин. – Может, тяпнем писки, хрустнем мыски?

Она радостно вспархивала, и через минуту на столе возникала бутылка его любимого перуанского бренди «писко» и блюдо прожаренных до хруста летучих мышей.

Глотнув «писку», он оглядывал коричневую тушку летучей мыши и разглагольствовал:

- Вот перед нами цельный крылан.³ Может, отпустим его полетать? Нет! Предначертана ему судьба иная, через минуту я от него крошки не оставлю. Засакай время.

И тут же с хрустом зажевывал «мышку».

Марьванна же вела себя за столом опрятно, оставляла только аккуратную горку гладко обсосанных косточек.

- А не помолиться ли нам, Марьванна, Купидону? - спрашивал он ближе к полуночи.

- Нет уж, Игорек, - мурлыкала она, - мы нынче молимся Кама-деве.⁴

Спустя пару месяцев после ее приезда, когда она вполне акклиматизировалась, Бляблин повез ее во дворец Его Величества.

О, как порозовело ее лицо, когда Его Величество игриво назвал ее «*mousy*» («мышонок») и погладил по коленке!

- *I am at your service, Your Majesty*,⁵ - ответила она в тон и тотчас принялась мысленно сочинять зашифрованную СМСку своей мыгищинской подруге Антонине: «Ну Тонька что я тебе скажу ухватись за что-нибудь чтоб не упасть...».

В конце приема Его Величество нашел Бляблина глазами и поманил пальцем:

- Мой дорогой Пиля-блин! Доставь-ка ты мне радость, хочю поближе познакомиться с твоей *mousy*.

Спустя неделю Марьванна, переодетая местной школьницей, прошествовала, не оглядываясь, в личные покои Его Величества. Весь ее туалет, включая исподнее, вернули Бляблину аккуратно сложенным в коробке.

Он уехал домой один с гордым чувством хорошо проделанной работы по внедрению агента. «Ловко я ее туда это самое», - сказал он вслух и дрыгнул кулаком вверх, как футболист, забивший мяч.

Марьванна очередную свою эсэмэску Антонине отправила не скоро. Лишь когда ей вернули телефон, и она уже пребывала в печали и унынии, она написала: «Ну Тонька я живу в богатом доме где нет воды мне доверяют».

Про воду в «Сиротском отделе» ничего не поняли.

9. Алина I

Молодая пышноволосяя красавица Алина прежде вела веселую жизнь. У Адонг-Адонга ей стало жить еще веселее, но по-другому, и эта жизнь ее

-----

³ Летучая лисица.

⁴ Кама-дэва — бог любви в индуизме.

⁵ Я к Вашим услугам, Ваше Величество (англ.).

пьянила без вина и наркотиков.

Технично привязать к себе мужчину ей не составляло труда. Сложнее – поддерживать привязанность, еще сложнее – стереть следы прежней жизни.

Ей удалось все, кроме двух вещей. Она не стерла чувства к старому Хохепе и материнскую любовь к трем своим детям.

Хохепа – председатель Девятки, князь острова Ахиахи. Именно он нацелил ее на Адонг-Адонга, для чего долго тренировал, досадуя, что ей плохо удаются скромный взгляд и походка без покачивания бедрами. Трех ее детей он отдал на усыновление в далекое племя. Не убивать же их, в самом деле.

Навыкам сдерживать порывы она училась на ходу. Это было совсем непросто – молчать, потупив взгляд, или стоять с отрешенным видом, когда вся твоя натура просится выпрыгнуть на сцену и отмочить что-нибудь хулиганское.

Со временем самодисциплина вошла в привычку. Она втянулась, и не куда-нибудь, а в государственное управление. Оказалось, что в этой сфере бушуют страсти посильнее, чем среди 17-летних балбесов, а утоление этих страстей опустошает лучше, чем профессионалы и профессионалки с Косой улицы (красных фонарей).

С первых дней она встала перед выбором линии поведения. Образцами ей служили Н. Крупская, Цзян-Цин, Имельда Маркос, Эвита.⁶ Все эти жены либо пропагандировали своих мужей, либо воспитывали молодежь. Но эти занятия были не для Алины, ибо Алина, во-первых, стеснялась публичности, а во-вторых, была безграмотна.

Все сложилось бы само собой, если бы ей удалось родить ребенка. Но что-то у них с мужем не клеивалось. Точнее, не клеилось самое главное. Еще точнее: медовый месяц еще не кончился, а ее Гугуйчик уже к ней охладел. Он объявил, что вообще ему чужды половые проблемы. Отныне он служит Отечеству в безбрачии. Ее он призывает тоже нести безбрачие сдержанно и с достоинством.

Таким образом, из всех женских линий поведения ей осталась только линия молчаливой труженицы и верной соратницы.

Лишь на третий месяц она появилась на людях. СМИ описывали ее как «задумчивую молодую женщину в круглых очках, в классическом европейском костюме, единственным украшением которой является брошь с портретом мужа». СМИ были единодушны: и внешне, и внутренне она – Цзян-Цин, но гораздо симпатичнее и скромнее.

Чтобы развлечься, Алина создала линейку женских дворцовых чинов: «алина III, II и I ранга», параллельно армейской линейке «капитан – майор

---

⁶ Жены Ленина, Мао Цзэдуна, Фердинанда Маркоса (Филиппины), Хуана Перона (Аргентина).

- полковник». Разработанная ею оригинальная униформа алиин состояла из разного рода купальников с погончиками на бретельках.

На том, чтобы именовать их всех алинами (со строчной буквы), настоял сам Гугуй. Он объяснил, что Алина – единственное известное ему близкое существо женского пола, других женских имен он уже никогда не запомнит.

На кастинге алиин среди кандидаток она заметила Имельду, давнюю свою знакомую по одному веселому дому. Имельда была красива, умна и умела хранить секреты. Алина принялась ее продвигать, и, как мы знаем, продвинула до спальни и гардеробной Его Величества.

Она ввела моду на декорированные парады по субботам. Первыми у нее шествовали студенты университета и молодежь Академии, они шли со своими оркестрами, в танце, как на латиноамериканских карнавалах. Следом маршировали полицейские батальоны и батальон косарей.

Из алиин она сформировала женский батальон. Печатающие шаг девушки в шортах и стрейч-лифчиках камуфляжной расцветки, с автоматами наперевес, замыкали парады.

Когда впервые ее девушки появились в парадном строю, их размеренно-ритмичное продвижение под проливным дождем ввело ее в транс. Когда же они поравнялись с королевской трибуной, ее пронзил оргазм небывалой силы. Она почувствовала, что Его Величество тоже агонизирует.

Позже он признался, что в тот день почувствовал себя «на вершине служения», что «отстоял мессу, завершившуюся большой аллилуйей». Она внутренне пожалела плечами: «Что ж, аллилуйя так аллилуйя. Я бы назвала это иначе».

Смысл ее жизни окончательно определился, когда Он выгородил ей отдельную политическую функцию. Она должна была поддерживать молву о ее супруге как об извращенце-сластолюбце.

Удивительно, сколь простыми средствами она этого добилась. Все дворцовые должности она заполнила женщинами в бикини. А на парадах строила свой батальон поротно в виде трех полей ромбов – из белых, черных и шоколадных алиин. Вскоре в зарубежных СМИ Его Величество приобрел твердую репутацию «каддафиста».

Исполняя эту свою политическую функцию, она взяла за правило лично приводить алиин в опочивальню Адонг-Адонга, чтобы наутро разъяснить разочарованной девушке, что причины ее разочарования чисто политические:

- Такова теперь твоя королевская служба, милочка. Будем вместе на посту стоять.

На десятом году правления Адонг-Адонг перенес свою резиденцию из Запретного города в новый дворец на Ахиахи. А Хохепа как хозяин

острова и старый друг повадился ходить к нему обедать. Что ни день, он тут как тут, чавкает и говорит, говорит.

– О, как он мне надоел, этот жирный боров! – злобно сказал Гугуй Алине после очередного такого визита. – Кто бы его отвадил?

Сказал – и Хохепу как отрезало. Тот больше не появился ни на следующий, ни на третий день, и вообще перестал назойничать, как будто по волшебству услышал недовольный окрик Его Величества. Но Его Величество здесь распознал отнюдь не волшебство, а заговор: «Хохепе донесли! Кто? Алина, больше некому!»

После короткого и энергичного тайного следствия заговорщики были изобличены и наказаны. В допросах Хохепы Его Величество участвовал лично. Ему понравилось вырывать Хохепе зубы.

Микроавтобус Хохепы упал с обрыва в море и затонул. Воздух из микроавтобуса вырвался на поверхность огромным пузырем, в котором метался предсмертный рев Хохепы. На поминках Адонг-Адонг описал князьям эту картину как «уморительный буль-буль».

Алину не пытали. Она сама призналась во всем, включая детей от неизвестных отцов, призналась и покаялась.

Детьми она его глубоко уязвила. Втайне он надеялся, что тот их медовый месяц оказался бесплодным не по его вине. Теперь же он вынужден был признать себя не просто бездетным, но бесплодным.

Память о Хохепе была увековечена – Косую улицу переименовали в Хохепскую и воздвигли памятник: бронзовый Хохепа возлежал как Будда на голой земле.

Косая – улица красных фонарей, а памятник поставили на базаре, рядом с поилкой для домашнего скота. Злой юмор Адонг-Адонга состоял в том, что имя Хохепы он навсегда поместил в контекст публичных домов, а его самого – на скотный двор.

За искреннее сотрудничество со следствием Алину приговорили не к физической, а к гражданской смерти – к пожизненному выращиванию риса на каторжном острове Уакатои под чужим именем и без права носить иную одежду, кроме крестьянской. Из сентиментальных чувств Его Величество распорядился переправить к ней ее детей.

Признаюсь: мне она мила, эта дура-баба, влюбчивая и доверчивая, используемая всеми, кому не лень. Старому Хохепе, который цинично применил ее в своей игре, она осталась верна до конца. И в Гугуйчика она была влюблена и верила, но тоже по-своему. Даже в этой своей королевской жизни она, как ни странно, до конца осталась цельной.

10. Десятый год

На десятый год пришелся полдень царствования Адонг-Адонга. Солнце народной любви стояло в зените. Политические элиты всех родов были взнузданы, а его физическая смерть вместе с концом правления

были отдалены до бесконечности. Однако по порядку.

Благоденствие в Матуту пришло на пятом году царствования, когда в фокус мировой женской моды попал природный ядовито-зеленый пигмент «бильярд». Оказалось, что «бильярд» добывают из морского конька, который обитает только на шельфе острова Ахиахи. И начался «бильярдный бум».

Благодаря «бильярдному» изобилию каждое домовладение в Матуту обзавелось водой, газом и телевизором. Страна позволила себе большую тепловую электростанцию на мазуте, 15-мильный мост между Матуту и Ахиахи, высоченную телебашню в столице и новый дворец Его Величества на Ахиахи. В благодарность морскому коньку парламент постановил изобразить его на государственном флаге.

«Бильярдному» изобилию обязаны своим появлением Глубокая прослушка и Система утробной социологии – великие достижения десятого года, описанные выше. О, какая толкотня случилась бы в приемной, если бы он предал гласности эти свои системы. Его Величество хохотал от души, воображая галдящую толпу потных африканских президентов под своей дверью.

Но не бывает юбилеев без свинской подлянки. Свинью ему подложила его собственная Академия Наук.

К юбилею Академия взялась устроить Нобелевскую премию по литературе за книгу «Вопросы обрезки садового кустарника». Но из Стокгольма пришло совершенно гадкое письмо, заключительная фраза которого гласила: «Жаль страну, в которой столь ничтожный человек превратился в ключевую фигуру». Его Величество покрылся сыпью от огорчения.

Перед сезоном дождей Адонг-Адонг окончательно перебрался в новую резиденцию на острове Ахиахи. Можно было бы не торопиться, но предательство Алины и Хохепы показало, что пришла пора укрыться за толстыми стенами.

Мы помним, как весело Адонг-Адонг описал князьям «буль-буль», с каким ушел под воду Хохепа. Этот рассказ он повторял при каждой встрече с ними, пока те не поняли, что он от них хочет. Наконец они объявили досрочную перекоронацию. К концу сезона дождей он стал пожизненным Адонг-Адонгом VII Великим.

Так он решил политическую проблему безлимитного правления. Теперь во весь рост поднялась проблема безлимитной жизни. К концу года и эта проблема была решена с помощью Бляблина.

Он чувствовал, что стареет. Одышка, мешки под глазами. Былая острота его лица сменилась одутловатостью. Теперь он походил не на крысу, а на польсевшего тапира с брылами. Так говорили недруги.

Своими переживаниями он поделился с Бляблиным, и тот прямо-таки

набросился на него, как иссохший клоп набрасывается на тело бомжа, заночевавшего в покинутом доме.

Бляблин объявил, что именно он и есть тот единственный на всем свете человек, который Адонгу нужен. Он, Бляблин, уполномочен применять советскую технологию омоложения и продления жизни, ту самую, знаменитую, секретную, которую применяли советские вожди.

- И все они прожили за 100 лет! - соврал Бляблин.

Адонг-Адонг, дрожа от восторга и надежды, взирал на Бляблина глазами влюбленного.

- Прикажите меня раздеть, Ваше Величество, - говорил Бляблин, выгибаясь, как манекенщик на подиуме, - и вы увидите тело человека лет сорока. Прикажите меня вскрыть, и вы убедитесь, что и внутренние органы в моем теле соответствуют сорока годам.

Он на секунду замер, бережно прижал ладони к груди и торжественно произнес:

- А ведь мне 103 года, Ваше Величество!

...Технология омоложения возникла к концу года, состояла она из трех молодильных процедур.

Первая процедура - инъекция экстракта стволовых клеток. Вторая - замещение твоей крови на *Русскую голубую* кровь, автономная очистка твоей крови и возвратная замена «Русской голубой» на твою очищенную кровь. Наиболее интригующей была третья процедура - нирвана в бульоне из эфиопских цесарок, выращенных на просянном семени и костной муке.

Детали всех процедур нам не известны, так же как остается секретом, кому в Сиротском отделе пришла в голову вся эта муть с эфиопскими цесарками и костной мукой. Замечу также, что секретность вокруг последнего ингредиента наводит на подозрения - не из человеческих ли скелетов он изготавливался?

...К концу года технология была не только готова, но и, в первом приближении, испытана. На очереди стояла третья фаза испытаний, которая в подобных ситуациях длится годами и охватывает десятки тысяч людей. Но в нашем случае третья фаза заняла несколько немислимо коротких недель благодаря революционному решению Адонг-Адонга - Бляблина.

Большой юбилейный прием для элиты Королевства проходил на Ахиахи в новой резиденции короля. Гости сразу подметили, что еды на столах маловато и что артисты не приглашены.

Все разъяснилось, когда в разгар праздника Его Величество предложил разгоряченным гостям произвести... омоложение - без капли риска для

здоровья ... в общем, заменить кровь русской голубой кровью. Совсем ненадолго, на час-другой, после чего получить обратно свою кровь, очищенную от шлаков.

Разумеется, некоторые гости струсили и уклонились. Но большинство, числом более тысячи, выстроилось в нетерпеливую, шумную, возбужденную ожиданием чуда очередь.

...Ежеминутно из станции кровезамещения рикша вывозил полулежащего пациента цвета бледного лазурита и выгружал его в Голубой деревне на открытом воздухе в тени пальм. Кожа пациентов отпугивала мух и москитов, поэтому опахала не требовались.

Спустя сутки поток лазуритовых людей двигался в обратном направлении. Вскоре они стали покидать станцию возвратного переливания молочно-розовыми и очень проголодавшимися.

Как мы знаем, полная процедура омоложения предусматривала инъекцию стволовых клеток и нирвану в наваристом бульоне из эфиопских цесарок, выращенных особым способом. И то и другое Его Величество утаил от гостей. Стволовых клеток ему самому не хватало, а 1000x8=8000 цесарок, плюс сколько-то иных существ (не людей ли?) на костную муку – это дороговато для первого раза.

Как бы там ни было, в результате этих усилий произошел революционный рывок методики омоложения.

Окончательные свои формы методика обрела, когда на острове Ахиахи заработал «Комбинат здоровья», состоящий из лаборатории голубой крови, бульонного производства и фабрики по откорму цесарок.

...После торжеств Бляблин ехал домой на катере не спеша, наслаждаясь моментом. Негромко гудел мотор, кричали чайки, пахло водорослями. Бляблин размышлял о женщинах, вспомнил толстушку Марьванну. Ее он мельком видел в Голубой деревне. Она отрешенно читала какую-то английскую книжку в мягком переплете, держа ее лазуритовыми пальцами. «А ведь хороша! – впервые пожалел ее Бляблин. – Может, выпросить ее обратно, да и родить с ней ребенка?»

11. Утро короля

В один из дней на 13-м году правления он пробудился, как всегда, под колокол к утренней молитве. Несколько минут вслушивался в звуки и запахи. Птичий гомон, лай дворцовых собак, ревун судна в порту, шелест кондиционера. Слабый запах свинарника – это его собственный запах после молодильных процедур. Все привычно, все спокойно на сотни метров вокруг.

Он свесил ноги с кровати, мысленно себя просканировал. Циркулирует родная кровь – в мышцах живота, ног, рук, шеи. Голова ясная. Прямая кишка полная, мочевого пузырь полон. Ни одного москитного укуса. Невкусный он для москитов после процедур.

Постучавшись, вошла алина-постельничая с клеймом «Грязнуля» на лбу. Эта алина как-то раз увильнула от утренней клизмы, за это ее и пометили «грязнулей».

Пока Грязнуля раскрывала шторы и ставни, он помолился перед алтарем. К «отче наш» добавил поминальник по Хохепе, потому что под утро тот ему приснился живой, веселый и шумный.

Грязнуля подала ночной горшок, он полностью облегчился. Отточенным движением она задвинула горшок в аннигилятор, который тотчас загудел. Только такая, хоть и громоздкая, зато верная технология гарантировала от кражи его биоматериалов.

Явилась красивая алина-камеристка. Даже чересчур красивая и потому внушающая страх. Ему давно не доставлял удовольствия ни вид женщин, ни само их присутствие. Он и различает их только по эмблемам на погонах. Хотя нет, он еще знает и ценит Имельду, которая у него за премьер-министра.

Камеристка помогла ему надеть шорты, гавайскую рубашку, и он босиком проследовал в Ситуационную комнату. Страна знает, что Его Величество вместо завтрака всегда босиком работает в Ситуационной комнате.

Его первое рабочее место – рельефная Карта королевства. Эта карта позволяла единым взглядом охватить все острова и островки с портами, городами, деревнями, реками, лесами и угожьями. И все морские акватории с кораблями на стоянках и на линии.

Сегодня на карте над двумя островами вился дымок и один кораблик был помечен флажком. Алина-картограф доложила, что на «дымящихся» островах бушуют лесные пожары, а кораблик с флажком – это сухогруз, который вчера в шторм, кажется, затонул.

– Так убери его с карты, коли он затонул! – приказал Его Величество, и на этом работа с Картой королевства была завершена.

Он направился к центральному пульту U-системы, который походил на огромное пианино тем, что имел переднюю стенку (с компьютерными экранами) и клавиатуру из 88 клавиш – ровно по числу районов страны.

Поначалу это было забавно – нажав клавишу, услышать рапорт в песенной форме. Он даже выучил нотные названия клавиш. Например, ему ненавистна клавиша си-бемоль 1-й октавы, привязанная к Запретному городу. Со временем он отключил всю эту «музыку», оставил только текстовые донесения на экране.

Сегодня светились три клавиши. Нажав ненавистную си-бемоль, он увидел донесение, которое его взбесило: население Запретного города называет правило «раз-два-три» не иначе, как «раз-два-триппер».

Успокоился он только в кинозале, когда погас свет, Имельда взяла его за руку, и начался показ его любимого фильма «Наш дорогой Адонг-Адонг».

Фильм состоял из киноновелл о его трудах и подвигах: как он спас деревню от извержения вулкана, как, нырнув в океан, загнал в рыбацкие сети стаю тунца, как нашел заблудившихся в джунглях детей, принял роды в далекой горной деревне, взлетел в небо помочь заплутавшему в облаках самолету.

В заключительной новелле он на рисовых чеках вместе с крестьянами по колону в воде втыкает и втыкает саженцы в ил. А потом по-крестьянски мочится на ноги, чтобы пиявки отпали.

В темноте кинозала он с головой погрузился в свою киножизнь: растирал натруженные рыбацким канатом ладони, горбился на рисовом поле, грыз пуповину новорожденного (шнурок от крестика) и чуть не помочился на ноги от пиявок; Имельда вовремя его остановила.

После кино они прохаживались по Ситуационной комнате кругами, как велосипедисты на велотреке, и обсуждали, как нейтрализовать пропаганду ненавистников.

На втором круге Имельда предложила создать новую «кинотуфту». Скажем, кинофильм, в котором он совершает библейские чудеса вроде воскрешения Лазаря, кормления пятью хлебами и пр.

В молчании они сделали еще круг и еще. Он думал. Наконец, он сказал, что фильм дело долгое, а время не ждет.

- Ваше Величество, вы извините мне мою откровенность?

- Валяй, не фуфырься.

- Вы же видите, чем оборачивается этот ваш «раз-два-тришпер». Может, вам все же отречься от «простоты и ясности».

Они еще долго наматывали круги. То замедляли, то ускоряли ход, то останавливались. Наконец, он согласился, что - да, пора! Пора все *перелицевать*.

12. Все очень непросто, дети мои

На 13-м году правления Адонг-Адонга VII подошли морские коньки, все сразу. Тотчас кончилось и «бильярдное» процветание.

От миазмов, источаемых протухшими коньками, свежевывловленная рыба на Ахиахи стала быстро заветриваться, разразилась какая-то кишечная эпидемия.

Эпидемия выдохлась лишь после того, как ночной пожар выжег половину острова Ахиахи, и следом за пожарами прокатился опустошительный цунами от неизвестно где случившегося землетрясения. Цунами загасил тлевший кое-где огонь и смыл гарь, но и унес множество человеческих жизней, пощаженных пожарами.

В тот день Он дважды пересек центральный базар. Утром закопченный бронзовый Хохепа лежал, как бы стыдясь себя, среди

дымящихся головешек и горелого тряпья, в котором копошились оборванные погорельцы. На обратном пути, уже после цунами, площадь была чиста и безлюдна, если не считать отмытого до блеска бронзового Хохепу. Хохепа смотрел на него, щурясь, и вдруг подмигнул обоими глазами.

Хуже всего, что в простом народе крепло убеждение, что король проклят бесплодием, и все они вместе с ним. В Матуту плодovitость вождя увязывают с плодоношением всего, что требует опыления, оплодотворения, включая женские утробы. Выходит, проклятьем обернулась его бездетность, прежде казавшаяся ему благословением.

И вот еще незадача. Сельдь ушла от берегов Королевства, за нею ушел и тунец. Это очень плохая примета, сказали суеверные люди и стали готовиться к плохим временам.

Даже верные газонокосильщики, и те перешептывались, что, мол, что-то неладно с нашим вождем, притупился его секатор.

«Пианино», что ни день, приносило новости одна другой хуже. Наконец, пришла новость из разряда «кирдык всему»: в Матуту не стало горючего, не стало лекарств и семян для очередного сева. И кончился бюджет на закупки. Со злости он лягнул «пианино» босой ногой и взвыл от боли.

Растирая ему ушибленную ногу, Имельда говорила:

– В иные времена эта проблема сама бы нашла свое решение. Но Ваше Величество всю нефтянку, медицину и прочее забрали под себя. Вам теперь и решать проблему.

– Придется залезть в кубышки, – произнес Адонг-Адонг. – Не во все сразу, конечно. Сначала – к Печнику и к Забалуеву.

...Все помнят тот июльский день после ночной грозы, когда в столице утром пропало электричество. Умерли лифты, печи, холодильники, рухнули все электронные сети. Наступил бедлам. К полудню течение жизни кое-как восстановили. Но вечером...

Вечером вместо восьмичасовых новостей на всех телеэкранах возник Его Величество и обратился к подданным по-отечески доверительно:

Мои дорогие! Этой грозовой ночью мне явилась Пречистая Дева. Три Ее речения я запомнил слово в слово:

«Все очень непросто, дети мои».

«Непорочно зачать, выносить Дитя и в муках родить Сына – это очень непросто, не "раз-два-три"».

«Цели и шаги к их достижению разнимаются так же, как мы разнимаем артишок, – от внешних листьев к сердцевине».

И я очнулся с артишоком в руках. Вот он.

Телекамера отъехала. Стоявший рядом монах бережно вынул из-за пазухи артишок и передал его Адонг-Адонгу. Тот двумя руками поднес артишок, как микрофон, к губам и благоговейно поцеловал.

Имельда перед телевизором следила по бумажке и радовалась, как безукоризненно точно он исполняет сценарий перевода страны в режим *перелицовки*.

Перелицовкой Адонг-Адонг VII занялся с той же энергией, с какой когда-то внедрил простоту и ясность.

Начал он с геральдики: артишоком заменил лилию в королевском гербе и морского конька на государственном флаге. Далее он должен был косарей и простецов распустить по домам, даровать всеобщую амнистию и заняться ремонтом государственной машины. Так задумала Имельда. Она явно втягивала его в демократию.

– Демократия в Матуту?! Да ты сбрендил, кретин, недоумок! – пришел в ярость Печник. – Нет-нет, ты не достоин короны.

И он принялся вдальблывать с полицейской прямоотой, что сто́ит только дать слабину, как косцы с алинами пожрут и короля, и князей. Не демократия нужна, а гражданская война. Нужен режим на манер японской оккупации. Нужно все нарушения карать отсечением головы, и точка. Через год-другой все утихомятятся.

– Ну и что, что крах экономики? Пусть это заботит тех, кто копошится. А мы не копошимся, мы царствуем.

Вскоре на стол Адонг-Адонга лег листок бумаги, на котором рукой Печника были записаны первые пункты плана перехода к новому режиму:

I. Косцы: чистка и перелицовка в отряды по охране конституции.

II. Алины: чистка.

III. Простецы: чистка и перелицовка в монашеский орден, целибат.

IV. Парламент и князя – чистка. Отмена тех и других.

Листок помятый, в пятнах жира. Не иначе, Адонг-Адонг в него долго вглядывался, вчитывался, сравнивал с планом Имельды, пока, наконец, не разглядел эту парочку, которая посягает на данную ему свыше власть. И добавил в план пункт V и примечание; эти строчки до сих пор пылают его гневом:

V. Имельду и Печника – под нож. Проститутка и предатель!

Примечание. Чистка = уполониваем численность, вычищенных – под нож.

Он успешно реализовал первый пункт плана и приступил ко второму – чистке алинов. Эту непростую работу он делал сам и наконец-то утолил свою женофобию. Красотку-камеристку он придушил собственными руками.

Из-за естественной при чистке неразберихи к Его Величеству,

нарушив протокол, прорвался Бляблин. Нечесаный, нечистый, он на коленях прополз от двери до бортика Автоклава, умоляя Его Величество вернуть ему Марию, ибо хочет от нее детей.

В сущности, он говорил: «Отдай мне Марию, ей от тебя все равно никакого проку». Трудно себе представить просьбу бестактнее. И нечего удивляться, что ответ был: «Вон отсюда, ё*анный Пиля-блин. Чтоб духу твоего...».

Через сутки Бляблин был в издевательской манере выдворен из страны: его посадили на судно, шедшее черт знает куда с грузом гуано.

13. Мавзолей

Этот низкий грудной голос Забалуев узнал бы среди тысяч других женских голосов сквозь помехи и грозные разряды.

– Генерал, поторопитесь, он вас ждет, – сказала Имельда.

К тому времени, когда Забалуев прибыл, Его Величество уже расставлял солдатиков.

– Опаздываешь, – сказал он. – Я тебя жду.

Забалуев, приняв положенную ему порцию Русской голубой, быстро присоединился к Его Величеству.

Потекло разморённое время, которое они проводили в тенистой глубине сада за игрой в солдатик. Два человека цвета бледного лазурита, полулежа на медицинских топчанах, время от времени передвигали солдатиков. Разговаривали. Подолгу молчали. Забалуев молчал об Имельде. Его Величество – о том, как поступить с Забалуевым после того, как Имельда и Печник пойдут под нож.

В сумерках оба поднялись на ноги и побрели в амбулаторию для возвратной кровезамены. Спустя час порозовевший Забалуев вышел наружу в липкую вечернюю жару дожидаться Его Величества, чтобы, согласно регламенту, вместе с Ним погрузиться в бульон.

Но из двери вместо Адонг-Адонга вышла Имельда. Бледная от волнения, одетая не в дворцовую, а в полевую форму, сегодня она была особенно хороша. Она встряхнула рукой, как будто закрыла веер, и доложила усталым голосом:

– Сначала я качнула ему его собственную кровь, пока он не порозовел, а уже вслед за ней – формалин. Он только глаза выпучил, пискнул, и все.

Забалуев просиял самой детской своей улыбкой, облапил и долго тискал Имельду, всхрапывая от удовольствия.

– Ну ладно, ну хватит, люди ждут, – проговорила Имельда, задыхаясь. – Князя собрались, Печник с ними, все ожидают вице-короля Забалуева для коронации.

– Окей, пошли к людям. А ты распорядись, чтобы солдатиков не

трогали, теперь я играть буду.

Так негромко, по-домашнему, произошел государственный переворот. Народ известили, что Адонг-Адонг VII удалился в звездные селения, процарствовав 13 лет 4 месяца и 18 дней. Инсульт забрал Его от нас.

* * *

Он был похоронен в Царском некрополе. Намогильный памятник изображал римлянина в тоге с артишоком в поднятой к небу руке. Руку с артишоком вскоре украли. Богомольцы убеждены, что святой наш Гугуй уходит на небеса по частям. Рука – это только первая часть. Следом уйдет весь памятник, а после и сам Гугуй вознесется.

Как заведено, в столице, на площади его имени возвели так называемый «Мавзолей» – музей, в котором воссоздан Автоклав Его Величества. Посетители Мавзолея сквозь стеклянную стену видят спящего в бульонных волнах Адонг-Адонга VII. Здесь же посетитель получает чашку этого бульона с пирожком «кури-кури».

Иногда в Мавзолей заходит Алина I, недавно возвращенная из ссылки. Она разыгрывает сцену чтения вслух Адонг-Адонгу его книги «Вопросы обрезки...». Книгу она декламирует наизусть, так как читать пока не научилась. Русская Мария тоже играет самое себя: сидя на бортике, она иногда читает Ему английский перевод книги.

Забалуев пробыл Адонг-Адонгом VIII недолго. Он был раскоронован и удален на дальнюю периферию архипелага. Коллекцию солдатиков он увез с собой. Его теща осталась в столице, потому как сошлась с Хубилаем. Именно она печет пирожки «кури-кури» для Мавзолея.

К Хубилаю приезжала Лиза Дриц с предложением переехать в Россию. Мол, в России перед ним распахнутся все горизонты: делай что хочешь и где хочешь – хоть в Сочи. Хубилай предложение отклонил, и Лиза планирует новые к нему подходы. Но за это ей еще предстоит побороться – так как в Сиротском отделе пущен слух, что дело Хубилая она затеяла в своих личных бабьих целях.

Красавица Имельда ныне в генеральском звании, она – серый кардинал правящего режима. Что у нее на уме, никто не знает. Но поговаривают, что она метит в короли. В ее планы как-то вмонтирована Алина I. Печник, который по-прежнему является главным полицейским Мату, ее поддерживает.

Бляблин сделал отчаянную попытку вернуться. Вспоминают, как он, будто некий Гамлет, голый высадился на Ахиахи, как пришел пешком и стучался в дворцовые ворота. Потом он нищенствовал, ночевал на базаре под бронзовым памятником Хохепе. Наконец, его арестовали и вновь выдворили из страны.

...На переправе через реку Обь между городами Салехард и

Лабытнанги паромщицей работает некая Зинаида. От других Зинаид ее отличает наколка «и-г-о-р-ь» на пальцах обеих рук. К ней иногда приезжает из Москвы мужчина с точно такой же наколкой. Гость привозит с собой ящик перуанского бренди «киско», и они пускаются в загул на неделю. Гуляют шумно, временами буйно. Пару раз к ним даже полицию вызывали.

Илья Липкович – родился и вырос в Алма-Ате. В 1985 году окончил Алма-Атинский институт народного хозяйства по специальности «Статистика». В 1995 году выехал в США для продолжения обучения. В 2002 году получил докторскую степень в области статистики в Вирджинском политехническом институте. После окончания докторантуры работал в различных фармацевтических компаниях в качестве специалиста по статистике и опубликовал ряд статей по методам анализа результатов клинических испытаний. Живет и работает в Индиане.

Зарисовки переходного периода

О безответной дружбе между народами

Возможно, показателем зрелости перестройки стали этнические конфликты. Сначала в Казахстане, в декабре 1986-го, из-за неразумного назначения на пост секретаря ЦК некоего Колбина. В тот год я был в армии. По рассказам очевидцев, казахская молодежь шествовала по центральной площади с плакатом, на котором была нарисована перечеркнутая крест-накрест колба. Потом – Нагорный Карабах. До этого момента армяне и азербайджанцы вполне терпимо относились друг к другу (скажем, в армии они представляли одну грозную силу – Кавказ). Сейчас же трудно представить азербайджанца (хоть трижды доктора наук), который пустил бы к себе на порог армянина.

Вспоминаю, как в конце 80-х корреспондент программы «Взгляд» спросил группу армянских юношей, правда ли, что они не хотят дружить с азербайджанцами. Те взорвались от гнева: «Это наглая ложь, мы очень хотим дружить, это они ненавидят нас и не хотят дружить с нами. Поэтому мы их ненавидим!» Вслед за тем показали аналогичную беседу с азербайджанским юношей: «Это кто не хочет дружить?! Мы хотим, а они нет».

Кто их теперь разберет, кто кого и за что ненавидит.

Занятия со студентами

В конце 80-х я был аспирантом при кафедре статистики Алма-Атинского института народного хозяйства (в просторечии – нархоза). Меня обязали проводить семинары. Когда я хотел отпустить студентов пораньше, говорил им с фальшивой угрозой в голосе: «Ну, сегодня у меня с вами разговор будет короткий». Студенты начинали собирать книги в сумки.

Один студент читал газету во время занятий. Я сделал ему замечание. Он убрал газету. Потом я заметил, что он смотрит в окно. Вид из окна – на

унылую микрорайоновскую застройку. Спрашиваю:

– А сейчас что вы там высматриваете?

Студентка-казашка, отличница и умница (сразу отвечает на любой вопрос), объясняет:

– Он теперь сличает прочитанное в газете с нашей действительностью.

Я, конечно, сразу поставил ей пятерку в журнал. Подобное остроумие, оттачиваемое веками, немислимо в американской аудиторрии.

В номере с демократами

Году в 1988-м, что ли, я был в командировке в Москве и встретился там с армейским другом, Володей А. Он каким-то боком сотрудничал с депутатской группой, возглавляемой одним прогрессивным депутатом-демократом. Номер в гостинице «Россия». Депутат – врач, хирург, вырезавший «целый мешок аппендицитов». Двухметровый великан, похожий на легендарного Распутина. Его жена – степенная, с достоинством стареющая матрона. Она похожа на женщину из анекдотов о провинциалках: «впервые в столице». Высмотрела на книжных лотках эзотерическую книжку в мягкой обложке и «изучает» ее как последнее слово европейской науки (книжка тут же, на кровати, с закладкой посередине). Говорит нам с Володей: «Вот читаю очень любопытную книжицу». Понятно, жена депутата должна что-то читать, соответствовать.

Неутомимый супруг ее, не знающий, куда деть лопатообразные руки: «Так, мать, мы перейдем в другой номер, а то сейчас тут будет дым и мат стоять коромыслом».

Я поразился ярости, с какой начинающие «политики» матерились, – еще пуще, чем солдаты в армии. Пили водку «Распутин» чуть ли не двухлитровыми бутылками. Я подумал разочарованно: и это демократы! Тогда я еще не знал, что их кумир Ельцин – первый алкоголик страны (не по времени, конечно, а по значению). Покуда демократы не перешли в другой номер, я немного послушал их, но, честно говоря, мало что понял. Демократы сыпали незнакомыми мне именами, перемежаемыми знакомыми матерными выражениями. Со стороны разговор напоминал заседание группы террористов. То, что слова «от*уарить», «зарубить», «похоронить», «отпидарасить» следовало понимать в невинном политическом смысле, а не буквально, было ясно не сразу, особенно человеку, не вполне владеющему контекстом.

Володя представил меня как аспиранта-статистика и экономиста из Алма-Аты. Депутат сказал: «Прекрасно! Нам как раз такие нужны, будем сотрудничать по месту жительства, пока не переведем его к нам». Я так и не понял, куда это «к нам» он собирался меня переводить и какую службу я мог бы ему сослужить. Время было такое беспокойное, каждый стремился подобрать с пола, что плохо лежит – авось сгодится.

Пересадка Гегеля на казахстанскую почву

Один наш местный экономист-гегельянец пытался всем продать разработанную им на основе гегелевской диалектики экономическую теорию оптимизации хозяйственных процессов. Теория работала на любом уровне и могла быть с равным успехом применена и директором крупного предприятия, и кооперативом (которых тогда немало расплодилось). Он внедрил свою теорию и в учебный процесс и показывал нам методички, принятые в Алма-Атинском институте сельского хозяйства и отпечатанные там репринтным методом. Было диковато видеть всякую «гегельщину», уложенную наповал в лилового цвета производственно-учебные диаграммы. Повсюду виднелись единство и борьба противоположностей, от которых отходили стрелки прямоком к удожности коров. Автор направления был энергичный мужик, кажется, на четверть немец и на три четверти казах, с благородной проседью. От немецкой четверти, видимо, и произошел интерес к немецкой философии. Он пытался охмурить и заведующего кафедрой статистики в нашем «нархозе». Мы встретились с ним в институте сельского хозяйства, собрал он нас (с группой других заинтересованных лиц) в целях саморекламы, на показательный участок своей деятельности. Он шел чуть впереди меня с индоктринированным им завкафедрой животноводства, и я услышал обрывки их разговора: «...я ему говорю, дай мне, бл*ть, схему твоего кормооборота и основные показатели, и я тебе все нах*й распишу по своей методике, ...через месяц, бл*ть, удои вырастут на 20% ... это ж Гегель, а не х*й собачий! Не верит!»

Речь шла о каком-то Фоме, не верующем в чудо прививки гегелевского метода к местным условиям, по-видимому директоре совхоза. Меня поразило, что этот человек, читавший Гегеля в подлиннике, так ловко орудует русским языком.

В Калининграде

Вспоминаю поездку в Калининград летом 1989-го. Мы с женой, тогда еще бездетные, зачем-то отдыхали по горячей путевке в Паланге. Там все время шел дождь, делать было совсем нечего. Нашими единственными собеседниками были соседи по столику в обеденном зале, чинные прибалты с постными лицами. Муж, мелкий партийный функционер, все цокал языком и говорил: «Вы видите, что у нас творится!» (дело шло к отделению). Жена, домохозяйка, каждый раз при встрече за трапезой протяжно произносила единственную известную ей русскую фразу, состоящую из одного длинного слова: «Прииияяятно...».

Впрочем, приятного было мало. Чтобы как-то развлечься, мы поехали на автобусе из Клайпеды в Калининград. Как только пересекли границу с Россией, началась разруха. Вроде те же огороженные заборами дома с крытьми красной черепицей крышами, но в заборах почему-то не хватало некоторых досок. Некоторые черепицы на крышах тоже отсутствовали. По

мере погружения в Россию становилось все тоскливей.

В Калининграде контраст с ухоженной Литвой был ужасающий. На автовокзале в буфете жизнь кипела, не в пример игрушечной стерильной Литве. Из окошка раздаточной вместе с паром вылетали тарелки с колбасой, залитой томатным соусом, на рисовой подушке, сопровождаемые отборным матом поварих, напоминающих несколько увеличенных в размерах медсестер, если бы не грязные колпаки.

Город выглядел как после бомбежек. Окна с выбитыми стеклами за крест-накрест забитыми досками. Люди с угрюмыми лицами, полуприкрытыми капюшонами. Я поймал таксиста и попросил его отвезти нас «на могилу к Канту». Тогда я еще не владел разговорным английским и фамилию эту произносил без смущения. Таксист, который, по-видимому, владел разговорным английским, обиделся и послал меня в то же место, но по-русски. И уехал, обдав перегаром и выхлопным газом.

Еще, помню, в Калининграде был музей янтаря. Туда мы попали. Видели большую янтарную композицию: члены политбюро во главе с Иосифом Виссарионовичем. А в Паланге тем временем собирали подписи за отмену пакта Молотова-Риббентропа. Я тоже подписал, но на всякий случай неразборчиво.

Мы вернулись в Палангу, там по-прежнему шел дождь, и, наверное, до сих пор идет.

Конференция в Эстонии

Ездили с шефом на конференцию по статистике в Кьярику (под Тарту), чудное место. На многих участниках-эстонцах – трехцветные галстуки, символизирующие национальный флаг. О чем бы прибалты ни говорили – переход на политику через два оборота. Например, докладчик поясняет: «На втором шаге процедуры результаты первого шага будут обработаны алгоритмом быстрого преобразования Фурье. (Пауза.) Если, конечно, не помешают русские танки». В глазах тоска. Ждут танков. В рамках развлекательной программы пригласили фотографа, он показывает красивые слайды – изумрудная ящерица на камне. Объясняет: «Вот такой же и наш народ, пугливый и легко уязвимый, как ящерица».

Вечером – лекция местного философа. Меня поразило, что он приехал на велосипеде, по виду – селянин. Говорит: «Прежде всего, вы должны осознать, что находитесь на территории чужого государства». Мы осознали. Один из «наших», видный ученый, спросил философа, почему сталинизм – это наша боль, а для них это все как бы чужое. Философ подтвердил, что Сталин – это чужое. Окинул русского ученого острым глазком и подумал «*just go...*» (по-русски «вали отсюдава...»). После официальной части на сцену вдруг выскочил, как чертик, крепко сколоченный, энергичный эстонец с неправильными чертами лица. Представитель какого-то молодежного фронта. Сказал, что в войну «мы» уничтожали еврейские семьи с детьми, женщинами и стариками, и «это та

правда, которую мы должны сейчас сказать». Я подумал – куда же подевался фотограф со своей ящерицей, с ним было как-то спокойней.

На книжном рынке

Помню поездки на Алма-Атинский книжный рынок в конце 80-х. Книги продавались или же выменивались на признанные равными по достоинству. Точнее, каждый владелец утверждал, что его собственная книга не хуже, а возможно, гораздо лучше книги в руках контрагента, тайно веря в обратное.

В связи с постепенным насыщением книжного рынка (в широком смысле) и возобладанием материальных потребностей над духовными книжная барахолка начала вырождаться и примерно к 1990 году полностью превратилась в вещевую.

Барахолка была на окраине города. Те, кому не хватало места за прилавками, раскладывали свои книги на земле – разумеется, подстелив какой-нибудь «советский спорт». Продавцы часто давали книгам краткие и меткие характеристики. Веселый старичок-коротышка с дефектом речи, показывая пальцем на «Декамерона», заливается смехом: «Тут и про е*лю есть». Рядом высокий блондин в черных лакированных ботинках указывает острым носком на тонкий томик Борхеса в белой обложке: «Глубокая философская проза». Потом, занеся каблук над Маркесом: «А здесь приговор всем антинародным режимам Латинской Америки».

Проходим дальше, где более цивилизные ряды, книги лежат уже на прилавках. Вижу томик ранней прозы Бориса Пастернака «Воздушные пути» в синей обложке. Продавец объясняет, что обычно, мол, у поэтов проза выходит х*ровая, но вот Пастернак – исключение, у него и стихи, и проза – за*бись. Конечно, не такая, как у Марины, у той-то попи*датеи. Я подумал – сразу видно интеллигента, простой человек сказал бы «пи*даче».

Я выменял на что-то и Бориса и Марину, принес домой и пробовал читать. Марина пошла, а Борис нет.

Возвращение культуры народу

Фильм Тарковского «Жертвоприношение» показывают во всех кинотеатрах страны. Люди недоумевают – о чем это? Вдруг картинка меняется с цветной на черно-белую. Вполне невинная женщина, до этого мирно лежащая, укрытая простыней, на кушетке, вдруг сама поднялась в воздух и там застыла, как мадонна с полотен Рафаэля. Слышу обсуждение сзади:

- Это что, ему снится?
- Ну да.
- Тогда понятно.

Народ не обманешь, он чует, где сон, а где правда жизни. Зритель в

принципе допускает некоторый произвол на экране, если только режиссер честно объяснит ему, где сон, а где явь. Тарковский соблюдать конвенции отказывался.

Где-то с середины фильма публика повалила, образовав два потока из тех, кто бежал прочь, на свежий воздух, через выходы, расположенные, соответственно, в левой и правой частях зрительного зала. То был массовый исход зрителя. Тени отторгнувших антинародное искусство отражались на экране и явились своеобразным дополнением того, что придумалось самому Тарковскому. Сотворчество масс.

Цвета времени

С раннего детства годы у меня ассоциировались с определенным цветом. Поначалу в один цвет умещались целые десятилетия. Например, 60-е – все были серые, под цвет черно-белого телевизора. Семидесятые – красные (появилось цветное телевидение), а начались они с обилия ярко-красных флагов, развешанных по поводу 100-летия со дня рождения дедушки Ленина. 80-е – оранжевые.

С 90-х каждый год имел свою окраску. Помню, что 1990 год был однозначно черного цвета. С самых новогодних праздников были в нем какая-то неопределенность и страх. Новый 1990 год мы встречали в нашей маленькой съемной квартирке (на углу улиц Комсомольская и Ауэзова). Со страху все, включая женщин, напились еще до полуночи и по очереди ходили блевать.

Чернуха 90-х

Вдруг исчезло советское кино. Пошли фильмы, в которых одни бездарные актеры подкарауливали других, не менее бездарных актеров, чтобы разобратся с ними на глазах у зрителей. В зале ощущался запах гнили, исходивший то ли с экрана, то ли от зрителей. Люди на экране разговаривали между собой, как чуваки в подворотне. Играли они скверно, хотя было не совсем ясно, говорят они текст от себя или тот, что им написал сценарист.

Как символ 90-х запомнилась газетная заметка: утром на проезжей части обнаружили труп задавленного человека со следами шин *нескольких* машин. Скорее всего, это не было умышленное убийство. Первый водитель просто не заметил пешехода, вероятно, переходившего улицу в неполюженном месте и попавшего под колеса. Понятно, останавливаться не стал. У нас нет основания предполагать, что водитель вошел в раж и нарочно несколько раз переехал по потерпевшему. Очевидно, следы остальных шин оставлены водителями, следовавшими за первым.

Жилье и жратва

Мы с шефом написали тезисы доклада на научно-практической конференции в Иркутске по программе «Жилье-2000». Их нужно было

завизировать у начальника секретной части «нархоза». У него была сигнализация ввиду особой секретности, о чем свидетельствовала яркая лампочка, постоянно горевшая над дверью его кабинета. Это означало, что «самого» нет. Я охотился за ним с неделю. Поймал его выходящим из кабинета, как зверя у норы. Маленький, юркий человечек. Он бегло просмотрел тезисы доклада, не нашел в них ничего секретного и сказал одобрительно:

- Верно пишете, жилье – вещь первостепенная, но и жратва не менее важна.

Я подумал, что нужно написать куда-нибудь тезисы и о жратве.

В подвалах

В перестройку развелось кооперативов, как собак нерезаных. Поначалу они размещались в подвальных помещениях. Их часто использовали для обналаживания: перегоняли «безнал» в «нал» (а нал – в кал, поскольку деньги уходили в основном на приобретение продуктов питания). Мы тоже как-то перегнали среднестатистическую сумму через одно общество с ограниченной ответственностью. Несмотря на «ограниченную ответственность», с нами они поступили честно. Кое-что, понятно, осело у них в подвале. Спускаемся по скользким ступенькам, видим несколько молодых людей с озабоченными лицами. Пока выдают нам деньги под расписку, делятся наболевшим. О текущей экономической политике и политиках отзываются негативно. Запомнилось и понравилось слово, несколько раз повторенное долговязым человеком с белесой залысиной и, очевидно, предназначавшееся властелинам наземного мира: «Глупцы!»

Глядя, как режутся кооперативщики, я вспомнил и напел из Высоцкого: «А в подвалах и полуподвалах ребятишкам хотелось под танки». «Вот этого нам не надо!» – вдруг побледнев, сказал тип с залысиной и протянул нам по пачке потрепанных купюр. Это были еще советские деньги – трешки, пятерки, десятки.

Проблем в области навалом

Чем только люди не занимались в 90-е годы! Например, мы делали экспертную систему по статистике «СТАТЭКС». Крыши и должности наши менялись и, если верить моей трудовой книжке, назывались: фирма «КРАМДС-Информатика» (инженер); малое предприятие «Экогипс» (инженер первой категории); ПКП «Жибек Жолы» (ведущий специалист); Акционерное общество «ЭкоРиР» (главный специалист); Фонд социально-экономического развития Казахстана «Возрождение» (ведущий менеджер); и, наконец, малое частное предприятие «СТАТЭКС» (зам. директора).

Через маленький кабинет нашего шефа в Институте повышения

квалификации (где одно время сидела наша группа программистов) проходила вереница гоголевских типов. То были вовсе не лица, жаждавшие повысить свою квалификацию, а разнообразные бизнес-партнеры шефа. От них пахло кожаными куртками и дорогими сигаретами *Camel* или *Dunhill*, бычки от которых еще некоторое время дымилась в самодельной пепельнице после их ухода и сводили с ума некурящего Сашу Г.

Как-то пришел тучный кзыл-ординский начальник с круглым щекастым лицом. Говорил, что он «второе лицо в области». Я подумал – какое же у первого? Кажется, он предлагал рисовую бумагу для факсов. Вслед за ним забежал юркий тип из бывших комсомольских работников. Не помню, что он предлагал, но хотел получить на халяву наши программы по статистической обработке данных: «СТАТЭКС» и «Анкета». Говорил, что сможет быстро написать с их помощью «диссер».

– А какая у вас тема диссертации? – полюбопытствовал Саша Р., всуюду сующий свой длинный нос.

– О, об этом я еще не думал. Проблем-то в области навалом.

Я удивился – кому еще нужны в наше базарно-рыночное время диссертации? Оказывается, еще как нужны. Однажды ко мне обратился крепко сколоченный паренек еврейского типа, почему-то проживающий в сельской местности. Он приехал откуда-то из Чимкентской области с предложением купить мою программу «Анкета» за 200 долларов США. Правда, с одним условием: чтобы в «заставке» программы было проставлено его имя, якобы это его разработка. Я наивно спрашиваю – зачем? Ведь автор – это я. Он объясняет, что ему нужно стать кандидатом наук (не помню каких), а для этого требуется «внедрение». Вот моя программа и поможет ему «внедриться». Пусть при запуске будет большими буквами написано, что автор сего – Владимир Ашкенази. Я сказал, что такой подход для меня неприемлем по этическим соображениям. Правда, до этого я уже продавал «Анкету» одному чимкентскому директору совхоза – с откатом в 25% – и при этом не испытал никаких угрызений совести. Но директору требовалось обналичить (то есть расхитить) совхозные деньги, а не лжеавторство, и этической проблемы для меня в этом не было. Мне только показалось, что откат в 25% – это слишком много. Однако с директором не поспоришь. Ашкенази я отказал и даже облил презрением: зачем позорит известную фамилию. Да и где ж это видано, чтобы еврей присваивал чужую интеллектуальную собственность?! Свои мозги нужно иметь. Вот денежные знаки – это совсем иная материя.

Еще к нам заходил небольшой ладный мужичок с лицом ребенка (*baby-face*), он продавал яд змей, которых чуть ли не лично подкарауливал и вылавливал в казахстанских степях. Проводив гостя, шеф вдруг обратился к нашему главному математику-алгоритмисту:

– Сергей, вы знаете, чем мы сейчас будем заниматься?

Сергей, уже немолодой дядька (по моим тогдашним понятиям), лет эдак 45, немного грузный, с добрым одутловатым лицом, отвлекся от монитора «эйтишки» и посмотрел на шефа усталым ироничным взглядом человека, которому уже месяц не платили зарплату.

- Нет, не знаю.

- Продавать яд змей!

Потом был подполковник медицинской службы с усами, занимавшийся перегонном дешевых машин из Германии.

Программисты с уважением посматривали на жуликов и проходимцев в телячьей коже, а те – с не меньшим уважением – на программистов в искусственной. Нам было чему друг у друга поучиться.

Ничего личного

В нашей группе разработчиков экспертной системы по статистике за все время ее существования (1990-1993) потрудились в общей сложности человек десять (включая руководителя проекта). Все – мужчины. Правда, на очень короткое время у нас появилась женщина-программист, Света Г. Она пришла по рекомендации главного программиста, Олега Е. Точнее, его жены, с которой Света, до того, как пришла к нам, работала в школе. Жены своей Олег боялся даже больше, чем нашего начальника, и выполнял все ее прихоти. Света была очень полная, умная и добрая женщина. Дети ее обожали, она была востребована и известна в городе как прекрасный репетитор. Над первым Олеговым заданием она билась примерно две недели, похудела даже, просиживая дотемна в офисе и скрипя зубами. Через две недели Олег внимательно просмотрел все, что Света за это время «наструячила» (как он выражался), и выбросил в корзину. А Света вернулась в школу.

Потом между мной и Олегом состоялся примерно такой разговор, характерный для того времени и совершенно немислимый в современной американской (да и, наверное, российской) фирме. Олег был человек серьезный и эгоцентрик, однако с острым чувством ответственности и даже со склонностью к самобичеванию:

- Никогда себе не прощу, что взял Свету. Зря только платили ей две недели!

- А на хрена ты ее взял?

- Жена просила, неудобно было – лучшая подруга. Да, я фигню спорол. Тогда я не догадался, как правильно поступить.

- А как?

- Нужно было просто сказать: «Света, ты извини, но мы женщин не берем». И все. Никаких обид бы не было.

То есть, ничего личного – баб не берем.

Продажа экспертной системы по статистике

Покупатель – директор автомобильного завода в Тольятти, крутой наездник. Решил купить наш программный продукт с правом распространения в Ульяновской области. Зачем, бог знает. Мы приехали в Тольятти с шефом.

Свое искусство езды директор продемонстрировал тут же, во двореке рядом с заводом, сделав крутую петлю и резко затормозив перед нами. Нас пригласили посмотреть завод. Мое внимание привлек плакат на стене, что-то объявляющий. Каждое предложение на плакате было исправлено чьей-то дерзкой рукой (возможно, не одной), искажившей изначальный административно-пафосный смысл путем изменения приставок, окончаний и добавления матерных слов. Выполнено это было с искусством, затмившим автомобильные трюки директора. Например, призыв: «Меньше кури, план гони, здоровье береги!» был переделан на «Больше кури план, гони на здоровье, береги себя!» Директор, увидев, что мы смотрим на объявление, сказал почти одобрительно: «Это тут наши остряки постарались». Я понял, что никто снимать этот документ со стены не собирался. Жаль, не было тогда айфона – сфотографировать.

С гордостью водили нас по цехам, показывали роботов и прочие чудеса. На меня большее впечатление произвели не роботы, а люди, работающие на конвейерной ленте по сборке автомобилей. Во время обеда они выгащили баночки с едой, поставили на ленту, достали вилки-ложки и начали есть. Потребление пищи как часть технологического процесса. Жуткое зрелище. Вот так основоположники и додумались до освобождения пролетариата. Сельских жителей мне никогда не было жаль: они в поле работают, на свежем воздухе.

Потом в нашей бухгалтерии потеряли договор купли-продажи на 350 тысяч (тогда еще – рублей), и мне пришлось поехать за новым оригиналом в Тольятти. На этот раз ко мне отнеслись с куда меньшим почтением, чем в первый наш приезд. То ли оттого, что шефа со мной не было, то ли вся эта затея ковбоя-директора им разонравилась, то ли потому, что мы так облажались, потеряв документ. Но все же подписали. Директор меня поддержал и слову своему не изменил. Мол, решили брать экспертную систему по статистике, и точка. Заместитель его хотел, по старой российской традиции, отложить подписание «до завтра», но директор заставил все оформить на месте: мол, видите, современный деловой человек, все вопросы решает за один рабочий день. Прилетел, подписал и в тот же день улетел. «Деловым человеком» меня называли первый и, вероятно, последний раз в жизни.

Впрочем, назад в Алма-Ату я в тот же день не вернулся. Дабы моя поездка за документом выглядела менее абсурдной, было решено, что из Тольятти я еще заеду и в Москву. Раз уж попал в те края, следует воспользоваться этим и сходить в ГПНТБ, самую крупную научно-техническую библиотеку страны. Тогда за статьями из западных журналов

по статистике нужно было ездить в Москву, заказывать копии отдельных страниц в библиотеках (самому отсканировать было нельзя, копировальные машины были частью государственного аппарата). Я сейчас думаю, что обе поездки, в Тольятти и в Москву, можно объединить названием «в поисках оригинала». В те рублевые годы доступ к информации был еще вполне советским.

В аэропорту «Домодедово» я подошел к стойке регистрации билетов на Алма-Ату и попросил одну девушку-казашку (по виду, студентку) взять с собой папку с договором. Мол, к вам приедут и заберут, делать самой ничего не придется. Она говорит: «А можно сделать так, чтобы кому-нибудь другому ничего не пришлось делать?» Но в конце концов взяла.

В московской научно-технической библиотеке меня в первую очередь интересовали статьи про статистические экспертные системы из сравнительно свежего сборника «*Artificial Intelligence and statistics*», изданного в 1985 году по материалам конференции в Принстоне. Поскольку мы как раз продали экспертную систему по статистике, было любопытно узнать, что же это такое. Вдоволь наглоптавшись библиотечной пыли, я вернулся с копиями статей домой, чтобы на досуге хорошенько их изучить (так гоголевский Чичиков собирался поступить с оторванными им со стенда театральными афишками).

Несколько лет спустя (в 1995 г.), когда я оказался в Делаверском университете на мастерской программе по статистике, я неожиданно наткнулся на вышеупомянутый сборник. Как-то, проходя по коридору математического корпуса, я заметил рядом с офисом заведующего кафедрой груды сваленных на полу книг, и среди них – одну книжку, название которой мне показалось знакомым: «*Artificial Intelligence and statistics*». Я поднял книгу с пола как сокровище, неожиданно свалившееся мне в руки. До этого мне не приходилось держать этот сборник в руках, я заказывал копии нужных мне страниц по ссылкам из других статей. Впрочем, «сокровище» было сомнительной ценности и даже для меня устарело. Писать диссертацию про экспертные системы в статистике я уже раздумал. Было странно видеть объект моего сравнительно недавнего вожделения на полу вместе со всяким научным хламом, очевидно, предназначенным к ликвидации. Это все равно что обнаружить любимую когда-то женщину прозябающей в борделе какой-нибудь развивающейся страны. Я был недалек от истины: завкафедрой собирал устаревшие книги для отправки в Сомали, в порядке гуманитарной помощи. С разрешения заведующего я забрал сборник и до сих пор храню его в своей личной библиотеке.

Что случилось с нашей экспертной системой в руках тольяттинского авантюриста, мне неизвестно. Деньги мы тогда благополучно обналичили в нашей бухгалтерии, кажется, даже без привлечения «мертвых душ», и сравнительно мирным образом поделили между собой, согласно установленным ранее коэффициентам участия. Большую часть своей доли я потратил на японский видеоманитофон «Фунай» сибирской

сборки. Это было довольно неумное вложение средств, поскольку цены на электронику вскоре обвалились, особенно сибирской сборки. Когда мы с семьей выехали (как тогда говорили) в США, видик отошел тестю. Он пользовался им еще лет пять, пока как-то раз, во время просмотра фильма «Титаник», не решил немедленно выпить чего-нибудь душеукрепляющего. С этой целью он вышел в магазин, а когда вернулся домой, обнаружил, что замок на входной двери вырван с мясом, а из квартиры вынесено несколько предметов, в том числе видеомаягнитофон «Фунай» с недосмотренным «Титаником». Тесть так и пребывает в неведении, чем там у них на корабле дело закончилось.

Таков был конец акции по продаже экспертной системы по статистике.

Как мы заправились

Вскоре после посещения Тольяттинского завода мне довелось на своей шкуре испытать издержки отечественного автомобилестроения в переходный период.

Эта забавная история произошла в Москве, осенью 1992-го. Я остановился у друга детства, и мы ехали откуда-то к нему домой. Он – за рулем своего автомобиля, 8-й модели «Жигулей». Заехали на заправку, где-то недалеко от Кутузовского. Впереди нас – с десятков машин, в основном грязно-лиловой масти. Осенью в Москве всюду грязь, бабушки стоят у входа в метро в сапогах по колена в жиже и допоздна продают цветы москвичам и гостям столицы. Откуда столько грязи в городе, неизвестно – видимо, приезжие наносят.

Бензина на заправке нет, но есть надежда, что вот-вот подвезут. В самом деле, минут через 20 подходит цистерна, начинается перекачка горючего сразу через три отводных шланга. Еще минут через 20 водитель цистерны – низенький человечек, почти карлик, в бушлате – заскакивает в кабину, цистерна чихает и с неожиданной резвостью отходит. Видимо, спешит на другие заправки. Работа нелегкая, подумал я. Примерно еще через полчаса ожидания заправляемся. Ура! Большое дело сделали.

Проехав метров 100 от заправки, машина встала. Выходим. Между тем, пока ждали и заправлялись, начало смеркаться. В воздухе уже пахнет зимой и, одновременно, какой-то гадостью с заправки. Толкаем машину на запах. По дороге встречаем еще несколько автолюбителей с заглушенными двигателями, пытавшихся отъехать от заправки в иных направлениях. Со стороны наше движение напоминает процессию отравленных дихлофосом тараканов в сторону кухни – умирать, так по крайней мере рядом с пищей. На заправке еще несколько пострадавших. У всех одинаковые «Жигули» – «восьмерки». Пока мы обсуждаем наше скорбное положение, на лицах владельцев тоже проступает некая общность. Если не судьбы, то ситуации. Скоро обнаруживается и причина, по которой мы сошлись в одном месте и в одно время. Оказывается, вместо бензина нам залили дизельное топливо – солярку. Это

подтвердили и тетки, работавшие на заправке. Мол, видимо, произошла ошибка: в цистерне случайно оказалась солярка, а они не проверили. О злом умысле пока речи не было.

По-видимому, «восьмерка» оказалась наиболее чувствительной к подмене топлива, остальные марки если и заглохли где-нибудь, на заправку не вернулись. Оказалось (после изучения руководства автолюбителя), что, вдобавок, в этой злосчастной модели отсутствует простой способ слить содержимое бака. Конструкторы не предусмотрели пробку в днище. Что же делать? Мужики предложили как-нибудь отсосать. На пробу сунули резиновый шланг в отверстие для заливки бензина одной из машин, хозяин с надеждой взял шланг в рот, вдохнул – и резким движением выдернул трубку изо рта. Из шланга вытекла жиденькая струйка. Мужик сплюнул тем же. «Слишком изогнутый вход в бак, шланг сильно перегибается. И кто только придумал эту модель? Руки ему оторвать!» – посетовал сглотивший.

Наиболее остроумное решение было найдено изворотливым женским умом. Одна из жен автолюбителей придумала выпрыскивать горячее через карбюратор, давя на какую-то маленькую пипочку. Было ясно: для того чтобы опорожнить бак, потребуется несколько часов угрюмого мастурбирования. Я вспомнил слова Чехова: по капле выдавливать из себя раба. Чтобы солярка не загрязнила двигатель, придумали к карбюратору присоединить выходной шланг, откуда горячее должно было стекать в ведро. Все эти приготовления заняли какое-то время. Наконец, мы с другом начали работать. Сменялись: пока один давит на пипочку, другой греется в помещении заправки (вагончик с печкой, почему-то вызвавший у меня ассоциации с банькой с пауками из кошмара Свидригайлова – может, тетки как-то по-особому посмотрели). Скоро у меня образовалась мозоль на указательном пальце, а потом и на большом. А еще через полчаса выяснилось, что в нашем ведре сухо – из шланга ничего не вытекает. В темноте мы не заметили, что жидкость не поступает в трубку – вероятно, мы как-то не так пристегнули ее к карбюратору. Исправили, получив совет от более опытных товарищей, и «процесс пошел», как любил говорить автор проекта «Перестройка».

Тут на заправку прибыли новые гости, а точнее, ее истинные хозяева – два решительно настроенных птенца перестройки с хищными клювами. Или, как тогда говорили, лица кавказской национальности – по виду, вроде, чеченцы. Впрочем, уточнять мы не стали.

Я сначала удивился: чего им надо, почему они ведут себя так нагло, как хозяева? Мой друг мне объяснил, что они и есть хозяева – или их доверенные люди. Номинально московские заправки находятся в государственной собственности, но с некоторых пор перешли в ведение частного (и даже криминального) бизнеса. А мужик с цистерной – по-видимому, какой-то левый чувак, который слил более дешевую солярку под видом бензина. Развел остатки бензина на заправке дизелем, а заодно «развел» и хозяев заправки (как тогда говорили). Поэтому они и беснуются

и кричат на теток, не проверивших горячее при помощи простого химического теста, которому их тысячу раз, бл*ть, учили. Тетки оправдывались – мол, они всегда проверяют, но тут решили в целях экономии времени упростить процедуру: народу-то много было, ждали бензин с обеда.

Впрочем, покричав, чеченцы быстро взяли себя в руки и даже пытались успокоить и приободрить людей (то есть нас). Мол, нам они зальют бензин самой чистой пробы, только поскорее нужно закончить работу и уматывать, чтобы не светиться тут.

– Вы не беспокойтесь, этого пидараса, что привез солярку, мы обязательно вычислим и сегодня же поедем убивать.

Об этом я как раз и беспокоился, мне стало жаль маленького человечка в бушлате. Где-то он сейчас прячется? А может, ничего не подозревая, сидит себе дома с семьей и попивает чай из блюдца. Да нет, должно быть, подозревает, поди не первый раз занимается такими делами, знает, что ходит по краю. Но все равно спокойно сидит дома и наверняка что-нибудь попивает. Семи смертям не бывать, а одной не миновать.

Мой друг говорит: «Как хорошо, что ты со мной поехал, один я бы тут с ума сошел». Мол, ехал домой и вдруг попал на ночной шабаш. Мне же эта ситуация живо напомнила армию, откуда я вернулся лет пять назад. Как будто я в наряде на машинном дворе: горюче-смазочные материалы, чеченцы, работа на холоде; объект, который нельзя оставить. Сходство с армией довершилось тем, что один из чеченцев решил, что я «шлангую», и когда я в очередной раз вошел в помещение погреться, вдруг захотел на меня напасть. Мол, чё ты так часто, бл*ть, отдыхаешь? Он, видимо, не понял, что мы с товарищем меняемся, двоим там все равно делать нечего. Один мастурбирует, другой греется.

– Погреться, что ли, нельзя?

Он встал в стойку и уже занес на меня кулак, чтобы с размаху ударить. Я отметил, что замахнулся он красиво, как в кино про бандитов. Но его остановил напарник, старше по возрасту и, видимо, по воровскому званию. Сказал мне ласково: «Смотри, даже жэншен работает, не стыдно тебе?» Мне стало стыдно, я вышел и сменил товарища. Тот пошел греться, но к нему чеченцы не стали приставать. Они, наконец, занялись полезным делом. Начали на бумажке производить какие-то хитроумные подсчеты. Как догадался мой наблюдательный друг, они пытались решить известную задачу из воровского курса математики за третий класс: сколько нужно привезти бензина, чтобы, если смешать его с уже залитой соляркой (избавиться от нее способа не было), получилась «нормальная» пропорция, в которой бензин на заправке смешивается с соляркой. Так мы поняли, что чистого бензина в природе не бывает. На всех заправках нас на*бывают и продают некую смесь бензина и солярки. Хорошо, что не разбавляют олиной мочой, как поступал незабвенный Василий Алибабаевич. Главное – вернуться к правильной пропорции, которая была нарушена из-за «левой» цистерны.

Провозившись всю ночь, на рассвете мы наконец освободили бак. Нам залили «абсолютно чистого, клянусь» 96-го бензина. Машину удалось завести с помощью кстати подвернувшегося утреннего таксиста, тоже приехавшего заправиться. Он взял нас на трос, мы проехали за ним круг и на втором завелись.

Ура! Мы заправились.

О несовпадении культурных контекстов

Как-то, вскоре после реализации «экспертной системы», к нам в офис зашел высокий молодой парень, казах. Такой вертлявый тип. Он то ли числился при Институте повышения квалификации, то ли имел с руководителем нашей группы какой-то личный бизнес. Шеф наш – итelligentнейший человек, доктор экономических наук – как раз вернулся из своей первой поездки в США и, конечно, сказал вошедшему, что, мол, только из Америки. Он про Америку рассказывал всем, кто к нам заходил, даже если человек случайно ошибался дверью или обращался с просьбой «воспользоваться телефоном».

Вертлявый оживился. Больше всего его интересовали «вещи», и даже не те, которые наш шеф привез отсюда, а те, что брал туда – на продажу или обмен. Шеф даже не сразу понял, что он имеет в виду. Какие вещи? Тот говорит:

– Ну, плетки-то, конечно, взяли? А еще что?

При слове «плетки» в глазах шефа блеснул огонек. Он рассмеялся: «ну что вы, зачем мне плетки» и, возможно, подумал задней мыслью: а почему бы и нет?

Похороны в начале 90-х

В начале 90-х я каждый месяц хоронил кого-то из знакомых, родственников или родственников знакомых.

Участие в похоронах достаточно близких людей обычно начиналось с морга, откуда нужно было забрать тело домой. Морг находился в центре города, недалеко от пивнушки, в просторечии – «моргушки». Там наливали пиво: в банки (на вынос) и в кружки. Распивали за трехногими столиками, на которых была разложена скупая закуска: сушки, облепленные крупной солью. Можно было вынести кружки и на улицу, если внутри не было места.

Подъезжая на грузовике к моргу, видим рядом с пивной сидящих на корточках людей с кружками. Сдувая пену, они беседуют на экзистенциальные темы и смеются, обнажая рты с недостающими зубами: сегодня ты здесь, а завтра – там. Возможно, рассказывают старый анекдот – о том, как три пенсионера постоянно играли в преферанс, и вот как-то один взял девять взяток на мизере, расстроился и умер. Похоронили его друзья и возвращаются с кладбища домой. Один говорит другому: «А вот

если бы вы, Иван Петрович, в пичку зашли, ему бы еще хуже было». То есть, умерший мог бы забрать все десять взяток.

Вносим в морг свой гроб, передаем парадно-выходную одежду покойника или покойницы, и нам отдают вместе с гробом уже обмытое, одетое и обутое тело. Отвозим гроб с телом домой. Тело должно постоять «у себя» хотя бы ночь. Таков порядок.

На похороны приходим в рабочей одежде. Мужчинам всегда найдется работа: выносить гроб, закапывать, ровнять. Ну и выпить, конечно, полагается: прямо на кладбище приносят водку, чтобы помянуть, не отходя далеко от могилы. Кто поработал лопатой – тому первая доза. У них на руках белые повязки из полотенец, на которых гроб спустили в могилу.

Настроение повышается с градусом принятого. Все устаканивается. Родственники зовут всех домой, помянуть покойника. Дома – занавешенные зеркала и запах ладана, напоминающий, что в доме неладно. Из соседских квартир такой же планировки (микрорайоновская застройка), с притворно скорбящими соседями, выносят кастрюли с бульоном из курицы, «с лапшичкой», тарелки с закусками, обязательную кутью: «нет, кутью вам непременно надо попробовать, пусть и ребенок покушает». Иначе случится что-нибудь нехорошее. Будто пока все шло нормально. Русский человек – «оптимист», он полагает, что худшее еще впереди. Ну и, конечно, всем взрослым – выпить не чокаясь. За упокой. На столе – лишняя рюмка с кусочком хлеба сверху – доза усопшего. О нем – только хорошее. Говорить «спасибо» подающим пищу не полагается. Благодарить гостей за помощь тоже нельзя. Таков обычай.

Я – на поминках по матери одного нашего сотрудника: попала под машину, когда неловко перебежала через дорогу в неположенном месте. Старушке было 67 лет. В те годы это считалось почти естественной смертью: достигла среднепрожиточного возраста. Водителя не нашли. Об этом шепотом переговариваются за столом. Вдруг слышу довольно громкий голос нашего программиста Жоры, небесными чертами лица напоминающего ангела, сошедшего на грешную землю:

– Илья, попробуй, это просто прелесть!

Я вздрагиваю. Жора известен мне как человек, пренебрегающий обывательскими условностями. Смотрю на вызвавшее восторг блюдо: маринованные баклажаны, нарезанные кружками, и к ним же помидоры, обложенные кусочками брынзы. У Жоры губа не дура. Для истинного гурмана – что свадьба, что поминки.

Впрочем, заурядные поминки не баловали обилием разносолов и проходили в черно-белом формате – по крайней мере такими мне запомнились. Если народу набивалось слишком много, за столы садились в две смены. Сел, выпил, закусил и вышел. Главное – найти свое пальто и шапку в рукаве. Шапку сразу не надевать, лучше на лестнице или даже на улице.

Как-то возвращаюсь домой с поминок. У другого нашего сотрудника

дочь 16 лет умерла, якобы от передозы обезболивающего. Поговаривали, что покончила с собой. Стою на остановке, трое бандитского вида людей избивают одного, видно из их же банды, в чем-то провинившегося. Он вырывается, бросается на машину, молит, чтобы его взяли, ломится в двери автобуса, пытается зацепиться за пассажиров, его обрывают, оттаскивают, втаптывают в обледеневшую мостовую. Тут подходит высокий, атлетического вида парень и тихо говорит экзекуторам:

- Зачем вы его на глазах у людей? Отведите во двор и там убивайте спокойно.

Индийский кофе

В начале 90-х я как-то проходил через «Старую площадь» в Алма-Ате, мимо отошедших на задний план общественной жизни правительственных построек, окруженных фонтанами и скорбной статуей Ильича. Там как раз расположились с товарами толпы неорганизованных продавцов. Одна интеллигентного вида женщина в очках предлагала банку растворимого индийского кофе, который я давно не видел в продаже. Я спросил, почему? Она, признав во мне собрата-интеллигента (неинтеллигенты говорили «чѐ стоит?»), назвала цену несколько ниже ожидаемой, и, смущенно потупив взор, открыла неустранимый дефект в своем товаре:

- Знаете, мы не удержались, - тут она приподняла алюминиевую крышечку, и я увидел, что девственная фольга была надорвана, приоткрывая крошечное таинство кофейного порошка.

Я испуганно отшатнулся, как будто мне предлагалась продажная любовь.

- Мы только попробовали, всего одну ложечку, - быстро проговорила продавщица.

- «Мы» - это кто? - брезгливо спросил я.

- Мы с дочкой, - уже спокойно ответила она, удивляясь моей неосведомленности, - мы так давно не пили кофе, что не смогли удержаться.

В общем, индийский кофе я тогда так и не попробовал. Через четверть века в русском магазине Индианаполиса я увидел точь-в-точь такую же банку, дожидавшуюся меня на полке среди прочих предметов вождельения русскоязычной публики. Правда, цена за это время выросла раза в три. Я забрал ее, предварительно удостоверившись, что фольга была нетронутой. Дома я аккуратно срезал фольгу ножом по краю, насыпал кофейный порошок в маленькую чашку и залил кипятком. На поверхности выступила знакомая бледно-серая накипь. Я поднес чашку к губам и сделал глоток в прошлое... Прошлое отозвалось синтетическим вкусом девяностых.

На фирме

В начале 1994 года я устроился работать в американскую фирму, свившую себе гнездо в центре нашего города. Или, как тогда говорили, «на фирму» (по аналогии с «на ферму»). Фирма эта была *nonprofit* (не корысти ради) и имела целью помощь республике Казахстан – в частности, по жилищному вопросу. Так известный мне по игре в преферанс термин «американская помощь» (когда игрок, набравший нужные очки в «пуле», помогает сопернику «закрыться» и за это пишет на него в десятикратном размере висты) обрел новый смысл. В результате платить мне стали в 10 раз больше, а работать я стал всего в два раза меньше, чем на прежней работе. Вскоре у меня начал расти живот и наметился второй подбородок – немые соучастники преуспевания. Откуда-то явилось и невнятное чувство вины, которое я пытался заглушить, раздавая на пути из офиса домой по доллару нищим старушкам, просившим милостыню.

Русская тайна

Наняли на день переводчицу – бледнолицую фифу с кроваво-красным зонтиком (от жары) – и поехали в Талгар, что ли, изучать состояние жилого фонда.

Ходим по квартирам, американцы интересуются, как люди живут. Те впускают нас, отомкнув двойные свои запоры, и отвечают с русской охотой открыть душу первому встречному: мол, зарплата такая-то, к тому же постоянно задерживается. На питание и прочее нужно в месяц столько-то. Американцы не понимают – отчего люди не вымирают? Фифа с зонтиком тоже удивляется. Я-то знаю, отчего – ездят регулярно в Турцию челноками. Они тоже знают, что я знаю. Я как бы перемигиваюсь с моим народом за американскими спинами. Американцы и не подозревают, что русский человек с радостью откроет им все свои тайны – все, кроме одной, самой тайной тайны: на какие средства он существует.

Номенклатурный работник на американской службе

Мы наняли в американскую фирму бывшего номенклатурного работника, В.Ж., который сетовал, что сейчас уже так не «пестуют» молодежь, как раньше. Рассказывал, как, бывало, брал в баньку кандидата в КПСС, чтобы проверить, «годится он нам или нет». Там после рюмки водки, под паром, и раскроется русский человек: выйдет наружу вся подноготная, все, чем он дышит, что прячет и лелеет.

В.Ж. – человек неслгибаемый, из бывших спортсменов: играл в волейбол. Потом пошел по партийной линии, когда начал терять зрение. Его послали курировать строительство трубопровода. Он так наловчился, что (несмотря на плохое зрение) с вертолета мог определить брак по неровному шву на трубах.

Потом его перебросили на строительство Капчагайского завода

керамики. Ввод в действие приурочили к 7 ноября. Кровь из носа! В.Ж. провел на строительстве три последних дня перед сдачей объекта, сам не спал и никому не давал, завод выпустил первую продукцию к празднику. Утром 7-го он пришел домой и дрожащими от перевозбуждения руками протянул жене кривоватую еще (первый блин комом) чашку. Его с повышением перебросили на другой участок, а завод керамических изделий, проработав некоторое время, воспламенился и полностью сгорел.

В.Ж. был хороший мужик, мы его брали в разные административно-хозяйственные учреждения, он там был как рыба в воде, с каждым мог договориться и, проходя мимо иной сотрудницы, вздыхал и говорил, видимо по старой волейбольно-партийной привычке: «эх, такие бы ноги, да на плечи».

Сотрудничество с местной администрацией

Основная цель сотрудничества местной администрации с нами (не прощупываемая американским руководством) – съездить в командировку в Вашингтон и сняться там со стаканом в руке у Капитолия (как провидчески зарифмовал ВСВ, выпив «малость алкоголя»).

Одному местному руководителю в Чилике, что ли, его соперники подставили ножку и не включили в список для отправки в США. Я заехал к нему по другому вопросу: он обещал предоставить нам какие-то данные. После дежурных реплик он перешел к наболевшему и со скорбью в голосе пожаловался на коварство «старшего брата» – алма-атинского замминистра. Сказал, что еще не поздно, и если его прямо сейчас включить в список, то он за день сможет (благодаря обширным связям) проставить выездную овировскую визу в паспорт и даже выездную – американскую. Мне передалась и чужая боль, и драма момента, и то, «что еще не поздно» (так брат умоляет гангстеров не добивать брата, «ведь он еще дышит»). Я тут же связался с американским начальством и попросил включить чиновника в поездку (мол, произошло недоразумение). Все сложилось наилучшим образом, он рванул на газике в город, без шофера, сам сев за руль, быстро обернулся с визами, и уже через месяц я увидел его просветлевшее лицо на цветном фото: среди пиджачно-галстучной стайки на травке возле Капитолия, с традиционным граненым стаканом в руке.

Обещанных данных мы, впрочем, так и не получили.

* * *

Один администратор среднего звена в Министерстве жилищного хозяйства вдруг признался нам, что недавно, на старости лет, начал курить. Говорит, что он еще не большой «курец», выкуривает всего пару сигарет в день, даже как бы через силу. Но «планирует» довести потребление до пачки в день. Я поразился такому целенаправленному разрушению своего здоровья. Вероятно, у человека не было счастья в жизни или другого хобби.

* * *

Наш американский начальник понимает по-русски почти без перевода. Часто и сам добавляет от себя. Иногда это приводит к забавным казусам – например, путает «написа́ть» и «напи́сать». Жалуется, что меня ему трудно понимать, слишком быстро говорю и перескакиваю с одного на другое: трудно уследить за бегом моей мысли.

Однажды пришлось идти в министерство с большого похмелья. Я еле воровчал языком. Мысль моя застыла как желе. Когда мы вышли за порог, он мне: «Вот сегодня, Илья, ты прекрасно говорил, я все понял без перевода». Я решил всегда напиваться вечером, если на следующий день предстоит поход в министерство.

Стоимость Земли

Мы наняли одного, якобы переводчика – пожилого казаха с благородной проседью – на временную работу. Он принес написанный от руки перевод на русский язык. Я пробежал глазами: проект документа о сдаче в долгосрочную аренду земли. Забавно, что слово «Земля» он писал с большой буквы, как будто собирался сдавать нашу планету в аренду марсианам.

Дискуссия о рыночной стоимости земли

Наш американский начальник потребовал, чтобы я (в паре с более молодым сотрудником-практикантом) составил таблицу с расчетом стоимости земельного участка: чему равна *fair market value* гектара земли. Эта информация была нужна для проводимых Всемирным банком в сотрудничестве с нами занятий по оценке земельных участков. Мы с практикантом в один голос говорим: «Но ведь в республике Казахстан рынка земли пока не существует. Земля принадлежит народу, то есть государству. Покупать можно участок с застройкой». Он говорит: «Чушь собачья, в любой стране, и в вашей тоже, люди покупают землю. Пусть с застройкой. Скажем, поставят для вида туалет, типа сортир, и продают по бумагам туалет, а на самом деле – землю». Мы: «Правильно, но это не совсем то, что Карл Маркс или там Адам Смит понимали под рынком». Он: «Плевать на вашего Карла, да и на нашего Адама. Давай рыночную стоимость!» Мы: «Но ведь это весьма несовершенный рынок, это не то, что мы с вами, скажем, пошли на Зеленый базар в Алматы и купили килограмм картошки. Тут нет ни прозрачности, ни сиюментности: нужно еще иметь связи, или придется стоять месяц в очереди, или же взятку платить. И на бумаге показывать одну цену (в тенге), а реально платить другую (в долларах)». Он вышел из себя: «*I want a goddamn' market value. Stop this Soviet bullshit!*» (Дайте мне такую-разтакую рыночную стоимость!) Дескать, у вас чего ни хватишься, ничего нет. Такой, право, Воланд.

Раз начальство приказало, нужно делать. В результате мы составили замечательную и принципиальную схему приобретения земельного участка. Впрочем, схема эта была лишь отчасти принципиальна, а отчасти

- беспринципна. Принципиальные отношения между покупателем, продавцом и госучреждением были показаны сплошными черными стрелками, над которыми сверху были обозначены номинальные суммы, указанные в договорах, и примерное время стояния в общей очереди для оформления договора. Пунктирной линией были показаны суммы в долларах, позволяющие избежать стояния в очередях, а серой линией – фактическая сумма, выплачиваемая хозяину сортира (то есть участка) в долларах.

Начальник был в восторге и передал схему в руки просветителей из Всемирного банка. Те, конечно, пришли в ужас. Для нас же это был прекрасный урок рыночной стоимости и американского прагматизма. Жаль, схема эта не сохранилась.

Сколько мужику земли надо

Занимаемся проектом жилищного законодательства Казахстана и беседуем с совхозным руководством на местах. Меня принимают в совхозах за американца, потому что я уже не понимаю их бредовых рассуждений с полуслова. Например, обсуждаем вопрос о разделе части земельного фонда и передаче участков в «долгосрочную собственность». Говорят: «Само собой, учителям школ участок не полагается». Американцы удивляются: «Почему? Они же учат ваших детей, по-своему вкладывают в комьюнити». Те в недоумении: «Но зачем учителю земля, что он будет с ней делать?» Американцы: «Ну не станет сам обрабатывать, сдаст кому-нибудь в аренду или продаст». Я невозмутимо перевожу и как бы поддакиваю американцам: мол, в самом деле, отчего не продать? Колхозники на меня с удивлением: «Позвольте, вы наш или не наш?» У меня за время службы в американской фирме и рожа стала походить на американскую. Может, наивностью или сытостью. Впрочем, у колхозников лица тоже довольно упитанны. Я говорю, что «наш», но в самом деле, отчего бы учителю не дать участок, тоже ведь в семью копейка. Те только махнули на меня рукой, как на безнадежно больного.

После – застолье. Принесли водку и баранью голову. Американцам как почетным гостям положены мозги. Переводчику – язык, а водителю нашему – глаза, чтоб лучше видел, куда ехать.

Покупка зиры в Самарканде

В нашей фирме был свой повар – женщина-татарка, родом из Узбекистана. Она прекрасно готовила плов и другие жирные блюда, от которых наши американские начальники сначала приходили в ужас, а потом привыкли, как к некоей полагавшейся им дозе местного разврата (впрочем, к последнему они тоже скоро привыкли).

Однажды я поехал в командировку в Самарканд помогать американцам в проведении какого-то учебного курса, и повариха попросила меня купить зиру. Если кто не знает, зира (по-английски *cumin*) – это такой ароматный порошок, добавляемый по вкусу в разные блюда, главным образом в плов. Узбеки его кладут во все мясные блюда,

исторически – для сокрытия запаха протухшего мяса. За зирой я должен был пойти на самаркандский базар.

– Только смотри, сразу не покупай. Они тебя начнут обманывать, подsunут зиру, смешанную с перетертой морковью. А ты прикинься знатоком, понюхай и скажи, что, мол, нет – это не настоящая. Они тогда поймут, с кем имеют дело, и насыпят тебе из другого мешка, уже настоящую. Конечно, за нее и заплатить придется подороже.

Меня поразило, что торговцы не только с легкостью признают свой обман, но и попросят за «настоящую» зиру подороже. Как будто смешанная с морковью зира – это такой более дешевый ее сорт. Но в чужой мешок со своим уставом не лезут.

Все произошло так, как и предсказывала повариха. Как только я высказал предположение, понюхав с протянутой мне широкой ладони, что зира не настоящая, на меня со всех сторон обрушился гомон: «Иди сюда, я тебе продам настоящий зира!».

Видя, что подозрения мои никого, в том числе хозяина первой пробы, не обидели, а наоборот, настроили на деловой лад (до этого многие торговцы сидели, в полудреме склонив к своим мешкам бородастые головы в тубетейках), я осмелел и еще несколько раз повторил процедуру с нюханьем и последующим выражением сомнения в подлинности. Несмотря на многоголосые зазывания, зиру я пробовал только у первого торговца, решив, что нужно работать с одним человеком и уже добиваться правды у него. А точнее, «из-под» него, потому что каждую новую пробу он доставал из каких-то потайных мешков, не выставяемых на обозрение.

Рука торговца все дальше уходила в глубины преисподней, на дне которой, очевидно, и покоилась самая настоящая зира, без примесей. Этот процесс напоминал поиски правды на судебном процессе, где обвиняемый с каждым разом все глубже заглядывает в тайники своей совести, пока не извлекает оттуда совсем чистую правду, без малейшей примеси лжи. Разница была в том, что платить за правду приходилось мне, а не уличенному в неправде.

После нескольких раундов (новая проба, сомнение в чистоте, возгласы торговцев и собравшейся вокруг меня небольшой толпы зевак) я получил 300-граммовый пакет – правда, заплатив за него в пять раз больше цены «обычной» зире. От моего пакета исходил чудный аромат, в котором были спрессованы века обмана, уверток и надувательства. Когда я принес пакет в свой гостиничный номер, комната до краев наполнилась душистым запахом. Я распахнул окно, но запах не уходил. Ночью мне снилось, что я сижу на дне колодца и сверху на меня из мешков сыплется золотистый порошок. Я умоляю хозяина в разноцветной тубетейке выгнать меня на волю, но он продолжает сыпать со словами: «Кушай, кушай, зира настоящий». Заходившие ко мне за каким-нибудь делом знакомые слушатели, особенно девицы, падали замертво.

Вернувшись домой и придя на службу, я первым же делом принес

пакет на кухню и с гордостью протянул поварихе. Она открыла его, понюхала и сказала: «Зира хорошая, но все-таки не настоящая».

Любознательный начальник

Как-то мы, совместно с Всемирным Банком, организовывали курсы по оценке недвижимости в Казахстане и республиках Средней Азии. В Узбекистане выбрали местом проведения древний город Самарканд. Сначала приехали в Ташкент – там общий сбор, дальнейшее узбеки уже взяли под свой контроль. Руководил всем один начальник из Министерства жилищного хозяйства, небольшого роста узбек с круглым рябым лицом.

Отправляли слушателей из Ташкента в Самарканд междугородним автобусом. Только отехали от гостиницы, автобус остановился на обочине – оказывается, начальник нас там поджидал на машине, со своим водителем. Заскочил на подножку и оглядел весь салон пронизательным взглядом из-под очков. Пересчитал участников по головам и сверил со своим списком. Тут же, пока автобус стоял на холостом ходу, вкратце обрисовал содержание курса. Оказалось, он не поленился и заглянул в подготовленные нами материалы (здоровенную папку – *binder*), чтобы быть на полголовы впереди остальных слушателей. В двух словах рассказал, что такое *present value*, получаемое путем дисконтирования будущих потоков денежных средств по обслуживанию долга; из чего складывается стоимость недвижимости; каково отношение арендных платежей к стоимости недвижимости – и некоторые прочие вещи. Говорил чисто, практически без акцента, с ласковыми начальственными интонациями. Водитель тоже слушал и одобрительно кивал головой. Даже выключил мотор из уважения. Начальство нас благословило на учение и отпустило с миром.

Потом мы еще несколько раз пересекались с ученым начальником, а на банкете он сел рядом со мной и нашим запойным переводчиком (Славой) и рассказал, как всю жизнь стремился к знаниям. Любопытство имел с детства необычайное. Рос он старшим сыном в многодетной семье. Только узнает что-нибудь новое – в школе от учителя или прочитает в книжке, – тут же обучит этому младших братьев и сестер. Письму или счету. Мы со Славой умилились. Понятно теперь, почему он прочитал нам мини-лекцию в автобусе. А мы-то думали, «они ученость свою хотят показать» ... Выпили за «ученье – свет».

Потом стал рассказывать, как защищал кандидатскую. Все расчеты ему делал один еврей узбекского разлива. Как только он стал зав. отделом, сразу взял ученого еврея под свое крыло, и вот уже десять лет держит как прирученного. Даже в суровые советские годы, когда в Республике имели место гонения на евреев, брал их на работу с открытой душой – правда, строго придерживаясь процентной нормы. Мол, сколько их в республике (6%), столько и у меня в отделе. И никто подкопаться не мог. Понятное дело, евреи – народ особый. Как они своих детей учат скрипке: 1000 детей замучают до смерти, а один выйдет в люди и станет выдающимся

скрипачом. Мы, узбеки, не тянемся так к знаниям. А жаль... Выпили за дружбу между народами.

Этот его ученый еврей – несчастный парень, вечно нуждается в деньгах, потому что платит алименты сразу трем. А все из-за того, что слабохарактерный. Не может женщине отказать в замужестве. Кто его поманит, с той и пойдет. Ну и работает на трех ставках. А жаль, хороший парень. Он ему помогает, а тот пишет статьи. В основном, по вопросам многокритериального оценивания. Оказывается, там у него все построено на теореме о сходимости случайных процессов к решению дифференциального уравнения со случайными коэффициентами... Выпили за непростую семейную жизнь прирученного еврея.

Не так давно начальнику даже пришлось докладывать «по данному вопросу» на конференции в США. Там же он познакомился с одной прелестной женщиной-казашкой. «Умница и красавица. Хотел трахнуть, но времени не хватило: был всего один свободный день. Сразу ведь ни одна не даст, нужно два дня». (Это он уже сам просчитал, без помощи ученого еврея.) А жаль. Такая возможность уже вряд ли представится... Выпили за то, чтоб сразу давали.

Московская сказка

Примерно через месяц работы на американской службе выпала мне командировка. Мой американский шеф сказал: «Собирайся, полетим в Москву, оттуда поездом в Нижний Новгород на совещание со специалистами». Кажется, занимались мы организацией жилищной реформы в Казахстане. На новой работе я приучился не задавать лишних вопросов.

– Командировочные будут? – только и спросил я.

– *We will see*, – неопределенно ответил шеф.

– *Per diem*? – вспомнил я заветное слово (означающее, что при известной экономии на питании можно еще и «навариться» на поездке).

– Не п*дим, – вдруг быстро проговорил шеф, имевший обыкновение неожиданно переходить с английского на русский и обратно. – *You will have more than you need* (у тебя будет более чем достаточно), – отрезал он, жестом показывая, что разговор окончен.

В Москве шеф всюду водил меня с собой и при необходимости платил, доставая из казенной мощны огромную пачку российских денег, полученных им в обменнике, для верности скрепленную зажимом. Эта его привычка применять к разбухшей отечественной валюте канцелярские скрепы меня коробила, будто опошляла отпущенные нам свыше денежные знаки холодным прикосновением глупой канцелярской принадлежности.

Таким образом, мои потребности в пище и жилье удовлетворялись по мере надобности. Однажды мы вместе с шефом и московскими чиновниками поужинали в ресторане «Тбилиси», после чего шеф

вернулся в отель, а я отправился на балет. Кажется, гастролировал Эйфман, из Санкт-Петербурга. Что это был за балет, не помню, – вероятно, я заснул в кресле под воздействием грузинских вин, а может быть, не помню потому, что увиденное мною на московских улицах совершенно затмило впечатление от балета.

Из театра я пешком отправился в гостиницу. Сначала шел по широкой улице, потом зачем-то свернул в переулок. Была ранняя весна, в Москве в это время года даже в центре города всегда под ногами что-то чавкает. Я был в костюме и в новой кожаной корейской куртке, купленной недавно на американские деньги, на ногах были довольно легкие туфли, скроенные по сухой алма-атинской погоде, а тут то и дело попадались лужи и приходилось смотреть под ноги. Вдруг взгляд мой уперся в тело, лежавшее прямо на моем пути.

– Братан, помоги довести бабу до дома.

Я обернулся посмотреть на «брата». Голос принадлежал мужичку неопределенного возраста, сильно навеселе, с испытанным лицом, покрытым преждевременными морщинами, и с растрепанными волосами какой-то грязной масти.

– Что с ней, плохо стало?

– Да, бл*ть, нажралась в сиську, а идти не может. Давай ее под руки, тут недалеко.

Сам мужичок довольно твердо стоял на ногах, хотя его немного качало во все стороны, и, по-видимому, гордился, что может вполне управлять своим телом.

Я молча согласился. Мы подхватили женщину под руки, и как могли, стали тянуть каждый свою половину вверх, стараясь соблюдать синхронность движений. На меня пахнуло смесью дешевого табака, перегара и какого-то совсем незнакомого мне запаха.

Наконец, нам удалось выровнять грузное тело женщины, и мы повели ее за собой. Однако то ли по ее вине, то ли из-за неслаженности наших усилий, она поскользнулась и повалилась на бок. Я обхватил ее за то, что весьма условно можно было назвать талией, и потянул вверх, а муж, словно забыв о наших целях, вдруг с силой пихнул ее, сведя на нет мои усилия, и грязно выругался. Его распирали противоречивые чувства: умом он понимал, что бабу нужно тащить домой, и как можно скорее, пока его самого не развезло; душа же его жаждала воздать ей немедленное возмездие за то, что она столь безответственно напилась. По бессвязным его ругательствам я понял, что, по-видимому, еще до того как женщина напилась до бесчувствия, у ее мужа уже были к ней какие-то претензии, и с каждым шагом ненависть его усиливалась и, как мне казалось, вскоре грозила обрушиться и на меня. Я посмотрел по сторонам: ни души, темень, вокруг покосившиеся хибары. В Москве такое случается, особенно с командировочными из провинции: стоит отойти на шаг от Красной

площади с памятником Минину-Пожарскому и мавзолеем Ульянову-Ленину и свернуть в кривой переулочек, как ты оказываешься в полутрущобах, по колено в грязи, с пьяной бабой на руках.

Ее белое рассыпчатое тело, лишенное центра тяжести, то и дело ускользало из наших рук, как будто мешок, обтянутый белой кожей, в котором переливалась тяжелая ртутная масса. Мы хватали ее под руки, но они, бесполезные, как ручки у куклы, прокручивались, и тело ее опять грузно падало на землю, обдавая нас грязью. С каждым падением нашей спутницы открывались новые белоснежные участки ее тела, заодно демонстрируя нехитрую археологию бабьего обмундирования. С небольшим сдвигом, слой за слоем, следовали: пальто, шерстяная юбка, нижняя юбка и панталоны голубого цвета, как будто перекроенные из больничной наволочки. Заголенные ранее части тела тут же покрывались грязью, и все это мелькало калейдоскопом перед моими глазами, накладываясь на еще жившие в памяти сцены из балета.

– Наравне, бл*ть, пили. Я – нормальный, а она – в говно, – презрительно сплюнул мужичок.

На Руси бывает так, что сядут, скажем, трое пить. И попивши, завалятся спать, прямо там, где пили и в чем были. Завалятся втроем, а подымутся утром вдвоем. Третий не подымется. Вот они похоронят его, и у могилы, тупо глядя на свежий холм, скажут с укоризной: «Ну ты чё? Наравне, бл*ть, пили-то».

Это и означает высшую народную справедливость. Усопший сам виноват. Вот если бы он выпил больше других, то нарушилось бы некое хрупкое равновесие в мире: и усопшему грешно отнимать у товарищей насущное, и им грех спаивать горемычного. Вышло бы не по-людски. А так – все правильно.

Так думал я, пока мы уже довольно слаженной командой вели хозяйку домой, стараясь обходить глубокие лужи. И вот мы оказались у двери в подъезд ветхого дома, по-видимому, предназначенного к сносу. «Стоп», – приказал бабе мужичок, будто ямщик, разговаривающий со своей лошадьёю. Мы втащили тело в подъезд, и мужик пнул в знакомую его ногу дверь, ведущую прямо в квартиру. Мы вошли.

«Вот мы и дома», – с облегчением сказал мужик, и мы как по команде выпустили нашу ношу. Баба рухнула на пол, словно мешок с картошкой. Мужик чиркнул спичкой и закурил. При свете огня я увидел часть их жилища. Это была совершенно пустая комната: голые стены, дощатый пол. Ни стола, ни стульев, ни кровати. Очевидно, все было пропито. Я поспешил откланяться и пошел искать свою гостиницу.

Утром шеф спросил: «Ну как балет?»

– Ничего, первые два отделения я проспал, а в третьем мне пришлось самому немного поработать: волочить на себе одну даму по московским подворотням. Заодно я ознакомился с состоянием жилого фонда Москвы.

- Это нам пригодится. Добавишь в отчет о командировке, - сказал шеф, как всегда не все разобрав, независимо от того, на каком языке я пробовал с ним объясняться.

Бизнес по-американски

У меня вышел конфликт с начальником из-за того, что одна сотрудница в Госкомстате попросила за подготовку и передачу данных бóльшую сумму, чем было обговорено. На самом деле, конечно, сам факт, что мы платили работнице госучреждения за предоставление данных напрямую, в порядке частного промысла, был вопиющим нарушением. Нас это мало волновало, ведь, по идее, Госкомстат Казахстана должен был предоставлять нам данные бесплатно, в порядке сотрудничества по программе *USAID*. Мы ведь не для своей пользы старались.

Понятно, что сами собой статистические данные в корзину не полезут, нужно иметь в Госкомстате своего человека, непосредственно работающего с данными, чтобы он помог разобраться. В формах государственной отчетности черт ногу сломит. Я до этого достаточно много сотрудничал с этой организацией и даже одно время сам там работал. Знал одну надежную женщину, «сидящую» на жилом фонде, с которой мы и заключили негласный договор. Женщина попросила за подготовку данных 125 долларов. Потом надолго захворала, и начальство мое заволновалось. Наконец, она вышла на службу и сделала все в лучшем виде. Но добрые люди ей нашептали, что, мол, мало попросила у американцев, сейчас за такие данные тысячи баксов можно загрести. Я ей говорю, что это как-то не очень красиво, раз уж договорились на 125. Та гнет свою линию: мало. Я спрашиваю, а сколько конкретно вы хотите? А она сумму не называет, только смотрит на меня загадочным русско-татарским взглядом.

Мой начальник решил проучить ее, а в ее лице и всех вымогателей, когда-либо повстречавшихся ему на постсоветском пространстве. Такой моралист выискался. Говорит раздраженно, что это обычная история. Мол, с русскими иметь деловые отношения невозможно, они вечно чем-то больны и не держат данного слова. Справедливости ради следует признать: до этого его уже не раз и не два успешно обманывали наши проходимцы. Насчет же «вечно больных» я ему заметил: «Что ж, на то у нас средняя продолжительность жизни на 15 лет короче вашей». Говорю, мол, скоро эта женщина и так умрет от болезней, давайте заплатим немного, чтобы скрасить ей последние дни, зачем нам, в самом деле, перевоспитывать ее, глупую бабу? Начальник мой даже поперхнулся от такого цинизма и говорит: «Ладно, дай ей дополнительно 50 долларов, но больше мы никогда с ней работать не будем, так и передай».

Я поехал в Госкомстат и вручил ей 125 долларов плюс 50 премиальных «за хорошую работу». Она говорит: «Ну, это не деньги, я рассчитывала на большее». Я подумал, дура-баба, и сказал: «В следующий раз будет больше». Взял папку с данными и поехал в офис, как оплеванный.

Вскоре после этого начальник уволил меня за раздолбайство, однако по доброте продолжал сотрудничать со мной, уже как с частным консультантом. Я в два раза повысил часовую ставку, а параллельно стал работать и с другими фирмами. Стал больше ходить пешком, потерял лишний вес и убрал второй подбородок.

Как-то захожу в наш офис. Офис-менеджер мне с порога радостно шепчет – а у нас новость, наконец-то получили вторую телефонную линию. Вторая линия была жизненно необходима для бесперебойной факсовой связи, но добиться разрешения было не так-то просто, требовали стандартную взятку – 1000 долларов США. Американское руководство билось головой об пороги нескольких министерств: как же так, мы вам помогаем, а вы занимаетесь вымогательством?! Те отвечают: да, вот как-то так.

Я спрашиваю офис-менеджера – неужели разрешили? Она: «Ну да, за взятку, – правда, я смогла договориться на меньшую сумму». Я к начальнику: «Где же наши принципы?!» Тот, с хитроватым нервным смешком: «*Washington approved*». Я: «Неужели-таки разрешили заплатить взятку?» Оказалось, начальник объявил в офисе конкурс: тому, кто сумеет «пробить» вторую линию, полагается премия (*consulting fee*). Она и была уплачена офис-менеджером в качестве взятки. Вот это по-американски!

Игорь Мандель – статистик, доктор экономических наук, родился и вплоть до отъезда в Америку жил в Алматы, преподавал статистику в Институте Народного хозяйства, в 90-е годы работал в американских компаниях. В Америке с 2000 года. Занимался статистикой в применении к маркетингу; с 2019 года – президент фирмы *Redviser*. Регулярно публикует научные работы; на русском языке вышли четыре книги иронической поэзии, книга сновидений (в соавторстве) и статьи: <http://z.berkovich-zametki.com/avtory/mandel/>; <http://7i.7iskusstv.com/avtory/mandel>. Живет в Fair Lawn, NJ.

Статистическая наука в культуре виктимности: достоинство и бесчестье

Разум есть и должен быть всего лишь рабом страстей.
Д. Юм

Борьба с цензурой – мой писательский долг, так же, как и призывы к свободе печати. Я полагаю, что, если кто-нибудь из писателей задумал бы доказывать, что она ему не нужна, он уподобился бы рыбе, публично уверяющей, что ей не нужна вода.

М. Булгаков

Аннотация

Недавнее переименование Фишеровской премии (*R. A. Fisher Award and Lectureship*) без официального обсуждения членами Американской статистической ассоциации (ASA) стало, наряду с другими мероприятиями подобного типа, важным шагом в создании новой атмосферы в американской науке в целом. Это тесно связано, с одной стороны, с такими критическими проблемами, как свобода слова, исследований и мнений, а с другой – с конформизмом, уступкой неадекватным требованиям и с отрицанием необходимости доказательств, на которых должна основываться наука.

В статье показано следующее:

- все обвинения в адрес Р. Фишера фактически безосновательны;
- решение о переименовании было мотивировано не фактами, а политическим и моральным давлением, связанным, в частности, с якобы «институциональным расизмом» американского общества и его полиции;
- решение было органическим следствием культуры виктимности, которая все больше проникает в академические круги;
- эта культура контрнаучна, в том смысле, что не требует никаких доказательств; в частности, самый популярный в настоящее время тезис о

«предвзятости полиции против чернокожих», который видится прямым реальным триггером переименования премии, не может быть подтвержден имеющимися данными.

Эту статью можно рассматривать как предупреждение об опасных социальных тенденциях в современной американской науке в целом и в статистике, в частности. (Данный текст – сокращенный перевод несколько модифицированной статьи [25].)

Введение

Среди ежедневных новостей с конца мая 2020 года – горящие машины, разбитые окна, сбрасывание статуй Колумба и других нежелательных лиц – краткая информация о переименовании одной из самых престижных статистических наград, Фишеровской премии [9, 10], кажется очень незначительной и определенно не заслуживающей широкой огласки за пределами круга профессионалов. Это совпало с удалением витражей в честь Фишера в Кембриджском университете [5] и переименованием лекционных театров Ф.Гальтона и К.Пирсона и здания Пирсона в университете Лондона [39]. Однако эти факты можно рассматривать в более широком контексте. Статистика – основа науки о данных, машинного обучения, искусственного интеллекта и всего того, что лежит в сердцевине самых передовых современных и будущих технологий. Р.Фишер (1890-1962) *«был гением, который почти в одиночку создал основы современной статистической науки»* [17]. Ф.Гальтон (1822-1911) *«... был таким же важным и влиятельным, как его кузен Чарльз Дарвин»* [33]; К.Пирсон (1857-1936), изобретатель коэффициента корреляции и многого другого, также считается одним из основоположников современной статистики. Иными словами, мы «потребляем» результаты работы этих людей каждый день и будем делать это в обозримом будущем. Что именно произошло с репутацией всех трех ученых первого калибра?

Факты

То, что произошло с самим Р.Фишером, очень хорошо задокументировано, и я могу привести здесь явно неполный список его основных вкладов в статистику: концепция степеней свободы, ключевой элемент любой статистической оценки; дисперсионный анализ (ANOVA) вместе с повсеместным F -распределением его имени; дискриминантный анализ (первая техника «машинного обучения с учителем», когда «машин», то есть компьютеров, не существовало); планирование статистических экспериментов (основа всех современных эмпирических наук и, в частности, медицины); теория проверки гипотез – инструмент, ставший нормой для любого статистического исследования, который лишь совсем недавно начал пересматриваться, потому что знаменитая концепция p -значений была фактически догматизирована преемниками Фишера; концепция оценки максимального правдоподобия, используемая сейчас в многочисленных исследованиях. Я мог бы добавить

еще задачу Беренса-Фишера, точный критерий Фишера, информацию Фишера, уравнение Фишера-Колмогорова, теорему Фишера-Типпетта-Гнеденко и т. д. В современной статистике практически невозможно сделать шаг, чтобы не обнаружить того, что Р. Фишер либо изобрел, либо косвенно предвидел. При этом я даже не коснулся его работ по биологии, где его недавно назвали «величайшим из преемников Дарвина» [14] (как основоположника популяционной генетики и многого другого). С любой точки зрения, его вклад в две науки – статистику и биологию – в век узкой специализации, мягко говоря, не имеет себе равных.

Можно было бы ожидать, что такую монументальную фигуру не просто дискредитировать или, по крайней мере, сделать это очень быстро, учитывая, что его влияние глубоко и широко укоренилось. Однако все происходило чрезвычайно быстро. Вот несколько ключевых событий, повлекших за собой переименование награды.

Даниэла Виттен, профессор Вашингтонского университета и член комитета по присуждению Фишеровской премии, выступила с идеей ее переименования; она рассказала об этом 4 июня 2020 года [45].

В начале июня доцент Майлз Отт из Смит-колледжа подал Петицию на Change.com (не знаю, связано ли это с инициативой Д. Виттен или нет). Петиция очень быстро собрала около 8000 подписей (неясно, сколько подписавших были статистиками или биологами) и сейчас она закрыта [29].

Никаких обсуждений в широком статистическом сообществе, никаких публикаций об этом в *Amstat News*, ежемесячном журнале ASA, не последовало. Тем не менее некоторые люди были осведомлены о процессе, и неформальные онлайн-дискуссии, в которых, по моей оценке, было около 60-70 сообщений в разных потоках, закончились 20 июня [34, 35, 36, 38, 45]. К сожалению, я все это упустил и в обсуждениях не участвовал.

Комитет Президентов статистических обществ (COPSS), учредивший Премия в 1963 году, опубликовал заявление [10] о том, что с 23 июня ее название отменяется. Комментарий, мотивирующий это решение, был следующим: *«Мы предпринимаем эти действия для развития более справедливого, равноправного, разнообразного и инклюзивного статистического сообщества... Мы осознаем, что не все статистики согласятся с этим действием. Пусть справедливость и инклюзивность стимулируют различные точки зрения по существу, темпам решения и содержанию проблемы; иногда консенсус может оказаться непрактичным».*

Обвинения

Итак, если от начала до конца потребовалось всего около 20 дней (попробуйте решить любой вопрос с ведущими учеными в нескольких странах в течение трех недель!), возможно, аргументы против Р. Фишера чрезвычайно сильны, – например, внезапно обнаруженные

доказательства того, что он убил свою жену и закопал труп под письменным столом? Нет, такого вроде не было. Попытаюсь в сжатом виде привести цепочку обвинений без строгого хронологического порядка (что в любом случае кажется неважным для такого короткого периода).

Д. Виттен. После событий с Д. Флойдом: *«Я пыталась придумать, как “я” могу улучшить свой крошечный уголок мира»*. И ее посетили два внезапных откровения:

- *«Фишер был не лучшим парнем. Он действительно был большой фигурой в евгенике. Загляните на его страницу в Википедии: «евгеника» – второе слово, используемое для его характеристики (после «британца», но перед «статистиком» или «генетиком»).*

- *«... Ба! Нехорошо, что в честь этого типа названа важная награда ... Я могу изменить ее название».*

Что именно сделал этот «плохой парень» Фишер, почему ситуация требует немедленных действий, остается неясным. *«Он сказал ужасные слова в 1950-х годах. Я не хочу размещать их в Твиттере»*, - Д. Виттен, видимо, боялась, что «ужасные слова» испортят невинную аудиторию Твиттера примерно так же, как Хорхе в «Имени розы» боялся, что публикация «Поэтики» Аристотеля, пропагандирующей добродетели смеха, испортит все человечество. У. Эко поместил своих героев в XIV век, но логика не так уж сильно меняется со временем. Трогательно также, что порядок слов (!) в Википедии был настолько важен для профессора, что она использовала его как «аргумент» в пользу обвинения. Других, кажется, действительно не нашлось. Аналогия с переименованием *J. Marion Sims Lectureship* здесь совершенно не актуальна; аналогия ничего не может доказать, по крайней мере в науке. Фактически единственной причиной для немедленных действий остается слово «евгеника», которое, возможно, в глазах Д. Виттен самоочевидно и достаточно для оправдания любого вида наказания.

М. Отт был гораздо прямее и открыто произносил – возможно, именно те самые «ужасные» слова. Вот Петиция (в сокращенном варианте):

«Фишер был выдающимся исследователем в области евгеники. Кроме того, как отмечалось на его странице в Википедии, в 1950 году Фишер выступил против заявления о "Расовом вопросе" ЮНЕСКО, полагая, что данные и повседневный опыт показывают, что человеческие группы глубоко различаются "по своей врожденной способности к интеллектуальному и эмоциональному развитию", и пришел к выводу, что "практическая международная проблема заключается в том, чтобы научиться мирно делиться ресурсами этой планеты с людьми существенно иной природы" и что "эта проблема затушевывается полностью благими намерениями минимизировать существующие реальные различия". Пересмотренное заявление, озаглавленное "Концепция расы: результаты расследования" (1951 г.), сопровождалось оспаривающим комментарием Фишера. Чествуя Фишера, мы позорим всю статистику ... (далее следует текст, не имеющий отношения к теме. – И.М.).

(Опять Википедия! Не так уж много усилий вложили два основных инициатора процесса в свою претензию, о чем участники дальнейшей дискуссии не преминули сделать несколько саркастических замечаний.)

В результате последовавших обсуждений был добавлен ряд новых аргументов:

- «...было неправильным для Фишера посещать Ку Клукс Клан, когда он приехал в Штаты» (Х.Пич [36]). Два участника (С.Шарканский и Р.О'Брайен, в той же ветке Твиттера) выступили против этого утверждения, отметив его бездоказательность. Я могу присоединиться к ним.

- «Он поддерживал и защищал социальные системы, которые угнетали и убивали других, включая защиту реальных нацистов» (Т.Карпентер [34]). Эти серьезные обвинения никак автором не доказываются.

- «Возможно, вам интересно, что мог бы сказать Фишер, чтобы помочь фон Фершуеру? Вот отрывок! Вам, наверное, лучше от этого не станет!» М.Гриффин [38]. Вот этот цитируемый отрывок [42], представляющий собой письмо Р.Фишера, написанное в ноябре 1948 г. в ответ на запрос из Германии о научных заслугах известного генетика, одного из пионеров (после Ф.Гальтона) изучения близнецов, О.фон Фершуера:

«По поводу атак за его симпатии к нацистам я могу сказать, что его репутация была очень высока среди специалистов по генетике человека задолго до того, как мы услышали об Адольфе Гитлере. Это скорее его невезение, чем ошибка, что расовая теория была частью нацистской идеологии и что по этой причине поддержка партией безусловно значимой работы фон Фершуера имела для нацистов некоторую пропагандистскую ценность. Несмотря на их предубеждения, я также не сомневаюсь, что партия искренне хотела принести пользу немецкой расе, особенно путем устранения людей с явными дефектами, например умственно отсталых, и я не сомневаюсь, что фон Фершуер поддержал такие действия, как сделал бы и я. В других отношениях, однако, я полагаю, что его влияние было последовательно на стороне научной взвешенности в процессе подготовки и исполнения законов, направленных на достижение этой цели».

Звучит это действительно очень плохо (и, скорее всего, соответствует обвинению Т. Карпентера или, может быть, даже нераскрытым «ужасным словам» Д. Витген).

Таким образом, если исключить необоснованные претензии, то Р.Фишер обвиняется в следующем:

1. Он был убежденным сторонником евгеники.
2. У него было особое мнение по поводу Заявления ЮНЕСКО о расе в 1951 году.
3. Он поддержал нацистского ученого, который был вовлечен в расовые практики, и выразил солидарность с некоторыми его взглядами.

Ниже даны комментарии к этим трем пунктам обвинения.

Комментарии

1. Фишер и евгеника. Существует огромная литература о евгенике, ее истории, происхождении, связи с генетикой в целом и о ее нынешнем статусе, и моя роль здесь не в том, чтобы делать ссылки, многие из которых

можно найти в других местах. Несомненно, Р.Фишер был генетиком и евгеником до и после Второй мировой войны. Термин был сильно скомпрометирован после печально известных нацистских экспериментов, в которых убийство людей на основе расы, умственных и физических способностей декларировалось как элемент «расовой гигиены» и «инструмент евгеники». Такой «подход», кроме нацистов, никогда не провозглашал ни один известный ученый, за исключением, насколько мне известно, К.Мережковского (автора теории симбиогенеза и брата Дмитрия, писателя). Но он сделал это в форме романа («Земной рай», 1903 г.), где все небелые исчезают с лица земли только для того, чтобы освободить ее для пары миллионов сверхлюдей.

Эпоха нацистской Германии скомпрометировала не только этот термин, вместе с невинной древней свастикой, но, самое главное, тысячи репутаций. «Интересные времена» стимулируют окраску жизни широкой кистью, покрытой одним цветом; кажется, мы наблюдаем тот же феномен сейчас, так что можем легко понять людей того времени.

Но если отрешиться от такой манихейской логики, то концепция евгеники, сформулированная Ф.Гальтоном и поддерживаемая практически всеми биологами и генетиками на протяжении многих десятилетий, остается прежней: «Евгеника – это попытка улучшить генофонд человека» [44]. Либо она «положительная» (улучшить черты новорожденных), либо «отрицательная» (устранить нежелательные черты); то и другое предназначено для генетического улучшения качества человечества. Сейчас она живет среди нас под разными названиями (например, «социальная биология», «популяционная генетика», «эволюционная генетика» и т. д. – см. редкое открытое обсуждение этого термина в наше время [44]), но занимается вечными проблемами улучшения человеческого рода, которые интересовали людей со времен Платона. Евгеника в действии в наши дни – это, скажем, глобальное генетическое тестирование (включая пренатальное консультирование), многомиллиардная индустрия в США [16]; даже «стерилизация непригодных», еще большая анафема в популярном восприятии, чем сама евгеника, по-прежнему имеет совершенно различный правовой статус в американских штатах [31].

На мой взгляд, уже эти факты ясно говорят о том, что обвинять Р.Фишера за его поддержку евгеники не имеет никакого смысла – да, он занимался этими вопросами, как сейчас это делают тысячи ученых и практиков, независимо от того, как они себя называют. Рисунок в [3] лучше многих слов иллюстрирует то, что произошло через семь лет после смерти Фишера: на нем показаны корешки сброшюрованных в книжки журналов. Номер 15 (1968) назывался еще «Евгеника», а номер 16 (1969) – «Социальная биология». Та же обложка, те же авторы, те же проблемы – но другое название, под которым этот американский журнал и живет успешно в наши дни (после очередного непринципиального переименования в 2008 году).

Все сказанное отнюдь не означает игнорирования множества очень сложных биоэтических проблем, которые волновали людей тогда и волнуют сегодня, – но табуированное слово «евгеника» не может быть основанием для того, чтобы называть Р.Фишера «плохим парнем», заслуживающим позора.

Больше всего шокирует в дискуссии ученых то, что ее участники не проводят простейшую проверку своих утверждений. Когда М.Рубин обратил внимание М.Гриффин на цитату Фишера о его поддержке евгенической стерилизации, она с благодарностью и энтузиазмом ответила, что *«его отвратительные убеждения не пользовались популярностью и выходили за рамки мейнстрима»* [38]. Допустим. Считает ли она таким же отвратительным решение 4-го окружного апелляционного суда Калифорнии о том, что *«взрослый с отклонениями в развитии с “легкой умственной отсталостью” может быть подвергнут репродуктивной стерилизации»* (2013 г.) [31]? Или подобное решение в Иллинойсе (2008 г.) и многих других штатах в разные годы? Стерилизация в США сейчас очень редка, это правда, но не запрещена полностью; она была гораздо более популярна во времена Фишера, когда в США стерилизовали не менее 60 000 человек [32], не говоря уже о Европе. Что именно было тогда «вне мейнстрима»?

«... Какой была бы генетика сегодня, если бы она не была исторически на 100% евгеникой? Я бы хотел увидеть фиктивную генетику без истории евгеники. Кто-нибудь написал такое произведение?» – точно заметил О.Гест [34]. Я сомневаюсь, что такая книга уже написана, но не поручусь за ближайшее будущее. При той скорости, с которой в университетах вносятся изменения в программы, книга такого рода действительно может появиться.

2. Фишер и ЮНЕСКО: проблема расы и интеллекта. В Петиции перечислены два греха Фишера: то, что он занимался евгеникой, и то, что он не согласился с Заявлением ЮНЕСКО 1951 года. Действительно, Фишер был среди нескольких выдающихся ученых, которые пытались расширить содержание Заявления. К счастью, в то время ЮНЕСКО публиковала не только окончательный текст, но и особые мнения, и теперь мы можем судить, что там действительно произошло. Достаточно сравнить два утверждения. Первое содержится в основной части документа ЮНЕСКО [34, с. 5]:

«Возможно, хотя и не доказано, что некоторые типы врожденных способностей к интеллектуальным и эмоциональным реакциям более распространены в одной группе людей, чем в другой, но несомненно, что в пределах одной группы врожденные способности различаются в той же степени, если не больше, чем между разными группами. Изучение наследственности психологических характеристик сопряжено с трудностями. Мы знаем, что определенные психические заболевания и дефекты передаются от одного поколения к другому, но мы менее знакомы с той ролью, которую играет наследственность в психической жизни нормальных людей».

Второе утверждение – это особое мнение:

«У сэра Роналда Фишера есть одно принципиальное возражение против Заявления, которое, как он говорит, разрушает сам дух всего документа. Он верит, что человеческие группы глубоко различаются “по своей врожденной способности к интеллектуальному и эмоциональному развитию”, и заключает из этого, что “практическая международная проблема состоит в том, чтобы научиться мирно делиться ресурсами этой планеты с людьми существенно разной природы, и что эта проблема затушевывается усилиями (пусть с самыми добрыми намерениями), направленными на минимизацию реально существующих различий”».

Как можно видеть, официальное Заявление допускает различия между «человеческими группами» (известными также как расы), в то время как Фишер верит, что они действительно существуют, то есть эти два утверждения различаются количественно, а не качественно. Другие официальные заявления также выражают сомнения, подобные этому: *«Нет никаких доказательств того, что смешение рас приводит к неблагоприятным результатам с биологической точки зрения. Социальные последствия расового смешения, хорошие или плохие, обычно можно связать с социальными факторами»* [34, с. 9].

«Нет доказательств» означает, что они могут появиться. Доказательств обратного также нет, иначе, несомненно, это было бы подчеркнуто. Даже это простое соображение устраняет основания для обвинений: в итоге, в чем качественная разница между «допущением» и «верой»? Оба эти соображения не доказаны; Фишер гораздо более уверен в том, что ЮНЕСКО лишь предполагает. Является ли это преступлением, учитывая отсутствие фактических данных на тот момент?

Более того: с точки зрения статистики, текст Заявления гораздо труднее принять, чем особое мнение Фишера. *«Несомненно, что в пределах одной группы врожденные способности различаются в той же степени, если не больше, чем между разными группами».* Хорошо, пусть это будет «несомненно» (хотя как проверить? действительно ли измеряли разницу? были ли результаты?). Это просто означает, что детерминация в паре «раса – интеллект» будет равна или меньше 50%, согласно правилу суммы дисперсий между группами и внутри групп. Что это доказывает? Лишь очевидный факт: что разница между расами существует, но она может быть менее выраженной, чем различия между людьми внутри каждой расы, – вполне научное утверждение.

Но официальное Заявление можно при желании интерпретировать точно в том же аспекте, в каком Петиция пытается обвинить Фишера: ЮНЕСКО признает, что существуют врожденные различия между расами (пусть менее значимые, чем считает Фишер); так что же теперь, это расистское Заявление, а ЮНЕСКО – расистская организация? В чем разница? И почему следует винить Фишера, а не ЮНЕСКО, или не их обоих?

Единственное, что можно сказать о Фишере в этом эпизоде с

ЮНЕСКО: он не был «политкорректным», в нашем современном понимании, и говорил очень откровенно, как всегда поступал во многих научных спорах с К. Пирсоном, Э. Пирсоном, Дж. Нейманом и другими. И мне даже не нужно вдаваться в суть дебатов, которые были очень жаркими тогда и остаются актуальными сегодня: есть ли разница между расами в уровне интеллекта, и если да, то из-за «природы» или «окружения» (см. ссылки в [27] и в других источниках)? Позволю себе только две цитаты:

«Возмущенные протесты против тех, кто говорит о расовом и гендерном разрыве в IQ, стали настолько оглушительными, что временами напоминают лысенковщину если не по делам, то по языку». Эти слова принадлежат двум ученым, которые считают, что «расовые и гендерные различия в IQ не являются врожденными, а, скорее, отражают проблемы среды обитания. Хотя мы и поддерживаем эту точку зрения, многие ученые остаются при своем мнении ... Когда ученых заставляют замолчать коллеги, администраторы, редакторы и спонсоры, которые считают, что определенные вопросы даже задавать неуместно, процесс начинает напоминать религию, а не науку» [8].

«В Университете штата Мичиган некая группа использовала забастовку для организации и координации кампании протеста против вице-президента по исследованиям, физика Стивена Су (Hsu), преступления которого включали исследования в области компьютерной геномики для изучения того, как генетика человека может быть связана с когнитивными способностями, – что-то, что протестующим показалось евгеникой ... Через неделю президент университета заставил г-на Су уйти в отставку». Статья имеет характерное название: «Идеологическая коррупция науки. В американских лабораториях и университетах внезапно проснулся дух Трофима Лысенко» [21].

Достаточно интересно, что среди многих других критических замечаний относительно Заявления ЮНЕСКО, сделанного «диссидентами» типа Фишера 70 лет назад, было следующее: *«Заявление также претендует на роль авторитетного органа научных доктрин... Я должен заявить о своем принципиальном противодействии продвижению научных тезисов как таковых... Я вспоминаю пресловутые попытки национал-социалистов утвердить определенные доктрины в качестве единственно правильных выводов, которые можно сделать на основе исследований расы, ... а также аналогичное утверждение Советского правительства в пользу теории наследственности Лысенко ... Настоящее Заявление также выдвигает определенные научные доктрины как единственно правильные и совершенно очевидно ожидает, что они получат всеобщее одобрение» [34]. Знакомо, правда? Удивительно (для меня, по крайней мере), что тень Трофима Денисовича бродит, как известный призрак, уже не только по Европе, но и по Америке, и не в прошлом, а в нашем веке.*

Если коротко, то чистый эффект обвинения по поводу его диссидентства в ЮНЕСКО следующий: исходя из узко понятой фразы, вырванной не только из научного и исторического, но и из смыслового контекста, автор Петиции обвинил Р. Фишера в преступлении, которого тот не совершал ни по старым, ни по новым «стандартам», если не считать «новым стандартом» нынешние воззвания о расовой справедливости

любой ценой и немедленно. С таким же успехом он мог обвинить непосредственно ЮНЕСКО, но просто не подумал достаточно, чтобы сделать это.

3. Фишер – сторонник нацистской расовой политики. Несмотря на то, что это обвинение не было выдвинуто ни Д. Виттен, ни в Петиции, и по этой причине, возможно, не повлияло на окончательное решение о переименовании премии, оно кажется наиболее серьезным из всех остальных, если правдиво. В конечном счете, все предыдущие обвинения были связаны с различным использованием *слов*, но здесь суть заключается в одобрении *действий*, и если бы Фишер поддерживал реальную нацистскую расовую практику, – я бы не стал оправдывать его «дурную репутацию». Но насколько все это правда?

Р. Фишер был одним из примерно 20 ученых, которых власти Германии попросили оценить «достоинства» О. фон Фершюера (*von Verschuer*), чтобы решить его судьбу в послевоенной стране. И он был одним из трех, кто более или менее положительно отнесся к этому человеку, – снова диссидент, в своем духе. Множество деталей, плюсов и минусов, объясняющих его (и других) позицию, можно найти в прекрасном исследовании [42], которое реконструирует очень сложную историческую ситуацию того времени (и, в частности, опасения, что новый противник и недавний союзник – Советский Союз – нападет на биологию Восточной Германии с помощью того же инструмента, лысенковской идеологии). Но не это критично; я не хочу искать смягчающие обстоятельства, потому что в любом случае никогда не узнаю, что именно было в голове у Фишера, когда он писал свое письмо поддержки.

Что я могу сделать, так это попытаться истолковать его слова в их истинном значении. Фактически необходимо понять только одну фразу: *«Несмотря на их предубеждения, я также не сомневаюсь, что партия искренне хотела принести пользу немецкой расе, особенно путем устранения людей с явными дефектами, например умственно отсталых, и я уверен, что фон Фершюер поддержал, как сделал бы и я, такое движение»*. Самыми шокирующими здесь являются выделенные слова, если понимать их буквально: выглядит так, что сам Фишер поддержал бы устранение (то есть убийство) психически непригодных людей. Но я очень сомневаюсь, что он имел в виду именно это.

Существует очень серьезная работа [4] о восприятии нацистской программы «Эвтаназия» в Великобритании. В ней автор говорит: *«В обеих странах очень мало обсуждался сам Нюрнбергский Медицинский Процесс (НМП) – в отличие от более раннего Трибунала главных немецких военных преступников. Те обсуждения, которые имели место, изображали НМП как созданный исключительно с целью преследования нацистов, обвиняемых в медицинских экспериментах над узниками концентрационных лагерей ... поразительно, что разоблачения, касающиеся нацистской программы «Эвтаназии», ни в малейшей степени ... не затрагивали»* ведущихся в журналах дебатов. То есть высока вероятность того, что Р. Фишер и его

коллеги могли не знать, что на самом деле произошло в Германии с «евгеникой в действии», унесшей около 200 000 жизней, в основном немцев. Точно так же Р. Фишер мог не знать, что О. фон Фершюер работал со своим бывшим учеником, печально известным доктором Й. Менгеле, который проводил эксперименты на заключенных-близнецах в Освенциме (фон Фершюер использовал его результаты; в лагере никогда не был) [28].

Если теория «он не знал» верна (чего я не могу доказать), то фразу Фишера об «устранении людей с явными дефектами» можно истолковать стандартным евгеническим способом того времени: она обращается к будущим поколениям, которыми следует манипулировать, чтобы свести к минимуму количество генетических заболеваний в обществе, а не реальную бойню. Тогда его письмо будет читаться примерно так: О. фон Фершюер – выдающийся ученый; он был невольно вовлечен в какую-то работу очень плохим режимом; в этот исторический момент евгенические рекомендации и государственная политика совпали, и я, Р. Фишер, проводил бы такую же политику, как он, потому что именно этим занимается наша наука.

Р. Фишер был британским патриотом; хотел быть призванным в Первую мировую войну (отказали из-за плохого зрения); провел все годы Второй войны в Британии (то есть знал на собственном опыте ужасные бомбардировки Лондона и прочее); его сын, летчик, погиб в бою – трудно представить, чтобы он мог сочувствовать нацистскому режиму как таковому, особенно в отношении убийства больных (насколько я знаю, он никогда не защищал такую меру). Но, с другой стороны, он был страстным исследователем, упрямой личностью, очень высоко ценившей свои с трудом заработанные убеждения, – до такой степени, что мог счесть несущественным, кто именно, Германия или Великобритания, будет проводить определенную политику, с которой он согласен. Он мог чувствовать, что его долг – быть как можно более объективным и держать политику в стороне от науки, насколько это возможно. Такая позиция уязвима, но не преступна.

Вся эта линия аргументов с несколькими «если» не делает меня убежденным в том, что я фактически прав. Но, насколько мне известно, если есть «основание усомниться», его надо использовать в интересах обвиняемого, а не наоборот. В мои обязанности не входит опровергать обвинения – прямая задача обвинителя доказать свою правоту. Этого не было сделано ни в малейшей степени, даже на таком поверхностном уровне, как сделал я здесь (в конечном счете, я не специалист ни по биографии Р. Фишера, ни по истории того времени в целом). Простая логика и здравый смысл ясно говорят о том, что все правила были нарушены, и обвинение Фишера в том, что он поддерживал одну из самых ужасающих нацистских акций, кажется намного ближе к клевете, чем к фактам, пока не будет доказано обратное.

Подводя итог, можно сказать, что все три пункта обвинений

недостаточно обоснованы, чтобы серьезно рассматривать их для принятия решения о переименовании Премии. Я уверен: если бы заранее состоялась какая-либо реальная дискуссия с научным сообществом, она раскрыла бы гораздо больше фактов, связанных с переименованием, чем я смог предоставить за короткое время. Однако решение было принято в отсутствие обсуждения, ибо «консенсус может оказаться непрактичным». Да уж...

COPSS организовал в августе 2020 года специальную приглашенную сессию в *JSM (Joint Statistical Meeting*, крупнейшей мировой конференции по статистике) «с экспертами, изучающими роль Фишера» [10], но, похоже, не для отказа от собственного решения, а для придания ему легитимности постфактум. Косвенно об этом говорит тот факт, что в названии сессии имя Фишера вообще не упоминалось, что явно было сделано для того, чтобы как можно меньшее число людей вообще узнало о ее существовании (я нашел с большим трудом; она была посвящена «евгенике», а не проблеме переименования лекции, как изначально было объявлено в [10]). Она была проведена 6 августа 2020 года; я послал статью [25] ее руководству и участникам заранее, секретарь обещала распространить ее среди панелистов; я не получил ни одного ответа. Я не знаю содержания докладов, которые позже будут опубликованы, но могу лишь предположить, что доклады были «антифишеровскими».

Все аргументы, которые я привел выше, и многие другие, о которых я не знаю, лежат на поверхности и доступны любым заинтересованным лицам, особенно членам COPSS и другим членам академического сообщества. Люди, принимающие решение, явно меньше заботились о фактах и доказательствах и больше – о чем-то другом. О чем?

Причины

Реальные причины происшедшего более важны и печальны, чем неприглядные обстоятельства инициации и принятия решения.

Все обвинения против Р. Фишера и других касались очень старых и хорошо известных фактов, то есть теория о том, что было открыто что-то новое, как уже отмечалось, не работает. В этом смысле Д. Виттен, как член Комитета по награждению, могла бы и раньше поинтересоваться кошмарными деталями жизни человека, премию чьего имени она вручала. Но как-то не заладилось.

Поводом для всех этих и многих других поспешных решений в США послужил, естественно, поток событий, начавшихся с убийства Дж. Флойда 25 мая 2020 года. Это акции вандализма, мирные и не очень демонстрации, рост преступности, требования (уже где-то выполненные) о «дефинансировании полиции», всплеск активности *Black Lives Matter (BLM)*, призывы к «расовой справедливости» и против «институционального расизма», организация «свободной зоны» в Сиэтле, снос памятников разным персонажам и так далее.

Подобные события создали атмосферу, в которой волна естественного сострадания к жертве, медленно умирающей на глазах у миллионов, накрыла огромное количество людей, но сразу обернулась не против жестокости полиции как таковой, а только против убийства полицией черных граждан. Этот эмоциональный импульс, как и много раз прежде, раздувался средствами массовой информации до колоссальных размеров и породил казалося бы несвязанные вещи – от уличных беспорядков до преклонения колен лидерами Демократической партии в Конгрессе; от разрушения памятника Р.Валленбергу [37] (архетип человека, борющегося с расизмом и отдавшего жизнь за это) до обязательств многих компаний нанять больше чернокожих сотрудников, чем раньше. Несомненно, переименование лекции относится к тому же типу несвязанных действий (где Дж. Флойд и где Р.Фишер?), как было подробно показано выше.

Можно было бы ожидать, что научное сообщество будет невосприимчивым к эмоциональной реакции любого типа и при любых обстоятельствах. У ученых, в отличие от политиков и журналистов, есть собственное оружие, чтобы справиться с любой ситуацией, и статистики в этом отношении наиболее подготовлены. Они должны прекрасно знать, что отдельный случай, каким бы ужасным или красивым он ни был, не представляет всей картины и не может служить основанием для каких-либо действий. Случай с Дж. Флойдом поднял проблему жестокости полиции, особенно в отношении чернокожих, – хорошо, давайте посмотрим на цифры по этому поводу и представим себе, в чем проблема на самом деле. Кажется абсолютно очевидным и тривиальным: решение любой проблемы начинается со сбора и анализа данных. Этого можно было ожидать от статистического сообщества в целом, но, насколько мне известно, оно практически ничего не сказала по этому поводу (по крайней мере устами руководителей ASA). Я показал в [25], что данные не подтверждают идею о том, что полиция в Америке имеет расовые предубеждения: доли убитых белых и черных по разным категориям задержания (с оружием или без, при попытке к бегству и др.), а также взвешенная оценка по всем категориям практически одни и те же по двум расам. Но эти данные были доступны и ранее; я не специалист по криминальной статистике и не должен был делать подобных расчетов. Почему авторитетные статистические органы, прежде чем приступить к переименованию лекции, даже не проверили данные, на неверной интерпретации которых фактически было основано их решение?

Есть ли в стране проблема с жестокостью полиции? Несомненно. Но это совершенно иная проблема. Вот некоторые цифры: полиция в Америке убивает гораздо больше людей, чем полиция в любой другой развитой стране, и больше, чем во многих неразвитых странах [23]. Если в США в среднем ежегодно на 10 млн населения приходится около 46,6 человек, убитых полицией, то в Анголе – 34,7, в Мексике – 30, Канаде – 9,7, Франции – 3,8, Великобритании – 0,5, в Японии – 0,2.

Конечно, эти цифры нельзя принимать за «чистую монету», их следует рассматривать как функцию от количества и состава преступлений в этих странах (можно ожидать более высокого уровня убийств со стороны полиции в стране с более высоким уровнем преступности). Однако прямые вычисления такого типа не так просты. Разные страны по-разному сообщают о преступлениях, их сложно сравнивать без длительного специального расследования. От международных организаций, таких как ООН, можно ожидать какого-то грамотного ответа. Но более пристальный взгляд показывает проблемы и там (вместе со сложностями американских данных, обсуждаемыми в [25]). Например, за 2018 год ООН, ссылаясь на ФБР, сообщает о 16 214 убийствах в США [40], в то время как само ФБР сообщает о 8 957 «убийствах и непредумышленных убийствах по неосторожности», а Министерство юстиции дает цифру 11 970. То есть даже для самой «простой» категории, такой как убийство, международное сравнение не так уж и тривиально, не говоря уже о более сложных категориях.

Однако если использовать данные ООН в качестве приблизительного ориентира, картина такова: в 2018 году в США было убито 5 человек на 100 000 населения, а в Великобритании – 1,2; разница в 4,2 раза. Разница же в показателях применения силы полицией составляет $46,6/0,5 = 93,2$. Соотношение между двумя дробями составляет $93,2/4,2 = 22,3$, то есть, если нормализовать оценки по уровню убийств, в США полицейские все равно убивают примерно в 20 (!) раз интенсивнее, чем в Великобритании. Конечно, это только для общей ориентации, а не для того, чтобы ввести какой-либо полезный индикатор (это соотношение будет различным для разных преступлений и т. д.), но две вещи совершенно ясны: в США и уровень преступности, и уровень насилия со стороны полиции выше, чем в других развитых странах.

Это реальные проблемы. Высокий уровень преступности – огромная тема, и я не могу здесь ее обсуждать. Насилие со стороны полиции – другая тема. Полицию не приучили делать свое дело более мирным способом; даже если полицейский чувствует себя небезопасно – нет необходимости убивать подозреваемого (особенно безоружного); полиция децентрализована; нет единой системы отслеживания полицейских, допустивших нарушения; даже данные о происшествиях не собираются должным образом, и т. д., и т. п. У всего этого есть, конечно, многообразные причины. Недавний обзор в *Nature* описывает многие из этих проблем и способы их решения. Одно наблюдение особенно показательное: «Работа полиции, в значительной степени по историческим причинам, превратилась в своего рода зону, свободную от науки» [30]. Это, к большому сожалению, так и есть.

Цифры, приведенные выше, и оценки, сделанные в [25], легко доступны. При правильном подходе случай Дж. Флойда мог бы быть классифицирован статистиками как еще одно напоминание о старой назревшей проблеме, связанной с полицией и преступностью, а не как расовый вопрос; это был акт абсолютно бессмысленной смерти (Флойд не

представлял реальной опасности для полицейских), один из многих. Однако этого не было сделано; профессиональные статистики вошли исполнителями в основной хор, который все свел к «институциональному расизму», и использовали не относящуюся к делу лекцию Р. Фишера как удачно найденную возможность «внести свой вклад» в массовую истерию, внезапно вспомнив «смертные грехи» человека, умершего почти 60 лет назад. Почему такое стало возможным?

Один из факторов – общее либеральное доминирование в академических кругах и науке (широко известное и хорошо задокументированное [19]), что, в свою очередь, выражается в поддержке основной линии Демократической партии, эксплуатирующей смерть Флойда в полной мере почти во всех каналах масс-медиа. Но я не хочу спекулировать на политических пристрастиях тех, кто принимал решения. Имеет смысл лишь подчеркнуть, что все произошедшее идеально соответствует логике культуры виктимности, которая исключительно быстро становится доминирующей во многих сегментах американского общества.

Б.Кэмпбелл и Дж. Мэннинг [7] очень убедительно показали, что происходит, особенно в студенческих городках, а теперь, кажется, почти везде. Древняя *культура чести (honor culture)* была характерна для слабого государства, которое не всегда может защитить своих граждан; она ориентирована на личную храбрость и самозащиту (кодекс дуэлей; кодекс самураев; кровная месть между семьями и кланами; высокая чувствительность к любым личным оскорблениям и т. д.). Многие черты этой культуры до сих пор заметны в различных странах, чаще всего в Азии. На смену ей пришла современная *культура достоинства (dignity culture)*, когда мнение других уже не так важно, человек может полагаться на государство, которое должно защищать его; личная чувствительность к обидам становится менее важной (обиженный просто рвет отношения с обидчиком, а не старается его, например, убить); суд вместо дуэли; жалобы предъявляются к власти, а не к обидчикам напрямую, и так далее.

Однако некоторое время назад *культура виктимности (victimhood culture)* начала во многих местах заменять культуру достоинства. Она сочетает в себе сверхчувствительность культуры чести с отказом от личного возмездия обидчику. В ней «обиженный» не вызывает лично обидчика на дуэль, но громко заявляет о своей обиде всем желающим слушать и требует устранения ее источника. Тем самым достигается двойная выгода. С одной стороны, личные риски обиженного резко уменьшаются (дуэль – дело серьезное), судебные и прочие издержки равны нулю, ибо сам повод для обиды часто ничтожен и с ним в суд вообще не пойдешь. А с другой стороны, вокруг «обидчиков» создается такая атмосфера нетерпимости, что «обиды» поневоле прекращаются. Тем самым тезис «мне ваше мнение не важно», как в культуре достоинства, трансформируется в тезис «не смейте излагать свое мнение, оно меня обижает», то есть вся вина переносится исключительно на окружающих.

Обиженный становится «жертвой». Культура виктимности тесно связана с такими понятиями, как микроагрессия и самоидентификация; ее адепты настойчиво требуют, чтобы все эти «права на идентичность» были соблюдены, в дополнение к общим правам гражданина. Создается совершенно новая атмосфера, в которой царит не просто политкорректность, а суперкорректность, где любое случайное слово может быть истолковано «жертвой» как оскорбление, что требует от «обидчика» какого-то удовлетворения и извинений, а лучше всего – полного молчания в будущем.

Такая культура может существовать только в обществе, которое соглашается с ней и уступает все возрастающим требованиям «обиженных». В культуре достоинства, в которой мы жили до сих пор, для нормальных отношений существует верховенство закона, и если какое-либо «преступление» не обозначено должным образом, – это не преступление. Совсем иначе – в культуре виктимности. Жертвам микроагрессии требуется «безопасное место» в кампусе – они его получают. Им требуются туалеты «для любого пола» – получают. Сейчас большинство запросов связано с «расизмом» – и каждый получает что хочет (бесконечные извинения за расизм, существующий или нет). Именно это и произошло в истории с ничем не подозревающим Р.Фишером: безоговорочное подчинение «просьбам», даже без проверки фактов и, конечно же, без правильного позиционирования поднимаемой проблемы в надлежащем социальном контексте. По иронии, само обсуждение предложения о переименовании лекции предоставило такой материал, который иллюстрирует тезис о культуре виктимности более убедительно, чем я смог бы придумать.

Текст Д.Корди (*D. Cordy*) [35], как в учебнике, содержит почти все черты культуры виктимности. Приведу цитаты и дам короткие комментарии.

«Я считаю, что оценки человека, основанные на его достижениях, очень пугают большинство афроамериканцев: сколько исследовательских работ могут испугать расизм?»

Да, принцип меритократии противоречит основным принципам культуры виктимности, где «оценка человека» (*justification*) должна основываться не только на его заслугах, но и на его «идентификации».

«Однако мы живем не в 1930 году. Мы живем в 2020 году, и видим по телевидению, как Черных людей убивают, душат и преследуют из траков. И это только тех, кто попал на камеру.»

Это заявление сделано без всяких доказательств и без всякой связи с переименованием Премии. Оно заменяет реальную проблему преступности и жестокости полиции никак не доказанной проблемой расовых предубеждений со стороны полиции. Это именно то, что я пытался опровергнуть в данной статье и в [25].

«Фишер мертв. Он действительно внес большой вклад в эту область. Но мы обсуждаем не это. Настоящий вопрос заключается в том, заботит ли вас, что

может чувствовать 17-летняя афроамериканка из сельской местности в Южной Каролине, выбирая свой профилирующий предмет в университете? Это единственный вопрос, который меня волнует.»

Именно здесь начинается жалоба на микроагрессию. 17-летней девушке должно быть стыдно за связь давно умершего плохого парня Р.Фишера с евгеникой, хотя, скорее всего, она никогда ни о чем этом не слышала (но если ее проинформируют – несложно предугадать, каким образом). Да, дезинформированной девушке может стать стыдно за статистику. Это называется также промыванием мозгов.

«Никто не стал бы называть ASA очень диверсифицированной организацией. Конечно, там всегда найдется один черный человек, но это еще не диверсификация.»

Это еще одно отклонение от основного вопроса: Р. Фишер, кажется, не должен нести ответственность за отсутствие чернокожих членов в ASA. Или должен? Кроме того, это прямой намек на то, что нужно делать: увеличивать диверсификацию в ASA, независимо от достоинств ее членов. Диверсификация – это цель, а не естественный результат определенных процессов. Потенциально это самое опасное направление развития, на котором я остановлюсь ниже.

«Я могу признать вклад Фишера, но не буду присутствовать на лекции Фишера, как и большинство представителей меньшинств.»

Виктимность тут приобретает универсальный характер, с элементами угроз и шантажа. Присутствовал ли мистер Корди на лекциях раньше? За последние полтора десятка лет я видел на этих лекциях много чернокожих; обычно лекция собирала около 2000 участников JSM, и, на глаз, пропорция черных была такая же, как и на всей конференции. Разве они не знали прежде об этом ужасном парне Фишере? Кто откроет им глаза?

«Это вопрос не о том, верят ли некоторые белые статистики, что Фишер внес вклад в науку, перевешивающий его убеждения...»

Обратите внимание, что «Черный» выше был с большой буквы, а «белый» здесь – нет. Это новая современная мода – подчеркивать равенство всех рас, *Blacks and whites...* Открытое контрпозиционирование «белых статистиков» (!) другим (которые якобы не поверили бы достижениям Фишера, перевешивающим его «расистские» убеждения).

«Это вопрос о том, достаточно ли ваша организация заботится об одаренном ребенке из числа меньшинств, который ВЫБЕРЕТ другую область, потому что не может видеть себя в нашей.»

Усиление угрозы; само наличие дурной репутации у одного из отцов-основателей науки должно отталкивать новичка от этой области знаний. Приглашение все пересмотреть; так называемая «культура отмены» (*cancel culture*).

Ч.Дарвин однажды заметил, что «в какой-то период будущего, не очень отдаленный, измеряемый веками, цивилизованные человеческие расы почти

наверняка истребят и заменят во всем мире дикие расы» [12, с. 201]. В то же время он был аболиционистом, не желал никому ничего плохого – и все же верил, что «естественный отбор» приведет к такому результату. Звучит крайне отвратительно в наши дни? Абсолютно. Так что эта бедная девочка никогда не будет заниматься не только статистикой, но и биологией. После недавно опубликованных комментариев А. Эйнштейна о китайцах [13] ни один китаец не должен выбирать физику в качестве своей специальности, поскольку имя Эйнштейна все еще уважается некоторыми «белыми физиками». Или, после бесчисленных комментариев практически любых значимых фигур о евреях за последние пару тысяч лет, евреи должны как можно скорее бежать от науки, литературы, музыки и искусства, будучи смертельно оскорблены именами и титулами своих ненавистников тут и там.

Забыть времена, обстоятельства, предубеждения, логику, историю и все остальное, принимать все факты за чистую монету и делать вид, что вы обижены, – это «правильный путь». Очень печально, если кто-то на самом деле обидится, – его жизнь превратится в кошмар. Человек, принадлежащий к *культуре достоинства*, запомнит все это и пойдет вперед с печалью, что является неизбежным результатом любых исторических изысканий; человек из *культуры виктимности* примет это на свой счет и попытается «опровергнуть» или, чаще всего, закроет уши от любых разъяснений. Обратите внимание, однако, что Фишер никогда и не делал таких шокирующих заявлений, как Дарвин, и все же виноват; что же сказать о тех, кто делал?

«Взгляды Фишера были не просто сложными, но опасными. Даже аргументы о смешении рас являются расистскими; оправдание плохого худшим.»

Что именно было таким «опасным»? Это прямое приглашение к отказу от обсуждения – типичная реакция на вызов в *культуре виктимности*. Никакие аргументы не приводятся, и от других не ожидается никаких аргументов.

«Нижеследующее предназначено для всех меньшинств, читающих это: если данный вопрос для АСА все еще не решен, я считаю, что нам просто не следует продлевать членство.»

Что ж, оставляю это без комментариев.

Удивительно, опять же, не само повествование о жертве, а тот факт, что оно вызывает немедленное сострадание и влияет на поведение лиц, принимающих решения. Комментарий Д. Корди сразу нашел сторонников, признающих, что «его перспектива» открыла им глаза. Чистые эмоции (которые никогда не нуждаются в обосновании) управляют поступками даже в науке, предполагаемой цитадели разума. Давид Юм, увы, прав.

Русскоязычным читателям все эти рассуждения о печальной судьбе жертвы, окруженной врагами, скорее всего, живо напоминают, например, споры о роли среды и личного выбора, которые велись лет так 150 назад

между писателями натуралистической школы и Ф. Достоевским. Последний, как известно, горячо отрицал, что среда определяет поступки, и настаивал на личной ответственности каждого. Все это идет еще глубже, к корням марксизма и далее. Старая песня на новый лад. А нам-то казалось, что все эти вопросы давно решены историей...

Итак, цепочка событий была такой:

- смерть человека от рук полиции;
- массовая эмоциональная и политическая реакция, которая сдвинула повествование в неверном направлении (жестокость полиции по отношению к чернокожим гражданам);
- научное сообщество, как и многие другие, видит только эмоциональную сторону этой реакции;
- некоторые из его членов предлагают сорвать «низко висящий плод», евгеническое прошлое Р.Фишера, с целью присоединиться к общему хору;
- инициаторы выдвинули необоснованные личные обвинения против Фишера;
- предложение о переименовании публично не обсуждалось в научном сообществе;
- не проверялась фактическая, историческая и логическая основа обвинений; никто не отделил проблему переименования от нерелевантной темы о предвзятости полиции к чернокожим;
- статистики поддержали историю предвзятости полиции без проверки фактов, хотя проверка показывает, что оба тезиса – и о Фишере, и о полиции – не были обоснованы;
- принятое решение было основано либо на политических мотивах, либо на эмоциональном побуждении;
- инициаторы и исполнители решения продемонстрировали высший возможный уровень слепого конформизма, унижающий тем самым моральный статус, который должна иметь наука;
- имя великого ученого подвергнуто остракизму; достоинство науки пошатнулось.

Последствия

Проблема переименования стара как история человечества. Новый император разбивает статуи предыдущего и стирает его имя из свитков; благочестивые священники запрещают произносить имена осужденных еретиков; города меняют свои названия несколько раз за одну человеческую жизнь. Если Дж. Оруэлл описал теоретическое значение переименования для тоталитарного режима (когда история в Министерстве Правды исправлялась ежедневно), то СССР явился прекрасным практическим примером того, как это произошло. Зная это, я

легко могу представить себе судьбу нынешних волн переименования и «культуры отмены», яркий пример которой – история с Премией Фишера.

Премия – это только первый шаг. Подобные события в Лондоне сигнализируют о том, что имена Ф.Гальтона, К.Пирсона и Р.Фишера, основоположников современной статистики и многих разделов биологии, могут быть полностью подвергнуты остракизму.

Трудно представить, что их научный вклад будет тщательно отделен от их евгенических взглядов; как показывает эта статья, пренебрежение фактами – особенность текущих процессов, а не отклонение от нормы (*it's a feature, not a bug*). Если, как предположил Д.Корди, молодые студенты должны быть потрясены, услышав имя Р.Фишера в названии почетной лекции, почему они не должны испытывать такое же отвращение каждый раз, когда видят его имя в учебниках? Другие «жертвы расового преследования» рано или поздно скажут, что то или иное имя вообще не должно упоминаться в книге – и оно будет искоренено, как имена стольких ученых, писателей, философов и политиков советского времени.

Трудно также представить, что проблема не перекинется на другие личности. Да уже перекинулась: «Если мы избавляемся от лекции Фишера, давайте также согласимся, что надо разрушить мемориалы Линкольна и Джефферсона», – глубокомысленно заметил Р.Кристенсен [34]. Все же что-то изменилось в Америке. Эту бессмысленную сентенцию, которую (без всякого Фишера, конечно) ожидаешь услышать из уст безграмотных вандалов, уже разрушающих памятники без всякой теории, провозглашает ученый! Его не смущает ни отсутствие элементарной логики (какая связь между Фишером и Линкольном?), ни фактографическая бессмысленность (Линкольна-то за что?!), ни собственная ответственность перед студентами (которые слыхом не слыхивали о Фишере, но с удовольствием разрушат нечто более серьезное). И его далее поддерживают другие участники дискуссии! Я удивлен, что до сих пор не упоминалось «ужасное» имя Америго Веспуччи, который оказался рабовладельцем и участвовал в работоторговле (правда, в обратном направлении, из Америки в Европу, но поможет ли это ему снискать благосклонность ревизионистов?). Если Д.Корди предложил всем «обиженным» прекратить членство в ASA – не предложит ли он прекратить «членство» на этом континенте, если континент не будет переименован?

Если, однако, имена политических деятелей еще могут быть как-то защищены на государственном уровне (по крайней мере при этой администрации), то у ученых и деятелей культуры такой защиты нет; она вся – в руках «научного и культурного сообщества», которое уже показало свои намерения и свою беззубость. Сама идея пересмотреть историю науки (а она будет пересмотрена, если описанная тенденция возобладает) на основе различных моральных проблем прошлого на самом деле не просто ошибочна, а абсолютно абсурдна. Нельзя найти в прошлом человека, свободного от чего-то «оскорбительного» для наших

современников (и очень часто оскорбительного в его время). Мне глубоко отвратительны антисемитские фразы К.Пирсона (Р.Фишер, кстати, никогда не делал таких вещей, насколько мне известно); я возмущен безобразной политикой Ф.Д.Рузвельта и У.Черчилля в отношении еврейской иммиграции из Германии во время Второй мировой войны или идеями К.Дарвина, подобными приведенным выше, и всегда буду помнить об этом, думая об этих людях. Но это не мешает мне признать их огромные достижения. Нет шкалы, на которой можно было бы оценивать личные качества путем взвешивания (в смысле, что «расизм важнее достижений»). По сути, человеческая история – это кровавая цепь войн и геноцидов, и каждый, если захочет, может найти вокруг тысячи врагов; «оскорбления» станут бессчетными и бессмысленными. И именно здесь начинается *культура достоинства* – деяния преступника касаются его, а не меня, они не ущемляют меня как личность, но могут вызвать чувство отвращения. Это чувство, однако, я никак не могу навязывать другим и тем более – «призывать преступника к ответу».

Это очень личный моральный выбор. Я не имею никаких проблем с личным мнением Д.Корди о Р.Фишере, каким бы плохим оно ни было, но я категорически против логики, согласно которой личные моральные суждения должны быть общепринятым правилом. Вот где проходит граница между *культурой достоинства* и *культурой виктимности*, и если научное сообщество переступит черту – это действительно чрезвычайно опасно.

Исторически старые, прежние названия возвращались тогда, когда менялась некая идеология, менялась правящая династия или происходила революция. Но в нынешней ситуации в США и других странах не просматривается в обозримом будущем, что культура виктимности внезапно прекратит свой победный путь. Это вопрос не смены династии или революции, а вопрос глубокого изменения структуры общества. Если культура виктимности с ее постоянно растущими требованиями к ненадлежащему поведению всех, мертвых или живых, наконец, совпадет с образовательной и научной нормами, изменения будут необратимыми. В наиболее циничной и остроумной форме последствия предсказаны В.Пелевиным в «Искусстве легких касаний» (2019 г.). Его целенаправленно созданным «химерам» можно не доверять (роман все же, не доклад ГРУ), но приглядеться стоит.

Когда в 1930 году Булгаков писал Сталину свое невероятно смелое письмо (см. эпиграф), у него был вполне конкретный адресат. Теперь адресаты подобных призывов к свободе слова, мнений и исследований разбросаны повсюду и по этой причине практически недостижимы. Боюсь, что письмо профессора Т.Каца [20], которого особенно возмутила начальная фраза: «*Борьба с Черными лежит в основании Америки (Anti-Blackness is foundational to America)*» в «Письме преподавателей Принстонского университета» [15], останется просто личным мнением (не единственным, конечно), адресованным в основном глухим. И что даже

коллективное письмо о справедливости и открытых дебатах [1], подписанное 151 видным деятелем, где говорится о «новом наборе моральных взглядов и политических обязательств, которые, как правило, ослабляют наши нормы открытых дебатов и терпимости к разногласиям в пользу идеологического соответствия», не будет услышано так широко, как следовало бы.

В упомянутом «Письме преподавателей» 450 подписантов одного из самых престижных университетов США и мира просят президента университета, в частности, о следующем: *«Создать комитет... который будет контролировать расследование и принимать дисциплинарные меры в отношении расистского поведения, инцидентов, исследований и публикаций... Руководящие принципы в отношении того, что считается расистским поведением, инцидентами, исследованиями и публикациями, будут разработаны комитетом факультета для включения в тот же набор правил и процедур».*

Задумайтесь на минутку. Разве это не то же самое, что «...рыба, публично заверяющая, что ей не нужна вода», из письма М.Булгакова? Профессора добровольно требуют ограничения свободы слова и готовы передать правила этого ограничения в руки некоего «комитета»! В Советском Союзе публикация была невозможна без так называемого «Акта экспертизы» – бумаги на пяти страницах с примерно двадцатью, насколько я помню, вопросами, ответы на которые должны свидетельствовать о том, что статья не содержит государственной тайны, антимарксистской идеологии и т.п. Его должны были подписать четыре-пять человек. Чтобы собрать все подписи, требовалось до двух-трех недель (разумеется, никто не читал ни самой статьи, ни «Акта»).

Сейчас в Принстонском университете профессора хотят установить нечто очень похожее, но для проверки «на расизм»! Воистину, история повторяется как фарс. Представляю, как какой-нибудь седовласый профессор пишет и-мэйлы, напоминая члену «комитета», чтобы тот, наконец, дал свое заключение о расовой чистоте статьи об элементарных частицах. Я также могу представить, как легко эта новосозданная бюрократия превратится в инквизиционный орган, ломающий репутацию и настаивающий на увольнении «недостаточно антирасистских людей» (коллективное давление на «расистов» уже началось, что ясно, скажем, из заявления известной журналистки Б. Вайс о ее отставке из «Нью-Йорк Таймс» [43]).

Неудивительно, что возмущенный Т.Кац так охарактеризовал это и многие другие предложения (о различных льготах только для «цветных людей»): *«...в случае их реализации это приведет к гражданской войне в университетском городке и еще больше подорвет общественное доверие к тому, как работают элитные высшие учебные заведения».*

Такова очень печальная новая реальность. Культура виктимности может существовать только в том случае, если «спрос» на привилегии встречается с «предложением» таковых со стороны других. Но сейчас часто предложение даже опережает спрос; само общество предлагает

вещи, которые призывают к неравенству различных групп, даже если, как саркастически заметил Т. Кац, мы «оставим в стороне вопрос об определении тех, кто квалифицируется как "цветной", хотя это и нетривиальный вопрос».

Действительно, нетривиальный. Это сразу напоминает расовую практику нацистов, которые проверяли генеалогию до третьего уровня или измеряли пропорции черепа. Как, на самом деле, защитники новой политики будут определять «окрашенность»? Или «белизну», если на то пошло? Кто именно имеет право на льготы, которые могут быть вполне существенными, например: «Цветной сотрудник начального уровня должен иметь один дополнительный семестр творческого отпуска»? Разве это не расизм в его наиболее очевидной форме? И мы слышим просьбу об этом от профессоров Принстона?! Так и видишь зощенковских персонажей, кричащих: «Мне, мне отпуск – у меня оба родителя черные, а у этой – только один!»

Основная общественная опасность даже не в переименовании Премии как таковой, а в концепции отхода от принципа меритократии. В Советском Союзе национальная политика и нарушение меритократии шли рука об руку. «Меньшинства» (которые часто составляли большинство в своем регионе) получали поддержку (пусть и в очень покровительственной форме) из Москвы, но помощь не давалась бесплатно – настоящая русификация в той или иной форме происходила всегда. Они же платили россиянам либо плохо скрытым, либо открытым национализмом в советское и постсоветское время соответственно. В обоих сценариях меритократия была серьезно искажена. Любые привилегии, предоставленные меньшинству (например, снижение требований для поступления в университеты), трансформировались в систему коррумпированной сети для «своих людей» в советское время и замены русских на членов коренной нации в постсоветское время. Наблюдая все это на собственном опыте в течение многих лет, я чувствую себя чрезвычайно неловко, когда вижу подобные тенденции в США. В идеале борьба с расизмом не обязательно должна совпадать с отрицанием меритократии, но практика, похоже, не следует этому.

Будущее культуры виктимности в академических кругах и обществе в целом будет зависеть от двух факторов: уровня требований со стороны «оскорбленных» и уровня сопротивления этим требованиям со стороны всех «других». Как и в любой сложной системе, если возникнет отрицательная обратная связь (то есть рост давления будет сопровождаться увеличением сопротивления), новый баланс будет установлен – возможно, к общему благополучию. Но если обратная связь будет положительной, то есть «другие» вместо сопротивления станут уступать все новым и новым требованиям, – система рано или поздно рухнет (представьте, например, реальное доминирование принципа «идентичности» над принципом меритократии при найме на работу). На данный момент отношения между двумя сторонами одного процесса не кажутся здоровыми – например, 1 против 450 в случае Принстона или 10-

15 против 8000 лиц, подписавших Петицию по «делу Р. Фишера».

Д. Виттен жаловалась в процессе переименования, что «*тот факт, что большинство статистиков, которых я опрашивала по этому поводу, не соглашались со мной, очень обескураживает меня в надежде увидеть какие-либо реальные изменения в нашей области*» [45]. Меня это, напротив, воодушевляет. Что действительно обескураживает, так это то, что эти голоса, хотя и существуют, однако не слышны повсеместно, пусть и по понятным причинам. Как заметил один анонимный профессор из Беркли, возмущенный сложившейся практикой: «...я уверен, что если бы мое имя было указано в этом электронном письме, я бы потерял работу и перспективы на дальнейшее трудоустройство ... примите к сведению, я пишу как цветной человек» [2]. То есть сопротивление имеется, но в основном в скрытой форме, примерно как поддержка Д. Трампа миллионами людей вплоть до момента выборов. Время покажет, будет ли оно эпохой достоинства или бесчестия.

Литература

1. A Letter on Justice and Open Debate. Harper's magazine (2020), <https://harpers.org/a-letter-on-justice-and-open-debate/>.
2. Anonymous Berkeley Professor Shreds BLM Injustice Narrative (2020), <https://www.freerepublic.com/focus/f-news/3855424/posts>.
3. Biodemography and Social Biology, https://en.wikipedia.org/wiki/Biodemography_and_Social_Biology.
4. Burdett, E. (2011). The Continent of Murder: Disability and the Nazi „Euthanasia“ Programme in the Euthanasia Debates of Britain and the United States, 1945-Present“, UCL.
5. Cahan, E. (2020). Amid protests against racism, scientists move to strip offensive names from journals, prizes, and more. Science, Jul 2, doi:10.1126/science.abd6441.
6. Caldwell, C. (2020). The Age of Entitlement: America Since the Sixties, Simon & Schuster, 2020.
7. Campbell, B., Manning, J. (2018). The Rise of Victimhood Culture: Microaggressions, Safe Spaces, and the New Culture Wars, Palgrave Macmillan.
8. Ceci, S., Williams, W. (2009). Should scientists study race and IQ? YES: The scientific truth must be pursued. Nature 457, 788–789 <https://doi.org/10.1038/457788a>.
9. COPSS Distinguished Achievement Award and Lectureship https://en.wikipedia.org/wiki/COPSS_Distinguished_Achievement_Award_and_Lectureship#cite_note-4.
10. COPSS Statement on Fisher Lectureship and Award (released on June 23, 2020) <https://community.amstat.org/copss/home>.
11. Crane, H., Guinness, J.R., Martin, R. (2020). Comment on the Proposal to Rename the R. A. Fisher Lecture. <https://www.researchers.one/article/2020-06-11>.
12. Darwin, C. (1871). The descent of man, and selection in relation to sex, London: John Murray. V.1.
13. Dreier, P. (2018). Was Albert Einstein a Racist? <https://prospect.org/civil-rights/albert-einstein-racist/>.
14. Edwards, A. (2011). "Mathematizing Darwin". Behavioral Ecology and Sociobiology. 65 (3):421-430; https://en.wikipedia.org/wiki/Ronald_Fisher#cite_r

ef-Edwards_pp_421%E2%80%93430_8-0.

15. Faculty Letter to President Eisgruber Princeton University (2020) https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSfPmfeDKBi25_7rUTKkhZ3cyMICQicp05ReVaeBpEdYUCKyIA/viewform.

16. Global Genetic Testing Services Market is Expected to Reach USD 67.1 Billion by 2025 (2020). <https://www.globenewswire.com/news-release/2020/02/26/1990568/0/en/Global-Genetic-Testing-Services-Market-is-Expected-to-Reach-USD-67-1-Billion-by-2025-Fior-Markets.html>.

17. Hald, A. (1998). *A History of Mathematical Statistics*. New York: Wiley.; https://en.wikipedia.org/wiki/Ronald_Fisher#cite_note-Hald98-6.

18. Hartocollis, A. (2020). Justice Dept. Accuses Yale of Discrimination in Application Process, NYT, Aug 13.

19. Jaschik, S. (2017) Professors and Politics: What the Research Says insidethehighered.com/.

20. Katz, J. (2020) A Declaration of Independence by a Princeton Professor <https://quillette.com/2020/07/08/a-declaration-of-independence-by-a-princeton-professor/>.

21. Krauss, L. (2020) The Ideological Corruption of Science. In *American laboratories and universities, the spirit of Trofim Lysenko has suddenly been woke*. WSJ.

22. Langbert, M. (2018). *Homogenous: The Political Affiliations of Elite Liberal Arts College Faculty*, Academic Questions, Summer.

23. List of killings by law enforcement officers by country https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_killings_by_law_enforcement_officers_by_country.

24. Mandel, I. (2017). Causality Modeling and Statistical Generative Mechanisms. In: *Braverman Reading in Machine Learning, Lecture Notes in Artificial Intelligence*, Springer, 2017, 148-188.

25. Mandel, I. (2020). The science of statistics in victimhood culture: dignity and dishonor, SSRN, https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3666383.

26. Mereschkowski Konstantin, https://en.wikipedia.org/wiki/Konstantin_Mereschkowski.

27. Murray, C. (2020). *Human Diversity: The Biology of Gender, Race, and Class*. Twelve.

28. Otmar Freiherr von Verschuer https://en.wikipedia.org/wiki/Otmar_Freiherr_von_Verschuer.

29. Ott, M. Rename The Fisher Lecture After David Blackwell (2020). *Petition on Change.com*; <https://www.change.org/p/american-statistical-association-rename-the-fisher-lecture-after-david-blackwell> June.

30. Peeples, L. (2020) What the data say about police brutality and racial bias – and which reforms might work. *Nature*, <https://www.nature.com/articles/d41586-020-01846-z>.

31. Sterilization law in the United States https://en.wikipedia.org/wiki/Sterilization_law_in_the_United_States.

32. Stern, A. (2016). That Time The United States Sterilized 60,000 Of Its Citizens <https://www.huffpost.com/>

33. Stigler, S. (2019), as quoted in: R. Langkjær-Bain *The troubling legacy of Francis Galton*, *Significance*, Volume 16, Issue 3 (2019), <https://doi.org/10.1111/j.1740-9713.2019.01275.x>

34. *The Race concept: results of an inquiry* (1952). UNESCO, Document code: SS.53/II.9/A, 1952 <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000073351>

35. The recent push to rename the R.A. Fisher Lectureship (blog,

06/07/20) <https://community.amstat.org/communities/community-home/digestviewer/viewthread?MessageKey=be8fa87b-3892-4a84-a559-17af4b1a1307&CommunityKey=6b2d607a-e31f-4f19-8357-020a8631b999&tab=digestviewer>

36. Troubled by the hasty decision to rename the Fisher Award (2020). (blog, 6/19/20) <https://community.amstat.org/communities/community-home/digestviewer/viewthread?MessageKey=d72fb521-6ec1-4a94-81f5-c83eee0c7349&CommunityKey=6b2d607a-e31f-4f19-8357-020a8631b999&tab=digestviewer#bmd72fb521-6ec1-4a94-81f5-c83eee0c7349>.

37. Tugend, T. (2020) LA Jews reeling after local institutions looted and burned in Floyd protests. <https://www.timesofisrael.com/la-jews-take-stock-after-george-floyd-protests-batter-local-institutions/> (06/03/20).

38. Twitter thread (2020). <https://mobile.twitter.com/mcmcgiffin/status/1270395280463183872>, 6/09/20

39. UCL denames buildings named after eugenicists (2020). <https://www.ucl.ac.uk/news/2020/jun/ucl-denames-buildings-named-after-eugenicists>

40. Victims of intentional homicide (2020) 1990-2018. United Nations Office on Drugs and crime <https://dataunodc.un.org/content/data/homicide/homicide-rate>

41. Wasserstein, R. L., Lazar, N. A. (2016). The ASA Statement on p-Values: Context, Process, and Purpose *The American Statistician*, Volume 70, Issue 2

42. Weiss, S. F. (2010). After the Fall: Political Whitewashing, Professional Posturing, and Personal Refashioning in the Postwar Career of Otmar Freiherr von Verschuer. *Isis* Vol. 101, No. 4, 722-758

43. Weiss, B. (2020). Resignation letter <https://www.bariweiss.com/resignation-letter>

44. Wilkinson, S., Garrard, E. (2013). *Eugenics and the Ethics of Selective Reproduction*. Keele University, UK.

45. Witten, D. (2020). https://twitter.com/daniela_witten/status/1268392726380163075, 2020 June 4 M.

Лазарь Мармур – родился в Ленинграде. В 1972 году закончил Кораблестроительный институт. Инженер-механик в области больших грузоподъемных машин. Имеет несколько патентов. Стихи пишет со школы. Посещал литобъединения Давыдова и Горбовского. 30 лет назад эмигрировал в США. В альманахе «День зарубежной русской поэзии – 2019» опубликован отрывок из поэмы «Триптих».

Триптих

Вечной памяти местечка Копыль

1. Местечко. Рохл-Лейка

В наше тихое местечко
Не свернет узкоколейка,
И из всех чудес на свете
Есть у нас лишь Рохл-Лейка.

Дочка Шимона – цыгана,
Кареглаза, белозуба,
И клянусь, что полместечка
Спит и видит эти губы.

А когда она смеется,
Жить не хочешь – рассмеешься.
Полместечка смотрит, Рохл,
На кого ты обернешься!..

Дом на ней, и братья тоже,
Трое – Мотл, Довид, Зяма,
И малая – шейне Роза,
Названная после мамы.

Целый день она в работе,
То готовит, то стирает.
Наверное, у наркома
В доме чище не бывает.

Ей сказала как-то Голда,
Рыжая вдова-соседка:
«Мойша мой собрался в город,
Поезжайте вместе, детки.

Ты должна учиться, Рохл,
Ты же умница, я вижу.
За отца не беспокойся,
И мальчишек не обижу.

Накормлю всех, обстираю,
 Чтобы мне не видеть сраму.
 Холить буду нашу Розу,
 Названную после мамы».

Повезло шлемазлу Мойше,
 Все устроила мамаша –
 Как последний хоменташ, он
 Заграбастал чудо наше.

Вечером, закончив ужин,
 С бороды очистив крошки,
 Шимон ей сказал: «Учиться
 Ты поедешь вместе с Мойшей».

«Никуда я не поеду, –
 Рохл в слезы. – Не поеду!
 Что же, как козу дурную,
 Гонишь ты меня к соседу?»

«Я решил, – отрезал Шимон, –
 И не будет разговора!
 После шабеса, наутро,
 Повезу вас с Мойшей в город».

На заре он впряг лошадку,
 Тронул старую вожжами.
 Полместечка в это утро
 Рохл-Лейку провожало.

Вот она рукой махнула,
 Будто каждому отдельно...
 Нам бы знак, за той телегой
 Мы бежали бы неделю.

Через год они вернулись
 До родительской «усады»,
 И большой начальник Мордух
 Подарил им шкаф на свадьбу.

А потом они учились,
 А потом они рожали –
 Осю, Гришу и малую,
 Ставшую за Голду – Галей.

Жили весело и просто,
 В коммуналке у вокзала.
 Полместечка, наверно,
 Там хоть раз, да ночевало.

Тридцать лет в одной и той же –
 117-й районной –
 Физику – Михал Иосич,
 Алгебру – Рахиль Семенна.

Академик Пивоваров,
Знаменитый доктор Камин
И еще один, секретный,
Были их учениками.

Дети выросли так быстро.
Оська в физике профессор,
Гриша – врач, и Галка тоже,
Замужем живет в Одессе.

А потом, конечно, внуки,
Дни рожденья, юбилеи...
Что еще на этом свете
Нужно старому еврею?..

* * *

Все бы так, да по-другому
Порешилось в сорок третьем.
Не уехал Мойша в город,
Не родились его дети.

В наше тихое местечко
Не заглядывает лето,
Снег зимой не студит окна,
Никого там больше нету.

Две просевшие могилы
На опушке, без ограды.
Полместечка в той, что слева,
Остальные – в той, что рядом.

Все там – Шимон, Голда, Мойша,
Братья – Мотл, Довид, Зяма,
И малая – шейне Роза,
Названная после мамы,

Старый ребе Канторович,
Две соседки – Хана с Бетей...
Вперемешку, без разбора,
Женщины, мужчины, дети.

Фельдшер Лейб, молочник Яшка,
Дора, Идка – пустобреха,
Тетя Соня, дядя Лейзер,
Все там, все... и наша Рохл.

Дочка Шимона – цыгана,
Кареглаза, белозуба,
И, клянусь, что полместечка
Спит и видит эти губы...

* * *

У бездомного забора
Не растет уже поречка.
Ходит ветер на могилы,
Где лежит мое местечко.

Там на всех довольно места,
Там не ведают разлуки
Неродившиеся дети,
Неродившиеся внуки.

Галя рядом с бабкой Голдой,
Жметя Гришка к дяде Зяме,
Две близняшки шейне Розы
Тулятся поближе к маме.

Их все больше, больше, больше,
Чьи-то сестры, чьи-то братья,
Внука вашего невеста,
Правнучки моей приятель.

Нет имен их в черных списках,
Нет следов в земле бугристой,
Вместо разных дней рожденья –
Только общий день убийства.

Там уже земля осела,
Там уже земля остыла.
Столько нет камней на свете –
Положить на их могилы.

Точно просекой по лесу
Выкосило наше семя.
И хоть годы гонят годы,
Ничего не лечит время...

* * *

Попрошу я внука Яшку,
Что по-нынешнему Jacob,
Чтоб назвал он дочку Rachel
После нашей Рохл-Лейки.

Чтоб она играла в куклы,
Как и все другие дети,
Чтоб жила на свете Рохл,
Чтоб она была на свете...

2. Фрейлехс. Рохелке

Рохелке, буболе, сердце мое,
В платье воздушном, «подружка невесты»,
Как ты играешь и как ты поёшь,
Как тебе, милая, все интересно.

Свадьба у нас. Все пришли, кто живой.
Внучка – невеста и хлопчик хороший.
Хуа, как небо над головой,
Дай ты им, Господи, деток и грошей.
Роза моя, жалко, не дожидла,
Как она нашу малую любила,
Как у подъезда со школы ждала,
Как хомингташн на праздник лепила.

Зал, как огромная люстра, блестит,
Шварце певица, стройна и упруга,
Вывела с детства знакомый мотив
На середину еврейского круга.

Тысячи лет эта музыка нам
Радость дарила, сулила надежду,
Что не гореть больше нашим домам,
Над молодыми не плакать, как прежде.

Рохелке, мамка, иди же танцуй
За руку с папой, туда, в середину.
Прадеду легкий оставь поцелуй,
Дай только я наклонюсь и подвинусь.

Ну же, беги, не стесняйся, беги,
Там тебя каждый и знает, и любит.
Туфельки белые не береги,
К свадьбе твоей зейде новые купит.

В старых ногах нет бывшего огня –
Вены, измученные варикозом.
Первый свой фрейлехс танцуй за меня
И за прабабку свою – бабу Розу.

* * *

Корни у нас на другом берегу,
В старых местечках и общих могилах.
Там никого уже не сберегу,
Там не звучит больше Хава Нагила.

Там, где Бог жизнью меня наградил,
Нет никого, кто когда-то был дорог,
С кем я в еврейскую школу ходил,
С кем танцевал до упаду «Семь-сорок».

Как же мы пели «Бай мир бисту шейн»,
Глядя на наших соседских подружек...
Нет никого. Ветер пустоши выюжит
И замечает могилы. Амейн.

Многие лета, опять и опять,
Счастью свое открывая сердечко,
Будешь ты фрейлехс за нас танцевать,
За недожившее наше местечко.

Это, конечно, случится не вдруг,
Кто-то наденет на палец колечко,
И сыновья твои выйдут на круг
За неубитое наше местечко...

* * *

Будет по-разному – счастье по крохам,
Век станет спрашивать строже и строже.
Пусть тебя ТА оградит и поможет,
После которой ты названа, Рохл.

«В наше тихое местечко
Не свернет узкоколейка,
И из всех чудес на свете
Есть у нас лишь Рохл-Лейка...»

3. Шарф. Рейчел

Шарф был синий,
с красно-белыми крестиками.
Он выглядел как новый,
с яркими красками и ровными краями.
Кашемировый, мягкий и теплый.
Зейде получил его в подарок
за три месяца до смерти.
В декабре.

Мама повязала мне шарф на шею.
Я уткнула в него нос
И не ощутила запаха Зейде,
потому что он почти не носил его.

Он умер слишком рано
и не оставил мне ничего,
кроме фотографий.

Я называла его Зейде.
Он звал меня – Рохл.

Зоя Полевая - родилась в Киеве.

Окончила Киевский институт инженеров гражданской авиации. Работала авиаинженером. Стихи писала с детства. В 90-е годы посещала поэтическую студию Леонида Вышеславского «Зеркальная гостиная» и двадцать лет была членом клуба «Экслибрис», руководимого Майей Марковной Потаповой, при Киевской городской библиотеке искусств. В 1999 году в Киеве вышел поэтический сборник «Отражение». С сентября 1999 года живет в США. Печатается в литературных журналах. В 2002 году, продолжая киевские традиции, организовала в Нью-Джерси литературный клуб "Exlibris NJ", которым руководит и поныне. Мать двух сыновей.

Стихотворения

Изгнание

И быть бы нам рядом,
Когда бы шли полем,
Но мы пошли садом.
По нашей ли воле,
По чьей-то ли воле
Решили: присядем.
Мы сели на землю,
Трава расступилась,
Цветы отвернулись.
А утро настало,
И мы не проснулись,
И мы не проснулись.
Зачем ты нагая
Сияла, как будто сгорая?
Мы были в раю,
Но доселе не ведали рая.
И горные птицы,
И горы, и дальние дали
Такого сиянья
Еще никогда не видали.
Пчела над тобою кружила,
И утро звенело.
Текли вдоль долины неслышно
Медовые реки.
Деревья в плодах,
Этим летом все рано поспело.
А нам расставаться,
А нам расставаться навеки.

Декабрь 2019

* * *

Нет ни отзвука, ни звука,
 Сколько ни зови,
 Здесь всегда стоит разлука
 С жизнью визави.
 Без ответов и вопросов
 Сотни лет подряд
 Неподвижно, безголосо
 Камни говорят.

Друг далекий, дай мне руку,
 Друг любимый мой,
 Хоть на радость, хоть на муку
 Уведи домой.
 Пусть вода в ладони льется,
 Пусть звенит вода,
 Пусть ничто не остается
 Раз и навсегда –
 Бьются тонкие стаканы,
 Плачут от обид,
 И залечивают раны,
 И огонь горит.

Декабрь 2019

* * *

«Служенье муз не терпит суеты»,
 И суета не терпит вдохновенья.
 Над пропастью возносятся мосты.
 Живет душа без страха и забвенья.
 Безгрешны и пленительно чисты
 Бесхитростно рожденные создания.
 И нет границ и мер у мироздания,
 И нет их у любви и доброты.

Как зримо все прекрасное вокруг,
 Невинное, лишённое злой воли.
 Благословен откликнувшийся друг
 В неверный час сомнения и боли.
 Благословен весенний яркий луг
 И щедрым злаком зреющее поле,
 И осени живой гончарный круг,
 И зимнее прозрачное раздолье.

А дальше – неба хрупкое стекло,
 То звездное, то синее, то в тучах.
 Туда уже заброшено весло,
 Там встретимся, когда наступит случай.
 Тогда уже без всякой суеты,
 Без страхов, притяжения, обузы
 Соидется все: стихи, поэты, музы,
 Откроются небесной воли шлюзы,
 Сомкнутся разведенные мосты.

Март 2020

* * *

Мой мальчик, какие невнятные речи:
 «Я занят. Рутин. Работа. Усталость».
 Дни льются дождем, и в них главное – встречи.
 Так сколько же их в нашей жизни осталось?

А помнишь, как мы выезжали на дачу?
 Свободу и скудность нехитрого быта?
 Другие заботы, другие задачи?
 И все позабыто, и все позабыто?

Но где-то, в какой-то небесной долине,
 Начертаны чьей-то чудесной рукою
 Сто тысяч прекрасных сияющих линий
 Над светлой и вечно текущей рекою.

Там верно хранится зачатия тайна,
 Рождения нежность, и слезы, и счастье,
 И та неизбежность, и та неизбежность,
 Когда разрывается сердце на части.

Ноябрь 2019

* * *

Должно быть, верно: на планете Земля,
 Где не беспечно и недолго гостила,
 Не догнать мне было того корабля,
 Уплывали на нем те, кого взрастила.

Должно быть, верно: солнца вино
 На рассвете искрилось, в закате рдело,
 Но губ моих не касалось оно
 И рук моих в холода не грело.

Должно быть, верно: двери открой –
 Дуют ветра да снегами дышат.
 Были бы братья – была б сестрой,
 А так – кричи ли, шепчи – никто не слышит.

Февраль 2020

О любви в стиле рэп

Это любовь, любовь,
 Ее жаждет любой, любой,
 Каждый, каждый
 Ее жаждет, жаждет.
 Не важно это:
 Какого ты роста, цвета,
 А важно это:
 Сколько в тебе света, света,
 Что ты сам излучаешь,
 Что взамен получаешь.

Это любовь, любовь,
 Ее жаждет любой, любой.
 Первая твоя любовь –
 Мама, мама,
 Но этого мало, мало.
 Потом ты ищешь его, ее,
 Солнце свое, только свое.
 Затем любовь твоя
 Дети, дети.
 Эти заботы,
 Старанья эти.
 Ручки, ножки,
 Одежки, сережки,
 Лучшее, лучшее,
 Что только есть на свете.

Но истина примитивно простая:
 Дети уходят, когда вырастают.
 Где же любовь, любовь?
 Одни муки.
 Ах, вот она:
 Появляются внуки.
 Птицы поют,
 Голова седеет.
 Внуки растут, дни бегут скорее,
 И не хочется думать,
 Что случится однажды.
 Только любовь, любовь...
 Ее жаждет каждый,
 Ее жаждет каждый.

Март 2020

Памяти В.Германа

Вот еще одна дверь заперта до поры,
 Вот еще один друг не вернулся вчера.
 Что сказать, что сказать про иные миры?
 Только в этом сегодня зияет дыра.

Чем латать, чем латать? Только горечь глотать,
 Только дальше глядеть, только ниже летать,
 Все сильнее при каждом движении
 Ощущая земли притяжение.

Ноябрь 2019

Юрий Солодкин – родился и всю жизнь до отъезда в Америку прожил в Новосибирске. Прошел все ступени научного сотрудника – от аспиранта до доктора технических наук, профессора. В Америке с 1996 года. Работал в метрологической лаборатории в Ньюарке. Рифмованные строчки любил писать всегда, но только в Америке стал заниматься этим серьезно. В итоге в России вышло четыре поэтических сборника, книга прозы и шесть книжек стихов для детей. Кроме того, в интернет-журналах Берковича и в журнале «Время и Место» опубликованы очерки и эссе.

Библейские поэмы

Иов

*Мне в самую проникнуть суть бы,
И пару слов сказать Тому,
Кто пишет в книгу наши судьбы,
Непостижимые уму.*

Из книги автора «Если вкратце...»

*...Варшавское гетто погибает с боем, с выстрелами, с борьбой, в
пламени, но без воплей. Евреи не кричат от ужаса. Они
принимают смерть как избавителя.*

*...Я положу бумагу, на которой пишу теперь, в бутылку и спрячу
ее между кирпичами. И если когда-нибудь кто-нибудь найдет ее и
прочтет, быть может, он поймет чувства еврея, одного из
миллионов, который умер, покинутый Богом, в которого он так
верит.*

*...Мое отношение к Нему больше не отношение раба к своему
господину, а отношение ученика к учителю. Я склоняю голову перед
Его величием, но не буду целовать палку, которой Он подвергает
меня наказанию.*

Рабби Йосель Раковер, 28 апреля 1943 г.

Из записки, найденной в руинах Варшавского гетто

1

В стране, которой нет давным-давно,
Не царь, не рыцарь, но богат не в меру,
Он верил в то, что Богом все дано.
Ничто не омрачало эту веру.

Семь тысяч у него в стадах овец,
Три тысячи верблюдов на просторе.
Своим он детям любящий отец,
И праведно живет во всем по Торе.

Пятьсот рабов не ведали плетей.
О доброте его молва гудела.
И не было окрест его святых,
И славословьям не было предела.

Три дочери. На свете нет милей.
 Семь сыновей, один другого краше.
 Любуйся ими и от счастья млей.
 Не в наших детях разве счастье наше!

Еще грешны по молодости лет,
 Пируют и по глупости злословят,
 И удержу от грешных мыслей нет,
 И кайф они в утехах плотских ловят.

Иов учил детей по мере сил,
 Что праведной должна быть их дорога,
 И жертвы всеожоженья приносил,
 Чтоб им прощенье получить от Бога.

2

Архангелы дают отчет
 На совещании у Бога,
 Что в мире, где и как течет,
 И Бога чтут насколько строго.

Полно для Бога новостей,
 Их сообщают без изъятий.
 Людских немерено страстей,
 И славословий и проклятий.

– А ты чего молчишь, Сатан.
 Указ тебе был мною дан
 С проверкой обойти всю Землю.
 Тебе я с нетерпеньем внемлю.

Сатан архангел непростой,
 Он для особых поручений.
 Не склонен к болтовне пустой,
 И мастер пыток и мучений.

– Да все в порядке, Господин.
 У иудеев Ты один,
 А у других не перечесть
 Все божества, какие есть.

– Благодарю. Рассказ не нов.
 Другим пока что не со мною
 Идти дорогою земною.
 А как мой верный раб Иов?

Уже не молод, стал седым?
 С детьми, я слышал, нету сладу.
 От жертв его вдыхаю дым.
 Он их сжигает мне в усладу.

– Иов богат, Иов здоров,
 И праведно живет Иов.
 Без терний вся его дорога.
 Как тут не возвеличить Бога!

Не знал он горестей и бед,
Вот и к Тебе претензий нет.
А испытай его бедой,
И возопит раб верный твой.

А дальше было, спор-не спор,
Но завершился разговор
Тем, что Иов Сатану дан,
И начал действовать Сатан.

3

В соседстве жили иудеи –
Там савяене, здесь халдеи.
Вопросы мирно все решали,
Границ чужих не нарушали.

Но миру вдруг пришел конец.
Соседи, что друзьями были,
Угнали скот – быков, овец,
И пастухов всех перебили.

А следом дикий крик и плач.
Сатан устроил пытку эту.
Он был с рождения палач,
И жалости в нем капли нету.

Своих и братьев и сестер
Собрал на праздник брат их старший.
И превратился дом в костер
От молнии, убийцей ставшей.

И рухнул дом, и всех накрыл.
Как пережить Иову это.
Одежды рвал и зверем был.
За что? И нет ему ответа.

– Нагим родился я на свет,
Нагим уйду в конце дороги.
Бог дал, Бог взял – вот весь ответ.
Не усомнюсь и ныне в Боге.

4

Иова не сломило горе.
Но все еще Сатана власть.
Обрушил на Иова вскоре
Сатан ужасную напасть.

Чужая боль ничто Сатану.
Как он терзал Иона плоть!
Я спрашивать не перестану,
Зачем Твое пари, Господь?!

Сатан придумал злодеянье –
Все тело в язвах, зуд такой,
Чесать скребком одно желанье,
И кожу раздирать рукой.

Жена взирает на мученья:
 – Доколе будешь ты терпеть.
 Все ждешь от Господа спасенья,
 Не устаешь осанну петь.

Остались мы с тобой одни.
 Господь подверг нас жутким карам.
 За что? Его ты прокляни,
 И мир оставь с его кошмаром.

И был жене ответ Иова.
 Он это говорил не раз.
 – Добро принять, так ты готова,
 А зло принять, так нету нас.

Господь судим не может нами,
 Неведомы Его пути,
 И наш удел по ним идти,
 Смирясь и не греша устами.

5

Три близких друга у Иова –
 Бильдад, Цофар и Элифаз.
 Он с ними пил и ел не раз,
 И вот они примчались снова.
 На друга, правда или бред,
 Свалилось столько страшных бед?

И что увидели воочью?
 Иов, их друг, как страшен он!
 Похоже на ужасный сон,
 Приснившийся ужасной ночью.

Одежды рвали и в печали
 Семь дней сидели и молчали.

6

Вскричал Иов на день восьмой:
 – Будь проклят день рожденья мой!
 И моего зачатья ночь
 Будь проклята, исчезни прочь.

Зачем я вышел из утробы?
 Познать страданья эти чтобы?
 Губами припадал к груди,
 Не зная, что там впереди.

Я с каждым часом все слабей.
 Отчаявшись, молю – убей.
 Злосчастному не нужен свет.
 Я смерти жду, а смерти нет.

Летит мой крик, как водопад,
 И мысли бьются невпопад.
 Настигли боль и страх меня.
 Жить дольше не хочу и дня.

7

И голос свой возвысил Элифаз:
 - Иов, твой жребий ужасает нас,
 И ты себя не в силах превозмочь,
 И свет померк, и безысходна ночь.

Не ты ли сам страдающих учил
 Одолевать неверие и страх,
 Пока свой срок земной не получил,
 И плоть пока не превратилась в прах.

Быть сильными учил других всегда.
 Сейчас тебя испытывает Бог.
 Огромная обрушилась беда,
 И ты от испытанья изнемог.

За что и почему - не твой вопрос.
 Иль человек прав более, чем Бог?
 Желаю я, чтоб все ты перенес
 И одолеть немыслимое смог.

Во всем, что есть, Божественного след,
 В лесах и водах и во всем живом.
 Источник Бог и радостей и бед.
 Не усомнимся в Нем, пока живем.

8

- Твои слова понятны, Элифаз.
 В поддержку мне и к Богу уваженье,
 Но боль мою понять на этот раз -
 Слабо, мой друг, твое воображенье.

Непроходимы горечь и тоска.
 Забыл я то, как счастлив был и весел.
 Не хватит у морей и рек песка,
 Чтоб тяжесть на весах уравновесил.

Мне и питье отвратно, и еда.
 В гниющих язвах изнывает кожа.
 Не знаю, чтобы чья-нибудь беда
 Была бы на мою хоть чуть похожа.
 Зло не творил, не осквернял уста.
 В чем в жизни ошибался, объясните.
 Ведь есть причина, если неспроста
 Мои с Всевышним оборвались нити.

Зачем мишенью выбрал Он меня
 И муками испытывает ада?
 Испепелил бы враз столбом огня,
 И я б исчез, искать меня не надо.

9

Тут в разговор вступил Бильдад:
 – Иов, ты сам себе не рад,
 И не поймешь, за что твой дом
 Наказан Божиим был судом.

Но в справедливости суда
 Не усомнись ты никогда.
 И что безгрешны сыновья,
 Прости, но не уверен я.

Не тот безгрешен, что речист,
 А тот, Иов, кто духом чист.
 Молись душой, не голоси.
 Его прощения проси.
 Мы только родились вчера.
 Все знать нам не пришла пора.
 Но есть Господь, Творец всему,
 И свято верим мы Ему.

10

И отвечал Иов Бильдаду:
 – Не грешен я пред Ним, Бильдад.
 За что же кары мне в награду,
 Как будто я последний гад.

Во мне греховность не ищи ты.
 Себя, поверь мне, знаю я.
 Но у кого искать защиты
 В суде, где сам Господь судья?

Господь, который движет горы
 И простирает небеса.
 Людские что Ему укоры
 И невинных голоса.

Наш путь коварный и тернистый.
 Как знать, кто грешен был, кто свят.
 Кто нечестивый был, кто чистый –
 Все оправдаться норовят.
 Я в страхе от моих страданий,
 Но глух к словам моим Господь.
 Моих не слышит оправданий.
 Убиты дети, в язвах плоть.

И дней моих уже немного.
 Исчезну я в крошечной мгле.
 Кто я, чтоб зло иметь на Бога?
 Всему Отец Он на Земле.

11

Цофар, молчавший до сих пор,
 Продолжил этот разговор.
 – Безгрешен, верю, ты, Иов,
 Но тонут мысли в море слов.

Жесток безумно этот час.
 Страдаешь ты необычайно.
 Но мудрость Божия для нас
 Неоткрываемая тайна.

Ты добродушен и речист.
 Считаешь, что кристально чист,
 Но не познаешь до конца
 Ты мудрость нашего Отца.
 Тебя пытаются на излом.
 Все на тебя свалилось разом.
 Но то, что над добром и злом,
 Скрывает в тайне Высший Разум.

Печальный подводя итог,
 В самом себе ищи смиренность.
 И вечной тайной будет Бог,
 А наша жизнь – одно мгновенье.

12

- Умны вы в рассужденьях и хитры –
 Пусть Бог наполнит дней моих остатки.
 Но почему грабителей шатры
 Благополучны, и всего в достатке?

Не знаем, что за судьбы нам даны.
 Слепые, как котята, мы с рожденья,
 И перед властью Бога все равны –
 Заблудший и вводящий в заблужденье.

Глубокое рождается из тьмы,
 Высокое рождается из света.
 И во плоти явились миру мы,
 И вместе говорим сейчас про это.
 Что вам известно, то известно мне,
 И вам, друзья, не надо быть врачами.
 Для дум о Боге времени вдвойне,
 Не только днями, но еще ночами.

Я не боюсь в суде предстать пред Ним.
 Сомнений нет, мой путь земной измерен.
 Задам вопрос, за что я был гоним?
 Ложь о себе развеять я намерен.

Зубами я в свою вгрызаюсь плоть,
 И в кулаке свою сжимаю душу.
 Хоть я презренный раб, а Он Господь,
 Пред Ним не онемею и не струшу.

13

На этот раз Иову парой фраз
 Попробовал ответить Элифаз.
 - Без мудрости познания пусты,
 И помыслы без веры не чисты.

Я слушал все внимательно, Иов.
 Сказал ты много бесполезных слов.
 Ты страх пред Богом хочешь умалить,
 Ни каяться не хочешь, ни молить.
 Ведешь себя, как будто человек
 Был создан до лесов, морей и рек.
 Ты пред Всевышним голову склони,
 Молитвами свои наполни дни.

14

– Как будто ты не знаешь, друг,
 Что так и жил я много лет.
 Так что же изменилось вдруг,
 И столько навалилось бед?

Не мне на Господа пенять,
 Был и достаток и семья.
 Имею право я понять,
 Чем перед Ним виновен я?

Утешить вы пришли меня.
 Не тратьте попусту труда.
 Лишь только смерть, к себе маня,
 Меня утешит навсегда.

Меня ты знаешь много лет.
 За что мне этот жуткий рок?
 Когда не знаю я ответ,
 Какой от наказания прок?

Я с вами поделился вслух,
 Верша земное бытие.
 В страданиях загублен дух,
 И черви тело ждут мое.

15

Тут голос прозвучал Бильдада:
 – У Бога спрашивать не надо,
 Ты виноват, Иов, иль нет.
 Получишь вряд ли ты ответ.

Повсюду вдоль земных дорог
 Силки нам расставляет Бог.
 Родится замысел взлететь,
 А Бог набрасывает сеть.

И трудно избежать теней
 Тому, кто по земле идет.

Все мы грешим по временам,
 И все, что остается нам –
 Принять, как данность, Божий гнев,
 Свои сомненья одолев.

16

Иов возвысил голос свой,
И голос был похож на вой.
- Вы, - возопил к друзьям Иов, -
Вой отличаете от слов!?

В десятый раз я вопию,
Страданий диких чашу пью.
На мне проклятия печать.
За что я должен отвечать?

Я ошибаться мог вполне.
Есть тайна, скрытая во мне.
Все, что хочу я, чтобы Бог
Ее открыть бы мне помог.

Из плоти я хочу узреть
Всевышнего. И умереть.

17

На этот раз Цофар в ответ:
- Предела Божьей силе нет.
Его неимоверен труд.
Быть может, Он бывает крут.

Но наказание без греха,
Иов, такая чепуха.

Хозяин жизней и смертей
Пасет нас, как своих детей.
За дерзость бьет своим ремнем.
Ответственность за нас на нем.

Он справедлив, хоть и суров.
Ты не суди Его, Иов.

18

- Меня винить пытаетесь вы зря.
Я говорю, не с вами говоря.
Я крайней точки на Земле достиг,
И вы пришли ко мне в последний миг.

Вы праведны и искренни, но все ж
Все ваши утешения есть ложь.
Я потерял детей, я разорен.
Напасти на меня со всех сторон.

Так неужели мне не по уму
Спросить Того, кто сверху, почему?

19

И вновь возвысил голос Элифаз:
 – Я повторить хочу в который раз,
 Умерь, Иов, свой непокорный нрав.
 Пред Богом быть никто не может прав.

Бог надо всем величье распростер,
 И бездна, что без дна, Его шатер.
 А твой вопрос – неверие Ему,
 И нет тебе ответа потому.

Бог рядом и безмерно далеко,
 А зло твое, должно быть, велико.
 И всем нам Бог единственный судья.
 С тобою рядом мы, твои друзья.

Не раздражайся ты от наших слов,
 Смирись, я вновь прошу тебя, Иов.

20

– Друг друга понимаем мы с трудом.
 Я об одном твержу, вы о другом.
 Я вам про то, как жизнь моя горька,
 А вы про счастье Божьего зверька.

Я про бандитов, что мой скот пасут,
 А вы – что их накажет Божий суд.
 Злодеи веселятся на пирах,
 А праведным страдания и крах.

Кому молиться и кого винить?
 У разума с рассудком рвется нить.
 Стараюсь подавить в себе мой стон,
 Но не могу. Наружу рвется он.

По силам все лишь Богу одному,
 И кто из смертных возразит Ему?

21

– Ты прав, – Иова поддержал Бильдад. –
 Коль с Господом случается разлад,
 То смертным возражать и смех и грех.
 Добром и злом Он наделяет всех.

22

– Бильдад, все это общие слова,
 А я, как видишь ты, дышу едва.
 Моя душа еще во мне пока,
 Но, словно птица, рвется в облака.

И прахом скоро станет голова,
 И мертвый рот не изречет слова.
 Гляжу я в небо, голову задрал,
 И жду ответа, прав я иль не прав.

Кто знал меня, ни в чем не упрекнул.
 За что, Господь, Твой беспощадный кнут?
 В чем я перед Тобою согрешил,
 Да так, что ты пытать меня решил?

Не упрекну со смертного одра.
 Непознанность Твоя, Господь, мудра.

Испытывает жизнь нас на излом.
 Она один клубок добра со злом.
 И ум нам нужен так вершить дела,
 Чтоб нити различать добра и зла.

Эпилог

Воспоминанья только тронь,
 И ужаснет картина вновь.
 Кровь так похожа на огонь,
 И так огонь похож на кровь.

А кровь красна и в лужи льет,
 И сполохи красны огня.
 И убивают пули влет,
 Пока других, а не меня.

Не снизойдет благая весть,
 Но путь еще не пройден весь,
 Пока бутылки рядом есть
 И зажигательная смесь.

Вот передышка в пять минут,
 И можно глянуть в синеву.
 Но час-другой, и нас сомнут,
 Не в страшном сне, а наяву.

И где Ты есть? Немой вопрос
 Летит к далеким небесам.
 Я с Торой и Талмудом рос,
 И стал, как дед, рабаем сам.

Не согрешил ни разу я,
 Не нарушал Твоих мицвот,
 И праведной была семья.
 Был счастлив. И такое вот!

Ты разве не имеешь глаз?
 Неисчислим поток смертей.
 Уже вдохнули смертный газ
 Жена и шесть моих детей.

И это горе перенести
 Не в силах я, пока живой.
 Ответь мне, Боже, где Ты есть?
 Подай, прошу я, голос свой.

И гробовая тишина.
 Молчит далекий небосвод.
 Восстание. Апрель. Весна.
 Варшава. Сорок третий год.

Последний счет моих минут,
 А Ты безмолвен мне в ответ.
 На баррикаду танки прут.
 Надежды на спасенье нет.

Ты не отвел мою беду.
 Полно других имеешь дел?
 Я с верою в Тебя уйду
 Иль прокляну за свой удел?

Ты главным был в моей судьбе.
 Я всем твердил, что ты оплот.
 Молился истово Тебе.
 А Ты воображенья плод!?

Прости безумность этих слов,
 Но столько крови и огня,
 Что целовать я не готов
 Тот кнут, которым бьешь меня.

Май, 2020

Иона

1

Треклятый голод третий год.
 Исыякли речки и потоки,
 И пытки голодом жестоки,
 И мрет от голода народ.

Из местных Илия-пророк,
 Волочит ноги еле-еле.
 Не ел почти что две недели.
 Ужели кончен жизни срок?

И видит Илия, во двор
 Выходит женщина с мальчонкой.
 Он не обходит их сторонкой,
 А начинает разговор.

Он просит дать ему воды,
 Еще опреснока немного.
 – Не откажи мне, ради Бога,
 Не выживу я без еды.

– Зайди, ты наш сегодня гость.
 Всем нам безумно тяжело ныне.
 Немного масла есть в кувшине.
 Еще муки осталась горсть.

От слабости валюсь я с ног.
Сейчас возьмем поленьев пару,
Добавим в нашей печке жару,
Спечем последний опреснок.

2

Призрела Илию вдова.
Он благодарен ей премного.
И к Богу обратив слова,
Он чуда попросил у Бога.

А Бог лишь поведет рукой,
И будет то, что не бывает.
Они и с маслом, и с мукой.
Берут, а все не убывает.

Господних дел не умалишь.
Они осанну Богу пели.
Но тяжело заболел мальш,
Уже и дышит еле-еле.

- За что сыночка, Илия?!
Он за грехи мои страдает.
И дальше жить смогу ли я, -
Вдова безудержно рыдает.

Простерши руки над дитём,
- О Боже! - Илия взмолился.
Другим не вылечить путем.
- Спаси его! - И свет пролился.

Затрепетала вновь душа,
И ожило дитя. О Боже!
Ионой звали малыша,
И быть ему пророком тоже.

3

Иона слышал голос Бога.
Что голос скажет, молча ждал.
Вопросов было очень много,
Но Бога он не досаждал.

Хоть в нас живут вопросы эти
От первых до последних дней,
Зачем они? За все в ответе
Господь один, Ему видней.
Давно Ионе голос не был,
Но вот пришел Ионы срок,
И он услышал голос с неба:
- Иди в Ниневию, пророк.

Народ погряз там во грехах,
Единобожия не знает Бога.
В Ниневию твоя дорога.
Ее судьба в твоих руках.

4

Ассирия империей была.
Ниневия была ее столицей.
За все антиеврейские дела
Воздать бы той Ниневии сторицей.

Узнал Иона, через сорок дней
Ниневию погибель ждет от Бога.
Ему, еврею, что жалеть о ней.
Как говорят, туда ей и дорога.

Пусть в назиданье всем горит огнем.
Он сам свои подбросил бы поленья.
Мучительная сшибка зреет в нем.
Но как же не исполнить повеленья?
Ослушаться – разгневаётся Бог
И так накажет, что не будет мало.
Сбежать бы, чтобы Он найти не смог,
И длань Его за грех не покарала.

5

Бог где-то там, в неведомой дали,
И выше Божьей воли нет закона.
В Ниневию отправился Иона,
Но в Яффо как бы спутал корабли.

И он плывет на корабле в Таршиш,
Надеясь, что избегнет Божьей кары,
Минуют и болезни и пожары.
Но как от Всемогущего сбежишь?

Иона в трюме отдохнуть прилег
И крепким сном забылся. А на море
Такая буря разыгралась вскоре,
Так закрутило, что не дай вам Бог.

И пассажиры все и моряки
Своим богам молитвы возносили,
Но боги были им помочь не в силе.
Шторм не стихал, молитвам вопреки.

6

– Давайте бросим жребий, и тогда
Узнаем мы, из-за кого беда.
Иона был единственный еврей.
Пал жребий на него. К нему скорей,

И разбудили.
– Кто ты и откуда?
И кто твой Бог? И живы мы покуда,
Проси, пусть пощадит Он грешных нас,
Иначе всем пришел нам смертный час.

- Моя молитва не поможет вам.
 Не внемлет больше Бог моим словам.
 Я Богом был отмечен и храним,
 Но сильно провинился перед ним.

Был жребий прав, во всем меня вина,
 И бросить в море вы должны меня.
 Утихнет сразу страшный ураган.
 Такой сигнал с небес сейчас мне дан.

И бросили. И сразу тишь да гладь.
 Не море, а сплошная благодать.
 Не утонул Иона, а плывет,
 Но никого на помощь не зовет.

7

Глазеет в изумлении народ
 На то, как поднимается из вод
 Огромная разинутая пасть.
 Тут в трепет перед Богом как не впасть.

Похоже на кита издалека,
 Да только пасть уж больно велика.
 И суждено Ионе в ней пропасть.
 С ним вместе в воду погрузилась пасть.

Исчез Иона. Снова гладь и тишь.
 Корабль продолжил дальше плыть в Таршиш.

8

Иона был готовым смерть принять.
 Но это чудо как ему понять?
 Есть чем дышать. Мерцает слабый свет.
 И пусто. Ни дверей, ни окон нет.

Какое тут сомненье, только Бог
 Такое сотворить с Ионой мог.
 Неистово три ночи и три дня
 Молил Иона:
 - Пощади меня!

Я избран был Тобой. И я, пророк,
 Ослушался Тебя, и мне урок
 На все мои оставшиеся дни.
 На милость справедливый гнев смени.

Убежище его открылось вдруг.
 Пустынный берег, никого вокруг.

Иона глянул в глубину небес,
 Где обитает Он, Творец чудес,
 И слышит голос Божий с высоты:
 - В Ниневию ступай, Иона, ты.

9

Ниневия роскошна и огромна.
В три дня не обойти ее пешком.
Вошел в столицу чужестранец скромно,
С котомкой за плечом и посошком.

Сто двадцать тысяч жителей столичных.
Кто был евреем, ныне прозелит.
Нет у Ионы ни знакомых личных,
Ни писем для кого-то из элит.

Он нищ и жалок, вид его потешен.
Да как поверят жители ему?!
В столице каждый так пред Богом грешен,
Что через сорок дней конец всему.

Присел у храма отдохнуть Иона,
Котомку развязал, достал еду.
За Бога думать нет ему резона,
Как отвести от города беду.

10

Иона, Господа избранник,
Сидит и хлеб свой скудный ест.
– Откуда будешь, Божий странник?
Ты из каких пришел к нам мест?

– Иона я, покорный Богу,
Но возражать Ему посмел.
В Таршиш отправился в дорогу,
А Он в Ниневии велел.

– Послушай, уж не о тебе ли
Молва повсюду говорит,
Что проглотил на той неделе
Тебя в воде огромный кит?

– Да, это я. И мне поверьте,
Я перед Богом согрешил,
Но избежал я в море смерти.
Господь простить меня решил.

Вмиг разнеслась молва о чуде.
Три дня в ките – не шутка вам.
И слушали Иону люди,
И верили его словам.

11

Все каются пред Богом, в чем повинны,
И от простолюдина до царя
В одеждах ходят все из мешковины.
Ведь Бог на них прогневался не зря.

Все сорок дней по одному и в хоре
 Молились Богу, соблюдали пост.
 Простит ли Бог иль уничтожит вскоре?
 Всеведущ Он, с Ним разговор непрост.
 Покаяться – еще не быть прощенным.
 Все ждали в страхе день сороковой.
 И внял Господь молитвам обращенным,
 Сменил на милость гнев небесный свой.

Не позабыть Ниневии урока.
 И с той поры осталось на века,
 Что нет в своем отечестве пророка.
 Приходит он всегда издалека.

Май, 2020.

Пури́м **Вступление**

- Глазам не верю, это ж ребе,
 А пьян в дымину. Что за хрень?
 - Так им какой-то выпал жребий.
 Быть надо пьяным в этот день.

- А там, гляди, танцуют кругом,
 Без женщин, только мужики.
 И, потешаясь друг над другом,
 Хохочут, словно дураки.

- А что им выпало на долю
 Такого, что один раз в год
 Им велено напиться вволю?
 Непьющий ведь они народ.

- Покуралесят, покричат,
 К утру затихнут, протрезвятся.
 - А посмотри на еврейчат –
 Как ошалелые, резвятся.

Одни колотят в барабаны,
 Трещетки у других в руках.
 - Должны услышать все амань,
 Что быть им вечно в дураках.

- А что амань за злодеи?
 В чем их извечная вина?
 Ведь неспроста же иудеи
 Должны напиться допьяна.

- Про это свиток древний есть.
 Там про Эстер и Мордехая.
 Неплохо бы его прочесть.
 - А что, идея неплохая!

Трон царя Соломона**1**

Умен был Навуходоносор,
 Не верил на ухо доносам
 И созидал во время оно
 Мощь и величье Вавилона.

Не чужд был гордости имперской,
 Был тать не тать, но та же стать.
 Не ждал от Иудеи дерзкой,
 Что та осмелится восстать.

Но Иудея вдруг восстала.
 Что ей всеильный Вавилон!
 Потомкам Шломо не пристало
 Чужим богам нести поклон.

И Иудея поднимала
 На смертный бой своих сынов.
 – Что ж, не покажется им мало!
 Сатрапу бунг такой не нов.

И гнев, что нет ему названья.
 – Смерть примет каждый иудей.
 И Первый Храм до основанья
 Разрушить повелел злодей.

2

Доставили сатрапу в Вавилон
 Подарок – иудейский царский трон.
 Он изготовлен был для Соломона,
 И много было чудных свойств у трона.

Ступени в монолите с ним. Их шесть.
 По ним подняться надо, чтобы сесть.

У лестницы по краю птицы, звери,
 Чтобы никто не усомнился в вере,
 Что Соломон из всех царей один
 Всему, что есть живое, господин.

И ноги на ступень когда вставали,
 Фигуры на ступени оживали.
 И рев зверей, и воркованье птичье –
 Все воспевало царское величье.

3

А почему ступеней было шесть?
 И в этом смысл, конечно, тоже есть.

Царь поднимался к трону не спеша.
 Парила в небесах его душа.
 Пока он шел, вершился диалог
 Про шесть мицвот, которых хочет Бог.

На первом шаге царь услышал:
 - Шма!
 Хотя тебе не занимать ума,
 Но в Торе много знаний наперед.
 И сам учись и просвещай народ.

- Как с теми быть, которые без чести,
 И злоба через край, и жажда мести, -
 Царь на втором шагу спросил у Бога.
 - Наказывать ты их не должен строго.
 Наказаны пусть будут не тобой,
 А сломанной, несчастною судьбой.

На третьем шаге о законах речь.
 Как совместить телесное с духовным
 И подданных своих предостеречь,
 Чтоб видели преступное греховным.

А на четвертом шаге разговор
 О тех, кто казнокрад, убийца, вор.
 И приговор суровым должен быть,
 На долгий срок в тюрьму или убить.

- А если кто-то враг твоим запретам? -
 На пятом шаге разговор об этом. -
 Как с ним прикажешь поступить царю?
 - Не первый раз тебе я говорю,

Что если дело примет оборот,
 И весь почти взбунтуется народ,
 Тогда не станет у народа дома.
 Всех ждет судьба Гоморры и Содома.

Ступень шестая перед тронном - брит,
 И о завете с Богом говорит.
 Она вершина с Богом диалога.
 Царь сотворцом становится для Бога
 И может сесть уверенно на трон.
 Успехов и удачи, Соломон!

4

Итак, в подарок соломонов трон
 Доставили сатрапу в Вавилон.

Победой как царю не усладиться.
 - И где он есть, единый их Хашем?!
 И мощь свою показывая всем,
 Сатрап пошел на этот трон садиться.

На первую ступень поднялся он.
 Тут ожил лев и поднял кверху лапу,
 И так ударил ей под зад сатрапу,
 Что взвыл сатрап, издав протяжный стон.

И с той поры пошел в народе слух,
 Что лев на этом троне не напрасно,
 И только дураку еще неясно,
 Что в нем остался Соломона дух.

Ахашверош**1**

Персидский царь Ахашверош,
Он молод и собой хорош.
Наслышан он про чудный трон,
Но сам проверить должен он,
Насколько достоверны слухи
Про трон и в нем живущем духе.

Ахашверош и смел и крут.
Все приближенные к сатрапу
Ждут, лев свою поднимет лапу,
Или про это слухи врут.

Царь, не спуская глаз со льва,
Одной ногой ступил сперва.
Не шелохнулся даже лев.
Тогда, немного осмелев,

Ступил другой, и верь-не верь,
В одно мгновенье ожил зверь,
И лапа двинулась у льва.
Царь отскочить успел едва.

2

Самолюбив Ахашверош:
– Как может, чтоб такое было!
Неужто стоит медный грош
Его магическая сила?

И золота ему не счесть,
И ценные вокруг камня.
Искусные умельцы есть.
Ужель не хватает им умения?

И повелел всесильный царь
Умельцам разобраться в троне
И сотворить такой, что встарь
Сработан был при Соломоне.

3

Умельцы, времени не тратя зря,
К работе важной приступили сразу,
Все получив по царскому указу,
Что нужно для работы, от царя.

И золота полно, и серебра,
И кости в изобилии слоновой.
Работали три года мастера,
И вот он, трон, роскошный, царский, новый.

Три года кропотливого труда,
И в мире близко нет такого трона.
Роскошный получился – это да,
Но чуда нет, как в троне Соломона.

Царь не казнил за это мастеров.
Он был не из садистов и злодеев.
Ахашверош, пусть будет он здоров,
Всесилен и без чуда иудеев.

Гостей созвать хороший повод есть,
И пир устроить долгий и обильный.
На зависть всем на новый трон воссесть.
Пусть видят, кто богатый и всесильный.

Неделю продолжался пир горой,
И вот один упившийся герой,
Где царь, где он, забыв о пиетете,
Ослабившись, царя спросил спьяна:

- А как твоя красавица жена?
Она и вправду краше всех на свете?
Позвал бы, пусть порадует красотой.
Мужичские уже обрыдли рожи.

- Да нет проблем. - Царь тоже был косой,
Настолько пьян, что он забылся тоже.

4

Вашти царица, краше в мире нет.
Еще и танцевать могла и пела,
А грубости и хамства не терпела.
Сам Навуходоносор был ей дед.

Ко сну уже готовилась Вашти
И, как обычно, наслаждалась ванной.
Быть никуда не собиралась званой.
Вдруг главный евнух просится войти.

- Царь повелел царицу привести.
С гостями он сейчас пирует вместе.
Гостей он хочет удостоить чести
Увидеть красоту твою, Вашти.

Он хочет, чтобы ты, его жена,
До пояса была обнажена.

Твои, Вашти, божественные перси,
И танец живота, и ты сама...
Ахашверош желает, чтобы персы
От красоты твоей сошли с ума.

- Что, довела до чертиков гульба?
Народу показать меня нагую!
Скажи, поищет пусть себе другую.
Ему я не служанка, не раба.

5

На день другой, лишь занялась заря,
 Во всех углах об этом говорится.
 Ослушалась и мужа и царя
 Строптивая красавица царица.

Ахашверош собрал с утра совет.
 Один вопрос, его важнее нет.

Как поступить с его женой Вашти?
 К каким ему прибегнуть надо мерам.
 Сегодня ты проступок ей прости,
 А завтра будет всем дурным примером.

Не знаем мы истории конца.
 Вашти казнили или из дворца
 Ее, как мусор, вывели метлой,
 Но царь с того момента холостой.

Мордехай

1

Персидская империя в расцвете,
 На пол-Земли ее простерлась длань.
 Сильнее царства не было на свете.
 Тьма государств царю платила дань.

В наследство перешли от Вавилона
 С несметными богатствами дворца
 И люди моисеева закона
 С их верою в единого Творца.

Под Вавилон попала Иудея
 Четыре поколения тому.
 Перед врагом от страха холодея,
 Евреи не противились ему.

Смирились с поражением без боя.
 Какая трусость! Просто стыд и срам.
 Но нет ни грабежей и ни разбоя,
 Погибших нет и не разрушен Храм.

Царь Навуходоносор был умен.
 Он знал, что иудейская элита
 Талантами своими знаменита.
 Ее забрать бы надо в Вавилон.

И то был первый вавилонский плен.
 Элита и с надеждою и с верой,
 Иначе всех карали высшей мерой,
 Ушла надолго от родимых стен.

Не для каменоломен, не для нив,
 Для этого другие были руки,
 Чтоб расцвели искусства и науки –
 Царь уповал на это, их пленив.

И оказалась достижимой цель.
 Евреи добросовестно служили,
 Свободно и вполне достойно жили,
 И даже стал пророком Даниэль.

Полно евреев в свите у царя,
 А Даниэль советником по праву.
 Все обрели – почет, достаток, славу,
 Но чувствуют себя в плену не зря.

И хедеров полно и синагог,
 Но быть или не быть второму Храму?
 И как Господь закончит эту драму,
 Вернет ли их в края родные Бог?

2

И вот прошло, быть может, десять лет.
 Настало время новой молодежи,
 А с ней во все века одно и то же –
 От героизма просто спасу нет.

Не оказалось рядом мудрецов,
 Которые могли сдержать бы страсти.
 Восстала Иудея против власти
 И потерпела крах в конце концов.

У нас уже была об этом речь.
 В ужасном и трагическом финале
 Одних убили, всех других угнали,
 И Храм не получилось уберечь.

Немало пережить пришлось царей.
 Служили им на совесть, ублажали,
 Покорность и почтение выражали.
 Учился жить в изгнании еврей.

На этот раз, хорош иль не хорош,
 Лишь только время скажет нам об этом.
 К еврею обращался за советом
 Великий царь царей Ахашверош.

По прошлому вздыхай иль не вздыхай,
 Его не изменить. Что будет следом?
 Свершиться даст Господь каким победам?
 ...Того еврея звали Мордехай.

3

Невесть как много в Персии невест,
 Но много меньше женихов достойных.
 Их столько гибнет в непрерывных войнах –
 В гаремах часто не хватает мест.

В гареме у царя немало жен,
 Но первую Вашти была по праву.
 – Моя ей просьба не пришлась по нраву.
 Зачем она полезла на рожон!

Кого же сделать первую женой,
 Ему, как Богу, чтоб она внимала.
 В гареме кандидаток есть немало,
 Но быть царицей можно лишь одной.

Советов царь наслушался сполна.
 Но вот у Мордехая, иудея,
 Возникла интересная идея.
 Властителю понравилась она.

Для выбора царицы конкурс нужен.
 Пусть в конкурсе участие примут все.

В финале семь несверленных жемчужин
 Стоят перед царем во всей красе.

Красивы так, что глаз не отвести.
 А как танцуют! Как искусны в пенье!
 И на царя все смотрят в нетерпенье –
 Кому должно сегодня повезти?

4

В волнение необычном Мордехай.
 Казалось бы, ну что ему царица.
 Спокойно жди, расслабься, отдыхай,
 Будь с выбором любимым готов смириться.

Смотри, как улыбается Аман.
 Сидит на кресле, самом близком к трону,
 И так несет он свой высокий сан,
 Что впору на него надеть корону.

Но Мордехай волнуется не зря.
 Хоть понимает он, что всё от Бога,
 На этот раз от выбора царя
 Зависит, к сожаленью, очень много.

Из всех красоток, вышедших в финал,
 А шансы есть у каждой стать царицей,
 Была одна, которую он знал
 И ждал, что все вернет ему сторицей.

Эстер была племянницей его,
 Осталась очень рано сиротою.
 Она любила дядю своего,
 И все ее пленялись красотой.

Она была в семье его, как дочь.
 Умна, добра. Читать любила книги.
 И вот теперь должна ему помочь.
 Судьба в одном свершиться может миге.

Никто судьбу не знает наперед.
 Покрыто все грядущее туманом.
 Как будет дальше жить его народ?
 Чем кончится его вражда с Аманом?

Эстер

1

Не каждый царь увидеть мог такое.
 Семь юных дев судьба к нему свела.
 Изваяны божественной рукою
 Красавиц совершенные тела.

Никто в гареме с ними не сравнится,
 И всем семи в гареме место есть.
 Но как же выбрать, кто из них царица.
 Какой из них по силам эта честь?

Но вот он миг! Глаза в глаза. И вдруг
 Исчезло все, лишь тишина осталась.
 Улет в нирвану. Никого вокруг.
 Не объяснить, что с Ашверошем случилось.

Он утонул в неведомой дали.
 Струился дивный свет из этой дали.
 О Господи, ты этот миг продли.
 Слов не найти, чтоб чувства передали.

2

Немало о царице говорится,
 Но ни один не знает во дворце
 О не родном, но все-таки отце,
 И что из иудеев их царица.

А Мордехай? Кто ведает, что в нем.
 Конечно, рад, что удалось с обманом,
 Поскольку отношения с Аманом
 Становятся всё хуже день за днем.

Ахашверош на днях издал указ
 О первом и заслуженном визире.
 Амана полномочия всё шире.
 К нему с поклоном нужно каждый раз.

Как этим возмутился Мордехай!
 - С поклоном?! Да не может быть и речи.
 Скорей умру, чем поклонюсь при встрече.

- А я не возражаю, подыхай. -
 Ответил ненавистнику Аман.
 За словом не привык он лезть в карман.

В обоих мигом закипает злоба.
 Они друг друга ненавидят оба.

3

Аман визирствует толково.
 Всё в государстве по уму.
 Царь счастлив, что нашел такого,
 И доверяет все ему.

Аман твердит Ахашверошу,
 Что Мордехай ему не друг,
 Что иудеев нет хороших,
 И слишком много их вокруг.

Из них богатых очень много,
 А их дела – сплошной обман.
 И в своего лишь верят Бога –
 Царю нашептывал Аман.

Визирь решил проблему просто.
 Все завершится днем одним.
 Чтоб выбрать день для холокоста,
 Бросали жребий перед ним.

И письма шли во все пределы.
 Должны быть власти на местах
 Заранее готовы к делу.
 У всех евреи на устах.

Энтузиазма не ослабить.
 Вот есть где разгуляться всласть.
 Всех перебить, добро разграбить,
 И это позволяет власть.

На день тринадцатый Адара
 Пур, или жребий, выпал им.
 Чем завершится эта кара?
 Хашем не знает про пурим?

4

Понять нетрудно Мордехая.
 С ума сойдешь от новостей.
 Как он кричит, кляня и хая,
 Антисемитов всех мастей.

И рвет он на себе одежды.
 Ужели нет ответных мер,
 И на спасенье нет надежды?
 Последний шанс – просить Эстер.

Но как вопрос решить о встрече?
 В гарем – не может быть и речи.
 Нет хода даже во дворец.
 Неужто вправду всем конец?

И тут идея неплохая
 Возникла вдруг у Мордехая.

5

Идет по улице прохожий,
 На сумасшедшего похожий.
 Босой. В мешок с дырой одет.
 Смеются все ему вослед.

Вопит безумные слова.
 Взъерошенная голова.
 Злость в облике его косматом.
 Он кроет всех персидским матом.

На площади перед дворцом
 К гарему встал крикун лицом,
 И здесь такой устроил ор,
 Что всполошил весь царский двор.

6

Эстер зовет к себе Атаха.
 И внух и слуга Атах.
 - Кто там орет? С какого страха?
 Узнай, чем он напуган так.

- Что за кретин здесь поднял хай.
 Конец он этому положит. -
 Атах подходит. Быть не может -
 Советник царский Мордехай!

Атах прогнал толпу зевак,
 А Мордехай затих мгновенно.
 Он рад Атаху откровенно.
 Так рад, что не поверить, как.

7

И передал Эстер Атах
 Про день тринадцатый Адара,
 Что меж евреев жуткий страх.
 Все ждут смертельного удара.

Про письма, что во все концы
 Уже доставили гонцы.

И отовсюду донесенья,
 Что изо всех исполнят сил.
 - Лишь ты надежда на спасенье,
 Так Мордехай сказать просил.

8

Отправив с благодарностью Атаха,
 Эстер решает, что же делать ей.
 Евреев ждет смертельная атака,
 Не уцелеет ни один еврей.

Как быть, Эстер сама себя спросила.
 Понятно, что Аман - источник зла.
 Лишь у царя достаточная сила
 Власть отобрать у этого козла.

О встрече надо б ей договориться,
 Но это только тратит время зря.
 Не можешь, даже если ты царица,
 Прийти без приглашения царя.

Эстер же целый месяц, как не звана.
Царь то ли занят, то ли охладел.
Пошлет за ней он поздно или рано,
Но быть не может неотложней дел.

Евреи все от мала до велика,
А вместе с ними и она сама,
Погибнут, как бы ни звучало дико.
Где силы взять, чтоб не сойти с ума.

9

Всем, кто допущен в царский двор,
Царь назначает разговор.

Непрошленным вошел во двор –
Немедля смертный приговор.

С Ахашверошем не шути.
Пойти к царю нельзя без риска.
На памяти царицы близко
Пример с послушницей Вашти.
Но нет к царю других путей.
Эстер приходится решиться.
А если жизни вдруг лишится,
Судьба такая значит ей.

Ступила в царский двор она,
И сердце колотилось гулко.
Чем эта кончится прогулка?
Простится ли ее вина?

Ни слова ей не говоря,
К ней подошла амбалов пара,
И молча ждут, какая кара
Царице будет от царя.

А зван сегодня во дворец
Аман, и он сидит с указом.
С евреями покончить разом
Им выпал жребий, наконец.

И в руки царь берет указ,
Но тут Эстер он ловит взглядом.
– А что, пускай побудет рядом. –
Был добрым царь на этот раз.

10

– О мой великодушный господин!
С тобою не сравнится ни один
В могуществе, величии и славе.
Твоя раба просить тебя не вправе,
Но я нашла в твоих глазах приязнь,
И вот сумела одолеть боязнь.

- Не надо лишних слов, моя царица.
Полцарства попроси, как говорится,
И ты его получишь в тот же миг.
Скажи мне, что ты хочешь, напрямик.

- Есть книга у тебя «События дней».
Все, что случилось, отразилось в ней.
И в этой книге есть одна страница,
Хочу напомнить, – говорит царица.

- А что, припомнить прошлое неплохо.
И ни Аман, ни царь не ждут подвоха.

11

- Два евнуха, Бигтан и Тереш,
Которым ты наивно веришь,
Тебе еду приносят с ядом.
Но, к счастью, Мордехай был рядом.
Отвел он от тебя беду.
И съели евнухи еду.

Тебя слушаться не смели,
Все до последней крошки съели.
И евнухи давно в могиле,
А ты здоров и в полной силе.

- Ждала награда Мордехая.
Напомни нам, Аман, какая.

- Была щедра твоя награда.
Зачем сейчас об этом надо?

- Затем, – Эстер в лицо Аману, –
Чтобы сейчас не быть обману.

Не получил герой награды,
Но твоему спасенью рады
Все были, кроме одного,
И видишь ты сейчас его.

Одна лишь страсть бушует в нем –
Безумно хочет быть царем.

Два евнуха, Бигтан и Тереш,
Неужто ты, мой царь, поверишь,
Что в деле только их рука?

И побледнел Аман слегка.
- Мой царь, не слушай этот бред.
Тебе я верен много лет.
Царица не в себе, больна,
И полный бред несет она.

А я тут рядом на беду.
Поставь печать, и я уйду,

А ты дослушаешь один.
 – Не торопись, мой господин.
 Немного подождет указ,
 А я закончу свой рассказ.

Амана ненависть такая
 Прожгла, что места не найдет.
 И если б лишь на Мордехая,
 А то на весь его народ.

Он начал петь тебе на уши,
 Враждебны их чужие души.
 Они везде свой нос суют
 И персам ходу не дают.

Полна евреями столица.
 Носатые их всюду лица.
 Они кушцы, владельцы лавок,
 Обманывать их главный навыв.

Тебе, великому царю,
 Затем я это говорю,
 Что на столе твоём указ.
 Всех уничтожить надо нас.

– Царица, ты сказала «нас».
 Что значит оговорка эта?
 Они с Эстер не сводят глаз,
 И оба ждут ее ответа.

Как молния пронзила ночь:
 – Я этого народа дочь!

12

– Аман, вопрос на случай есть,
 Прошу я твоего совета.
 Воздать хочу кому-то честь.
 Как мне достойно сделать это?

Аман подумал про себя,
 Кто, как ни он, достоин чести.
 И, восхваления любя,
 Себя он ощутил на месте.

– Мой царь, такое видно мне.
 В заслугу о своих деяньях
 Он на твоём сидит коне
 В роскошных царских одеяньях.

– Вот, наконец, и случай есть. –
 И царь воздал герою честь.

Был Мордехай героем дня.
 Отмеченный особой метой,
 Он сел на царского коня,
 В одежды царские одетый.

Вел под узцы коня Аман.
Его глаза застил туман.
И всем, на зрелище пришедшим,
Аман казался сумасшедшим.

Одно и то же говоря,
Наохлился Аман, как кочет:
– Вот что вам будет от царя,
Когда воздать он честь захочет.

13

Убийство грех великий есть,
Но всемеро грешнее мечь.

Еще, добро бы, мечь такая –
Аман, злодей и хитрый лис,
Хотел повесить Мордехая,
Сам на веревке той повис.

Возмездию народ покорен.
Растет убитыми число.
Семью аманову под корень,
Чтоб древо больше не росло.

А остальные все ведомы.
Решать дела не их умам.
Вчера готовы на погромы,
Сегодня в страхе по домам.

Прилюдно их могли бы высечь,
И им хватило бы вполне.
Но убивать десятки тысяч
Зачем еще по всей стране?

14

Жизнь – это прошлого повторы.
Не знали разве мы из Торы,
Как утопили Шхем в крови
Два брата Шимон и Леви.

Как был отец их Яков в шоке.
Он помнил прошлого уроки:
Убийство грех великий есть,
Но всемеро грешнее мечь.

И доносилось из шатра,
Где Яков встретился с сынами:
– Так ты хотел бы, чтоб сестра
Была неотомщенной нами!

– Во много раз грешнее мечь,
И возвратится к нам жестоко.
– А за поруганную честь
Не мстить? Ну нет. За око око.

– И зуб за зуб, – со всех сторон
Сыны воинственно кричали.
А Яков пребывал в печали:
– И месть за месть, – добавил он.

Заключение

Мы помним, тяжело вздыхая,
Века печалей и невзгод.
И про Эстер и Мордехая
Мы вспоминаем каждый год.

И чудо тут неоспоримо.
И всем евреям надо в дым
Напиться в этот день Пурима,
И старикам и молодым.

И целый день Пурима спяна
Врагов своих не замечать.
И Мордехая и Амана
Хотя бы день не различать.

Забывать антисемитов надо,
И хорошо бы на века.
Но больше, как ни жаль, чем на день,
Не получается пока.

Владимир Шнейдер -

искусствовед, историк архитектуры. Закончил Санкт-Петербургский технологический институт, а затем - искусствоведческое отделение Санкт-Петербургского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина при Российской академии художеств. До переезда в США работал экскурсоводом в Санкт-Петербурге. В Америке с 1995 года. Занимается антикварным бизнесом. Женат. Живет в Нью-Йорке.

Вакансия поэта

Поэзия - это власть.

Мандельштам

Тема эссе: «Вакансия поэта. Место поэта в структуре государства или, более специально, - случай Мандельштама».

В 1931 году Борис Пастернак написал стихотворение:

Иль я не знаю, что, в потемки тычась,
Вовек не вышла б к свету темнота,
И я - урод, и счастье сотен тысяч
Не ближе мне пустого счастья ста?

И разве я не мерюсь пятилеткой,
Не падаю, не поднимаюсь с ней?
Но как мне быть с моей грудною клеткой
И с тем, что всякой косности косней?

Напрасно в дни великого совета,
Где высшей страсти отданы места,
Оставлена вакансия поэта:
Она опасна, если не пуста.

Платон в 10-й главе своей знаменитой книги «Государство» отказывает поэтам и поэзии в праве на существование в идеальном государстве. Он отождествляет поэзию и риторику с безумием, неистовством, одержимостью, употребляет выражение «поэтическая мания». Философия - вот что, по мнению Платона, имеет право на существование в воображаемом идеальном государстве, но не поэзия. Спустя 2300 лет после его смерти на территории Советской России было создано на практике «идеальное государство», где поэты, а отнюдь не философы, заняли весьма почетное место. А философов из этого государства предусмотрительно изгнали, посадив на так называемый «философский пароход», и отправили подальше, чтобы неповадно было в идеальном государстве философией заниматься. И, как и следовало ожидать, главная угроза государственной идиллии пришла именно от поэзии, а не от

философии.

Стране России, о которой пойдет речь, во все времена – до большевиков, во время большевиков и после большевиков – было присуще преувеличенное государственно-национальное самодовольство, имевшее различные измерения: историческое, психологическое, культурное. Так, совсем не склонный к гиперболизациям и мистическим откровениям Федор Иванович Тютчев в своем известном стихотворении середины XIX века все же настаивал не только на особом месте России в семье европейских народов, но также и на особом ее Божиим благословении:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!
Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь небесный
Исходил, благословляя.

На протяжении всего XX века и вплоть до сегодняшнего дня Россия всеми своими историческими мутациями неистово продолжала утверждать свое право на принципиальную инаковость, исключительность и избранность. Поэтому нет ничего удивительного в том, что и место поэта в структуре Российского государства совсем иное, чем у других народов. Как принято говорить с легкой руки Е. Евтушенко, «поэт в России – больше, чем поэт».

Первые поэты, а вместе с ними и первые поэтические памятники, появляются еще в Киевской Руси, вскоре после ее крещения в 988 году. В своей книге «Историческая поэтика русской литературы» Д. С. Лихачев говорит о мгновенном, взрывообразном явлении древнерусской литературы, о появлении выдающихся поэтических произведений – таких, как «Слово о полку Игореве» – уже через 100 с небольшим лет после крещения Руси. Однако мы не можем рассуждать о месте поэта в структуре государства в то далекое время, поскольку памятники древнерусской поэзии (письменности) были безымянными и создавались преимущественно в монастырях. Как справедливо заметил в своих заметках Пушкин: «Монахам мы обязаны нашей историей, следовательно, просвещением». О месте поэта в структуре государства мы можем говорить только применительно к культуре после петровской Руси, когда появляется светская, секулярная культура и вместе с нею – первые по-европейски образованные поэты: Кантемир, Тредиаковский, Ломоносов.

Первым поэтом, вознесенным на вершину служебной лестницы благодаря поэзии, был Г. Р. Державин, сочетавший поэтическое творчество со службой на высоких государственных должностях. Он служил Екатерине II, Павлу I и Александру I, закончив карьеру в чине

действительного тайного советника. Он сочинял хвалебные оды в честь монархов и вельмож, прославлял победы русского оружия. В то же время он был любителем огородничества, воспевшим прелести независимой частной жизни в поэме «Жизнь Званская». Поэзия, в сущности, была главным делом жизни Державина, однако сам он так не считал и исповедовал примат служебной деятельности над словесным творчеством, когда писал в послании к Храповицкому:

За слова – меня пусть гложет,
За дела – сатирик чтит.

Тем не менее Державин именно как поэт, а не как чиновник, был первым, кто вступил в диалог с властью, положив начало традиции прямого обращения поэта к верховному правителю.¹

Заметим, что в случае Державина, как и его предшественников на поэтическом поприще, речь о лояльности поэта власти не шла – это само собой разумелось.

Случай Пушкина, в смысле лояльности, – более сложный, хотя он тоже был, по выражению Г. Федотова, «певцом империи и свободы». Он был величайшим в истории России поэтическим гением и в то же время представителем древнего дворянского рода. Пушкин, в отличие от Державина, считал, что слова поэта – и есть его дела.

Пушкин был первым русским поэтом, который стал всерьез задумываться о месте поэта в структуре государства. В зрелые годы его взглядам на этот предмет был свойственен устойчивый этатизм. Как дворянин и гражданин, Пушкин питал искреннее почтение к современному ему российскому государственному устройству и в своей полемике с Чаадаевым отстаивал историческое достоинство России в семье европейских народов. Превыше всего Пушкин ценил личную свободу и «семейственную неприкосновенность»; он имел собственные независимые взгляды на все и при этом полагал, что место русского поэта должно быть, скорее, в проправительственном лагере, нежели в оппозиционном. Он писал об этом Жуковскому: *«Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя и не намерен безумно противуречить общепринятому порядку и необходимости»*. Таким

---

¹ Двести лет спустя, в 1972 году, поэт Иосиф Александрович Бродский, которого насильственно выслали за пределы Советской России, оставил в почтовом ящике аэропорта письмо Брежневу – тогдашнему верховному правителю страны. Замечательно здесь то, что имя опального ленинградского поэта Бродского вряд ли было известно адресату письма, и вообще, вопрос о его высылке, скорее всего, решался не на столь высоком государственном уровне, как полагал сам поэт. Брежнев наверняка слышал имя Евушенко и других известных московских поэтов, но не Бродского, которого совсем не печатали. Здесь знаменателен факт прямого обращения, свидетельствующий о самочувствии поэта, его претензии на первенство на поэтическом олимпе, на особое место в структуре государства и на право говорить с верховным правителем без посредников, напрямую.

образом, взгляды Пушкина опирались на политический консерватизм и примат личной свободы. Как поэт, независимый мыслитель и издатель литературного журнала, Пушкин питал определенные надежды на возможность влияния на царя Николая I, с которым, после известной встречи 1826 года, у него сложились особые личные отношения. Этим надеждам не суждено было сбыться.

Что думает русский поэт о самом себе, о своем служении? Державин в «Памятнике» ставит себе в заслугу:

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о Боге
И истину царям с улыбкой говорить.²

У Пушкина тоже было очень высокое представление о месте поэта в человеческой иерархии: «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон...», «Ты царь – живи один...», «Ты сам свой высший суд...», «Глаголом жги сердца людей». (Кстати, слово иерархия – греческого происхождения: *hierarchia* = *hieros* священный + *archē* власть.)

Перенесемся в Серебряный век. У русских поэтов Серебряного века, вскормленных модернистской эпохой, была не менее высокая самооценка художника-творца, чем у их предшественников. Примером тому служит знаменитая речь Блока «О назначении поэта», произнесенная им 11 февраля 1921 года (в память о Пушкине). Блок говорил в ней, что поэт – величина неизменная, сын гармонии, вырывающий звуки из вселенского хаоса, гармонизирующий их, наполняющий смыслом и отдающий их людям.

Весьма неожиданное практическое вознесение поэта на вершины уже не только поэтической, но и государственной иерархии, мы находим в мемуарах английского писателя Честертона, где содержится не лишенный занимательности эпизод о том, как он и его собеседники настолько увлеклись, что не заметили воздушного налета прусских дирижаблей на Лондон в январе 1918 года, во время Первой мировой войны:

«Анекдот о том, как мы с мистером Беллоком настолько увлеклись беседой, что не заметили воздушного налета, приведенный в мемуарах полковника Ремингтона, не лишен оснований. Не помню, в какой именно момент мы, наконец, поняли, что происходит, но – в чем я совершенно уверен – беседу не прервали... Дело происходило в доме Джулиет Дафф, и среди гостей был майор Морис Беринг, который привел с собой какого-то русского в военной форме.

---

² Державин был, пожалуй, единственным русским поэтом, кому удавалось «истину царям с улыбкой говорить». Здесь следует подчеркнуть, что в случае Державина речь идет об императрице Екатерине Великой, которая одна только и позволяла себе выслушивать *истину* из уст поэта. Всех остальных, после Державина, никто никогда не слушал.

Последний говорил без умолку, несмотря даже на попытки Беллока перебить его – что там какие-то бомбы! Он произносил непрерывный монолог по-французски, который нас всех захватил. В его речах было качество, присущее его нации, – качество, которое многие пытались определить и которое, попросту говоря, состоит в том, что русские обладают всеми возможными человеческими талантами, кроме здравого смысла. Он был аристократом, землевладельцем, офицером одного из блестящих полков царской армии – человеком, принадлежавшим во всех отношениях к старому режиму. Но было в нем и нечто такое, без чего нельзя стать большевиком, – нечто, что я замечал во всех русских, каких мне приходилось встречать. Скажу только, что, когда он вышел в дверь, мне показалось, что он вполне мог бы удалиться и через окно. Он не коммунист, но утопист, причем утопия его намного безумнее любого коммунизма. Его практическое предложение состояло в том, что только поэтов следует допускать к управлению миром. Он торжественно объявил нам, что и сам он поэт. Я был польщен его любезностью, когда он назначил меня, как собрата-поэта, абсолютным и самодержавным правителем Англии. Подобным образом Д'Аннунцио был возведен на итальянский, а Анатолий Франс – на французский престол. Он уверен в том, что, если политикой будут заниматься поэты или, по крайней мере, писатели, они никогда не допустят ошибок и всегда смогут найти между собой общий язык... Примерно на этом этапе нового социального устройства я стал различать звуки за сценой (как обычно пишут в ремарках), а затем вибрирующий рокот и гром небесной войны. Пруссия, подобно Сатане, извергала огонь на великий город наших отцов, и что бы там ни говорили против нее, поэты ею не управляют. Разумеется, мы продолжали беседу. Великий план создания всемирного правительства продолжал разворачиваться. В подобные минуты человека всегда посещает мысль о возможной смерти... Однако мне трудно вообразить более удивительные обстоятельства собственной смерти, чем эту сцену в большом доме в Мейфэре, когда я слушал безумного русского, предлагавшего мне английскую корону».³

Этим «безумным русским» был, как известно, не кто иной, как Николай Степанович Гумилев, который развивал подобные идеи и в дальнейшем, по возвращении в Россию. Поэт Бенедикт Лившиц вспоминал, что в 1910-е годы завсегдагаи знаменитого петербургского литературного кафе «Бродячая собака», где часто бывал Гумилев, делили все человечество на две неравные категории: на представителей искусства и на так называемых «фармацевтов», под которыми подразумевались все остальные люди, чем бы они ни занимались и к какой бы профессии ни принадлежали.

Еще один не менее колоритный анекдот, связанный с Гумилевым, мы находим в воспоминаниях поручика В. А. Карамзина, служившего с марта 1916 г. оруженосцем при штабе 5-й кавалерийской дивизии, куда входил лейб-гвардии Гусарский полк, в котором во время Первой мировой войны

---

³ Шубинский, В.И. (2014). Зодчий. Жизнь Николая Гумилева. Изд-во Corpus.

проходил службу Н. С. Гумилев:

«...На обширном балконе меня встретил совсем мне незнакомый дежурный по полку офицер и тотчас же мне явился. "Прапорщик Гумилев", – услышал я среди других слов явки и понял, с кем имею дело.

...Я начал с ним разговор и быстро перевел его на поэзию...

– А вот, скажите, пожалуйста, правда ли это, или мне так кажется, что наше время бедно значительными поэтами? – начал я. – Вот, если мы будем говорить военным языком, то мне кажется, что "генералов" среди теперешних поэтов нет.

– Ну нет, почему так? – заговорил с расстановкой Гумилев. – Блок вполне "генерал-майора" вытянет.

– Ну а Бальмонт в каких чинах, по-вашему, будет?

– Ради его больших трудов ему "штабс-капитана" дать можно»⁴.

В самом деле, кому, как не Николаю Степановичу Гумилеву, было распределять поэтические чины. Каждый, кто читал его замечательную книгу «Письма о русской поэзии», поймет, о чем я говорю. На протяжении многих лет Гумилев вел поэтическую рубрику в журнале «Аполлон». Именно он впервые обратил внимание на стихи Марины Цветаевой, в то время еще никому не известной гимназистки, и дал им высокую оценку. Известно, что Мандельштам предпочитал Гумилева-критика Гумилеву-поэту и справедливо полагал, что никто не разбирался в стихах лучше, чем он.

Есть, разумеется, соблазн – начать на свое усмотрение раздавать поэтам чины, степени, звания, наделять их баллами, сводить все это в иерархическую таблицу и т. д. Именно так поступил, применительно к художникам, французский историк искусства Роже де Пиль, написавший во времена Людовика XIV книгу «Баланс живописцев», наделив каждого художника баллами по своему собственному усмотрению. Но мы не будем здесь этим заниматься, а возьмем другой случай.

В 1895 году известный грузинский поэт и революционный демократ Илья Чавчавадзе, издававший в Тифлисе газету «Иверия», опубликовал пять понравившихся ему стихотворений в то время еще никому не известного 16-летнего Сосо Джугашвили. Стихи были о пробуждении красоты природы, о Родине; о надеждах поэта на жизнь, о лирическом разговоре с луной; о народных страданиях и о назначении поэта в Грузии; о трагедии человека, который нес людям добро, и о людской неблагодарности, которая погубила этого человека; и, наконец, о том, как приходит старость и как старик не желает сдаваться смерти. В случае этого поэта мечта Гумилева, наконец-то, сбылась – именно этот поэт воссел на

⁴ Гумилев, Н. (1968). Собрание сочинений в 4 т. Вашингтон: Изд-во книжного магазина Victor Kamkin, Inc., Т. 4., с. 538–540.

российский имперский трон. Все мы знаем, что из этого вышло.

Какой-же все-таки чин можно было бы присвоить поэту Сосо Джугашвили? Вопрос, разумеется, праздный, но все же. Обратимся к единственному прецеденту. В 1949 году по инициативе Берии была предпринята попытка втайне от Сталина к 70-летию вождя издать его стихи в подарочном оформлении на русском языке. Для этой цели под строжайшим секретом были привлечены лучшие переводчики – как утверждают, среди них были Пастернак и Тарковский. Ознакомившись с безмянными подстрочниками, не догадываясь об их авторстве, Пастернак, как будто бы, простодушно сказал: «Вполне тянут на Сталинскую премию 1-й степени...». Но в самый разгар работы над переводами был получен грозный приказ: срочно прекратить свою деятельность. Думается, нет нужды гадать, откуда последовал этот приказ. Таким образом, поэт Иосиф Джугашвили по воле Сталина не стал лауреатом Сталинской премии.

Галина Нейгауз сообщает и о других, менее известных, чем «мандельштамовский», телефонных разговорах Пастернака со Сталиным. В ее воспоминаниях фигурирует легендарное обращение Сталина к Пастернаку с просьбой прочесть и оценить стихи одного его друга. Поэт понял, что речь идет о стихах самого Сталина, написанных уже по-русски.

«Через несколько дней Пастернаку привезли стихи. Стихи показались Пастернаку довольно примитивными и неинтересными. Борис Леонидович мучительно думал, как ему об этом сказать, но звонка долго не было, и он успокоился, решив, что все уже забыто. Неожиданно раздался звонок. И вот тут Пастернак решительно сказал, что стихи плохие, и "пусть его друг лучше занимается другим делом, если оно у него есть". Помолчав, Сталин сказал: "Спасибо за откровенность, я так и передам!" После этого Пастернак ожидал, что его посадят».⁵

Отдадим должное: находясь у кормила правления, Сталин, как поэт, был скромен и не инициировал публикацию своих стихов. Он (как в свое время и Иннокентий Анненский), имея другую работу, скрывал свои литературные занятия и не стремился занять место в поэтической иерархии. Есть, однако, серьезные основания полагать, что на протяжении всего своего правления Сталин не переставал упорно заниматься литературным трудом, по крайней мере в области сценической драматургии. Нельзя сомневаться, что он лично сочинял сценарии и расписывал роли покаянных выступлений подсудимых на всех своих знаменитых «открытых» политических процессах-спектаклях, в которых он был автором текстов, режиссером, сценаристом и первым зрителем.

---

⁵ Нейгауз, Галина (1993). Борис Пастернак в повседневной жизни (очерк). В книге: Воспоминания о Борисе Пастернаке, составители: Е. Б. Пастернак, М. И. Фрейнберг. М.: СЛОВО/SLOVO.

Одно из доказательств этого мы находим в книге воспоминаний А. Н. Лариной-Бухариной «Незабываемое». Она было потрясена тем, что Бухарин в своей «покаянной» речи на процессе (которая была официально опубликована в советских газетах) произносил фразы и шуточные словечки, известные только ему и Сталину, – слова из их интимных шуточных застольных бесед 40-летней давности, того времени, когда они вместе в дореволюционные годы находились в ссылке за границей.⁶

Его непрямым учителем в области драматургии был, по-видимому, М. А. Булгаков. Не зря же он 14 раз смотрел во МХАТе спектакль Булгакова «Дни Турбиных», досконально изучая искусство театральной постановки из зрительного зала. Он постепенно задумывал, а впоследствии осуществил на практике, грандиозный спектакль, участвовать в котором надлежало каждому и сценой которого должно было стать все пространство страны.

Сталин не был, однако, в традиционном светском дореволюционном смысле, хорошо образованным человеком. Вступив в юности на духовное поприще и, очевидно, собираясь стать священником, он не завершил курс обучения и был отчислен из Тифлисской духовной семинарии по окончании четырех классов.⁷

С другой стороны, недавно опубликованное исследование позволяет заключить, что Горийское духовное училище, которое Сталин закончил с отличием, и Тифлисская духовная семинария, в стенах которой он обучался в 1890-е годы, давали весьма качественное, не только духовное, но и светское образование. Семинаристы изучали античную философию и литературу, хорошо владели искусством риторики или гомилетики, изучали новые и древние языки, включая латынь и греческий. Полный цикл духовного образования в дореволюционной России продолжался в общей сложности четырнадцать лет: четыре года духовного училища, шесть лет духовной семинарии и – для тех, кто хотел достичь высот академической учености, – еще четыре года духовной академии. Наверное, чему-то он все же за восемь лет пребывания там научился. Если мы обратимся к публичным выступлениям, особенно к тем, в которых Сталин обличал своих политических противников, то без труда заметим, что они изобиловали яркими и меткими метафорами, цитатами и сравнениями. Манделштам, будучи заядлым читателем газет,

⁶ Ларина-Бухарина, А. М. (2004). Незабываемое. М.: Вагриус, с. 126.

⁷ Мать Сталина Екатерина Джугашвили утверждала, что сама забрала сына из семинарии, потому что у него начался туберкулез и возникла необходимость его лечения. Это противоречит утверждению самого Сталина, сделанному в 1932 г. в одной из анкет, что он был отчислен из семинарии за пропаганду марксизма. Любопытно отметить, что в аттестате об окончании четырех классов фигурирует оценка «пять» по поведению. (Островский, А. В. Кто стоял за спиной Сталина? СПб., 2002.)

несомненно, читал или слышал по радио, которое он также регулярно слушал, сталинские речи и имел возможность оценить все своеобразие его ораторского стиля, когда говорил в своем знаменитом стихотворении: «А слова, как пудовые гири, верны».

Известно, что Сталин при всем своем людоедстве много читал – от художественной литературы до научно-популярной, следил за периодикой, собирал книги.⁸

Возможно, именно этим объясняется то обстоятельство, что у товарища Сталина были несколько завышенные представления о литературном труде. Во всяком случае, поэты и писатели в его время, несомненно, относились к самым привилегированным слоям общества и имели доступ к материальным благам, немислимым для подавляющего большинства остального населения страны. В распределении материальных благ сталинская империя была предельно прагматичной: большая их часть доставалась партийной верхушке, чиновничеству, высшим инженерным кадрам и военной элите. Но в чем не было никакой логики, так это в том, что средний заработок писателя в Москве был в 9 (!) раз выше, чем у большинства горожан. Эти цифры приводятся в недавно появившейся статье М.Р.Зезиной о режиме привилегий в сталинское время.⁹

Главные среди этих привилегий – обеспечение переводческой работой, когда огромные гонорары нередко выплачивались за год вперед, обеспечение отдельными квартирами, дачами, машинами. Пастернак, как собрат вождя на ниве Евтерпы, получил отдельную квартиру в Лаврушинском переулке и дачу в Переделкино. И не он один. Даже почти забытый и мало печатавшийся Мандельштам, и тот получил отдельную кооперативную квартиру в писательском доме в Нащокинском переулке. Следует отметить, что появление этого нового жилья вызвало у привыкшего к состоянию бездомности Мандельштама ощущение мучительной фальши и отвращения, как будто он, вопреки совести, сделал что-то мерзкое и в награду за это был причислен к привилегированному, благополучному писательскому сословию. Масло в огонь невольно подлил Пастернак, который, поздравив Мандельштама с получением квартиры, вполне искренне сказал ему: «Квартира есть, теперь можно писать стихи». Это взбесило Мандельштама, потому что ему

---

⁸ Английский писатель Чарльз Сноу характеризовал образовательный уровень Сталина довольно высоко: «Одно из множества любопытных обстоятельств, имеющих отношение к Сталину: он был куда более образован в литературном смысле, чем лобой из современных ему государственных деятелей. В сравнении с ним Ллойд Джордж и Черчилль – на диво плохо начитанные люди. Как, впрочем, и Рузвельт». (Сноу Ч. П. Вереница лиц. Лондон, 1967. /Пер. В. Мисюченко. Завтра, 1994, № 30, 31.)

⁹ Зезина, М.Р. Режим привилегий для научной и художественной интеллигенции. <http://aleksandr-kommari.narod.ru/zezina.htm>.

не приходила в голову мысль о том, что наличие или отсутствие квартиры может служить условием творчества. Отсылаю интересующихся к стихотворению Мандельштама: «Квартира тиха, как бумага».

Когда чистокровные пролетарские писатели и поэты, такие как Демьян Бедный, Смеляков, Щипачев или Кирсанов, роптали на то, что писатели-попутчики Пастернак, А.Толстой, Чуковский, Эренбург или Булгаков и другие пользовались большими привилегиями, чем они, товарищ Сталин назидательно говорил, что им еще надо многому учиться у «старых мастеров художественного слова».¹⁰

Несомненно, Сталин испытывал пиетет перед большими писателями и поэтами старой дореволюционной школы, и отдавал им предпочтение, несмотря на то что мало кто из них, подобно Маяковскому, безусловно отдавал свою музу на службу новой власти. Но, разумеется, не всем подряд поэтам и писателям доставались привилегии. К примеру, ими были обделены А.П.Платонов и А.А.Ахматова, которые вряд ли об этом жалели, прекрасно понимая, за что они даются. Ахматова говорила С.Л.Островской в октябре 1946 года, вскоре после известного Ждановского постановления:

«...Зачем было делать из меня мученицу? Надо было сделать из меня стерву, сволочь – подарить дачу, машину, засыпать всеми возможными пайками и тайно запретить меня печатать! Никто бы этого не знал – и меня бы сразу все возненавидели за материальное благополучие...»¹¹

Но у товарища Сталина, видно, были на этот счет собственные соображения. И все же он не решился тронуть тех, кого считал «старыми мастерами художественного слова»: Ахматову, Булгакову, Платонову, Пастернака, Эренбурга и Цветаеву и всегда вычеркивал их имена из подаваемых ему списков на арест. Хотя нередко были репрессированы их прямые родственники.

Сталинская эпоха имела одно удивительное свойство. Она каким-то непостижимым образом стимулировала появление великих произведений русской литературы (таких как «Мастер и Маргарита» Булгакова, «Чевенгур» Платонова, «Поэма без героя» Ахматовой, «Стихи о

¹⁰ Речь Сталина застенографировал писатель Феоктист Березовский, текст опубликовал Л.В. Максименков (Вопр. лит. 2003. Июль – август).

¹¹ Справедливости ради заметим, что и Ахматову в свое время не обошли высочайшие дары. В 1940-м ее торжественно приняли в Союз писателей, издали сборник «Из шести книг» (который она называла «подарок папы дочке»). Из Москвы Ахматовой прислали единовременную выплату - 3000 рублей, назначили пенсию до 750 рублей, обещали квартиру. Конечно, все это могло произойти только по прямому приказу с самого верха. Ахматова не сомневалась, что Сталин за ней наблюдает. Она передавала друзьям слова Сталина, якобы сказанные о ней: «Что дэлаэт монахиня? Пачему ничего не пышит?».

неизвестном солдате» Мандельштама, «Элегия» Александра Введенского, «Случай» Хармса), но при этом, за редким исключением, отвергала их и даже уничтожала их авторов, несмотря на любую степень их лояльности. По-видимому, поэзия Мандельштама, которая с известного момента сделалась для товарища Сталина предметом пристального внимания, была для него затруднительна; к тому же он так и не сумел получить ясного ответа на мучивший его вопрос: «Но ведь он мастер?!»

В начале 1930-х годов Борис Пастернак стал по праву считаться первым советским поэтом, чей высочайший статус был официально подтвержден на Первом съезде советских писателей в 1934 году, где он сидел в президиуме рядом с Горьким и слушал доклад Бухарина, посвященный его творчеству. Двумя годами ранее, в 1932-м, он написал стихотворение, которое иногда называют «Стансами»:

Столетье с лишним – не вчера,
 А сила прежняя в соблазне
 В надежде славы и добра
 Глядеть на вещи без боязни.
 Хотеть, в отличие от хлыща
 В его существованьи кратком,
 Труда со всеми сообща
 И заодно с правопорядком.
 И тот же тотчас же тупик
 При встрече с умственной ленью,
 И те же выписки из книг,
 И тех же эр сопоставленья.
 Но лишь сейчас сказать пора,
 Величьем дня сравненье разня:
 Начало славных дней Петра
 Мрачили мятежи и казни.
 Итак, вперед, не трепеща
 И утешаясь параллелью,
 Пока ты жив, и не моща,
 И о тебе не пожалели.

В этом стихотворении, которое отсылает нас к пушкинским «Стансам» 1826 года, Пастернак выражает солидарность с Пушкиным в его переходе от фронды к лояльности по отношению к власти, недвусмысленно ставит себя на его место, то есть место первого имперского поэта. Он явно проводит аналогию с началом николаевского царствования и становлением сталинщины в ее классическом варианте и утверждает неизбежность имперских иллюзий и соблазнов, уж коли ты первый поэт империи. Если в пушкинских «Стансах» главное – это попытка воздействовать на власть, призыв к милости по отношению к декабристам, то проблема Пастернака – в самооправдании, в утверждении права поэта быть признанной частью всеобщего дела, в данном случае – дела построения нового социалистического государства:

Труда со всеми сообща
 И заодно с правопорядком.

Однако по своему самоощущению Пастернак был больше частной,

чем публичной фигурой, в статусе первого поэта чувствовал себя неуютно и от чистого сердца впоследствии благодарил Сталина, его от этого звания избавившего. Сталин, действительно, самолично внес поправку в поэтическую иерархию, поставив в 1935 году на первое место Маяковского. Первым поэтом новой, сталинской, рассчитанной на вечность империи мог быть только мертвый поэт. То же относилось и к писателям. (Мертвый писатель Горький.) Но поскольку Горький тогда был еще жив, его для этой цели умертвили. Помните портреты писателей на стене в школах нашей юности? Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Горький и Маяковский. Все – конец рассчитанной на тысячелетия истории.

Во второй половине 1920-х годов, согласно Маяковскому, «сидевшие в грязи рабочие» мечтали о «городе-саде через четыре года», т. е. еще в некоей временной перспективе: где-то там впереди, в будущем. И вдруг, где-то ближе к середине 1930-х годов, произошло какое-то странное смещение. Никаких официальных заявлений и объявлений по этому поводу сделано не было. Но негласно, как само собой разумеющееся, было принято считать, что город-сад уже свершился. Он уже здесь, сегодня, сейчас, и мы уже в нем пребываем. То есть наступил конец истории: впереди больше ничего нет, будущее уже здесь. Иными словами, появилось рассчитанное на вечность, неизменное «идеальное государство», о котором когда-то мечтал Платон. Оно больше не нуждалось в изменении и совершенствовании – оно уже было неподвижным и совершенным! В библейском контексте, который был неведом Платону, это, конечно же, не что иное, как Рай – место или состояние вечной, неизменной, совершенной жизни. Сталинское идеальное государство именно на это и претендовало: на статическое совершенство и безмятежную вечность. Важно подчеркнуть, что сама идея «идеального государства», в основе которой лежит отрицание реальности, подмена ее идеальным представлением, – основная черта тоталитаризма. Созданное Сталиным «идеальное государство» продолжало – в тех или иных мутированных формах «бредового супа», по меткому выражению Славы Бродского, – официально существовать, подменять собой страну и после смерти Сталина и прекратило свое существование практически лишь в 1991 году, с распадом СССР.¹²

Однако самым замечательным во всем этом было вопиющее противоречие самой идеи статически совершенного идеального рая и официальной доктрины о революционном происхождении советской государственности и ее устремленности к светлому будущему. Напрашивается вопрос: к чему еще стремиться, когда будущее уже здесь? Но именно это противоречие на практике составляло главную государственную тайну, и его нельзя было замечать под страхом смерти, причем не только при жизни Сталина, но и после, вплоть до

---

¹² Бродский, Слава (2004). Бредовый суп. СПб.: Изд-во Лимбус-Пресс.

самообрушения советского режима.

Среди множества исторических фантазмагорий нет ни одной, которая могла бы сравниться с той поистине неправдоподобной фантастикой, какая выпала на долю России при Сталине. Целой стране, ее многомиллионному народу было предписано не жить; вместо реального человеческого бытия происходило театрализованное представление, спектакль, фикция, видимость жизни – тщательно отрепетированная, продуманная до мельчайших деталей мистерия, в которой каждому отводилась своя роль. Это означало не что иное, как разрыв истории, ее выход из всеобщего времени в архаическое пространство. Такое вряд ли могло присниться Шекспиру или Данте. Все сделали участниками массового костюмированного карнавала: рабочие, крестьяне, скотоводы-кочевники, знатные доярки, сталевары, командармы, писатели и т.д. Мистерия охватила все стороны жизни: политику, экономику, искусство, быт. Достаточно посмотреть любой кинофильм того времени, чтобы в этом убедиться. Этот феноменальный спектакль поставил один человек, и все в нем в итоге к нему и сводилось. Его не называли официально богом, но именно это подразумевали. Сталин был воплотившимся богом. Он был здесь, был материален. Поэт Борис Слуцкий в известном стихотворении «Бог» прямо говорит о том, что Сталин подменил собой библейского Бога:

Все мы ходили под богом,
У бога под самым боком.
Он жил не в небесной дали.
Его иногда видали
Живого. На Мавзолее.
Он был умнее и злее
Того – иного, другого,
По имени Иегова,
Которого он низринул,
Сжег, перевел на уголь,
А после из печки вынул
И дал ему стол и угол.

Существовала только одна проблема, которая нарушала гармонию мироздания в идеальном государстве: воплотившийся бог был человеком – следовательно, он был смертен. Сталину трудно было примириться с тем, что существует нечто, над чем он не властен. При нем начались весьма серьезные исследования в области генной медицины, имевшие целью продление жизни человека и даже достижение бессмертия. На эти исследования были выделены колоссальные государственные средства. Для этого в 1932 году был образован ВИЭМ (Всесоюзный институт экспериментальной медицины), который курировал Горький, тоже увлеченный этой идеей. В его московском особняке чуть ли не еженедельно по вечерам собирались врачи этого института и разворачивали свои мысли о необыкновенных перспективах управления человеческим организмом. Сталин тоже часто приходил на эти вечера в особняке Горького. Когда же он, наконец, понял, что ничего не

получается, он приказал закрыть этот институт в 1944 году. Известно, что когда Пастернак во время знаменитого телефонного разговора предложил Сталину поговорить о «жизни и смерти», Сталин грубо оборвал разговор, бросив трубку. Сталин не изучал философию в Марбурге у профессора Германа Когена, и вопрос жизни и смерти носил для него в то время, в отличие от небожителя Пастернака, практический, а не абстрактно-философский характер.

Но где-то на задворках этого кошмарного карнавала продолжалась обыкновенная человеческая жизнь с ее каждодневными трудами и заботами. Она, эта жизнь, существовала параллельно, по инерции, сама по себе, почти не пересекаясь с фантазмагорией идеального государства, которое эту жизнь предпочитало не замечать. Ее как бы не было, ей было отказано в праве на историческое бытие. Время словно застыло, остановилось. Идеальное представление о мире официально утверждалось как единственно существующее, как более важное и более реальное, чем сам мир. Людям, по выражению Ахматовой, «подменили жизнь», заставили насильственно играть роли в фантастическом спектакле идеального государства, иными словами – проживать не свои жизни:

Меня, как реку,
Суровая эпоха повернула.
Мне подменили жизнь. В другое русло,
Мимо другого потекла она,
И я своих не знаю берегов.

Так она писала в 1940-е годы в одной из своих «Северных элегий». Это существование в двух параллельных мирах, о котором ВСЕ сказал Оруэлл в своей великой книге «1984», неизбежно влекло расщепление человеческого сознания, подавляло и уродовало личностное начало в человеке, искажало психику людей, и реакцией на него стала жуткая тишина, установившееся глухое молчание.

Мандельштаму предстояло взорвать эту тишину изнутри, громко и внятно артикулировать, договорить до предела то, о чем другие боялись и подумать, – сказать от лица всех умолкнувших, парализованных страхом, жестоко обманутых, ибо в это время было уже абсолютно ясно, что русская революция на практике принесла людям не освобождение, а новое порабощение. Мандельштам громко сказал правду и тем самым навсегда установил ДРУГОЙ взгляд на порядок вещей. Это стихотворение, это творческое усилие, этот «акт большой действенной силы», как сказал о нем сам поэт, в итоге стоил ему жизни.

В конце 1933 года он каким-то непостижимым образом все это почувствовал, предугадал, понял – и в своем знаменитом стихотворении наглядно представил уже начавшееся ритуальное действие, обнажив всю нехитрую структуру «божественных» отношений и иерархию частей, их составляющих:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,

А где хватит на полразговорца,
 Там припомнят кремлевского горца.
 Его толстые пальцы, как черви, жирны,
 И слова, как пудовые гири, верны,
 Тараканьи смеются глазища
 И сияют его голенища.
 А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
 Он играет услугами полулюдей.
 Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
 Он один лишь бабачит и тычет.
 Как подкову, дарит за указом указ –
 Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
 Что ни казнь у него – то малина
 И широкая грудь осетина.

Так пишет Мандельштам в своей антисталинской сатире, или, как ее еще называют, – эпиграмме, или инвективе. Два года ранее, в 1931 году, он уже это «говорение за всех» предсказал:

Ты, могила,
 Не смей учить горбатого – молчи!
 Я говорю за всех с такою силой,
 Чтоб небо стало небом, чтобы губы
 Потрескались, как розовая глина.

Сталинская утопия идеального государства означала на практике не что иное, как разрыв истории, выход из всеобщего времени в пространство утопическое. В «Шуме времени» Мандельштам пишет: «Время – плоть деятельная, разрешающаяся в событие». Его антисталинская сатира и есть событие.

Исследователи, писавшие об этом стихотворении, совершенно справедливо подчеркивали его политическую составляющую. Но это еще и героическое стихотворение, автор которого проявляет бесстрашие и силу перед лицом невиданной ранее опасности – опасности тоталитаризма. Мандельштам не был героической натурой в том смысле, в каком ею являлся его друг Николай Степанович Гумилев, который писал *героические стихи*. Поэзии Мандельштама был чужд свойственный поэзии Гумилева романтический пафос героического самопроявления перед лицом опасности – будь то воинская доблесть или бесстрашие путешественника. Если Гумилеву для поддержания образа приходилось делать усилие – искать геройства, отправляясь на войну или в путешествие, то Мандельштаму, чтобы написать героическое стихотворение, не нужно было куда ехать. Опасность была рядом, опасность была повсюду. В этом смысле антисталинскую сатиру Мандельштама можно рассматривать как верность памяти расстрелянного большевиками друга, о котором он никогда не переставал думать. 25 августа 1928 года он писал Ахматовой: «Знайте, что я обладаю способностью вести воображаемую беседу только с двумя людьми: с Николаем Степановичем и с Вами. Беседа с Колей не прервалась и никогда не прервется».

В этом героическом стихотворении-событии поэт далеко выходит за рамки условных границ жанра умеренной обличительной лирики в традиционной для России ситуации – противостояния поэта и власти. В самом деле, сатира Мандельштама – удивительный текст. Прежде всего, она в высшей степени неполиткорректна, выражаясь современным языком. Мандельштам – в духе пушкинских оскорбительных эпиграмм, имевших целью словесно уничтожить, крайне унижить своего оппонента, в том числе задеть и его национальное достоинство, – сразу переходит, как говорится, на личности. Никто из адресатов мандельштамовской эпиграммы не назван по имени, зато присутствуют совершенно неприемлемые и удивительные, с современной точки зрения, особенно в устах еврея, расистские выпады в адрес кавказцев и оскорбительные эпитеты: «кремлевский горец», «сброд тонкошеих вождей», «широкая грудь осегина». Уместно задаться вопросом: какова же была цель этого стихотворения, если она вообще была? Что побудило поэта бросить столь дерзкий, на грани литературного приличия, вызов лично Сталину, который вряд ли о нем что-либо слышал в то время? Что это было: призыв к милосердию, великодушию, пониманию или справедливости? Очевидно – нет. В прямолинейно-описательном стиле стихотворения отсутствует какой-либо скрытый смысл, ирония или иносказание. И тем не менее это не что иное, как стихотворение-удар, действие, своего рода призыв к уничтожению, вызов на смертельную дуэль, оскорбление, которое нельзя оставить без ответа. Подобного рода в высшей степени оскорбительное, за гранью светского приличия, письмо написал Пушкин приемному отцу Дантеса с целью вызвать последнего на смертельную дуэль – такое письмо, которое не оставляло бы даже малейшей возможности уклониться от дуэли. Известно, что во времена сталинского террора довольно распространенным было обвинение в подготовке покушения на Сталина и его окружение. Стихотворение Мандельштама, в сущности, было не чем иным, как прямым покушением на Сталина и его окружение.

Важно также подчеркнуть, что Мандельштам в своей эпиграмме вскрывает секрет сталинской тирании именно как узурпировавшей власть преступной группировки, устроенной по принципам воровской малины с жестоким паханом во главе, а не по принципу приверженности тем или иным политическим идеалам. Что это за «сброд тонкошеих вождей», «полулюдей», что «свистят, мячуют и хнычат»? И кто же такой, наконец, тот, который «бабачит и тычет» и у которого «что ни казнь – то малина»? Важно при этом отметить, что это не был *классический* антисоветский текст, из которого можно было сделать заключение, что его автор является ненавистником режима, в данном случае – советской власти как таковой – и придерживается каких-либо иных политических взглядов. Совсем нет: стихотворение Мандельштама направлено лично против Сталина и его окружения и вскрывает демоническую природу тоталитарной власти, как и всякой власти, основанной на насилии. Главный герой, как и

окружающие его «тонкошеие вожди», разумеется, не подозревают в себе никаких демонических свойств, а вот поэт отчетливо видит их подлинные сущности – именно как полулюдей, то есть, по сути, демонов с человеческими лицами. Кто же это, на самом деле, такой, кто «играет услугами полулюдей»? Без сомнения, это самый успешный в истории слуга сатаны в деле растления рода человеческого. И в битву против главного демона и его подручных – в битву

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей

безоглядно бросается поэт, оружие которого – всего лишь пара восьмистиший. Абсолютное с виду бессилие бросается в бой против абсолютной силы.

По взрывной мощи своего воздействия это стихотворение превосходит все, что поэт написал ранее. Мандельштам хорошо это понимал, находился в возбужденном состоянии и, разумеется, не был способен удержаться от того, чтобы не читать свою антисталинскую сатиру чуть ли не всем своим знакомым, проверяя на слушателях силу воздействия этого текста. По свидетельству жены поэта, Мандельштам был уверен, что если это стихотворение попадет на глаза Сталину, то его расстреляют. Однако он смело продолжает читать его многим.

Вот как вспоминает об этом друг поэта Б.С.Кузин, который был первым, кому Мандельштам прочел свое стихотворение: *«Однажды О.Э. прибежал ко мне один (без Н.Я.), в сильном возбуждении, но веселый. Я понял, что он написал что-то новое, чем было необходимо немедленно поделиться. Этим новым оказалось стихотворение о Сталине. Я был потрясен им, и этого не требовалось выражать словами. После паузы ошолобления я спросил О.Э., читал ли он это еще кому-нибудь. – “Никому. Вам первому. Ну, конечно, Наденьке...” Я в полном смысле умолял О.Э. обещать, что Н.Я. и я останемся единственными, кто знает об этих стихах. В ответ последовал очень веселый и довольный смех...»*¹³

Вот как отреагировал на услышанное Пастернак: *«То, что вы мне прочли, не имеет никакого отношения к литературе, поэзии. Это не литературный факт, но акт самоубийства, который я не одобряю и в котором не хочу принимать участия. Вы мне ничего не читали, я ничего не слышал, и прошу вас не читать их никому другому»*. Пастернак употребляет словосочетание «акт самоубийства» и указывает на внелитературный его контекст – иными словами, выход поэтического текста в ткань реальной жизни, за что может последовать наказание в виде расстрела.

Весьма существенная вещь – это то, что первой, мгновенной реакцией на услышанное и Кузина, и Пастернака, и, надо полагать, остальных лиц,

¹³ Кузин, Б. С. (1999). Воспоминания. Произведения. Переписка. В книге: Н. Я. Мандельштам, 192 письма к Б.С. Кузину, с. 176.

кому Мандельштам читал свое антисталинское стихотворение, было не только потрясение, но прежде всего – страх: страх за самого поэта, страх за самих себя. Все не на шутку испугались. И этот страх был вполне понятной, естественной реакцией, ибо в то время животный, непроходящий страх уже становился главным оружием тирании, парализующим любое сопротивление.¹⁴

Но Мандельштам совсем не испугался – напротив, он был очень доволен тем, что сочинил: он чувствовал, осознавал, что поэтическая сила, заложенная в его стихотворении, намного превосходит силу, которой он противостоял. И если слова «кремлевского горца» были всего лишь весомы: «как пудовые гири, верны», особенно на фоне мяукающих, свистящих и хныкающих «тонкошеих вождей», то слова поэта обладали куда более мощной, взрывной, поистине магической разрушительной силой. Кто-то должен был громко возгласить: «А король-то голый!» Возможно, это имел в виду Мандельштам, когда с возбуждением говорил Эмме Герштейн: «Это комсомольцы будут петь на улицах... В Большом театре... на съездах... со всех яруссов».¹⁵

Как не вспомнить здесь замечательный эпизод из «Случаев» Даниила Хармса – книги, которая писалась в те же 1930-е годы: «ПИСАТЕЛЬ: Я писатель! ЧИТАТЕЛЬ: А по-моему, ты говно! (Писатель стоит несколько минут, потрясенный этой новой идеей, и падает замертво.)» «Накладывая» этот случай на стихотворение Мандельштама, получаем: «СТАЛИН: Я генеральный секретарь ЦК ВКП(б)! МАНДЕЛЬШТАМ: А по-моему, ты говно! (Сталин стоит несколько минут, потрясенный этой новой идеей, и звонит Пастернаку, чтобы выяснить, кто такой Мандельштам.)»

Мандельштам совсем не боялся Сталина, откровенно назвал его в «Четвертой прозе» рябым чертом и вообще был не слишком высокого мнения о его способностях верховного правителя. В 1931 году он говорил отцу Эммы Герштейн о Сталине как о «...десятнике, который заставлял в Египте работать евреев». Поэт понимал, что Сталин – фигура мелкая, но

---

¹⁴ К чести Пастернака, следует засвидетельствовать, что в страшном 1937 году, когда газеты печатали бесконечные приветственные отклики советских писателей на процессы, он не испугался и наотрез отказался поставить свою подпись под расстрельным списком «гадин, предателей и шпионов». Беременная жена умоляла, бросалась в ноги, но поэт был неумолим... Сталин, конечно, знал об этом поступке Пастернака. В кровавом 1937-м это было куда серьезнее, чем тремя годами ранее, в относительно вегетарианское время, когда Пастернак намеренно отказывался отвечать на прямые вопросы Сталина о Мандельштаме, чем не на шутку рассердил тирана. Надо полагать, что где-то в таинственных глубинах души Сталина еще продолжал жить юный поэт Сосо Джугашвили, который не позволял ему поступать с большими поэтами подобно тому, как он поступал с командармами и членами политбюро.

¹⁵ Герштейн, Эмма (1998). Мемуары. СПб.: ИНАПРЕСС.

наделенная огромным демоническим даром абсолютного властителя. Сталина боялись все, а Мандельштам не боялся, хотя совсем не был таким последовательным антисталинистом, каким предстает в мемуарах его вдовы. Справедливости ради отметим, что отношение Мандельштама к Сталину, как и к режиму, который он персонифицировал, было весьма неоднозначным, весьма противоречивым и менялось на протяжении 1920 - 1930-х годов. Именно об этом были его бесконечные споры с Б.С.Кузиным. В этих спорах Мандельштам отстаивал неизбежную необходимость русской революции, видел в ней освобождающую энергию необычайной силы, вызвавшую к активной творческой жизни огромные массы людей, которые ранее такой возможности не имели. В отличие от своего оппонента, он настраивал себя на принятие советской действительности такой, какой она сложилась к тому времени. С другой стороны, он не мог не видеть очевидной реальности времени с арестами, публичными процессами, расстрелами, раскулачиванием и как результат последнего – голодом, который он своими глазами видел в Крыму. Об этом – его стихотворение «Холодная весна. Бесплодный, робкий Крым...».

Хорошо знавшая поэта филолог Л.Я.Гинзбург спустя годы, вспоминая об этом времени, говорила не только о Мандельштаме, но также и о себе самой, указывая на бесконечную смену умонастроений людей ее круга по отношению к советской действительности: «Мандельштам так и существовал в этой чересполосице несогласованных импульсов, исходящих из разных комплексов ценностей в их великой несогласуемости».¹⁶

Суммируя все вышесказанное, представляется, что его эпиграмма не может быть результатом эволюции взглядов поэта на личность Сталина, а скорее всего, явилась вспышкой внезапного поэтического озарения, или, говоря языком Платона, – поэтической мании. Мандельштам неожиданно для самого себя написал свое самое знаменитое, самое смелое во всей русской поэзии стихотворение – стихотворение, за которое стоило отдать жизнь. Точно так же, как Пушкин в злую минуту своей жизни решил написать самоубийственный вызов на дуэль, ибо считал, что семейная неприкосновенность и честь дворянина, за которым лукавый царь установил тайный надзор, стоят того, чтобы отдать за них жизнь.

Дальнейший ход событий всем хорошо известен: донос кого-то из лиц, кому поэт читал свою эпиграмму, арест Мандельштама в мае 1934 года, попытка вскрыть вены во внутренней тюрьме НКВД, ссылка в отдаленные места Южного Урала, в Чердынь, известное июньское письмо Бухарина Сталину, в котором Мандельштам назван «первоклассным поэтом», упоминается другая его попытка самоубийства (в Чердыни Мандельштам выбросился из окна больницы на третьем этаже), и далее: «Не знаю, чем

---

¹⁶ Гинзбург, Л.Я. (1988). И заодно с правопорядком... В книге: Тыняновский сборник, Третьи Тыняновские чтения. Рига, с. 222.

наблудил этот Мандельштам ... но Пастернак тоже волнуется».¹⁷

Где-то в середине июня 1934 года состоялся знаменитый телефонный разговор Пастернака со Сталиным, который Ахматова назвала «бесконечным фольклором». Галина Нейгауз писала: «Боря считал, что Сталин позвонил, чтобы проверить слова Бухарина, сказавшего ему, что Пастернак взволнован арестом Мандельштама».

Стихи о кремлевском горце были невероятно дерзкими, настолько дерзкими, что на них не могла не последовать высочайшая реакция. Она не могла не последовать уже в силу самой природы сталинского режима. Прочтя стихотворение, Сталин должен был застыть в недоумении: кто такой этот Мандельштам? почему он меня не боится? как ему удалось понять то, что не было дозволено понимать никому?¹⁸

Мы можем лишь гадать, что творилось в душе тирана. Но мы имеем непреложный факт: Сталин, невзирая на явно оскорбительное стихотворение, не захотел уничтожить его автора, а пожелал выяснить его поэтический статус, место в поэтической иерархии. Ведь Мандельштам в своем стихотворении не только вскрывает секрет сталинской тирании, но еще и смотрит на тирана сверху, как вышестоящий. Сталина это не могло не задеть. С ним редко кто так обходился. Его, как человека «серьезного и солидного», в данном случае интересовал, в сущности, только один вопрос – вопрос поручика Карамзина Гумилеву: «А в каких чинах Мандельштам, по-вашему, будет?»

Но у кого спросить? Гумилева уже давно не было в живых, и, пожалуй,

---

¹⁷ На этом письме Бухарина, извещавшего Сталина об аресте Мандельштама и взволнованности этим арестом Пастернака, Сталин написал своей рукой резолюцию: «Кто дал им право арестовать Мандельштама. Безобразие!», что позволяет высказать предположение о том, что, возможно, Сталин действительно узнал об аресте Мандельштама органами ОГПУ только из письма Бухарина, что представляется в высшей степени маловероятным. В противном случае это не что иное, как глумливая ирония.

¹⁸ «Кремлевский горец» – странное, неожиданное определение. В русском языке горец – по умолчанию – кавказский так же, как дож венецианский, бурлак волжский, а пуховый платок – оренбургский. «Горец» – словечко, скорее, старорежимное, не советское. В устах русского дореволюционного культурного человека – это не кто иной, как свирепый разбойник. Горцы – это дикие и коварные, по своим нравам, народы Кавказа, жившие разбоем, их высшей доблестью было выкрасть в соседнем ауле невесту во время свадьбы. Россия 40 лет воевала с горцами. Усмиренные войной горцы потом принадлежали к привилегированным кавалерийским формированиям русской императорской армии, выделяясь ярким национальным декором. Горцы выступали в цирке в качестве ловких наездников. Непременным украшением горца были свирепый вид, папаха и кинжал. Здесь следует уточнить, что в действительности Сталин не был горцем, а был ли он еще и осетином, – тоже вопрос; он был грузином. Конечно, применительно к грузину Сталину «горец» – некое умаление, не совсем точное условное обозначение – прием, которым нередко пользовались обэриуты и который они называли точной неточностью или правильным сдвигом.

только одна Ахматова на тот момент имела право и достоинство дать ясный и однозначный ответ на этот вопрос – присвоив Мандельштаму, «выражаясь военным языком», фельдмаршальское звание. Но Сталин обратился не к ней, а к Пастернаку, поскольку Бухарин своей припиской вовлек последнего в это дело.

Важно заметить, что во время телефонного разговора Сталин обращался к Пастернаку на «ты» – то есть буквально «тычил»; хотя, разумеется, этот глагол может иметь и другой смысл – действие в виде тыканья упомянутым в эпиграмме *толстым, жирным* пальцем.

Исследователи творчества Мандельштама указывают на различные причины столь исключительно мягкого, неожиданного и для самого поэта, наказания: это и игра в либерализацию в период подготовки к Первому съезду советских писателей, до открытия которого тогда оставался всего один месяц; и возможное незнание Сталиным текста сатиры, который ему никто так и не решился показать; и реакция на самоуправство ОГПУ, якобы арестовавшего поэта без его ведома, – вплоть до убежденности в том, что на самом деле стихотворение Сталину понравилось.

Мандельштам же особенно поразил факт телефонного звонка Сталина Пастернаку, о котором он узнал от самого Пастернака. В отличие от большинства комментаторов, Мандельштам не был склонен упрекать Пастернака в том, что тот затруднился ответить на вопрос Сталина – мастер ли он? Впоследствии Мандельштам прокомментировал эту заминку с ответом на прямой вопрос Сталина и попытку перевести разговор на другую тему следующим образом (со слов Н. Я. Мандельштам): «Он (Пастернак) совершенно прав, что дело не в мастерстве... Почему Сталин так боится “мастерства”? Это у него вроде суеверия. Думает, что мы можем напашанить... А стишки, верно, произвели впечатление, если он (Сталин) так раструбил про пересмотр...»¹⁹

Мандельштам теперь был уверен в том, что Сталин прочел его стихотворение, оказался способным понять и оценить его, почувствовать его магическую силу и потому – помиловать его автора, то есть совершить благородный, великодушный поступок, которого поэт от него не ожидал. Получив минимальное, по условиям времени, наказание – трехлетнюю высылку в Воронеж, а не ожидаемый расстрел, – Мандельштам не мог не чувствовать себя должником Сталина. Ему предстояло осмыслить произошедшее, понять, для чего ему была дана воронежская передышка, или *жизнь после расстрела*, и как ею распорядиться. Все его очень непростое, постоянно колеблющееся отношение к советской власти вновь претерпевает изменение. Теперь он настраивает себя на покаянный лад, на принятие советской действительности. Он справедливо полагал, что

---

¹⁹ Мандельштам, Надежда (1999). Воспоминания. М.: Согласие, с. 175.

помиловавший его Сталин, оказавшийся способным оценить его дар, оставил его жить в надежде получить от него другой текст – хвалебный, наполненный той же мощью и магической силой, что и стихотворение о горце. Очевидно, Сталин думал, что именно Мандельштам способен, как никто другой, написать такой текст – текст, который по поэтической силе можно было бы сопоставить с поэмой Маяковского о Ленине.

Таким произведением должна была стать хвалебная «Ода Сталину», которую Мандельштам пытается сочинить в Воронеже в январе-марте 1937 года. Трудно сказать, на что в действительности он рассчитывал. Надо полагать, по меньшей мере на вознаграждение в официальном гутенберговское пространство, то есть на возможность печатать свои тексты. К концу воронежской ссылки Мандельштам постоянно обращается к правлению Союза писателей, отсылает туда написанные в Воронеже стихи как свидетельство своей «перестройки» на лояльный по отношению к власти лад. Эта настойчивость поэта, желавшего быть полноправной частью современной ему литературной жизни, сделать известными свои новые стихи, была принята писательскими чиновниками в лице Павленко и Ставского за досадную назойливость и, возможно, сыграла роковую роль в его повторном аресте в 1938 году по прямому доносу самого правления Союза писателей.

С другой стороны, физическое, душевное и психическое состояние Мандельштама в воронежский период было очень тяжелым: он совсем не мог оставаться в одиночестве, его посещали тревожные мысли, на прогулку он выходил только с сопровождающим и, наверное не случайно, вскоре оказался в тамбовской санатории для нервных больных.²⁰

Образ Сталина в период сочинения «Оды» у него двоится, принимая подчас страшные, фантастические формы. Он говорил жене о Сталине: «Почему, когда я думаю о нем, передо мной всё головы, бугры голов. Что он делает с этими головами?» Обо всем этом он буквально кричит в стихах этого времени. Его посещают видения и кошмары в духе босховских живописных фантазий, а также мысли об ужасе прекращения человеческой истории. Конечно же, отсюда и чудовищные образы, и видения в «Стихах о неизвестном солдате»:

Для того ль должен череп развиться
 Во весь лоб – от виска до виска, –
 Чтоб его дорогие глазницы
 Не могли не вливаться в войска.

«Ода Сталину», сочинявшаяся в январе-марте 1937 года, писалась в то же время, что и «Стихи о неизвестном солдате», писалась очень тяжело и по-другому, нежели остальные воронежские стихи. Мандельштам

²⁰ Любопытно заметить, что это была в высшей степени особенная ссылка. Во-первых, Мандельштаму лобезно предложили выбрать место, и он выбрал Воронеж. Во-вторых, он дважды ездил из Воронежа в многодневные командировки; потом ездил в Тамбов и в Задонск.

записывал ее с карандашом и бумагой в руках, что причиняло ему еще физическую боль, так как сильно болела рука, поврежденная при чердынском прыжке из окна. Своим языком и образностью «Ода» Мандельштама отличалась от многочисленных казенных стихотворных славословий Сталина на всех языках, которыми была полна литература того времени, и, вне всякого сомнения, создавалась поэтом вполне искренне.²¹

В нашу задачу, в контексте заявленной темы, не входит анализ этого стихотворения. Отметим самое существенное: несмотря на несомненные литературные достоинства «Оды», признаваемые многими, в том числе И. А. Бродским, который считал ее шедевром в ряду других воронежских стихов Мандельштама, этот текст по своей мощи, по силе своего воздействия, не может идти в сравнение с антисталинской сатирой о «кремлевском горце», и если положить «Оду» на другую чашу весов, то стихов о горце она явно не перевешивает. Образ Сталина в стихотворении о горце куда монументальнее, рельефнее, чем в «Оде», которая, в сущности, – лишь продолжение его более ранней «Грифельной оды», то есть метафорическое описание процесса творчества.

Не сумев опубликовать «Оду», Мандельштам попытался вычеркнуть ее из своей биографии. Он уничтожил свой экземпляр и то же велел сделать другим. Его воля в этом случае не была исполнена. Предложение службы было отвергнуто. Сталин в мандельштамовской «Оде» – так же, как и ранее в эпиграмме – оставался не кем иным, как «кремлевским горцем», хотя знаки поменялись на противоположные. Ему, возможно, не понравилось назойливое привязывание его к горам, к Кавказу. Он явно не желал больше быть Джугашвили или горцем, так же как не желал быть двусмысленным «жнецом рукопожатий», который к тому же находится с опальным автором в подозрительно тесных личных отношениях:

И к нему, в его сердцевину,
Я без пропуска в Кремль вошел...

Это небезопасное для Мандельштама провоцирование особых личных отношений с верховным правителем, некоей интимности, которая могла возникнуть только потому, что он написал оскорбительное стихотворение про *горца*, а *горец* на него, весьма неожиданно для поэта, отреагировал. Предложение службы было отвергнуто уже хотя бы в силу очевидной неподконтрольности музы поэта, ее независимости от верховной власти, непредсказуемости его поведения. Да, в воронежский период Мандельштам пытался, по его собственному определению,

---

²¹ Мандельштам попробовал в Воронеже также писать стихи языком массовой советской поэзии в духе Щипачева или Лебедева-Кумача, такие как «Необходимо сердцу биться». Но у него это совсем плохо получалось, намного хуже, чем, скажем, у Заболоцкого или Ахматовой, стихи которых о Сталине были приняты, высочайше одобрены, опубликованы и тем самым частично облегчили участь их по-разному опальных авторов.

«большеветь», то есть становиться в покаянную позу, но получалось это у него, помимо желания, весьма дерзко, так, что его покаяния могли вызвать даже большее раздражение, чем сами грехи:

Да, я лежу в земле, губами шевеля,
Но то, что я скажу, заучит каждый школьник...

После такого зачина уже неважно, что дальше скажет поэт. То есть, что захочет, то и скажет!

Не будем дальше заниматься гаданиями, а обратимся к фактам. Сталин – безжалостный человекоубийца по своей природе – не убил Мандельштама сразу, а убил чуть позже, дав ему возможность написать «Воронежские тетради». В воронежский период Мандельштам находился в высшей точке своего поэтического дара, и этот период его творчества по продуктивности и мастерству можно сравнить лишь с Болдинской осенью Пушкина.

Мандельштам, в итоге, погиб. Он погиб за то, что в ноябре 1933 года написал антисталинскую эпиграмму: погиб как поэт, а не как борец с режимом. Удивительно отметить, что он был вновь арестован и осужден на пять лет лагерей в 1938 году не по инициативе НКВД, а по прямому доносу от правления Союза писателей – случай, абсолютно беспрецедентный.

Его трагедия, в античном смысле этого слова, была predetermined простым и очевидным фактом – в ситуации жизни после конца истории никакой вакансии поэта не было и быть не могло, ибо сам факт существования непредсказуемого, мыслящего поэта был очевидной угрозой для безмятежной идиллии сталинского идеального государства.

Случай Пастернака был не менее трагичным, но другим. В 1936 году Ахматова написала стихотворение «Поэт», посвященное Пастернаку. Там были такие строки:

...За то, что дым сравнил с Лаокооном,
Кладбищенский воспел чертополох,
За то, что мир наполнил новым звоном
В пространстве новом отраженных строф –
Он награжден каким-то вечным детством,
Той щедростью и зоркостью светил,
И вся земля была его наследством,
А он ее со всеми разделил.

Эта наделенность «вечным детством», что так точно выразила Ахматова, делала Пастернака неуязвимым перед вызовами времени, делала невозможной его капитуляцию перед внешней ложью и злом, какие бы тотальные масштабы оно ни принимало. Пастернак хорошо понимал, что в дни пятилетки «вакансия поэта опасна, если не пуста». А коль так, то оставалась еще сама жизнь с ее вечными, во все времена равными дарами: чудом природы, чудом творчества, чудом любви, чудом семьи, чудом дружбы и т.д. И блажен тот, кто наделен счастьем все это по-детски снова и снова интенсивно переживать.

У Мандельштама на жизнь как таковую времени совсем не оставалось, была только поэзия, только стихи. Поэтому ему были так неприятны слова Пастернака о квартире как об условии творчества. Заметим, что квартира как условие творчества была совершенно необходима большинству поэтов, причем поэтов самых значительных и самых бесспорных, включая Пушкина. Случай же Мандельштама, как мы попытались показать, был особый, совсем особый. Не приходится сомневаться в том, что антисталинское стихотворение сыграло решающую роль в прижизненной судьбе поэта, а также и в дальнейшем – в его посмертной славе, однако мы далеки от мысли, что главной заслугой Мандельштама – поэта было обличение сталинизма.

Подведем некоторые итоги. Оба величайших поэта – современника, Пастернак и Мандельштам, всерьез старались быть созвучными эпохе, найти свое место в структуре государства, невзирая на всю чудовищность форм, которые это государство принимало. Оба попытались вступить в диалог с верховной властью. Отрадно сознавать, что в обоих случаях эти попытки не увенчались успехом по той простой причине, что цельность поэтического взгляда на порядок вещей неизменно разрушает ложь – даже тогда, когда поэт, как человек, способен совершить ошибку. Сама поэзия ему этого не позволяет, ибо такова ее сущностная природа, в которой Платон прозревал главную угрозу государственному благополучию.

Почему все вышесказанное представляется важным и актуальным сегодня? Потому, что сталинизм еще жив; потому, что Россия все еще остается на распутье; потому, что путь от самообмана к действительности не так гладок, как многим казалось еще где-то в начале 1990-х; потому, что чаша весов все еще колеблется и что криминальная группировка, узурпировавшая власть в современной России, делает все возможное для подмены реальности идеальным ее представлением, в духе панславянской расистской мифологии, – иными словами, возрождения фашизма или сталинизма. В этом смысле стихотворение Мандельштама, дерзко высмеявшее и обнажившее античеловеческую, демоническую природу воздвигнутой Сталиным системы, было и останется фундаментальной основой антисталинизма. По свидетельству Ольги Ивинской, последней спутницы жизни Пастернака, на его вопрос, что побудило Мандельштама написать это стихотворение, тот ответил, что более всего ненавидит фашизм во всех его проявлениях.²²

Иосиф Бродский в своем эссе «Меньше единицы» называл Мандельштама новым Орфеем – героем возвышенного древнегреческого мифа о поэте. Приведенный в «Метаморфозах» Овидия и «Георгиках» Вергилия, это миф о «чистом певце» и полубоге Орфее, которому замороженно внимали дикие звери, деревья и даже камни. Своим пением он покорял подземный мир, а значит и саму смерть, и мученически погиб,

-----

²² Ивинская, О. (1992). В плену времени: Годы с Борисом Пастернаком. М.: Либрис.

обезглавленный менадами. В эпитете «новый Орфей» заключен весь ужас времени, в которое поэту выпало жить, весь ужас сталинщины.

Скупой на похвалы в адрес живших в Советской России писателей и поэтов, Владимир Набоков говорил: «Когда я читаю стихи Мандельштама, написанные при мерзостном правлении этих скотов, я испытываю подобие беспомощного стыда за то, что я волен жить, думать, писать и говорить в свободной части мира... Вот те единственные минуты, в которые свобода становится горькой».

Аркадий Шпильский -

родился в 1949 году в Киеве. Еще подростком начал сочинять стихи. С 1963 года посещал киевский литературный клуб старшекласников «Джерело» («Родник»), закрытый в 1965 году партийными органами. В 1972 году окончил Киевский политехнический институт по специальности «теплофизика». Там же в 1980 году получил второе высшее образование по теории информации и прикладной статистике. Работал в Киеве и Ленинграде. В 1992 году эмигрировал в США, где специализировался в области биостатистики. Работал в научно-исследовательских институтах при Пенсильванском университете, в фармацевтической промышленности (*Pfizer, Sanofi, Novartis*). Пишет малую прозу, стихи, стихотворные переводы и пародии. Рассказы опубликованы в журналах «Слово/Word» и «Чайка» и альманахах «Егупец» (Киев) и «Страницы Миллбурнского клуба».

Гринн

- Ну-ка, голубчик, повернитесь-ка лицом к стене и дышите глубоко, - старичок в белом халате прижимается ухом к моей спине, его рука мелко подрагивает на моем плече. Так меня не слушали с раннего детства. Только тогда была старушка, а не старик, в Киеве, а не в Питере. И была она, доктор Баум, участковой, а этот - явно на замене.

- Вы что же, не доверяете медицинской технике? - в голове мусть, температура тридцать восемь и три, но я хорохорюсь, стыдно показывать слабость.

- Эх, дорогой мой, я же к вам не для блезира явился. Через трубочку и промахнуться можно. А так, раз уж партия нас мобилизовала - эпидемия, видите ли, у них, - то надо по совести. А вдруг пропущу маленький очажок? Вы ведь, поди, ученый, - старичок кивает на книжные стеллажи дядиного кабинета, - должны понимать. И вот, как ученый, скажите мне, пожалуйста, что вы думаете об ордене Октябрьской революции?

- По-моему, шикарный. А что?

- А вот мне кажется, недоработочка вышла. Посудите сами - изображена «Аврора», подающая сигнал к восстанию. Ну и что? Ведь это только сигнал! А где народ, штурмующий Зимний, где захват почты и телеграфа, вокзалов и мостов? Да и разве этим все закончилось? А гражданская война? Нет-нет, не возражайте. Что такое «Аврора»? Кусок железа, и героев не видно. Я бы лично поместил там Чапаева, на лихом коне, с шашкой наголо! Как вам?

- Да вроде по делу, - я незаметно щипаю себе ногу: нет, это не бред. Ничего себе неделька начинается: вчера, после двух дней с температурой сорок, приехал за мной дядя и отвез к себе в Гавань, вызвал врача, а он сумасшедший. Или провокатор? Нет, не похож. - Только, знаете, я бы не трогал существующий орден, а предложил бы новый, как раз к приближающейся шестидесятой годовщине Октября. И назвал бы его

орденом Чапаева.

- Прекрасно, голубчик! Вот что значит иметь дело с ученым человеком! Ну-с, а со здоровечком у вас того, не очень. Грипп, он, конечно, и есть грипп, куда ж от него денешься. Но, боюсь, вдобавок у вас еще и пневмония, впрочем, ма-а-а-ленькая такая, размером с гривенник. Я вам лекарства выпишу, пусть сестричка сбегает в аптеку, - он кивает на Аньку, мою кухню, она только что вернулась из школы. - Постельный режим, вставать только в туалет, чай с лимоном...

Анька провожает старичка, рыгочет, показывая пальцем у виска, и убегает в аптеку.

Как же так быстро все произошло? Ведь еще утром в пятницу уехал я на работу совершенно здоровым. Даже если и подцепил грипп на работе, в недрах нашего особого НИИ «Пионер», - где, когда? В лаборатории никто не чихал и не кашлял, да и встреч ни с кем не было, рылся в расчетах. Потом, после обеда, позвонил из местной командировки мой начлаб Витольд Владимирович, предложил встретиться в главном здании нашего «пентагона», в подсобке его приятеля, - конспирация, что ли, или лень было возвращаться на рабочее место? - и все покатилося.

- Слушай, ты только не расстраивайся, мы с Сергеем уже вволю насмеялись, твой бывший босс Фридланд Владлен Семенович накатал на тебя телегу, - Витольд протянул лист бумаги, - обвиняет тебя в плагиате, ха-ха, и у кого! У Петерса, нашего Раймонда Ивановича!

- Чушь какая-то: это же экспонат выставки молодых специалистов. Даже если бы он был соавтором, ему же за пятьдесят. И я ведь член Совета этих самых молодых, могли бы и мне передать, прохвосты.

- Да я случайно встретил председателя, он мне и вручил, говорит - весь Совет смеется.

- А мне вот не смешно. Ну да, внешне и издалека похоже на его скороварку, но в моей системе столько изюминок... Фрид - геолог-атомщик, он в этом не рубит, а Раймонда я к разработке не привлекал, он же химик.

- Ну вот, не откладывая, сейчас же сразу и напиши, хотя бы конспективно, тезисы - вдруг меня вызовут наверх, объясняться. А мы с Сережей пока срежемся в шахматы.

Я начал писать, но наследственная тяга к «орднунгу» всякий раз возвращала меня к истокам и хронологии, изложению по порядку, и воспоминания тормозили рутину. Вспомнилось, что первую систему такого типа я сконструировал еще на четвертом курсе, на кафедре, где подрабатывал на полставки лаборантом проблемной лаборатории. Написал по этой штуковине курсовую, которая, по словам патрона, тянула на дипломную. Потом, в первый год работы в «Пионере», возник заказ на подобную разработку - внедрялся новый радар с усовершенствованным генератором. Предполагалось отводить от него тепло громоздкой насосной системой. Была безнасосная времянка Раймонда, похожая на

мою курсовую, – система испарительно-конденсационного теплоотвода, термосифон. Я сразу заметил недостатки, да он и не отрицал, – мол, ты специалист, тебе и карты в руки, – и рассчитал свой вариант, отличавшийся стабильностью и большей эффективностью. Испытал с имитатором, получил кривую проводимости, опубликовал в информационном листке конструкцию и результаты. А потом проект заглох, началась эпоха «детанта», и так это все лежало в анабиозе до самой отставки Никсона. Мы тогда все были заняты фитильными трубками, боролись с технологами за качество, а сифонные системы не выглядели так эффектно, как «сверхпроводники». И когда возник новый проект, Фрид отмахнулся – мол, для единичной трубки слишком большая мощность, а с насосами пусть возьмется конструкторы. Я же настоял на сифонном варианте. Вскоре Фрийдланда уволили за пьянство. И пришлось мне пробивать свою систему в одиночку: нового начальника еще не назначили, а ретроградов, сторонников всем понятного насоса – как в «Жигулях», – в институте хватало. Вскоре у радарщиков произошел тихий переворот, и заводделом стал человек с редким набором ФИО – Сидоров Петр Иванович. Внешне неприметный и традиционный, как и его имя, Петр Иванович, выпускник физфака Ленинградского университета, идею схватил на лету и сразу же стал на мою сторону. Но когда дело дошло до согласования с электронщиками, те уперлись – надо было менять конструкцию генератора.

– Аркаш, дорогой, это же москвичи, суть монголы, ты киевлянин, должен понимать! – бушевал Сидоров, потомок новгородцев и ненавистник московского улуса. – Это ж надо так сделать резонаторы, понимаешь, – в виде трубочек с миллиметровыми отверстиями!

– Ну да, прогнать через них антифриз – это как протянуть верблюда через игольное ушко! Да и какие фильтры придется поставить, чтобы не дай бог эти трубочки не забились!

Начались наши поездки в Москву и долгие споры с электронщиками. Я выкладывал расчеты мощности насоса, упирая на вес и габариты, а также оценки теплопроводности, убеждая, что трубочки не имеют преимуществ. Сидоров страдал их ненадежностью конструкции – мол, при первых же испытаниях на вибрацию ваши трубочки начнут отлетать, и достаточно одной, чтобы весь ваш генератор, или, как говорит Райкин, дегенератор, накрылся известно чем – женщины, закройте уши!.. И уломали. Видимо, у них случилась какая-то авария, так как однажды они позвонили и дали добро, но, как всегда в таких случаях, потребовали денег и отсрочки на два месяца. Между тем конструкция по-прежнему предполагала насосную прокачку, а мы по-прежнему, как значилось в договоре, отвечали за внешнюю систему. Всего-то, что требовалось, – это к двум штуцерам добавить еще один, и тогда получался мой термосифонный вариант. Московский партнер Сидорова, Алексей Александрович Канониров, человек амбициозный, напоминавший своей хитровой улыбкой актера Плятта в молодости, в продвоенном фильме

«Мечта», апеллировал к пунктам договора. Я стоял на своем – самолетчики не примут, будет позор, да и вообще насосные системы не по профилю нашей лаборатории. Но трудно было отказать добрейшему Петру Ивановичу. «Пойми, – уговаривал он, – это временная уступка, ну типа Брестского мира, я тебе, как Ильич, говорю: сделаем шаг назад, а потом два шага вперед. Что? У него наоборот? Ну и хрен с ним. Этот монгол, Леша с пушечной фамилией, он думает, что из пушки по нам палит, а на самом деле он Иван Сусанин, как все они в улусе своем московском».

Конструкторы подсказали Сидорову, что в чердачном помещении нашего «пентагона» стоит насосная система, изготовленная смежниками для одного несостоявшегося проекта. Войдя в подсобку в компании Петра Ивановича, его ведущих инженеров и конструкторов, я сразу понял, с чем мы имеем дело: это был экспериментальный стенд, лабораторное приспособление – покрытая пылью пирамидальная арматура, на которой, как игрушки на елке, висели насос, радиатор, клапаны и фильтры, разные датчики и шланги. Начальник конструкторов что-то лепетал про возможные переделки, чтобы доставить это в Москву. Сидоров задумчиво молчал, а потом, приподняв брови, сказал: «Мужики, и вы эту раскоряку называете системой?! Да это... как это... типа... дневальный, тащи станок е**льный!»

...Два года быстро перемотались памятью, как пленка в руках киношника, а с тезисами для Витольда я застрял. Пока что вырисовывалась только его победа на шахматной доске. Я пообещал закончить в выходные дни и пошел на проходную. Вот она, родная охрана, суровые женщины, вооруженные и неприступные. Развяжите полотенца!.. Сдав пропуск и выйдя в чернильные сумерки, я впервые осознал, насколько депрессивно действуют на южанина северные широты: утром на работу – ночь, вечером с работы – ночь. А метро, как всегда, было битком...

В насосных системах я разбирался слабо. В институте нам читали курс гидравлики и гидродинамики, но лабораторные работы были убогими, на устаревшем оборудовании. Так что пришлось быстро вникать, но толку от этого было мало: все то, что мне нужно было для системы, в нашем радиоминистерстве не изготавливалось. Я испытал «станок». Насос, вроде, был в порядке, все остальное надо было рассчитать и, главное, достать. А отдел комплектации разводил руками: все эти детали изготавливал авиапром, министерство заказчика. Сидоров забил тревогу и вышел через своего босса на замдиректора по общим вопросам. Зам был человек простой, в прошлом – инспектор лагерей, действовал привычными методами: вызвав к себе на ковер тишайшего Шапиро, он размахивал кулаками перед его очками, умножающими и без того тысячетлетнюю скорбь в глазах снабженца, и орал:

– Особый заказ! Ты понимаешь?! На контроле вэ-пэ-ка! Родина в

опасности! Нас всех нах** разгонят, если не выполним в срок! Учти – я тебе сегодня яйца намотал, завтра буду рвать!..

– Идиот! – со злостью прошептал Сидоров, когда мы вышли из кабинета. – Иначе он с людьми не умеет... Но что же делать?

– Я попробую по своим каналам, через самолетчиков.

Сидоров только хмыкнул. Понял ли он, что я решился попросить о помощи отца? Знал ли, что отец – представитель заказчика в соседнем СКБ? Ведь не мог он не поинтересоваться, как я с «пятым пунктом» оказался в оборонном НИИ. Впервые после поступления на работу я собирался воспользоваться семейными связями. Отец никогда не предупреждал меня, это правило действовало по умолчанию: ничего по благу. «У нас в роду – дефектный ген, – грустно шутил он, – мы всё умеем делать только в белых манишках и белых перчатках». В сущности, дело было пустяковое и без личных выгод: главный снабженец в КБ, где работал отец, был его давним приятелем, и дюжина железок – капля в море – ушла из Киева в Питер незамеченной. Попав к смежникам, посылка перекочевала к Сидорову, а от него – ко мне. Я крутил в руках вкусно пахнущие свежей краской детали – с детства я любил всякие приборы и приспособления – и думал о причудливости обстоятельств, затолкавших меня в этот дурацкий насосный проект. Месяц конструкторы корпели над чертежами, еще месяц ушел на изготовление в экспериментальном цехе. Наконец этот стокилограммовый мастодонт был испытан и переправлен в Москву, электронщикам. Теперь они могли начать испытания своего нового генератора. Впрочем, «нового» – только изнутри: мы были уверены, что окончательный вариант с тремя штуцерами, приспособленный под мою компактную систему, уже в разработке.

...Захваченный воспоминаниями, я проскочил свою остановку у Техноложки и вышел на Невском. Побрел в сторону Дома книги – грех было не заглянуть в любимый магазин, порыться в новинках. Дул сильный ветер, пронизывающий, как это бывает в Питере, до мозга костей. Я шел, размышляя о загадочном монстре, что идет за тобой по пятам, прячется в тени и вдруг бьет наотмашь по лицу, как вот этот ветер с залива, – эгоизм, предательство, подлость... А может, проникает втихаря, как вирус?.. С Фридом мы были очень близки. Все это время после его увольнения я не терял с ним связи. Его запои следовали один за другим, в перерывах же, отходя и восставая из пепла, он строил планы поступления на работу в другой «ящик», для чего требовались консультации с «гвардией», то есть со мной и Раймондом Ивановичем. Фрид был наполовину еврей, Раймонд – наполовину латыш, обо мне и говорить нечего, а в это время в ОВИРы стройными рядами шли новые поселенцы исторической родины. Так что все это было маниловщиной. Иногда Фрид забредал ко мне домой, вызывая переполох в семье жены, – я как-то откачивал его, кормил, выслушивал очередной пьяный бред и укладывал спать. И так продолжалось два года, пока он не «подшился». Как часто случалось после

такой операции, страх цирроза превратил его из алкоголика в параноика. Вернувшись на фирму стараниями бывших собутыльников, он начал плести интриги, чтобы вернуть себе потерянную должность начлаба. Но она была занята. Новый начлаб Витольд не был теплофизиком, но общих знаний у него было достаточно, чтобы войти в курс дела. Фрид потребовал от меня стать пятой колонной. Я был потрясен: как же так, разве Витольд виноват, что Фрида выгнали и место стало вакантным? Разве можно так запросто уничтожать человека? И вообще, идея «стучать», неважно на кого и зачем, вызывала у меня омерзение. В ответ на мой отказ, по-юношески патетический – служу делу, а не личностям, – он пригрозил, что будет везде, где возможно, атаковать меня. Мол, ты единственный теплофизик, определяешь техническую политику, раздолбать тебя – значит раздолбать все ваше кодро. На этом наши отношения прервались...

Сначала «отметилось» родное СКБ. Недавно назначенный партийно-комсомольской возгонкой молодой начальник Гончаров, шеф Сидорова, приказал ему готовить документацию для заказчиков на основе насосной системы. Электронщики тянут с модификацией прибора, в сроки мы не укладываемся, надо брать синицу в руки, а там посмотрим. Витольд и я пошли к начальнику отдела Ястребову. Легко возбудимый и прямолинейный, Даниил Николаевич завелся с пол-оборота – схватил трубку телефона и связался с Сидоровым:

– Что же вы, мужики, *уёвничаете, а? – кричал в трубку Даня-Ястреб, – Аркадий старался, поднял, понимаешь, весь Минавиапром на ноги, чтобы обеспечить ваши испытания, а вы ему с**те в карман?! Разве мы так договаривались? Получается, он сам себе яму выкопал?! А? Что? Как расшифровывается «эс-ка-бэ»? Петя, ты че – не знаешь? Специальное конструкторское бюро. Как ты сказал? Система коллективной безответственности? Ха-ха-ха!.. Ну ты жук!..

Вскоре Ястребов остыл – видимо, Сидоров обратился к его шефу, начальнику всех наших ученых, заму по науке Мигранову. Плотный и круглый, как колобок, весь какой-то пушистый, с мелким кустиком волос на носу, армянин по папе и еврей по маме, Григорий Михайлович, похоже, вобрал в себя все соки мудрости и хитрости обеих наций. Он знал меня лично – Фрид часто перепоручал мне получить его подпись, передавая потом его ворчание, что, мол, молодому инженеру надлежит за стрелками приборов следить, а не шастать по кабинетам. Как-то встретив меня в коридоре «пентагона», он поинтересовался:

– Ну как там наши сверхпроводники, термосифоны? В порядке? Молодец! Я вот думаю, откуда слово такое взялось. Помню, в паровозные времена команда была такая: «Закрой сифон, открой поддувало!» Не оттуда? Близко? Хорошо. Я что хотел сказать – заказчик тебя хвалит. Говорят, хорошую систему сварганил. Ну, ту, с насосом.

Знал ли Мигранов второй смысл паровозной команды: «Не мели чушь, говори по делу»? Как бы то ни было, намек был усвоен, так что когда

Даня-Ястреб попросил продолжать работу по плану СКБ, я уже не возмущался. Так громадный «станок» влез в документацию радара вместо миниатюрной и легкой современной системы. Вскоре до нас дошли слухи, что Фрид распространяет мнение о некомпетентности наших решений, о возврате к архаичным системам, об отсутствии перспектив и так далее. Впрочем, при первой же попытке продать это Сидорову тот выгнал Фрида из кабинета.

... В Доме книги я отогрелся, но новинок по специальности не нашел. Попался на глаза сборник американских статей по СВЧ-приборам – это стоило иметь, всегда неплохо быть в курсе дел электронщиков, а они известно откуда черпают. Я вышел из магазина и побрел вдоль Канала Грибоедова, мимо Спаса на Крови и Михайловского сада. Не помню, где срезал углы, выходя сперва на Мойку, потом на Фонтанку. Шел по наитию. Вспоминал. Ведь здесь недалеко жил Фрид. Вскоре после поступления на «Пионер» я познакомился с семьей Владлена, с его отцом Семеном Григорьевичем и младшей сестрой Татьяной. Выпускница герценовского филфака, некрасивая, полноватая, но симпатичная, она давно пребывала в статусе старой девы. А Владлен был разведен. В доме ощущалось коллективное одиночество и отсутствие детей. Не потому ли Семен Григорьевич как-то сразу принял меня как родного. «Эх, – однажды признался он с горечью, – ведь у Володи мог бы быть сын, такой, как вы». А может, он нашел во мне благодарного слушателя – я всегда любил слушать байки стариков, их повести о жизни. Тем более, что Фридланду-старшему было о чем рассказать. Оказалось, он был моим земляком, поступил на математическое отделение Киевского университета, по процентной норме, в самый канун революции. Его наставником был молодой приват-доцент Отто Юльевич Шмидт, тогда еще только математик. Именно по его доброму совету – отнюдь не научному, а житейскому – в самый разгар Гражданской войны еврейский юноша Сёма уехал из сотрясаемого погромами Киева в Петроград, где продолжил обучение, опять в университете, на математическом факультете. Его дипломная работа была посвящена одной из теорем Ферма, и, казалось, это и будет его главной работой. Но жизнь внесла коррективы: в середине 20-х, когда началась подготовка к первой пятилетке, он, среди многих других молодых ученых, был вызван к Орджоникидзе. Товарищ Серго предложил им переквалифицироваться, быстро овладеть инженерными навыками, чтобы двинуть вперед народное хозяйство. Так математик стал строителем, специалистом по бетону. Многие здания в Питере времен раннего репрессиианса были построены с его участием. Самое знаменитое из них – «Большой дом», ленинградское НКВД. Когда что-то там не заладилось, его срочно мобилизовали в качестве эксперта, и проблемы были решены. «По сей день для меня загадка, – грустно шутил Семен Григорьевич, сутулый и по-еврейски сублильный, – почему они меня не расстреляли». Когда мы познакомились, Фридланд-старший, уже пенсионер и хронический сердечник, безуспешно боролся с

плагиаторами из Института математики. Им он показал свои разработки по теореме Ферма, по наивности не застолбив свое авторство. Вспомнилось, как, увидев свою работу под чужими именами, Семен Григорьевич слег, и я бегал в аптеку за кислородными подушками. Владлен с отцом был холоден – там с детства был какой-то скелет в шкафу. Затаскивая меня к себе домой, он, вместо вопроса о здоровье, объявлял отцу: «Ты выглядишь хорошо, вот, для окончательной поправки привел к тебе Аркадия», а сам уходил на прогулку со своей овчаркой. Незадолго до увольнения Владлен, запутавшись в долгах, написал заявление в профком с просьбой выделить сто рублей на похороны отца. «И это при живом отце! – сокрушался наш общий приятель Володя Петренко, завлаб из компьютерного отдела, – гореть ему в аду!» Семен Григорьевич умер через год. Я был на его похоронах, а на поминках Фрид попросил меня быть чем-то вроде тамады: «Ты у нас златоуст, – сказал он с едва заметной ухмылкой, – женщины это любят...»

Вскоре в Москву на защиту проекта у Генерального Конструктора выехала группа ведущих разработчиков во главе с начальником СКБ Гончаровым. По его распоряжению в группу включили и меня. Ехали по броне нашего «Пионера», на «Красной стреле». Я оказался в одном купе с Сидоровым, у него, как всегда, «с собой было», и до глубокой ночи он рассказывал о своей жизни. Как мальчишкой чудом выжил в блокаду, когда умерли его родители. Как нашел его друг отца, пригред, усыновил. В семье была девочка, его одноклассница, она и стала потом его женой... Эх, хорош полночный русский разговор, под водку с закуской, под общепримирающий стук колес и темнеющую равнину за окном, бесконечную и снежную. Утром, уже в Москве, боевой дух вернулся к Петру Ивановичу. «Ха! – воскликнул он, увидев на перроне транспарант “Москвичи и гости столицы, превратим Москву в образцовый коммунистический город!” – И чего это я должен этим монголам чистить их улус?!»

На фирме Генерального я впервые встретился со своим партнером по разработке. Он ввел меня «в текущий момент», рассказал о новом «изделии» и о программе заседания. Оказалось, принимать нас будет сам заместитель Генерального по вооружению, Шнеерсон Яков Соломонович, его соратник с тех давних времен, когда все они трудились в шарашке, эсками. Их осталось несколько человек, и по традиции на пенсию их не отправляют. Вдруг нестати в памяти всплыл одесский хит 20-х годов «Ужасно шумно в доме Шнеерсона», который шутя напевал иногда мой отец. Наскоро перекусив в столовой КБ, мы собрались в полдень в обширном кабинете Шнеерсона. На длинном столе лежали чертежи нашего радара, а мы стояли у стола в две шеренги: в первой начальники, во второй ведущие. С противоположной стороны точно так же выстроились самолетчики. Я понял, что это по протоколу. А Шнеерсона все не было. «Старик запаздывает с обеда, – шепнул мне Сидоров, – кушает он дома, здесь близко, через дорогу». Наконец появился Шнеерсон – грузный, седовласый, с едва заметной перхотью на пиджаке. Старик сел к

столу, а мы все как-то вытянулись, как по команде. Гончаров сделал короткий доклад, а потом старик начал задавать вопросы по чертежам. Все шло гладко – похоже, старик был доволен, как вдруг он указал остро отточенным карандашом-кохином на большой прямоугольник и потребовал боковую проекцию.

- Это что еще за сундук? – спросил Шнеерсон, ткнув карандашом в прямоугольник.

- А... ну... это... типа станок *б., – с готовностью встрял было Петр Иванович и осекся, получив незаметно пинок от Гончарова.

- Яков Соломонович, это система термостабилизации, – подхватил Гончаров, – для генератора нашего передатчика, он больше киловатта тепла выделяет, ну мы это тепло насосом и отбираем.

- Ну, то есть как в автомобиле? Да? А вес какой? Что?! Около ста килограммов?! Да что вы себе думаете, товарищи? Мы что же, самолет строим, чтоб возить ваши сундуки?!

- Вообще-то у нас есть более эффективный вариант, – засуетился Гончаров, вытаскивая меня из второго ряда, – вот наш ведущий по теплу, Аркадий Борисович, старший инженер, все разъяснит.

- Да тут все просто, – начал я бодро, но с каким-то холодком между лопатками, – если отказаться от насоса и передавать тепло за счет кипения и конденсации, то нужен только теплообменник с наружным обдувом. Мы сделали макет и испытали на имитаторе. Теплообменник ненамного больше генератора.

- Если убрать этот сундук, сколько сэкономим в весе?

- По самым скромным прикидкам – раз в десять.

- Товарищи, так в чем же дело? – повернулся Шнеерсон к Гончарову и Сидорову.

- Нужен третий рог, – опять попытался подключиться Сидоров, – два по бокам уже есть.

- Дело в электронщиках, – снова включился я, – их конструкция предполагает насосную прокачку, вход – штуцер, выход – штуцер. Два. Для моей конструкции нужен третий, пароотводящий. Иначе придется разворачивать генератор боком, укреплять опоры, не говоря уже о неоптимальном расположении волноводов.

- Ну и ?..

- Яков Соломонович, – снова заговорил Гончаров, – наши партнеры, электронщики, тормозят, хотят постановление вэпэка под модификацию прибора. Они ведь из другого министерства.

- Что? Постановление Военно-промышленной комиссии? Для одного штуцера? Да они что, с ума сошли?! В общем, так, молодой человек, – он снова повернулся ко мне, – езжайте сейчас же к электронщикам, объясните им: мы таки сделаем им постановление – об исключении их из проекта! А

пока, – он снова повернулся к Гончарову, – ваш проект не утвержден.

Шнеерсон встал. Заседание закончилось. Гончаров кивнул Петру Ивановичу, и мы пошли на выход. Оказалось, Сидоров на всякий случай договорился о встрече с Канонировым, пропуска были уже заказаны. К трем часам мы были на Юго-Западе, а от метро до фирмы подъехали на такси. В вестибюле нас ожидал слесарь Абрамович. Ефим Давидович был лучшим специалистом в экспериментальном цехе Гончарова. Однажды я восхитился его почти ювелирной работой: сделал вручную, сверлышком, шлицы в заглушке, когда предназначенный для этого долбежный станок был на ремонте. С тех пор, пользуясь особым отношением начальства к моим работам, я регулярно выпрашивал слесаря для поездок в Москву, на всякий случай – а вдруг понадобится где-нибудь подковать блоху или просто гайку подкрутить. Абрамович был рад проветриться в столице, где он обычно посещал букинистические – его страстью были альбомы репродукций, особенно от итальянского издательства Ризцполи.

Канониров был зол, каким-то образом он узнал о заседании. Видимо, Гончаров звонил его директору.

– Жаловаться?! – шипел Канониров, как только мы вошли в его кабинет, – думаете, так чего-то добьетесь?!

– Леша, дорогой, ты только не кипятись, – отвечал Сидоров, – тебе надо всего-то ничего, решить один вопрос: где поставить третий рог – на приборе или себе на лоб.

– Что?! – взревел Канониров, – ты что себе позволяешь? Будь здоров, Иван Петров!

– Ошибаешься, я – Петр, а Иванов по батюшке.

– Один черт!

– Э нет, может, у вас в Монголии – один черт, а у нас в Питере всё по порядку.

Вдруг неожиданно вмешался Ефим Давидович:

– А почему это вы кричите на Петю? Петя добросовестный работник, коммунист, член партбюро нашего СКБ.

– А вы кто такой?! – закипел Канониров, – вы что здесь делаете?! Приехал, понимаешь, как там вас, слесарь... Абрамович!

– Извините, – встретя я, – где тут у вас туалет?

Мне дали сопровождающего охранника. Что-что, а режим секретности в этой конторе был на высоте. На стенах висели плакаты «Болтун – находка для шпиона» и «Будь бдителен!», а диски телефонов имели надписи по кругу «Не болтай лишнего!» Я вспомнил, что главный инженер похожего НИИ, лауреат и герой соцтруда, остался на Западе. И что – помогли им эти плакаты?.. Вернувшись, я застал уже деловую обстановку.

– Аркаш, слушай, Алексей Александрович перешлет чертежи.

Секретной почтой, конечно. Надо будет нашим помочь – нарисовать новую конструкцию охлаждающей рубашки. Сформулируешь техническое задание?

– Ну конечно, какой разговор! И напишем, и проследим за исполнением.

Больше делать было нечего, и мы решили возвращаться домой. На вокзале на «стрелы» и другие скорые поезда все, как обычно, было раскуплено. Выстояв очередь, чудом приобрели билеты на поезд, отходивший в десять вечера. Мы были голодны, в ресторане мест не было, и я уговорил всех подъехать на Арбат: при «Праге» был стоячий кафетерий, торговавший блюдами из ресторанной кухни, свежими и по разумной цене. Главное, можно было взять чистые стаканы для кофе и без опасений разлить водку. В вагоне, подозрительно полупустом, было холодно, но проводник успокоил, что скоро согреемся. Я не мог заснуть до самого Калинина, опять и опять вспоминая события прошедшего дня. Да и вагон все никак не нагревался. Проводника я застал в соседнем вагоне. Оказалось, в нашем, последнем, сгорел силовой кабель. Знали об этом еще до отправления. Я пошел в вагон начальника поезда и пригрозил, что остановлю поезд стоп-краном, если нас сейчас же не расселят по купе проводников. После недолгих препирательств начальник сдался, и я пошел к своим. К моему изумлению, они уже засыпали – в одежде, укрывшись пальто, одеялами и матрасами. «Ничего, – пробормотал Ефим Давидович, – мы по-простому, по-фронтному». Я растолкал их и погнал из холодильника.

...Получалось, что заболел я по пути от Дома книги домой, куда пришел уже с тяжелой головой. Только принял душ и сразу лег в постель. Наутро почувствовал, что не могу встать, голова раскалывалась, был жар. Грипп свалился на меня, похоже, вместе с лживым доносом. Вскоре, еле передвигаясь, в сопровождении дяди, я уехал на такси в Гавань. Там я пробыл три недели. В тот год грипп был страшный, иногда со смертельным исходом. Я медленно выкарабкивался. Витольд сразу же установил со мной контакт, и когда я начал поправляться, зашел проведать, благо жил неподалеку, а заодно напомнил про должок. Я начал писать «наш ответ Чемберлену». Сначала – об историческом прототипе, трубках Перкинса, изобретенных в Англии в прошлом столетии и применявшихся в хлебпекарнях. Потом – о паровом отоплении и, наконец, о разработках харьковского ученого Тиктина, с которым дружил мой патрон на кафедре. Именно он первым стал применять испарительное охлаждение в радиоэлектронике. Витольд подвез мне папку с иностранными публикациями, которые я переводил для кандидатского экзамена по английскому. Все говорило о том, что ничего нового в «кастрюле» Раймонда не было. Воровать мне у него было нечего. Зато в моей системе было несколько новинок, по одной из которых я подготовил заявку на изобретение. Патентное бюро передало ее на утверждение заму главного инженера Стружкину. Это был один из

собутыльников Фрида, поддержавших его возвращение на фирму. Цельный месяц заявка лежала в его столе без движения. Мы были хорошо знакомы, и я не постеснялся зайти к Стружкину минуя прямых начальников. Он отмахнулся – мол, руки не дошли. Витольд вписал в объяснительную, что моя заявка прошла контроль на патентную чистоту, но по непонятным причинам не была отправлена в Госкомитет. Записка ушла в Совет молодых специалистов, копия – главному инженеру нашего НИИ «Пионер».

Все это время, пока грипп терзал меня, то накручивая температуру, то вгоняя в пот, я был под наблюдением – впрочем, отдаленным – моей славной кузины Аньки. Ей строго-настрого было запрещено приближаться ко мне, но через коридор, на безопасном расстоянии, она развлекала меня мучившими ее вопросами – вроде, делать жизнь с кого. В ее семье все были технарями, дедушка – металлургом, лауреатом, отец – доцентом математики и талантливым изобретателем, так что, казалось, ей прямая дорога в какой-нибудь ЛИТМО или ЛИАП. Но ей была интересна заманчивая гуманитарная альтернатива, и она знала о моей несостоявшейся журналистской карьере. Воспоминания о собственном начале каждый человек хранит как драгоценность, а выкладывает сразу любому, кто заинтересуется.

Читать я научился в четыре года по букварю старшего брата. Он, недавно поступивший в первый класс школы, интуитивно нащупав идею «хочешь выучить предмет – научи ему кого-то», проверял свои упражнения на мне. Так что к моим семи я уже и писал. Поступив в школу, я вскоре написал балладу в подарок маме на ее день рождения. Все там было в порядке – и с размером, и с рифмами. Нарратив был взят из душераздирающего фильма «Звездный мальчик» по одноименной сказке Оскара Уайльда. Там богатый и эгоистичный мальчик, потеряв маму, не признал ее сразу в отвергнутой им старушке, но потом случилось чудо, сердце его оттаяло, и мама к нему вернулась. Из всего моего произведения, где я после многих лет отсутствия предстаю перед мамой, запомнилась только последняя строчка: «Просто Алик генерал». Но поэзия меня еще не увлекла – в мире начиналась научно-техническая революция, в космос запустили спутники, сначала пустой, потом с собаками. И я летал тоже – во сне. Подумаешь, скажут, все дети, как минимум все мальчишки, летают во сне. Да, конечно. Но мои полеты были особенные – я летал на самолетах собственной конструкции. Брат как раз начал изучать физику, работу и теплоту. Ну и я в его отсутствие таскал у него учебник и читал. Черепановы, Ползунов, паровые двигатели, Уатт там себе – с боку припека к нашим великим. В те времена, когда мы отдыхали на даче, мама и домработница Параска готовили на керогазе – кастрюлеподобной штуковине, заполненной керосином, пары которого сгорали в смесителе над фитилем, подсасывавшим топливо. И вот мне снился гигантский деревянный самолет, биплан, брат на нем – пилот, а я отвечаю за машинное отделение, где расположены десятки керогазов, они в гигантском котле греют воду, превращая ее в пар, а пар попадает по

трубам в цилиндры парового двигателя, там всякие колеса, шатуны, все как на пароходе, на котором мы плыли однажды в поселок Ходоров на Днестре, ну остальное как в учебнике, только движение передается не колесам, а винтам авиадвигателей. Брат у штурвала, а я бегу между рядами керогазов, как ткачиха-ударница Валентина Гаганова, и подливаю керосин. А что, летало. Во сне. Но кто бы мог подумать, что лет через двадцать я буду участвовать в работе над настоящим гигантским самолетом, металлическим. И без керогазов. А пока я решил заняться усовершенствованием того, что виделось во сне. С первой же идеей я обратился к отцу, но он беспощадно разгромил ее, так как усмотрел в ней перпетуум мобиле. Пошла черед моих изобретений, все они были вечными двигателями первого рода и отскакивали от папы, как шарики пинг-понга, любимой игры тех лет. И так это длилось долго, пока я не озадачил его вечным двигателем второго рода. Тут он слегка задумался, произнес загадочное слово «энтропия» и предложил продолжить образование, оставив на время изобретения в стороне. А в это время полным ходом шла хрущевская оттепель, с подмостков и арен звучали голоса поэтов и бардов, и я тоже начал сочинять. Ходил в студию «Родник» при Дворце пионеров, где добрый и отзывчивый студент-вечерник киевского филфака внимательно вычитывал наши опусы, организовывал встречи со знаменитыми писателями и поэтами, маститыми и молодыми. Я тогда же был редактором школьной стенгазеты и со своим другом-одноклассником Ником выпускал подпольный литературный журнал «Молодость». Мечтал о журналистской карьере и начал готовиться к поступлению на ленинградский филфак – киевский университет был «юден-фрай». Мой выбор не обрадовал родителей, но они все равно поддержали меня. А потом в Москве разогнали литобъединение СМОГ, известное своим политическим уклоном, и вскоре в других городах стали закрываться вполне невинные студии. И наш «Родник» тоже тихо придушили в подворотне. Я уже полгода учился в десятом классе, когда узнал из «голосов», что арестованы Синявский и Даниэль. «О чем же тебе дадут писать, – спросил меня друг отца, – о чугунах и стали на душу населения в стране?» Брат, приехавший на зимние каникулы, взял меня с собой на пирушку бывших его одноклассников. Были там физтеховцы, его одноклассники, и филфаковцы, местные и московские, все дружно вышивали, и закусывали, и дискутировали, и спорили, а я отметил про себя, что по уровню интеллекта лирики явно уступали физикам. Сразу после зимних каникул я переключился на подготовку в политех.

- Неужели ты никогда не жалел об этом? – с удивлением спросила Анька.

- Нет, не жалел. Конечно, техническое творчество у нас часто буксует, всем все по барабану, но я хоть иногда получаю удовольствие от головоломок...

Накануне выхода на работу я узнал от Витольда, заскочившего на огонек, о дальнейшей судьбе дела о плагиате. Совет молодых

специалистов передал мою записку Фриду, и он сдулся. Раймонд Иванович, несостоявшаяся жертва плагиата, тоже помалкивал и ходил как в воду опущенный. Честный человек, фронтовик, он оказался замешанным в грязной истории. Одновременно, по совпадению, у недавно назначенного нового главного инженера, отставного генерала и человека со стороны, состоялось заседание – по запросу Генерального Конструктора о нашем радаре. Был там и вопрос о термостабилизации передатчика. Витольд и Сидоров пожаловались, что медленно идет доработка моей системы, даже заявка на изобретение застряла у Стружкина. «Что еще за волокита? – грозно спросил главный у своего зама». В тот же день заявка ушла в Госкомитет. «Ты победил! – радостно закончил Витольд, – теперь он трижды подумает, прежде чем гадить». Витольд ушел, а я вспомнил о Нероне. Так звали овчарку Фрида, пса своенравного и шалопутного, как его хозяин. К изумлению домашних, он сразу принял меня за своего, давал выгуливать себя, любил играть в апорт. Участник наших с Фридом посиделок, он требовал внимания, положив урчащую морду мне на колени. Прощай, дружище Нерон!

Ночью приснилось нечто фантастическое. Снова, как в детстве, двадцать лет назад, я был на гигантском самолете. Но внутри все было иначе. В центре просторного салона стояла елка, вокруг которой в вихре немислимого танца кружились хоровод – в точности как в «Танце» Матисса, с третьего этажа «Эрмитажа». Только руки их не были сцеплены, каждый держал что-то свое: Фрид – листочки доноса, его отец – мастерок со свежим суперцементом, из которого строили «Большой дом», самолетчик Шнеерсон – мусорную корзину, наполненную чертежами нашего радара, наш замдиректора – гениталии, оторванные у снабженца Шапиро, а электронщик Канониров держался за штуцер, выросший, как рог, у него на лбу. Приглядевшись к елке, я понял, что это совсем не хвойное дерево, а та самая стальная тренога насосной системы, навсегда вошедшая в историю под названием «станок». Автор этого определения, Сидоров Петр Иванович, стоял рядом со мной и сокрушенно бормотал: «Монголы, монголы!.. Говорил я тебе, Аркаш, монголы... Все испортили... Господи, куда летим?..» А я замороженно смотрел на елку-станок, увенчанную причудливой звездой с Чапаевым в центре, на лихом коне, с пашкой наголо...

Я проснулся. За окном подвывал ветер с залива. Было темно и одиноко. Грипп отступил.

Ньютаун, 2019

Бен-Эф (Ёся Коган) – родился и всю жизнь прожил в Москве, пока в 1992 году не переехал в Штаты. По образованию математик, кончил мехмат МГУ и позже защитил кандидатскую диссертацию. Приехав в Нью-Йорк, читал вводные курсы лекций по статистике в Курантовском институте, потом работал в Чикагском и Иллинойском университетах, а затем – статистиком в фармацевтических компаниях. Участвовал в семи сборниках «Страницы Миллбурнского клуба».

Из-под маски

Фейсбучная страда

Фейсбучная страда – постов стада
нервических пастушек одиноких,
посты постящих и пасущих
из лайков, имиджей и месседжей
и прочих пасторальных мелочей:
лепешек-мыслей на луку,
где только что гуляло стадо, –
скажите, что еще вам надо? –
придумать все равно я не смогу
эклоги гуще
в пространстве виртуально сущем,
которого еще недавно не было,
а нынче есть,
несущем всякие нам небыли,
в которых не найти нам прибыли, –
а только лесть,
пастушкам пламенным в ответ
стада френдов,
мычащих вслед,
упрямых, бестолковых и безрогих –
их виртуальных пастухов,
давно забывших, что куда,
что в этом возрасте сенильном ерунда,
и смайлики расслабленные шлющих,
как все гиппопотамы, страшно злющих.

Короче говоря, идиллия сплошная:
буколика, эклога заварная,
что Бродский в прошлом веке возродил,
пусть до фейсбука антик не дожил,
бедняжка,
об этом даже вспомнить тяжко.

Хайтек-интим,
фейсбучно-пасторальный,
когда же ты последуешь за ним,
почти бесполой и печальный?

Ковчег

Ее качал он, как ребенка,
В той люльке – лодке уплывал,
Захлестывала волн гребенка,
Тонул в ней, дочку начинал.

Разгул стихий той ночью темной,
Где лодка эта – наш с тобою дом,
Девятый вал над головой огромный,
Уйдем на дно и вынырнем втроем.

Не бойся, ничего со мной не бойся,
Не надо карт, я знаю, куда плыть.
Святой водою – поцелуями умойся,
В ковчеге нашем девочке той быть!

Брошенный дом

Волною все смыло тревоги
В том давнем полудетском сне,
Он морем развел мои ноги
И дом свой устроил во мне.

И рыбкой я стала, и птичкой,
Концом и началом всего,
Вином его – не водичкой,
И хлебом молитвы его.

С меня его день начинался
И ночью кончался во сне.
Входил он в него, не стучался,
В свой дом, что устроил во мне.

Вдруг море мое заштормило,
Отливом сменился прилив.
И дом ему стал мой немилым,
Он бросил его, не закрыв.

Ушел он – и морем тревоги,
И горем гудят внутри...

И черные волны Магоги и Гоги
Гуляют с зари до зари.

Стихосумасшествие

Стихосумасшествие,
 Шизопоэм
 Самых безумных
 Полный гарем –
 С ними теряю свой разум,
 Хашем!

Бред полуночный,
 Темный, морочный,
 Ночью кромешной
 Тебе я шепчу
 (Только меня не тащи ты к врачу)

Стихосновидения
 Рифмованных строк
 Жизни ли, Смерти
 голодный паек.

Все,
 что безумное, – самое Умное,
 самое Чудное –
 все Неприлюдное.

Несовместимое соедини.
 Бред полуночный,
 Темный проточный,
 Эпсилон точный
 Горнею Грифельной
 Рифмой сродни.

